II-10.
Ф-154.

ОП

РЕПЕРТУАРЪ

и

ПАНТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ,

издаваемый *И. Песоцкимъ*, подъ редакціею *Ѳ. А. Кони.*

7963
7013

1846.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

ГОСУД... АКАДЕМ.
Ленин... Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 20 января 1847 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ.

1847.

II.

Редакторъ: Ѳ. А. Кони.

Издатель: И. Песоцкій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

№ 2.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

1. *Дипломатъ и Наборщикъ.* Комедія въ 1 дѣйствіи. Соч. *П. Фурмана* . . . . . 1.
2. *Еще комедія съ дядюшкой* или *водевиль съ племянниками*, въ 1 дѣйствіи; Соч. *П. И Григорьева 1.* . . . . . 33.

ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ.

I. ТВАРДОВСКІЙ: романъ Іосифа Игнатія *Крашевскаго*, взятый изъ польскихъ народныхъ преданій. *(Часть вторая).* Переводъ съ польскаго. *С. П. Побѣдоносцева* . . . . . 1.

II. ФИЛОСОФІЯ ИСКУССТВА. Театръ, разсматриваемый, какъ нравственное учрежденіе. Статья *Шиллера* . . . . . 75.

III. БІОГРАФІИ. Байронъ. Статья *Вильменя* . . . . . 84.

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.
1. Къ**..... *Н. П. Грекова* . . . . . 109.
2. Изъ Томаса Мура:
a.—Мелодія.
b.—Рожденіе арфы. } —*П. К.* . . . . . 111.

V. ЮМОРИСТИКА. Масляница въ Петербургѣ:
1. Вотъ что-съ.
2. Встрѣча двухъ помѣщиковъ. Соч. *Ивана Ѳомича, сына Вилочки.* 113.

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.
1. Еще драматическая фантазія, вмѣсто предисловія . . . . 1.
2. АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ. Критическій разборъ бенефиса г-жи *Самойловой 2-й* . . . . . 14.
a. *Нашествіе иноплеменныхъ*, или *уѣздный наѣздъ.* Оригинальная комедія.
b. *Карлъ V въ Нидерландахъ.* Драма, передѣланная съ англійскаго, *П. Г. Ободовскимъ.*
c. *Отставной солдатъ* или *чужое добро въ прокъ нейдетъ.* Народный, русскій водевиль, въ 1 дѣйствіи, соч. П. Г.
3. БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ. *Талисманъ.* Фантастическій балетъ, въ 2 дѣйствіяхъ и четырехъ картинахъ. Соч. балетмейстера *Титюса.* 28.
Статьи *Ѳ. А. Кони.*

VII. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСРТАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.
1. Франція: «Не прикасайтесь къ королевѣ!»—*Скриба* и *Буасло;* «Мадмуазель Наваръ»—*Ипполита Люка;*—«Три короля и три дамы»—*Леона Гозлана;*—«Мастеръ Жанъ, или комедія при дворѣ»—*Скриба и Дюпеня;* «Годъ въ Парижѣ»—г-жи *Ансло.* 35.

2. КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ:
Италія.—Актеръ Модена и его труппа . . . . . 43.
Германія.—Театръ въ Гамбургѣ. *М. К.* . . . . . 51.

VIII. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ:
1. Сигналы музыкальные.
2. Сигналы художественные.
3. Сигналы литературные . . . . . 56.

IX. СМѢСЬ.
Открытіе театра въ Архангельскѣ.—Авторъ «Робинсона Крузо» *у позорнаго столба.—Новѣйшій способъ жениться посредствомъ дагерротипа.—Потеря кстати. — Канва для новаго романа.— Опера подъ зонтиками.—Зачѣмъ иногда умираютъ въ Америкѣ.— Ирландецъ.—Наполеонъ и сапожникъ.—Кухонный регламентъ Генриха VIII.—Историческая скрыпка.—Преставленіе свѣта въ 1846 году.—Годовщина Мольера.—Открытіе театра А. Дюма.—Корсиканскій разбойникъ* 61
Афоризмы и выдержки изъ статей *Ех*—драматурга. *Ѳ. К.*
Закулисныя тайны —

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ДИПЛОМАТЪ И НАБОРЩИКЪ,

или

СЪ БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

СОЧ. П. ФУРМАНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графъ де Морпа, президентъ совѣта при Людовикѣ XVI . . . . . *Г. Каратыгинъ 1.*
Герцогъ фонъ Бригенъ, посланникъ австрійскій . *Г. Смирновъ 1.*
Колишъ, наборщикъ въ типографіи. . . . . *Г. Самойловъ.*
Г-жа Жиро, содержательница гостинницы въ Версальи. . . . . *Г-жа Громова.*
Маріанна, дочь ея . . . . . *Г-жа Самойлова 2.*
Гриффе, начальникъ полицейской канцеляріи . *Г. Каратыгинъ 2.*
Министерскій чиновникъ . . . . . *Г. Сосновскій.*
Солдаты.

Дѣйствіе происходитъ въ царствованіе Людовика XVI, въ канцеляріи Г. де Морпа.

—

Театръ представляетъ залу въ канцеляріи; на задней декораціи двѣ двери; одна, находящаяся съ правой стороны, ведетъ въ прихожую, другая, съ лѣвой, въ прочія залы канцеляріи и въ покои версальскаго дворца; на первомъ планѣ, съ правой стороны, столъ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

Г. де морпа (*выходитъ съ бумагою изъ кабинета и садится у стола.*)

Я очень доволенъ своею эпиграммой... Ей позавидовали бы Бомарше и Ривароль.... Но за то я просидѣлъ за нею цѣлое утро... А утро графа де Морпа, президента совѣта, не маловажное дѣло!... Право, мнѣ жаль, что король воротилъ меня изъ изгнанія... Государственному человѣку некогда быть поэтомъ... да и неловко!... Но всего непріятнѣе, что я долженъ втайнѣ дѣйствовать противъ королевы, прекраснѣйшей, добродѣтельнѣйшей женщины всего королевства!... Жаль, что она употребляетъ вліяніе, которое имѣетъ надъ мужемъ, въ пользу брата своего Іосифа II,... жаль, очень жаль!...

министерскій чиновникъ. (*входитъ*) Его свѣтлость, герцогъ фонъ Бригенъ!

г. де морпа, (*вставая*). Австрійскій посланникъ!... Проси, проси... (*министерскій чиновникъ уходитъ*) Какая скука!... Нѣтъ еще двѣнадцати часовъ... а принимайся за политику!... Не легко обманывать съ утра... особенно на тощахъ!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Герцогъ, Г. де Морпа.

г. де морпа, (*идя на встрѣчу герцогу*). Ваша свѣтлость!...

герцогъ, (*поклонившись*). Получили ли вы, г. президентъ, мою вчерашнюю записку?

Г. ДЕ МОРПА. Получилъ и не могу еще опомниться отъ изумленія... Не ужели, въ самомъ дѣлѣ, вышла такая дерзкая брошюра?

ГЕРЦОГЪ, (*вынимая брошюрку изъ кармана*). Вотъ она! Я не показывалъ ее еще королевѣ, изъ уваженія къ вамъ и чтобы дать вашему сіятельству время отыскать виновнаго или, лучше сказать, преступника!... Посмотрите сами... Вотъ та страница, на которой неизвѣстный памфлетистъ говоритъ, что выгоды Франціи требуютъ разрыва съ Австріею.

Г. ДЕ МОРПА. Да, да!... Тутъ это не только сказано, но и доказано... Какая дерзость!..

ГЕРЦОГЪ. Но этого мало! Со всѣхъ сторонъ сыплются на меня эпиграммы... Меня хотятъ выставить какимъ-то глупцомъ..

Г. ДЕ МОРПА. Успокойтесь... Французамъ надо вѣрить только вполовину.

ГЕРЦОГЪ. Какъ вы изволили сказать?

Г. ДЕ МОРПА. (*съ нѣсколько ироническою вѣжливостью*). Я хотѣлъ сказать, что они хотятъ выставить васъ человѣкомъ *важнымъ*, но не *глупцомъ*...

ГЕРЦОГЪ. (*въ сторону*) Чортъ бы его взялъ съ комплиментами, которые всегда похожи на ругательства! (*громко*) Какъ-бы то ни было, но такой памфлетистъ не можетъ остаться безнаказаннымъ... Знаете ли, ваше сіятельство, есть люди, которые..

Г. ДЕ МОРПА. Что такое?

ГЕРЦОГЪ. Есть люди, которые говорятъ будто бы...

Г. ДЕ МОРПА. Что?

ГЕРЦОГЪ. Будто вы сами это написали или приказали написать....

Г. ДЕ МОРПА. А!... такъ меня обвиняютъ?.. Не удивительно, у меня столько пріятелей...

ГЕРЦОГЪ. Кромѣ меня.

Г. ДЕ МОРПА. Нѣтъ, съ вами.

ГЕРЦОГЪ. Всего непріятнѣе, что, если эти предположенія дойдутъ до слуха ея величества, — мнѣ самому трудно будетъ защитить васъ... Вы знаете меня... у меня одинъ важный недостатокъ, именно: откровенность.

Г. ДЕ МОРПА. (*насмѣшливо*) Знаю, ваша свѣтлость, знаю.... а потому докажу вамъ, что и я не менѣе васъ подверженъ этому недостатку... (*звонитъ*) Эй, кто-нибудь!... (*министерскій*

чиновникъ входитъ) Позовите начальника полицейской канцеляріи... *(министерскій чиновникъ кланяется и уходитъ)*. Прошу васъ быть свидѣтелемъ моихъ распоряженій и донести о томъ ея величеству.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Герцогъ, г. де Морпа, Гриффе.

Гриффе. Что прикажете, ваше сіятельство?...

г. де морпа. А, Гриффе!... садитесь и пишите (*диктуетъ*). Узнавъ о выходѣ въ свѣтъ брошюры подъ заглавіемъ: «Австрійская политика...»

Гриффе (*всторону*). Ахъ, Боже мой!.... да вѣдь это его же сочиненіе, которое онъ заставилъ меня переписать и снести въ типографію....

г. де морпа (*диктуетъ*). «Мы, именемъ короля, назначаемъ десять тысячъ франковъ награжденія тому, кто откроетъ автора этой брошюры».

Гриффе (*съ живостію*). Ваше сіятельство.....

г. де морпа (*скоро*). Написали?

Гриффе, (*струсивъ*). Сейчасъ. *(всторону)* Что это значитъ?..

г. де морпа (*герцогу*). Довольны вы, ваша свѣтлость?..

Герцогъ. Мнѣ кажется, что сумма слишкомъ велика.....

г. де морпа. Чѣмъ ниже поступокъ, тѣмъ выше должна быть цѣна за него. (*Гриффе*) Написали? (*диктуетъ*) «Мы повелѣваемъ всѣмъ, имѣющимъ помянутую брошюру, сжечь или инымъ образомъ истребить ее. За неисполненіе сего будетъ строго взыскано.» — Не начать ли намъ истребленія съ вашего экземпляра, ваша свѣтлость?

Герцогъ. Нѣтъ, позвольте!.. я намѣренъ приберечь его на всякій случай...

г. де морпа (*диктуетъ*). «Кромѣ того повелѣваемъ, чтобы авторъ былъ немедленно заключенъ въ Бастилію!....»

Герцогъ. Въ Бастилію!... только?

г. де морпа, (*улыбаясь*). Развѣ этого мало?

ГЕРЦОГЪ. Разумѣется, мало.

Г. ДЕ МОРПА. По всему видно, что вы незнакомы съ Бастиліею....

ГЕРЦОГЪ. Все равно, все равно! прибавьте еще что-нибудь,.. хотя, напримѣръ, конфискацію имѣнія.... или, по крайней мѣрѣ, значительный штрафъ.....

Г. ДЕ МОРПА. Извольте!.... «Пусть виновный самъ заплатитъ 10,000 франковъ тому, кто откроетъ его имя.»

ГЕРЦОГЪ. Вотъ это хорошо!.. это.... это.... морально....

Г. ДЕ МОРПА. Слышали, Гриффе?

ГРИФФЕ. Слышалъ, ваше сіятельство; (*подаетъ ему бумагу*); вотъ и готово.

Г. ДЕ МОРПА. Покажите герцогу.

ГЕРЦОГЪ, (*разсматривая бумагу*). Прекрасно.... только велите покрупнѣе напечатать....

Г. ДЕ МОРПА. Отправьте въ королевскую типографію, Гриффе.

ГРИФФЕ. Слушаю, ваше сіятельство.

ГЕРЦОГЪ. Да, литеры покрупнѣе.... почернѣе....

Г. ДЕ МОРПА. Будетъ исполнено.

ГЕРЦОГЪ. Пожалуйста, г. Гриффе, позаботьтесь.... главное, чтобы литеры были повиднѣе.

ГРИФФЕ. Слушаю, ваша свѣтлость.

Г. ДЕ МОРПА. Я самъ позабочусь объ этомъ.

ГЕРЦОГЪ. О, вы напрасно безпокоитесь....

Г. ДЕ МОРПА (*насмѣшливо*). Помилуйте, что за безпокойство.... чтобы угодить вашей свѣтлости, я самъ готовъ сдѣлаться наборщикомъ.... даже печатникомъ.... или, знаете что? Не угодно ли вамъ самимъ будетъ выбрать форматъ бумаги и литеры?... (*всторону*) Это придастъ болѣе цѣны моей брошюрѣ... Гриффе, прикажите позвать наборщика изъ королевской типографіи.... пусть онъ подождетъ насъ здѣсь. (*Гриффе, кланяясь, уходитъ*). Кажется, время выхода приближается....

ГЕРЦОГЪ (*смотритъ на часы*). Да, да, теперь мнѣ некогда.

Г. ДЕ МОРПА. Такъ черезъ полчаса мы опять сойдемся здѣсь.

Кланяются другъ другу; Герцогъ уходитъ налѣво.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Г. ДЕ МОРПА, *потомъ* ГРИФФЕ.

Г. ДЕ МОРПА, (*проводивъ герцога*). Виватъ!... я провелъ, проводилъ и спровадилъ его!....

ГРИФФЕ (*входитъ съ разстроеннымъ видомъ*). Ваше сіятельство!...

Г. ДЕ МОРПА. Что такое?... что съ вами?..

ГРИФФЕ. Что со мною?... и вы еще спрашиваете?.. Какъ же вы изволите обѣщать 10,000 франковъ награжденія тому, кто откроетъ автора вашего собственнаго сочиненія!...

Г. ДЕ МОРПА. Такъ что же?...

ГРАФФЕ. Развѣ вы забыли, ваше сіятельство, что за подобный же поступокъ вы были отрѣшены отъ должности при покойномъ королѣ.....

Г. ДЕ МОРПА. Да, за эпиграмму, написанную на Помпадуръ, и попавшуюся въ когти проклятому Ришльё. Но какъ теперь я намѣренъ услужить королю противъ его воли, я принялъ мѣры предосторожности, заставивъ васъ переписать мое сочиненіе и пославъ инкогнито переодѣтаго, къ наборщику, незнающему васъ....

ГРИФФЕ. И у котораго, вопреки строгому запрещенію, есть свой печатный станокъ.

Г. ДЕ МОРПА. Какъ онъ смѣетъ!... (*улыбаясь*) Впрочемъ, тѣмъ лучше.... это самое заставитъ его молчать.... Но мнѣ досадно, что въ параграфѣ пятомъ онъ пропустилъ самую острую замѣтку... Ахъ, кстати!.. вы взяли у него мою рукопись?

ГРИФФЕ. Еще бы!

Г. ДЕ МОРПА. Стало быть, намъ нечего опасаться. Но вы не отдали мнѣ моей черновой рукописи.

ГРИФФЕ (*всторону*). Ай, ай, ай!

Г. ДЕ МОРПА. Гдѣ она?.. принесите ее сейчасъ.

ГРИФФЕ. Неужели вы сомнѣваетесь во мнѣ, ваше сіятельство?

Г. ДЕ МОРПА. Нѣтъ.... но излишняя предосторожность не мѣшаетъ ни въ какомъ случаѣ. Принесите же рукопись.

ГРИФФЕ. Сейчасъ, ваше сіятельство, она со мною... (*всторону*) Бѣда, если онъ замѣтитъ, что недостаетъ одного листка; тогда я погибъ!...

г. де морпа. Что же?

гриффе. Вотъ она, ваше сіятельство. *(подаетъ ему нѣсколько листковъ)*.

г. де морпа. Вотъ такъ лучше... тутъ всѣ?... *(считаетъ)* одинъ, два, три, четыре, пять, шесть...

гриффе. *(всторону)* Ой, страшно! догадается!

г. де морпа. *(продолжая считать)* Семь, восемь,.. *(досчитываетъ про себя)*.

гриффе. *(всторону)* Уфъ! Отлегло!... Онъ не замѣтилъ, что я вложилъ листокъ, написанный моею рукою...

г. де морпа. *(прячетъ листки въ карманъ)* Всѣ!... Теперь мнѣ нечего болѣе опасаться. *(смотритъ на часы)* Пора явиться къ его величеству.

гриффе. Никакихъ приказаній не будетъ, ваше сіятельство?

г. де морпа. А что?

гриффе. Я бы желалъ отлучиться сегодня изъ канцеляріи; я жду свою невѣсту...

г. де морпа. Невѣсту!... вы женитесь, вы!... Кто же эта несчастная?...

гриффе. Вы всегда изволите шутить *(пріосанившись)*... Моя невѣста дочь извѣстнѣйшей содержательницы гостинницы въ Версальи... Ей 17 лѣтъ... она хороша собою, какъ амурчикъ...

г. де морпа. Молода и хороша? А! это другое дѣло.. познакомьте меня съ нею...

гриффе. *(всторону)* Ахъ, чортъ возьми!... проболтался! *(громко)* Какъ, ваше сіятельство, вы желаете...

г. де морпа. Разумѣется; какъ только она пріѣдетъ, вы должны мнѣ ее представить.

гриффе. И мать тоже?

г. де морпа. Мать можете и не представлять... Я желаю познакомиться только съ дочерью... и сдѣлать какой-нибудь подарокъ невѣстѣ преданнаго мнѣ человѣка. Такъ я буду ждать.

(Насмѣшливо смотря на Гриффе, уходитъ, въ дверь, налѣво).

ЯВЛЕНІЕ V.

Гриффе *(одинъ).*

Гм! Гм!... подарочекъ?... только съ дочерью?... Знаемъ мы васъ!... Терпѣть не могу его улыбки... такая ядовитая!... Ну, да ужъ я найду случай отплатить ему!... Онъ не довѣряетъ мнѣ... Ну, ладно, ладно! увидимъ... будетъ и на нашей улицѣ праздникъ... Пойдти узнать, пріѣхала ли мадамъ Жиро, моя будущая теща, изъ Парижа.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Колишъ, Гриффе.

колишъ. *(въ дверяхъ)* Пожалуйста, не безпокойтесь... не извольте безпокоиться... *(входитъ и, снявъ бумажный колпакъ, нѣсколько разъ кланяется двери).* Покорно васъ благодарю!... Извините, что обезпокоилъ!... Будьте знакомы!...

гриффе *(оглядывается)* Это что за человѣкъ?... Ахъ, это вѣрно наборщикъ... Кто ты, любезнѣйшій?

колишъ. *(продолжавшій кланяться двери, скоро оглядывается и кланяется Гриффе)* Мое почтеніе!

гриффе. Ты наборщикъ?

колишъ. Имѣю честь быть. *(надѣваетъ свою бумажную шапку).*

гриффе. А! хорошо, что ты пришелъ; погоди минутку. *(идетъ къ столу).*

колишъ. *(осматривается)* Ухъ, да какъ здѣсь великолѣпно!... Ну, братъ, Колишъ, это не то, что твоя каморка!... это настоящая азіятская роскошь!... А и въ самомъ дѣлѣ, гдѣ жъ ей и быть, азіятской-то роскоши, какъ не въ Версальи?... Тутъ ей и мѣсто!... А стѣны, стѣны..... золоченыя! Такъ и блестятъ... *(мигаетъ глазами)* глазамъ больно... и вѣдь все чистое золото... настоящее золото!... Я бы желалъ быть здѣсь какимъ нибудь важнымъ господиномъ только на сутки... ужъ обскоблилъ бы я эти стѣнки!...

ГРИФФЕ. Вотъ, любезнѣйшій, прокламація, которую надобно.. *(подходитъ къ Колишу, ударяетъ его по плечу и вдругъ отскакиваетъ въ сторону)* Ахъ, чортъ возьми!... Это онъ!..

КОЛИШЪ. Чего изволите?

ГРИФФЕ. Ничего, ничего! *(въ сторону)* Да, да... это тотъ самый наборщикъ, которому я отдавалъ брошюру... По какому случаю онъ здѣсь?... Ужъ не узналъ ли онъ?.. Впрочемъ, я былъ такъ переодѣтъ, что онъ меня не узнаетъ... Все равно, для большей безопасности, надо допросить его... *(громко)* Другъ мой...

КОЛИШЪ. Что прикажете?

ГРИФФЕ. Мнѣ кажется, что я тебя прежде не видалъ въ версальской типографій?

КОЛИШЪ. Нѣтъ, не видали.

ГРИФФЕ. Почему?

КОЛИШЪ. По весьма многимъ причинамъ.

ГРИФФЕ. А напримѣръ?

КОЛИШЪ. Во-первыхъ, потому что я только вчера поступилъ въ типографію; во вторыхъ..

ГРИФФЕ. Одной этой причины достаточно. У кого же ты прежде служилъ?

КОЛИШЪ. *(въ сторону)* Какой любопытный! *(громко съ важностію)* Я служилъ у одного очень умнаго человѣка... у самаго себя!

ГРИФФЕ. *(въ сторону)* Такъ и есть!.. Это онъ! *(громко)* Зачѣмъ же ты теперь не работаешъ у себя?

КОЛИШЪ. Зачѣмъ? *(въ сторону)* Ужасно любопытенъ!

ГРИФФЕ. Что?

КОЛИШЪ. Ничего.

ГРИФФЕ. Я спрашиваю, зачѣмъ ты теперь поступилъ въ королевскую типографію?

КОЛИШЪ. Зачѣмъ?... О! это цѣлый романъ!... Въ прошедшемъ году, я получилъ въ наслѣдство отъ своего дяди, одного изъ первыхъ парижскихъ типографщиковъ, мастерскую и чудесный станокъ со всѣмъ приборомъ. Но въ это же самое время со мной случилась бѣда...

ГРИФФЕ. Бѣда! Какая?

КОЛИШЪ. Я влюбился... Да! я узналъ чистую, непорочную любовь!.. Вы, я думаю, и не знавали никогда, что такое чи-

стая любовь?.. Мать предмета моей страсти отказала мнѣ напрямикъ... и за что отказала?.. о корыстолюбіе! за то, что у меня нѣтъ 5,000 франковъ!.. Неправдали, вѣдь это низко?.. Тогда я вскричалъ: «Колишъ!»

ГРИФФЕ. Какъ?

КОЛИШЪ (*громче*). Я вскричалъ: «Колишъ!»

ГРИФФЕ. Что это такое Колишъ?

КОЛИШЪ. Это имя... мое собственное имя... И такъ, я вскричалъ: «Колишъ!.. у тебя есть сердце и руки,.. такъ работай!..» Я поселился на чердакѣ, и давай работать... Надобно вамъ сказать, что какъ только пошла работа ко мнѣ, въ одно прекрасное утро, пожаловала полиція.

ГРИФФЕ. Полиція?

КОЛИШЪ. Да!.. Старшій коммиссаръ преважно выступилъ впередъ, да и спрашиваетъ:—«Ты печатаешь?»—Печатаю, говорю я...—«А какъ же ты смѣешь печатать, если у тебя нѣтъ того, что нужно.»—Есть, говорю, все, и показываю на станокъ. «Э, вздоръ! не это нужно, а позволеніе!»—Вотъ тебѣ на! я въ первый разъ въ жизни узналъ тогда, что для книгопечатанія нужно позволеніе... Но какъ у меня позволенія не было, то у меня все отобрали, да еще штрафъ взяли!.. Какое злоупотребленіе власти!.. Еслибъ я былъ король, такъ я пожаловалъ бы себя въ полицейместеры, чтобы искоренить подобныя злоупотребленія.

ГРИФФЕ. Такъ вотъ причина, заставившая тебя вступить въ королевскую типографію?

КОЛИШЪ. Именно... Я старшій метрантажъ.. Вы знаете, что такое метрантажъ?

ГРИФФЕ. Не знаю.

КОЛИШЪ, (*хладнокровно*). А я знаю. Спросите во всей типографіи, найдется ли еще такой наборщикъ, какъ Жанъ Колишъ?.. Оттого-то меня и прислали сюда...

ГРИФФЕ (*въ сторону*). Его опасаться нечего... Онъ не узналъ меня... я могу спокойно идти встрѣчать мою невѣсту и будущую тещу... (*громко*) Вотъ, другъ мой, прокламація, которую надобно напечатать... Разсчитай, какой величины можно употребить литеры и подожди здѣсь президента... онъ самъ желаетъ видѣть тебя... До свиданія.

колишъ (*кланяясь*). Вашъ покорный слуга! Очень радъ, что имѣлъ честь познакомиться съ вами...

(*Гриффе уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Колишъ, (*одинъ*).

Президентъ, президентъ желаетъ видѣть меня... я буду говорить съ президентомъ... гм!.. а чтожъ, будто я и не умѣю говорить съ такимъ лицомъ?.. Все равно, это очень лестно... Ахъ, чортъ возьми! совсѣмъ не лестно... Это, напротивъ, очень досадно... Вѣдь я хотѣлъ узнать, воротилась ли маламъ Жиро съ дочерью изъ Парижа.. Экая досада!.. Что же мнѣ теперь дѣлать?.. Уйдти?.. А президентъ?.. Остаться?.. А Маріанна?.. Какая досада, чортъ возьми!.. Я готовъ прибить себя! (*бьетъ себя въ голову и вдругъ останавливается*). Колишъ! что ты дѣлаешъ?.. Развѣ ты виноватъ?.. Ну, нечего дѣлать! прочитаемъ прокламацію... (*Смотритъ на бумагу*) Та, та, та! да рука-то знакомая... право знакомая... только не помню... (*читаетъ*) «узнавъ»... странно! какъ это гг. президенты все знаютъ?... «узнавъ о выходѣ...» (*читаетъ про себя*) та... та... «подъ заглавіемъ. — Австрійская политика.»—Ба, ба, ба! я самъ печаталъ эту книгу, недѣли полторы тому назадъ... у меня даже остался листокъ, написанный другою рукою... я спряталъ его... неравно спросятъ... Я было хотѣлъ снести его къ автору, да не зная ни имени, ни мѣста жительства, пораздумалъ... Посмотримъ, что же тутъ сказано (*читаетъ*) та... та... та... та... «10,000 франковъ награжденія тому, кто откроетъ автора,» — 10,000 франковъ!.. Какъ жаль, что я его не знаю... 10,000 только тому, кто откроетъ автора, а ему-то самому, автору, что?.. я думаю тысячь сто!.. Можетъ быть и меня не забыли, что-нибудь есть и на мою долю... посмотримъ (*читаетъ*) Та... та... та... «его въ Бастилію!..» Это что значитъ? (*протираетъ глаза*). Такъ точно... «въ Бастилію!..» Ай, ай, ай! не надо мнѣ никакой доли; не надо!..

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Мадамъ Жиро, Маріанна, Колишъ.

мадамъ жиро (*за кулисами*). Благодарю, благодарю... мы подождемъ г. Гриффé въ канцеляріи...

колишъ. Чей голосъ!.. (*Мадамъ Жиро входитъ съ Маріанной*) Мадамъ Жиро!.. Маріанна, вы здѣсь!.. у президента!.. Маріанна, что общаго между вами и здѣшней канцеляріей?

мадамъ жиро. Ахъ, здравствуйте, г. Колишъ!.. Еслибъ вы знали, какъ все перемѣнилось...

маріанна, (*вздыхая*). Ахъ, да!

колишъ. Вы вздыхаете Маріанна!.. Развѣ случилось какое-нибудь несчастіе съ вами?.. Ужъ не разлюбили ли вы меня?..

маріанна. Нѣтъ, я все еще люблю васъ, но...

мадамъ жиро. Она выходитъ за другаго.

колишъ. Что вы изволили сказать? Перестаньте шутить, мадамъ Жиро... я очень люблю шутки, но не всегда... Послѣдняя ваша шутка мнѣ не нравится.

маріанна. Ахъ! маменька не шутитъ.

колишъ. Неужели? Въ самомъ дѣлѣ, не шутитъ?.. Это не прилично!

мадамъ жиро. Что дѣлать! вѣдь вы сами написали намъ, что у васъ все отняли!..

колишъ. Но сердце мое осталось при мнѣ.

мадамъ жиро. Сердце!.. сердцемъ вы не заплатите 5,000 франковъ, которые я должна одному изъ здѣшнихъ чиновниковъ. Срокъ пришелъ... Я надѣялась, что заимодавецъ согласится отсрочить; не тутъ-то было! Онъ хочетъ продать мою гостинницу... А куда я тогда дѣнусь? не по міру же идти?

колишъ. Нѣтъ, по міру идти не годится. Да вашъ заимодавецъ, стало быть, тигръ! Неужто онъ не видалъ Маріанну?.. неужто красота ея не тронула его?

маріанна. Напротивъ...

колишъ. Какъ?

мадамъ жиро. Да, онъ видѣлъ ее и красота ея плѣнила его. Онъ прощаетъ мнѣ долгъ, если я отдамъ за него Маріанну.

колишъ. За него? Маріанну? (*всторону*) Какъ это низко!

мадамъ жиро. Я поѣхала въ Парижъ, въ надеждѣ набрать

эту сумму... была у всѣхъ знакомыхъ... и отъ всѣхъ получила...

колишъ. А! получили?

мадамъ жиро. Отказъ.

колишъ. Я бы на вашемъ мѣстѣ не взялъ ничего. О, друзья! я узнаю васъ... Друзья—наши первые враги!..

мадамъ жиро. И теперь я должна рѣшиться...

колишъ. Никогда и ни за что! Маріанна! ни на что не рѣшайся!

маріанна. О, Колишъ! какъ ты добръ.

мадамъ жиро. Ахъ, Боже мой! да кто дастъ вамъ 5,000 франковъ!

колишъ. *(Съ величайшимъ презрѣніемъ и негодованіемъ смотритъ на мадамъ Жиро, потомъ вдругъ перемѣняетъ выраженіе лица и отвѣчаетъ хладнокровно):*—Въ самомъ дѣлѣ, никто не дастъ!.. Что же дѣлать?.. О, счастливая мысль!.. Успокойтесь, я поймалъ счастливую мысль...

маріанна. Да намъ нужна не мысль, а 5,000 франковъ...

колишъ. Моя мысль стоитъ 10,000!.. да, 10,000 франковъ! Довольно, кажется, на первый случай?

маріанна. Неужели!

мадамъ жиро. 10,000 франковъ? Да гдѣ ты ихъ возьмешь? Украдешь, что ли, несчастный! Тебя посадятъ въ тюрьму!

колишъ (*всторону*). Но, сперва дадутъ, а потомъ посадятъ... въ Бастилію.

маріанна. Но какая же это мысль?

колишъ. Ты не выйдешъ за мужъ за тигра!

маріанна. Какъ же ты это сдѣлаешь?

колишъ. Ты не выйдешь ни за тигра, ни за волка... ты ни за кого не выйдешъ!

маріанна. Вотъ еще! и за тебя не выйду?

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Мадамъ Жиро, Колишъ, Гриффе и Маріанна.

гриффе. А! такъ и есть!.. Это вы, мадамъ Жиро, съ моей очаровательной невѣстой!

колишъ (*Скоро подходитъ къ Гриффе*). Его невѣстой!.. Онъ

сказалъ: *моей* очаровательной невѣстой!.. Какъ! такъ вотъ мой соперникъ?.. этотъ старый уродъ?.. Да посмотри же на меня!.. фи! родятся же такія рожи!

ГРИФФЕ. Дерзкій наборщикъ!

КОЛИШЪ. Позвольте! я еще и не такихъ словъ наберу. Скажите, почтеннѣйшій, неужели вы никогда не смотрѣлись въ зеркало?.. Вѣрно не смотрѣлись, иначе вы не смѣли бы показываться на свѣтъ Божій... Посмотритесь, сдѣлайте одолженіе, посмотритесь! (*беретъ его за руку*) я желаю вамъ добра, только потому и совѣтую посмотрѣться въ зеркало.

ГРИФФЕ, (*вырывая руку*). Негодяй!.. я тебя проучу!., (*въ это время входитъ г. де Морпа съ герцогомъ*) Стъ! ни слова!.. Мы послѣ раздѣлаемся!..

(*Отводитъ мадамъ Жиро и Маріанну въ сторону*).

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Колишъ, Герцогъ, Г. де Морпа, Гриффе, мадамъ Жиро и Маріанна.

Г. ДЕ МОРПА. Да, герцогъ, королева возвратится въ Тріанонъ... мы вмѣстѣ поѣдемъ встрѣчать ее.

ГЕРЦОГЪ. А прокламація?

Г. ДЕ МОРПА. Я займусь ею. (*Оглядывается*) А! Гриффе! (*замѣтивъ женщинъ*) А это кто?

ГРИФФЕ. Ваше сіятельство изволили приказать представить вамъ мою невѣсту...

Г. ДЕ МОРПА. Какъ! такъ это ваша невѣста?.. Да она прелестна... (*Маріаннѣ*) Погодите, моя милая, я послѣ поговорю съ вами... (*женщины уходятъ*) Гриффе, пришелъ ли наборщикъ?

КОЛИШЪ, (*выступая впередъ*). Онъ здѣсь...

Г. ДЕ МОРПА. А, это ты, пріятель. Объясни, пожалуйста, его свѣтлости...

КОЛИШЪ. Его свѣтлости?

Г. ДЕ МОРПА, (*показывая на герцога*). Объясни герцогу, какими литерами можно напечатать прокламацію.

КОЛИШЪ. Нé зачѣмъ.

Г. ДЕ МОРПА. Отчего?

КОЛИШЪ. Оттого, что я ее печатать не буду.

ВСѢ (*съ изумленіемъ*). Это что значитъ?

ГРИФФЕ. Дерзкій!

ГЕРЦОГЪ. Ты, кажется, забываешся!

КОЛИШЪ. Ни мало. Пожалуйте мнѣ 10,000 франковъ.

Г. ДЕ МОРПА. За что?

КОЛИШЪ. Въ прокламаціи сказано: «кто откроетъ автора брошюры, тотъ получитъ 10,000 франковъ награжденія.»

Г. ДЕ МОРПА (*съ безпокойствомъ*). Что же?

КОЛИШЪ. Я знаю его!

ВСѢ. Возможно ли!

ГЕРЦОГЪ (*съ живостію*). Гдѣ онъ?

КОЛИШЪ (*спокойно*). Здѣсь.

ВСѢ. Здѣсь!

Г. ДЕ МОРПА (*всторону*). Не измѣнилъ ли мнѣ Гриффе?

ГРИФФЕ (*всторону*). Ужъ не узналъ ли онъ меня?

(*Г. де Морпа говоритъ тихо Гриффе*).

ГЕРЦОГЪ. Объяви мнѣ имя виновнаго... и ты получишь награжденіе...

КОЛИШЪ. Сейчасъ, ваша свѣтлость, сейчасъ...

Г. ДЕ МОРПА (*тихо Гриффе*). 20,000 франковъ, чтобы онъ молчалъ.

ГРИФФЕ (*тихо Колишу*). Любезнѣйшій?

КОЛИШЪ. Молчи, не-любезнѣйшій.

ГРИФФЕ (*тихо*). Я тебѣ предлагаю...

КОЛИШЪ (*герцогу*). Ваша свѣтлость, ваше сіятельство... онъ хочетъ подкупить меня.

ГЕРЦОГЪ. (*Гриффе*). Что?

(*Знакомъ приказываетъ Гриффе отойти*).

ГРИФФЕ. Иду, иду, ваше сіятельство.

КОЛИШЪ. Вишь, подкупить хотѣлъ!

(*Гриффе уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Колишъ, Герцогъ, г. де Морпа.

г. де морпа. Ужъ не подосланъ ли этотъ человѣкъ моими врагами?

герцогъ (*Колишу*). Мы теперь одни; ты можешь говорить...

колишъ. Могу.

герцогъ. Такъ говори же!

Колишъ. Какъ бы не такъ!.. Подавайте-ка сперва награжденіе.

герцогъ. Получишь... даю тебѣ честное слово.

колишъ. Честное слово? Ну, хорошо, коли даете честное слово, такъ вѣрю; а когда деньги будутъ въ карманѣ, такъ открою и имя автора... А не то послѣ тамъ жди!.. (*таинственно*) Вы не знаете кого я назову... не подозрѣваете...

г. де морпа (*всторону*). Онъ все знаетъ...

герцогъ. Ваше сіятельство, будьте такъ добры, напишите ему записку для полученія обѣщанной награды...

г. де морпа (*всторону*). Отказаться нельзя... (*громко*) Съ удовольствіемъ, герцогъ... (*подходитъ къ столу и пишетъ*) Когда будетъ открытъ виновный, тогда ты можешь получить по этой запискѣ 10,000 франковъ.

колишъ. (*всторону*) Виновнаго не долго открыть.

герцогъ. (*беретъ записку у г. де Морпа и подаетъ ее Колишу*) Возьми! Доволенъ ли ты?..

колишъ. (*беретъ записку*) Совершенно доволенъ... (*въ сторону, разсматривая записку*) Ахъ, чортъ возьми! и эта рука мнѣ знакома...

герцогъ. Теперь говори: кто авторъ памфлета?

колишъ. Авторъ памфлета...

герцогъ. Говори же! Кто?

колишъ. (*медлитъ*).

герцогъ. Ты молчишь?

колишъ. (*съ важностію*) Я!.. (*всторону*) Сказано, теперь не воротишь!

герцогъ. (*съ изумленіемъ*) Ты!

колишъ. Я!

г. де морпа. (*слушавшій съ боязнію, хохочетъ*) Ха, ха, ха! Вотъ чего я не ожидалъ!

колишъ. (*всторону*) Ему смѣшно!.. Должно быть у него презлое сердце. (*громко*) Да, я! Жанъ Колишъ.

герцогъ. (*принужденно смѣется вмѣстѣ съ г. де Морпа*) Ха, ха, ха! Это уморительно!.. (*всторону, серьозно*) Я ничего не понимаю,

г. де морпа, (*герцогу*). Это новый способъ заработывать деньги: бѣдняка соблазнило награжденіе...

герцогъ, (*понявъ въ чемъ дѣло*). А, вотъ что! ха, ха, ха!

колишъ. (*всторону*) Да они оба, кажется, добрые ребята. (*громко*) Извините, ваше сіятельство... Я осмѣлюсь побезпокоить васъ... прикажите, пожалуйста, посадить меня поскорѣе... мнѣ очень нужны деньги.. ей Богу, очень нужны...

г. де морпа. (*герцогу*) Видите, просится въ Бастилію.. Нельзя, любезный: до-сихъ-поръ туда дураковъ не сажали.

герцогъ. Да, да... не можетъ быть, чтобы онъ...

г. де морпа. Я прогоню его.

герцогъ, (*удерживая его*). Постойте, постойте... Можетъ быть, онъ притворяется... Вѣдь бывали примѣры... Не худо бы порасспросить его..

г. де морпа. Извольте, извольте! (*садится, смѣясь*) Ха, ха, ха!

герцогъ. (*Колишу*) Такъ ты, любезный, писалъ эту брошюру!

колишъ. (*гордо*) Я!

герцогъ. За что же ты оскорбляешь такихъ особъ, которыя...

колишъ. Да развѣ я ихъ оскорбилъ?... Я напечаталъ ихъ отличнѣйшимъ шрифтомъ... самаго перваго разбору... Развѣ это оскорбленіе?

герцогъ. И ты готовъ подтвердить то, что сказано въ параграфѣ пятомъ?

колишъ. (*всторону*) Ай, ай! Въ пятомъ параграфѣ я пропустилъ нѣсколько строкъ! (*громко*). Готовъ подтвердить.

герцогъ. Слѣдовательно, по твоему, эти особы виноваты передъ Бельгійцами?

колишъ. И вмѣстѣ и каждый особо, кругомъ виноваты!

г. де морпа (*встаетъ, смѣясь громче прежняго*). Ха, ха, ха!

7013
ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская
БИБЛИОТЕКА
имени А. З. ЛУНАЧАРСКОГО

герцогъ (*также хохочетъ*) Ха, ха, ха! Нѣтъ, онъ не притворяется!

г. де морпа. (*Колишу*) Ну, ступай, любезный... убирайся скорѣе!

колишъ. Какъ, убирайся?... А Бастилія?

герцогъ. Ему хочется въ Бастилію!... Ступай, ступай, насъ не проведешь...

колишъ. Какъ?...

г. де морпа. Разумѣется!... Гдѣ тебѣ написать такой злой памфлетъ!

колишъ. Гдѣ мнѣ написать? Какая несправедливость! Графъ, позвольте вамъ доложить, что вы меня притѣсняете... Не я написалъ, такъ кто же? Ужъ не вы ли?

г. де морпа (*всторону*). Угадалъ!

колишъ. Нѣтъ, скажите, вы что-ли написали эту брошюру? Вотъ его свѣтлость сейчасъ говорилъ о пятомъ параграфѣ... Скажите же мнѣ, не пропущено ли въ немъ что-нибудь?.. Ну-те, скажите?... (*съ торжествующимъ видомъ*) А! то-то и есть... не знаете!

г. де морпа. (*съ изумленіемъ, всторону*) Это что значитъ?

герцогъ, (*наблюдая за г. де Морпа*). Президентъ смутился. (*громко Колишу*). Что же тамъ пропущено?

колишъ. Постойте, сейчасъ вспомню...

г. де морпа (*съ живостію*) Не нужно... пошелъ вонъ!... ты намъ надоѣлъ!

герцогъ. Совсѣмъ нѣтъ... совсѣмъ нѣтъ... (*Колишу*) Говори же, что пропущено?

колишъ. Вспомнилъ... Тамъ сказано объ одномъ фонъ-Бригенѣ...

герцогъ. Обо мнѣ!

колишъ. А, такъ это вы? (*кланяется*) Очень радъ познакомиться. Тамъ сказано про васъ: «что же касается до его свѣтлости, фонъ-Бригена, то онъ обладаетъ только однимъ качествомъ, а именно: способностью быть одураченнымъ; я же говорю, что это большой недостатокъ, ибо нѣтъ никакого удовольствія дурачить глупц...»

герцогъ. (*съ бѣшенствомъ*) Замолчи, дерзкій!

г. де морпа. (*всторону*) Непостижимо, откуда онъ узналъ!..

колишъ, (*съ торжествующимъ видомъ*). Что... Я ли авторъ?.

ГЕРЦОГЪ. Графъ, онъ ли авторъ или другой, это все равно.., но прошу васъ, арестуйте этого человѣка... Отъ него мы выпытаемъ...

Г. ДЕ МОРПА. Извольте, я прикажу арестовать его.

КОЛИШЪ. (*радостно*) А! наконецъ-то!..

Г. ДЕ МОРПА. (*всторону*) Я рѣшительно ничего не понимаю; надобно будетъ распросить его...

МИНИСТЕРСКІЙ ЧИНОВНИКЪ. (*входитъ*) Карета ея величества въѣхала въ большую аллею... весь дворъ идетъ встрѣчать...

Г. ДЕ МОРПА. (*герцогу*) Пойдемте, герцогъ, пойдемте скорѣе! (*тихо Колишу, проходя мимо его*) Мы еще увидимся!

КОЛИШЪ. (*всторону*) Очень нужно!...

Г. ДЕ МОРПА. (*герцогу*) Пожалуйте, ваша свѣтлость.

ГЕРЦОГЪ. Не забудьте приказать арестовать его.

КОЛИШЪ. Покорно васъ благодарю, В. С.... Можетъ быть и мнѣ когда-нибудь удастся услужить вамъ тѣмъ же.

(*Герцогъ и Г. де Морпа уходятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

Колишъ (*одинъ*)

Уфъ! перехитрилъ двоихъ!.. ай да Колишъ!.. Наконецъ-то меня посадятъ въ Бастилію!.. О, какое счастіе!.. Впрочемъ это стоило мнѣ не малаго труда... Не даромъ говорятъ, что при дворѣ на все нужна протекція... Если-бъ не почтенный посланникъ, такъ не видать бы мнѣ Бастиліи, какъ своихъ ушей... О, Маріанна! чтобы даровать тебѣ свободу, я продалъ свою-собственную!...

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Мадамъ Жиро, Маріанна и Колишъ.

МАДАМЪ ЖИРО. О, мой добрый Колишъ!

МАРІАННА. Мой милый Колишъ!

МАДАМЪ ЖИРО. Ты не знаешъ?.. Гриффе отказывается отъ Маріанны и уступаетъ ее тебѣ, съ 20,000 франковъ приданаго!

КОЛИШЪ, (*остолбѣнѣвъ*) Что вы?..

МАРІАННА. Да.. тебѣ стоитъ только сказать одно слово.

КОЛИШЪ. Одно слово?

МАРІАННА. Да!

КОЛИШЪ. Одно слово?.. Какое же слово сказать? говорите, какое?.. Всякое слово скажу, какое угодно!.. Сейчасъ скажу! (*громко*) Говорите же, какое слово?

МАРІАННА. Онъ самъ объяснитъ тебѣ это?.. Г. Гриффе говоритъ теперь съ графомъ и посланникомъ и сейчасъ придетъ сюда.

МАДАМЪ ЖИРО. Онъ послалъ насъ сюда уговорить тебя.

КОЛИШЪ. Уговорить? Незачѣмъ!.. Да за 20,000 франковъ я ему скажу десять, двадцать, сто, тысячу словъ, какихъ угодно, на выборъ... Наборщикъ за словомъ въ карманъ не полезетъ. О, великодушный соперникъ!... Съ виду онъ похожъ на чорта... а въ душѣ... 20,000 франковъ! Что же онъ не идетъ! Мнѣ ужасно хочется обнять его!...

ГРИФФЕ (*за кулисами*). Слушаю, ваше сіятельство.... сейчасъ исполню.....

МАДАМЪ ЖИРО. Вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

МАДАМЪ ЖИРО, МАРІАННА, КОЛИШЪ *и* ГРИФФЕ.

КОЛИШЪ (*бѣжитъ на-встрѣчу Гриффе*). Иди.... или же!.... О, великодушный соперникъ!.... дай обнять себя!...

ГРИФФЕ, (*отталкивая его*). Тихонько, тихонько.....

КОЛИШЪ, (*насильно обнимая его*). Нѣтъ, не тихонько, а крѣпко!... изо всей мочи!.... я имѣю полное право задушить тебя..... о Пиладъ!... въ своихъ объятіяхъ.... о Орестъ!.... за то, что ты уступаешь мнѣ Маріанну!

ГРИФФЕ. Пустяки, пустяки!

колишъ. Какъ? пустяки! *(отталкиваетъ его)*. Такъ я не задушу тебя.... убирайся къ чорту!

МАРІАННА *(съ упрекомъ)*. Ахъ г. Гриффе!....

МАДАМЪ ЖИРО. Вѣдь вы сами сейчасъ говорили....

ГРИФФЕ. Я не зналъ тогда, что онъ сочинитель памфлета, въ которомъ оскорблены высокія, знатныя особы!

МАДАМЪ ЖИРО. Памфлета!

МАРІАННА. Вы, Колишъ, вы—сочинитель?

КОЛИШЪ. Да!.. я!.. Колишъ!

МАРІАННА. Я не считала васъ способнымъ.....

КОЛИШЪ. Покорно благодарю за комплиментъ. *(Всторону)* Она имѣетъ хорошее мнѣніе обо мнѣ.

ГРИФФЕ. А если вы, мадамъ Жиро, не заплатите мнѣ сегодня, такъ ....

МАДАМЪ ЖИРО И МАРІАННА. О, Боже!....

КОЛИШЪ. А!.. такъ ты опять за прежнее!... опять захотѣлъ Маріанну!... а вотъ не будетъ же, не будетъ она твоя!

ГРИФФЕ. Что?

КОЛИШЪ. Вотъ что! *(показываетъ ему записку министра)* Давай слачи!

ГРИФФЕ. Что ты, съ ума сошелъ?

КОЛИШЪ. Давай слачи, говорятъ тебѣ!.... Знаешь ты руку своего начальника? Что, тигръ... его ли это почеркъ?...

ГРИФФЕ. Его.

КОЛИШЪ. А что тутъ написано?... 10, 000 франковъ! Такъ, что ли?

ГРИФФЕ. Такъ.

КОЛИШЪ. Такъ? Такъ давай слачи!.... Бери себѣ 5000, старый кровопійца!....

ГРИФФЕ. Правда, ты имѣешь право на полученіе 10,000 франковъ за то, что открылъ имя автора памфлета.....

КОЛИШЪ. Да, я открылъ его!

ГРИФФЕ. Но въ прокламаціи сказано, что эта сумма взыскивается съ виновнаго.....

КОЛИШЪ. Что? Какъ?.... Постой, постой!.... Это не то.... это совсѣмъ не то!....

ГРИФФЕ. Прочитай, что сказано въ концѣ прокламаціи.

КОЛИШЪ. Ахъ, чортъ возьми!... А я и не дочиталъ до конца!....

МАДАМЪ ЖИРО И МАРІАННА. Что все это значитъ?

колишъ (*съ отчаяніемъ*). Это значитъ, что я несчастнѣйшій изъ несчастливцевъ!.... я хотѣлъ обогатить васъ..... а судьба обманула меня!....

ГРИФФЕ. И ты отправишься въ Бастилію.

МАДАМЪ ЖИРО и МАРІАННА. Въ Бастилію!

колишъ. Какъ бы не такъ!.... теперь мнѣ не нужно больше вашей Бастиліи!....

ГРИФФЕ. Тебя не спросятъ.

колишъ. Какъ не спросятъ, когда я самъ напросился... Теперь не хочу больше!.... Не я написалъ вашу глупую брошюру.... Не я!

ГРИФФЕ. Вздоръ, ты признался!...

колишъ. Я ошибся!.... вѣдъ ошибиться можно.....

ГРИФФЕ. Мнѣ приказано арестовать тебя.... Пойдемъ, пойдемъ.

колишъ. Не пойду, не пойду!... Ни за что не пойду!.... Разтерзайте, изрубите меня на мелкіе куски, и я все-таки не пойду!..

ГРИФФЕ. Увидимъ.... я призову солдатъ..... (*уходитъ*)

МАРІАННА. Бѣдный Колишъ! ты погибъ.

МАДАМЪ ЖИРО. Неужели ты не можешь оправдаться?

колишъ. Какъ тутъ оправдаться?... Развѣ вы не видите, что они жаждутъ моей крови!... (*Вдругъ останавливается; лицо его проясняется*) Постойте.... постойте! Счастливая мысль!

МАРІАННА. Опять! ужъ и давишняя мысль тебѣ дорого обошлась.

колишъ. Нѣтъ, эта дешевле.... О! я и забылъ, что у меня остался одинъ листокъ..... онъ спасетъ меня.... о, какое счастіе! Мадамъ Жиро!.... Маріанна!.... помогите мнѣ!

МАДАМЪ ЖИРО. Говори, говори....

МАРІАННА. Что же намъ дѣлать?....

колишъ. Вы, мадамъ Жиро, бѣгите, старайтесь догнать фонъ Бригена.... поговорите съ нимъ безъ свидѣтелей.... и скажите ему отъ меня, что если онъ отпуститъ меня на волю..... такъ я ему все открою..... я дамъ ему доказательство..... письменное доказательство.....

МАДАМЪ ЖИРО. Бѣгу, бѣгу..... (*уходитъ*)

колишъ. А вы, Маріанна, бѣгите къ себѣ домой.... Въ комнатѣ, въ которой я вчера ночевалъ, вы найдете мой бумаж-

никъ..... откройте его.... между бумагами вы найдете одинъ листокъ.. на немъ раза три, четыре написано: *политика, политика...* принесите мнѣ эту политику. Никому не отдавайте ее, никому!.. Идите... бѣгите... только спрячьте хорошенько листокъ.. Куда бы?.. да вотъ сюда... за вашъ корсетъ..... смотрите же, мнѣ отдайте, только мнѣ!

МАРІАННА. Хорошо, хорошо. Никому кромѣ васъ. (*Уходитъ*) колишъ. Тамъ его никто не найдетъ..... надѣюсь!

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

Колишъ, *одинъ.*

Браво!... браво!... А, судьба! ты хотѣла отнять у меня невѣсту, деньги, и оставить мнѣ въ замѣнъ тюрьму!... Какъ бы не такъ!.... Уфъ! сегодня я съ утра нахожусь въ самомъ странномъ волненіи..... судьба играетъ мною, какъ мячикомъ.... то вверхъ закинетъ, то объ полъ хлопнетъ.... чаще объ полъ хлопаетъ... Кой чортъ велѣлъ мнѣ назваться сочинителемъ, да еще умнымъ человѣкомъ!.... какъ это глупо!... ей Богу, ужасно глупо.... Къ-счастію, мнѣ пришла идея признаться во всемъ посланнику.... это чудесная идея, въ которой я не раскаюсь....

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Г. де Морпа, Колишъ.

Г. ДЕ МОРПА (*скоро входитъ.*) Наконецъ-то мнѣ удалось уйти отъ неотвязнаго герцога.... Теперь я постараюсь узнать, что за странный человѣкъ этотъ наборщикъ и какъ онъ могъ узнать?... (*увидѣвъ Колиша*) А! ты здѣсь!....

колишъ (*всторону*). Боже мой! графъ!.. Мадамъ Жиро, Маріанна, спѣшите, спѣшите, а не то меня упрячутъ!....

г. де морпа, (*вполголоса*). Послушай... мнѣ некогда... насъ могутъ застать..... я нарочно воротился къ тебѣ..

колишъ (*всторону*). Очень обязанъ; напрасно изволили безпокоиться.

г. де морпа. Я весьма доволенъ тобою...

колишъ. Неужели?

г. де морпа. Ты будешъ награжденъ....

колишъ. Награжденъ?....

г. де морпа. Щедро.....

колишъ, (*всторону*). О! опять судьба бросаетъ меня вверхъ.

г. де морпа. Тебя отведутъ въ Бастилію.....

колишъ. А?.... (*всторону*). Вотъ объ полъ хлопнула!

г. де морпа. Но ты просидишь не болѣе недѣли.... Королева такъ добра, я умилостивлю ее..... а потомъ я осчастливлю тебя....

колишъ (*всторону*). Опять вверхъ!

г. де морпа. Съ однимъ только условіемъ: пусть посланникъ думаетъ, что ты написалъ памфлетъ.

колишъ (*всторону*). Опять хлопъ объ-полъ.

г. де морпа. Что?

колишъ. Ничего!... (*всторону*) Вотъ тебѣ и чудесная идея!.. Кончено! нехочу болѣе имѣть никакихъ идей..... онѣ мнѣ не удаются.... Я, видно, не рожденъ для идей!

г. де морпа. Что съ тобою?

колишъ. Ахъ, ваше сіятельство! еслибъ вы знали.... Впрочемъ, можетъ быть, есть еще надежда. Если мадамъ Жиро не нашла посланника....

г. де морпа. Посланника?

колишъ. Да, Маріанна пошла за листкомъ?

г. де морпа. За какимъ листкомъ?

колишъ. Пустите, я остановлю ее.

г. де морпа. Куда? Останься!

колишъ. Пустите!.. вѣдь это для васъ же... для меня... для насъ обоихъ.

(*Хочетъ бѣжать, но въ дверяхъ сталкивается съ Герцогомъ*)

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Г. де Морпа, Колишъ, Герцогъ.

Герцогъ, (*запыхавшись*). Уфъ!

колишъ. Это онъ! (*задѣваетъ герцога за плечо*) Ваша свѣтлость, вамъ еще ничего не сказали?.. Вы ничего не знаете?.. Вы не встрѣтили женщины почтенныхъ лѣтъ?..

герцогъ, (*задыхаясь*). Сказали... знаю... встрѣтилъ.

колишъ. Вотъ опять объ полъ хлопнулся!

герцогъ. А!.. г. де Морпа, и вы здѣсь... Наконецъ-то мы узнаемъ...

г. де морпа (*всторону*). О, Боже!.. (*громко*) Что такое?

герцогъ. Мы узнаемъ имя автора: онъ обѣщалъ мнѣ открыть его.. и даже.. представить письменныя доказательства...

г. де морпа (*всторону*) Письменныя! (*тихо Колишу*). У тебя есть письменныя доказательства?

колишъ. Нѣтъ!.. никакихъ!

герцогъ (*съ другой стороны Колишу*). Вѣдь у тебя есть письменныя доказательства?

колишъ. Какъ же!.. Есть, есть!..

герцогъ. Если ты еще разъ обманешь меня, такъ я буду требовать, чтобы тебя выдали намъ, и ты умрешь въ Шпильбергенскихъ рудникахъ!..

г. де морпа (*тихо*). Если ты скажешь слово, такъ сгніешь въ Венсенскихъ подземельяхъ....

колишъ. Хлопъ!.. Хлопъ!.. тутъ рудники.., тутъ подземелья: прошу покорно выбирать!..

—

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Г. де Морпа, Колишъ, Герцогъ, Гриффе, два солдата.

гриффе (*солдатамъ*). Ступайте сюда... сюда! (*увидѣвъ Герцога и Г. де Морпа*) А, ваше сіятельство, вы видите съ какою ревностью и съ какимъ усердіемъ я исполняю ваши приказанія... (*солдатамъ*): Берите этого молодца!

колишъ. (*всторону*). Этихъ только и не доставало! (*герцогу громко*) Какъ, ваша свѣтлость, неужели вы...

ГЕРЦОГЪ (*съ гнѣвомъ*). Ага!

колишъ, (*умоляющимъ голосомъ*). Да помилуйте.... ваша свѣтлость!..

ГЕРЦОГЪ. Ну, слушай: даю тебѣ часъ времени на размышленіе... въ это время ты можешь идти, куда хочешь... Но если черезъ часъ не сдержишь своего слова и не принесешь мнѣ письменнаго доказательства, такъ—горе тебѣ!.. А принесешь, такъ отсчитаю тебѣ наличными тысячу луидоровъ...

колишъ (*всторону*). 24,000 франковъ!.. Ухъ! какъ высоко закинула меня судьба!..

ГЕРЦОГЪ (*Гриффе*). Вы, Гриффе, не отходите отъ него ни на шагъ, съ солдатами.

ГРИФФЕ. Ваша свѣтлость, вѣдь я....

ГЕРЦОГЪ. Именемъ королевы приказываю вамъ!.. Черезъ часъ приведите его сюда назадъ... Вы отвѣчаете за него головою...

ГРИФФЕ. (*всторону*). Вотъ непріятное положеніе!

колишъ. Полно мѣшкать!.. слышалъ, ты отвѣчаешь за меня головою!.. а потому прошу оказывать мнѣ должное почтеніе...

ГЕРЦОГЪ. (*тихо министру*) Вы, вѣроятно знаете имя автора?

Г. ДЕ МОРПА. Кто? я?

ГЕРЦОГЪ. Ужъ вы меня больше не проведете!

Г. ДЕ МОРПА. Вы думаете? ха! ха! ха!

ГЕРЦОГЪ. Смѣйтесь, смѣйтесь!.. увидимъ, кто кого перехитритъ.

(*Насмѣшливо кланяясь, уходитъ, вслѣдъ за Гриффе, Колишемъ и двумя солдатами*).

—

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Г. ДЕ МОРПА, (*одинъ*).

Увидимъ, увидимъ, геръ фонъ-Бригенъ!.. увидимъ, кто кого перехитритъ!.. Этотъ проклятый Колишъ напугалъ меня своими письменными доказательствами... Какія же могутъ быть у

него доказательства, если вся моя рукопись у меня въ карманѣ?.. (*вынимаетъ изъ кармана свертокъ и пересматриваетъ листки*). Разумѣется, тутъ все... вѣдь я еще сегодня утромъ разбиралъ и считалъ листки... Ахъ, Боже, мой!.. Я и не замѣтилъ этого листка... онъ написанъ рукою Гриффе!.. Неужели негодяй измѣнилъ мнѣ!.. Но какимъ образомъ замѣшался въ это дѣло наборщикъ?.. Не понимаю, рѣшительно не понимаю!.. нечего дѣлать... Видно мнѣ не избѣгнуть немилости... чортъ возьми!.. Такъ нѣтъ же!.. я приму свои мѣры!.. Но какъ? гдѣ?.. Гриффе нѣтъ.. наборщика увели!.. Ахъ, чортъ возьми, попался я!.. развѣ случай поможетъ мнѣ...

—

ЯВЛЕНІЕ XX.

МАРІАННА, Г. ДЕ МОРПА.

МАРІАННА (*скоро входитъ*). Колишъ!.. мой добрый Колишъ!

(*Въ половину вынимаетъ бумагу изъ за корсета*).

Г. ДЕ МОРПА, (*оглядываясь*) Кто тамъ?

МАРІАННА, (*увидѣвъ графа, скоро прячетъ бумагу*) Ахъ!

Г. ДЕ МОРПА. А, Маріанна, это вы!.. Одно слово, дитя мое... Вы знаете Колиша?

МАРІАННА. Знаю ли я его!.. Ахъ, ваше сіятельство, я люблю его, я желала бы выдти за него замужъ...

Г. ДЕ МОРПА. А, вотъ что! (*всторону*) Какая счастливая мысль... можетъ быть она знаетъ... постараюсь вывѣдать... (*громко*) Подойдите, дитя мое...

МАРІАННА. (*подходитъ, стараясь плотнѣе закрыть косыночку на груди*) Ваше сіятельство...

Г. ДЕ МОРПА. Прелестная Маріанна, вы понравились мнѣ съ перваго взгляда и я желалъ бы оказать вамъ какую-нибудь услугу.

МАРІАННА. Услугу?..

Г. ДЕ МОРПА. Да... но за то вы должны мнѣ...

МАРІАННА. О, нѣтъ, нѣтъ, ваше сіятельство! я ничего не могу, не смѣю... (*плотнѣе закрываетъ косынку*).

Г. ДЕ МОРПА. Да выслушайте же меня!.. я хочу осчастливить вашего Колиша...

МАРІАННА. Да онъ не будетъ радъ счастію, купленному такою дорогою цѣною...

Г. ДЕ МОРПА. Вы не понимаете меня... я не о любви говорю вамъ...

МАРІАННА. Нѣтъ?.. а я думала... извините...

Г. ДЕ МОРПА. Правда, съ такою хорошенькою, какъ вы, и не слѣдовало бы говорить ни о чемъ другомъ. (*Взявъ руку Маріанны*) Успокойтесь...

МАРІАННА (*отнимаетъ руку и опять закрывается косынкой*). Ваше сіятельство...

Г. ДЕ МОРПА (*всторону*). Что это она безпрестанно закрываетъ косынку... ахъ, Боже мой! Колишъ сейчасъ говорилъ, что Маріанна пошла за листкомъ... А! теперь я понимаю. (*громко*) Послушайте: отъ васъ зависитъ выдти за вашего возлюбленнаго и получить богатое приданое.

МАРІАННА. Не ужели отъ меня?...

Г. ДЕ МОРПА. Отъ васъ!... только вы должны услужить мнѣ... отдайте мнѣ листокъ...

МАРІАННА. Какой листокъ?... у меня нѣтъ никакого листка...

Г. ДЕ МОРПА. А тамъ что?

МАРІАННА. (*наивно*) Гдѣ?

Г. ДЕ МОРПА. (*указывая на ея грудь*) Тамъ, за корсетомъ?

МАРІАННА, (*опустивъ глаза*) Стало быть вы знаете?

Г. ДЕ МОРПА. Знаю... знаю все... скорѣе... отдайте мнѣ...

МАРІАННА. Да онъ не велѣлъ...

Г. ДЕ МОРПА. Повторяю вамъ, что это для его же счастія... и для вашего...

МАРІАННА. Ахъ, Боже мой!.. Вѣдь вы не обманываете меня?...

Г. ДЕ МОРПА. Даю вамъ честное слово, что вы будете счастливы.

МАРІАННА. (*вынимая листокъ*) Такъ возьмите его.

Г. ДЕ МОРПА, (*поспѣшно беретъ листокъ*) Благодарю!... побѣда!... (*кладетъ свой листокъ въ свертокъ, и вынимаетъ листокъ, написанный Гриффе*) Теперь, пускай идетъ непріятель... я смѣло жду его!... Что же касается до этого листка... такъ онъ послужитъ мнѣ залогомъ скромности Гриффе... (*прячетъ листокъ.*)

МАРІАННА. (*робко и дернувъ г. де Морпа за платье*) А вы сдержите ваше слово, графъ.

Г. ДЕ МОРПА. Сдержу!... (*цѣлуетъ ее*) а вотъ тебѣ задатокъ...

МАРІАННА. (*уклоняясь*) Ахъ, ваше сіятельство...

—

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ТѢЖЕ, КОЛИШЪ, МАДАМЪ ЖИРО, ГРИФФЕ И СОЛДАТЫ.

КОЛИШЪ. (*увидѣвъ, что г. де Морпа цѣлуетъ Маріанну*) А!..

МАДАМЪ ЖИРО. Дочь моя!

КОЛИШЪ. Маріанна!...

ГРИФФЕ. (*всторону*) Онъ цѣлуетъ мою невѣсту... о!... я отомщу ему!..

КОЛИШЪ. (*графу*) Ну-те, еще разъ!.. пожалуйста, не церемоньтесь!... будьте какъ дома... вѣдь это *моя* невѣста!...

МАРІАННА. Колишъ!... это противъ моей воли...

КОЛИШЪ. И моей также! оставьте меня!

Г. ДЕ МОРПА. Другъ мой...

КОЛИШЪ. Кто? я—другъ вашъ?... Съ чего вы это взяли?... Много у меня такихъ друзей!...

МАДАМЪ ЖИРО. (*переговоривъ тихонько съ Маріанной, Колишу*) Безразсудный... ты забываешься передъ...

КОЛИШЪ. Ну, да! забываюсь! хочу забыться! (*всторону*) Мнѣ очень лестно быть личнымъ врагомъ его сіятельства!... Это даетъ вѣсъ въ свѣтѣ!...

—

ЯВЛЕНІЕ XXII.

ТѢЖЕ, ГЕРЦОГЪ.

ГЕРЦОГЪ. А!... всѣ здѣсь!... (*громко*) Теперь мы разсчитаемся. Г. де Морпа, я получилъ, что мнѣ было нужно...

(*становится между Колишемъ и Г. де Морпа*).

Г. ДЕ МОРПА. (*всторону*) И я получилъ, что мнѣ было нужно.

ГЕРЦОГЪ. (*Колишу*) Ну, пріятель... подавай теперь письменныя доказательства...

КОЛИШЪ. Сейчасъ г. посланникъ, сейчасъ... Маріанна, подавай мнѣ листокъ...

Г. ДЕ МОРПА. (*дѣлаетъ знаки Маріаннѣ за спиной герцога.*)

МАРІАННА. (*очень спокойно*) Какой листокъ?

КОЛИШЪ. Какой листокъ?... Вотъ вопросъ! Да тотъ, за которымъ я тебя посылалъ.

МАРІАННА. Вы не посылали меня ни за какимъ листкомъ.

КОЛИШЪ. Не посылалъ?... Отпирается!... да, ее подкупили, обольстили!... Фи, какъ это не хорошо!... Маріанна, справься съ своею совѣстью... Справься!

МАРІАННА. Зачѣмъ мнѣ справляться съ совѣстью?

КОЛИШЪ. Спросите ее, куда дѣвался листокъ... Мадамъ Жиро свидѣтельница...

МАДАМЪ ЖИРО. Я ничего не знаю.

КОЛИШЪ. И вы!... и она!... и ее обольстили... фи! это еще хуже!... Мадамъ Жиро, вѣдь вы мать семейства.

МАДАМЪ ЖИРО. Онъ на яву бредитъ...

ГЕРЦОГЪ. (*Колишу*) Что же?

КОЛИШЪ. Ваша свѣтлость, мы съ вами въ одной позиціи... Насъ обоихъ дурачатъ...

ГЕРЦОГЪ. Такъ я сейчасъ распоряжусь. Ты знаешъ, гдѣ листокъ?

КОЛИШЪ. (*всторону*) Еще бы не знать! (*указывая за пазуху, всторону же*) запрятанъ вотъ тутъ.

ГЕРЦОГЪ. Скажи мнѣ только, гдѣ листокъ... и сейчасъ отрядъ полицейскихъ солдатъ произведетъ строжайшій обыскъ...

КОЛИШЪ. (*съ испугомъ*) Отрядъ!... Не надо, не надо!.. (*всторону*) Вотъ еще что выдумалъ!...

ГЕРЦОГЪ. Несчастный! такъ ты погибнешь...

КОЛИШЪ. Погибну, но не хочу, чтобы цѣлый отрядъ... (*съ комическимъ ужасомъ*) О!... о!...

ГЕРЦОГЪ. (*съ бѣшенствомъ*) Не ужели я не узнаю!... (*громко*) Прекрасно, г. де Морпа, вы такъ запутали это дѣло, что я не могу добиться толку... Такъ ужъ извините меня.. не прогнѣвайтесь!... Король сейчасъ возвратится съ охоты и, если вы не откроете виновнаго, такъ ея величество будетъ просить короля,—уволить васъ отъ должности.

г. де морпа. Ага!... мнѣ угрожаетъ немилость... Что же дѣлать! Новому счастливцу открывается вакансія.

герцогъ. (*всторону*) Онъ еще шутитъ.

г. де морпа. (*всторону*) А все-таки онъ не узнаетъ... и если я паду, такъ паду съ честію.

гриффе. (*всторону*) Онъ впалъ въ немилость!... О, какой случай отомстить ему за грубое обхожденіе со мною и за слишкомъ ласковое съ моею невѣстой... (*громко герцогу*) Ваша свѣтлость...

(*Становится между герцогомъ и Г. де Морпа, нѣсколько позади*).

герцогъ. Что вамъ надо?...

гриффе. Ея величеству угодно знать имя виновнаго, а потому, какъ мнѣ ни тяжко... но долгъ, вѣрность... заставляютъ меня открыть истину...

г. де морпа. (*всторону*) А, измѣнникъ!

герцогъ. Такъ говори же!

гриффе. Настоящій авторъ брошюры...

г. де морпа. (*прерывая его*) Стой! Зачѣмъ ты самъ выдаешь себя?...

всѣ. Что я слышу?

гриффе. Совсѣмъ нѣтъ!...

г. де морпа. Разумѣется, ты очень хорошо знаешь, что я никогда бы не измѣнилъ тебѣ и не показалъ бы никому этого таинственнаго листка...

(*Вынимаетъ изъ кармана листокъ*)

колишъ. (*всторону*) Ба! этотъ листокъ былъ у Маріанны... (*съ негодованіемъ*) А! фи!...

г. де морпа. Знаете ли вы эту руку, герцогъ?

герцогъ, Такъ точно... Это таже рука, которою написана прокламація... (*Гриффе*) А, негодяй!...

гриффе. Но, позвольте...

герцогъ. Въ Бастилію!...

гриффе. Я долженъ...

всѣ. Въ Бастилію его!... въ Бастилію!...

колишъ. (*громче всѣхъ*) Въ Бастилію!

(*По знаку графа, солдаты уводятъ Гриффе*).

г. де морпа. (*всторону*) Колишъ просидѣлъ бы не болѣе недѣли... а этотъ просидитъ мѣсяцъ... онъ это заслужилъ...

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

МАДАМЪ ЖИРО, МАРІАННА, КОЛИШЪ, Г. ДЕ МОРПА, ГЕРЦОГЪ.

ГЕРЦОГЪ. (*г. де Морпа*) Ахъ, ваше сіятельство!.. я долженъ просить у васъ извиненія... доказательство было у васъ въ рукахъ, а вы молчали, это героизмъ!

Г. ДЕ МОРПА. Доказательство я сейчасъ только получилъ отъ этой молодой дѣвушки.

КОЛИШЪ. (*всторону съ бѣшенствомъ*) Отъ этой дѣвушки!.. О, Маріанна!.. И поцѣлуй!.. О!.. о!..

Г. ДЕ МОРПА. Въ награду я выдамъ ее за этого молодаго наборщика, котораго она любитъ... (*Колишъ отворачивается*) Слышишъ, пріятель?.. Маріанна твоя..

КОЛИШЪ. (*мрачно*) Не беру.

МАДАМЪ ЖИРО. Боже мой!

МАРІАННА. Отъ чего? Что это значитъ?

КОЛИШЪ. (*трагическимъ тономъ*) И ты еще спрашиваешь, о Маріанна!..

Г. ДЕ МОРПА. Развѣ ты разлюбилъ ее?

КОЛИШЪ. (*гордо*) Графъ, я не обязанъ отдавать вамъ отчета.

Г. ДЕ МОРПА. Не забудь, что у нея 20,000 франковъ приданаго...

КОЛИШЪ. Двад... О!... (*мрачно*] Не надо.

Г. ДЕ МОРПА. А тебѣ я даю мѣсто управителя въ одномъ изъ моихъ имѣній, и 2,000 франковъ жалованья.

КОЛИШЪ. Двѣ... о!. (*мрачно*) Я подумаю.

Г. ДЕ МОРПА. И позволяю тебѣ, кромѣ того, охотиться въ моихъ владѣніяхъ.

КОЛИШЪ (*сердито*). Что это, насмѣшка?

Г. ДЕ МОРПА (*Улыбаясь*). А! понимаю... (*тихо Колишу*) Не бойся... она прекрасная дѣвушка, а я теперь обманываю однихъ дипломатовъ...

КОЛИШЪ (*громко*). Ну, такъ женюсь!.. Маріанна, я обожаю тебя!.. Мадамъ Жиро благословите насъ... О, какъ я счастливъ! (*Перемѣнивъ тонъ, г. де Морпа*) А деньги когда?

Г. ДЕ МОРПА, (*улыбаясь*). Сегодня-же!

КОЛИШЪ. Браво. Да здравствуютъ дипломаты и наборщики!

КОНЕЦЪ.

ЕЩЕ КОМЕДІЯ СЪ ДЯДЮШКОЙ

ИЛИ

ВОДЕВИЛЬ СЪ ПЛЕМЯННИКАМИ;

Въ одномъ дѣйствіи.

Соч. П. ГРИГОРЬЕВА 1-го.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Ѳома Ѳомичъ Расторгуевъ, богатый гражданинъ . . . . . *Г. Григорьевъ 1.*

Александръ Петровичъ Расторгуевъ } его племянники . . . *Г. Мартыновъ.*

Иванъ Сергѣевичъ Кротовъ . . . } *Г. Смирновъ 2.*

Катенька, воспитаница Расторгуева, недавно вышедшая изъ института . . . . . *Г-жа Жюлева.*

Игнатьевна, старая нянька Катеньки . . . . . *Г-жа Линская.*

Слуга

Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Расторгуева.

Театръ представляетъ богатую комнату. Направо дверь и окно, на лѣво дверь въ кабинетъ Расторгуева. Посрединѣ общій выходъ. На столѣ, съ правой стороны, лежитъ разное женское шитье и подушка съ игольниками и нитками.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

Игнатьевна (*входитъ осторожно. Она одѣта въ капотѣ и старинномъ чепцѣ.*)

А! слава-те Господи! никого еще нѣтъ... Видно голубчики-то еще не пріѣзжали. Погляжу, что подѣлываетъ мой чудодѣй баринъ?.. (*смотритъ въ кабинетъ*) А! что-то изволитъ пописывать... Пойдти къ нему, или обождать, пока онъ кончитъ свою карреспурденцію? ужъ лучше обожду... и благо Катенька сидитъ въ своей уборной, дай-ка я сличу моего большаго чудака съ этимъ... (*вынимаетъ маленькій футляръ съ портретомъ*) махонькимъ, за которымъ онъ посылалъ меня. (*Смотритъ на портретъ и потомъ въ дверь кабинета*) Ахти! вѣдь какъ сходно потрафлено! мудреное дѣло!.. хоть такъ возьми, хоть эдакъ .. все онъ, голубчикъ!

Ужъ какъ написанъ ловко!
На мѣстѣ все пришлось...
И лысая головка,
И тотъ же длинный носъ....
Вѣдь чай инова рожа
Такъ сходствомъ не возметъ?...
А эта, такъ похожа,
Что смѣхъ меня беретъ!

Да, впрочемъ, и нельзя не смѣяться, глядя на его затѣи и выдумки. Видишь ты, пріѣхалъ сюда изъ Нѣмечины повидаться съ племянниками, да и думаетъ ихъ провести. Ахти! да вотъ онъ и самъ.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Игнатьевна и Расторгуевъ (*выходитъ въ богатомъ шлафрокѣ.*)

расторгуевъ. (*быстро*) А! здравствуй, почтенная Игнатьевна. Ну, что? какъ наши дѣла? не былъ ли кто? скоро ли опять явятся племянники? Что, довольна ли Катенька своими комнатами?

игнатьевна. Ахъ, отецъ ты мой, да какъ же ей быть недовольной? Вы ей столько всего вдругъ накупили, такъ отдѣлали богато ея комнатки, — что она теперь сама не своя отъ всякаго удовольствія.

расторгуевъ. Хорошо, хорошо, это и меня радуетъ... Катенька круглая сирота, дочь лучшаго моего друга и товарища, который первый посвятилъ меня во всѣ тайны заграничной торговли—и я обязанъ теперь вполнѣ составить ея счастіе! О! она будетъ мною довольна! Ну, а гдѣ мой портретъ?

игнатьевна. Вотъ, вотъ онъ батюшка... и ужъ такъ похоже на васъ сдѣлано, что я залюбовалась. (*отдаетъ ему*).

расторгуевъ. А! бриллiанты крупные... хорошей воды.

игнатьевна. Отдайте же вашъ портретъ скорѣе Катинькѣ. Она ждетъ не дождется посмотрѣть на своего благодѣтеля.

расторгуевъ. Нѣтъ, старуха: Катя не должна видѣть портрета, пока я неузнаю хорошенько своихъ племянниковъ. Иначе, она можетъ открыть меня прежде времени.

игнатьевна. Ахъ, батюшка — баринъ! да неужто вы въ-самомъ-дѣлѣ хотите, чтобъ здѣсь васъ всѣ считали вашимъ старымъ слугою?

расторгуевъ. Да, да, старуха, непремѣнно. Видишь ли, возвращаясь на пароходѣ изъ Гамбурга, я разговорился съ однимъ пріятелемъ о своихъ родственникахъ и о томъ, какъ, наконецъ, намѣренъ устроить постоянное свое житье въ Петербургѣ. Я открылъ ему, что беру изъ Института мою воспитан-

ницу, хочу ее выдать замужъ за одного изъ моихъ племянниковъ, и, оставивъ всѣ торговыя дѣла, сбираюсь отдохнуть въ кругу своего новаго семейства. Но какъ я почти никогда не видалъ своихъ племянниковъ, потому-что былъ вѣчно въ ссорѣ съ ихъ отцами, которые и глупо жили и какъ-то померли глупо, не сдѣлавъ добра дѣтямъ. Такъ вотъ, и говорю своему пріятелю; боюсь я очень, чтобъ мнѣ не ошибиться въ выборѣ мужа для моей Катеньки. Можетъ быть, оба молодца зараженьк всевозможными пороками, имѣютъ дурныя связи, картежничаютъ, и проч. Пріятель, выслушавъ меня, отвѣчаетъ: «Эхъ, Ѳома Ѳомичъ: да я бы на вашемъ мѣстѣ прежде всего испыталъ ихъ во всемъ, все узналъ...» Да вѣдь это не такъ легко, говорю я. Они, увидя меня и узнавъ мои намѣренія на счетъ Катеньки, вѣрно постараются скрыть всѣ свои грѣхи, чтобъ завладѣть богатымъ приданымъ.—Такъ лучше всего, вы вотъ что сдѣлайте, говоритъ онъ: попробуйте сыграть съ ними комедію, благо оба племянника васъ не знаютъ; это, говоритъ, легче всего. Явитесь въ Петербургъ, хоть подъ видомъ своего стараго слуги прикиньтесь простачкомъ, болтуномъ, а съ слугою, говоритъ, они не станутъ церемониться, и тогда, вы легко узнаете ихъ характеры и поступки. — Эта мысль мнѣ такъ понравилась, что я рѣшился послѣдовать совѣту своего пріятеля. Вотъ уже пятый день я здѣсь, и ты видишь, что оба племянника вдались въ обманъ. Такъ смотри же, старуха не выдай меня. Обходись со мною безъ церемоніи, пожалуйста, помни, что меня зовутъ Дормидономъ.

ИГНАТЬЕВНА. Ахъ, батюшка баринъ... фу! виновата, Дормидонушка, ну, а что какъ выйдетъ грѣхъ и я проболтаюсь?

РАСТОРГУЕВЪ. У! бѣда твоя! Я на тебя такъ взбѣшусь, что ты и жизни не рада будешь.

ИГНАТЬЕВНА. Охъ, смерть моя! какой вы чудодѣй, баринъ.

РАСТОРГУЕВЪ, (*топнувъ ногою*). Дормидонъ! дура!

ИГНАТЬЕВНА. Знаю! знаю! ужъ родилась такая, извините...

РАСТОРГУЕВЪ. Смотри же у меня.. (*снимая шлафрокъ*) На-ко вотъ... отнеси мой халатъ въ кабинетъ. (*остается въ горохомъ ливрейномъ сюртукѣ.*)

ИГНАТЬЕВНА. Слушаю-съ. Ужъ какіе вы... тьфу! какой ты чудной Дормидонъ Сидорычъ. (*Относитъ шлафрокъ въ кабинетъ и чтотасъ возвращается.*)

Расторгуевъ. Э! меня цѣлый вѣкъ называютъ чудакомъ. А покойные сестры и братья не рѣдко и дуракомъ величали; но гордые умники умерли ни съ чѣмъ, а я старый дуралей нажилъ больше милліона.

Игнатьевна. За старшаго-то племянника я всегда поручусь, прекрасный человѣкъ! Онъ и со мной и съ Дормидономъ будетъ учливъ, а вотъ младшій-то такой бѣдовой, что того и жди чѣмъ-нибудь огорчитъ васъ.

Расторгуевъ. О! я не боюсь этого, и все перенесу для моей Катеньки.

Игнатьевна. (*подойдя къ окну*) Ахъ! да вотъ, Иванъ Сергѣевичъ, легокъ на поминѣ! подъѣхалъ на дрожкахъ...

Расторгуевъ. Подъѣхалъ! да, я начинаю замѣчать, что онъ по искуснѣе и почаще своего брата подъѣзжаетъ ко мнѣ.

Игнатьевна. Такъ я васъ оставлю вдвоемъ...

Расторгуевъ. Ступай, ступай, да вели принести сюда хорошій завтракъ и бутылочки двѣ заграничнаго. Завтракъ съ хорошимъ виномъ какъ-то больше располагаетъ къ откровенности. (*Игнатьевна уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Г. Расторгуевъ и Кротовъ, (*одѣтый щеголевато, въ виц-мундирѣ.*)

Кротовъ. А! почтеннѣйшій мой, Дормидонъ Сидоровичъ, какъ я радъ, что опять встрѣчаю тебя.

Расторгуевъ, (*про себя*) Какой масляный голосокъ! вѣрно деньги любитъ. (*ему*) Добраго здоровья, сударь... все ли вы въ добромъ здоровьи?.. т. е. здоровы ли вы?..

Кротовъ. Слава богу! а что? братецъ мой Александръ еще не являлся сегодня?

Расторгуевъ. Нѣтъ, сударь, они только въ первый день моего пріѣзда завернули сюда и то на минуту.

Кротовъ (*про себя*). Тѣмъ лучше. (*ему*) Ахъ, любезный Дормидонъ Сидоровичъ, ты не можешь себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я хочу скорѣй обнять, разцѣловать нашего почтеннаго дядюшку! Ты говорилъ, кажется, что онъ очень добрый человѣкъ?

РАСТОРГУЕВЪ. Да-съ. Онъ хоть и жилъ всегда далеко отъ васъ, но все-таки родныхъ своихъ любитъ...

КРОТОВЪ. Да, прекрасный человѣкъ! Покойница матушка, сколько разъ твердила мнѣ...

РАСТОРГУЕВЪ. Знаю... что онъ упрямый дуракъ, бездушный кощей и прочее.

КРОТОВЪ. Какъ можно! нѣтъ она увѣряла всѣхъ...

РАСТОРГУЕВЪ. Что онъ надутый богачъ, безсовѣстный барышникъ, слышали и мы это.

КРОТОВЪ. Нѣтъ, я этого право ничего не слыхалъ.

РАСТОРГУЕВЪ. Ха! ха! ха! полноте, слышали! со мной нечего церемониться. Дядюшка вашъ любитъ, чтобъ про него все говорили откровенно, вѣдь это его только забавляетъ... да и за правду онъ не сердится. Признайтесь...

Его ругали, поносили...

КРОТОВЪ.

Нѣтъ, я всегда его хвалилъ.

РАСТОРГУЕВЪ.

И всѣ душевно не любили...

КРОТОВЪ.

Но я—отъ всей души любилъ!

РАСТОРГУЕВЪ.

И всѣ его желали смерти...

КРОТОВЪ.

Желали, только что не я...

РАСТОРГУЕВЪ.

Такъ это не люди, а черти!

КРОТОВЪ.

За исключеніемъ меня.

РАСТОРГУЕВЪ (*особо*).

Онъ правды, кажется, не скажетъ...

КРОТОВЪ.

За что браниться съ дядей намъ?
Онъ какъ умретъ, кой-что откажетъ...

РАСТОРГУЕВЪ.

Онъ и живой откажетъ вамъ.

КРОТОВЪ. И такъ забудемъ прошедшее. Скажи-ка лучше, Дормидонъ Сидоровичъ: дядюшка точно богатъ очень? а? очень богатъ?

РАСТОРГУЕВЪ. Да-съ. У него въ здѣшнемъ Коммерческомъ Банкѣ тысячъ полтораста серебрецомъ спрятано...

КРОТОВЪ. (*съ большимъ удивленіемъ*) Неужели?! милый дядюшка!

РАСТОРГУЕВЪ. Да, въ Ригѣ, суконная фабрика тысячъ сто серебецомъ стоитъ.

КРОТОВЪ. Возможно ли! — почтенный человѣкъ!

РАСТОРГУЕВЪ. Да еще есть...

КРОТОВЪ. Еще! довольно! довольно! Драгоцѣнный дядюшка! какъ худо его понимали наши родные! а я, вѣдь вотъ странное дѣло: я его не знаю, но заочно люблю, люблю... и самъ не знаю отчего.

РАСТОРГУЕВЪ. Да-съ, это бываетъ... что къ богатому человѣку, чувствуешь, этакую, какъ говорятъ господа, — симметрію, что ли...

КРОТОВЪ. То-есть, симпатію, хочешь ты сказать?

РАСТОРГУЕВЪ. Да ужъ вы знаете, что вы такое чувствуете.

КРОТОВЪ, Однако, ты не подумай, чтобъ я изъ какихъ-нибудь интересовъ распрашивалъ тебя...

РАСТОРГУЕВЪ. Боже сохрани! я вижу, что у васъ просто такое нѣжное сердце.

КРОТОВЪ. Именно, ты угадалъ. (*особо*) И если мнѣ удастся теперь жениться на его милой Катинькѣ, я заживу на славу!

РАСТОРГУЕВЪ. Что вы говорите-съ?

КРОТОВЪ. Я говорю, что какъ бы я желалъ скорѣй броситься въ объятія моего драгоцѣннаго дядюшки!

РАСТОРГУЕВЪ (*усмѣхаясь*). А я такъ думаю, что и до объятій Катерины Петровны вы также изволите добираться.

КРОТОВЪ. Ахъ, да! еслибъ это удалось мнѣ... Съ-тѣхъ-поръ какъ ты, по порученію дяди, взялъ ее изъ Института, я рѣшительно безъ ума отъ нея! но, боюсь что не успѣю...

РАСТОРГУЕВЪ. Отчего же нѣтъ? Вѣдь братецъ вашъ, сколько мнѣ кажется, такой недальновидный...

КРОТОВЪ (*съ живостію*). О, пожалуйста, не говори мнѣ объ немъ! онъ такой сумазбродъ, вертопрахъ и негодяй, что вѣрно дядюшкѣ будетъ очень непріятно видѣть его у себя. Я хоть

очень люблю брата, но никогда бы не выдалъ за него Катерину Петровну, онъ просто своимъ поведеніемъ можетъ погубить ее.

РАСТОРГУЕВЪ. О, ужъ объ этомъ вы не безпокойтесь: Ѳома-то Ѳомичь ужъ насмотрѣлся на людей, его не проведетъ никакой молокососъ!

КРОТОВЪ. Дай-то Богъ! Но братъ такой волокита, такой мастеръ любезничать съ хорошенькими, что я боюсь...

РАСТОРГУЕВЪ. Э, полноте! да вы-то развѣ хуже его? смѣлѣе! Я увѣренъ, что вы женитесь на Катеринѣ Петровнѣ, а онъ...

КРОТОВЪ. Останется съ носомъ? какъ бы я былъ радъ! ахъ (*потирая руки и отходя къ правой сторонѣ*). Но, постой! кажется, что Катерина Петровна выходитъ изъ своихъ комнатъ... Такъ точно... постараюсь узнать получше ея сердце. Не мѣшай намъ Дормидонъ Сидоровичъ, поди вонъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Катенька (*вбѣгаетъ, что-то напѣвая*).

КАТЕНЬКА. Тра-ла, ла, ла... (*увидя Кротова*) Ахъ! здравствуйте, Иванъ Сергѣевичъ!.. Вы опять пріѣхали, вѣроятно, за тѣмъ, чтобъ узнать, когда пріѣдетъ вашъ дядюшка?

КРОТОВЪ. Нѣтъ, Катерина Петровна... у меня есть и другія причины...

КАТЕНЬКА. Ну, что, Дормидонушка, нѣтъ ли какихъ новыхъ вѣстей отъ твоего господина?

РАСТОРГУЕВЪ. Нѣтъ, сударыня. Вѣдь я вамъ сказывалъ, что Ѳома Ѳомичъ пріѣдетъ сюда черезъ мѣсяцъ, не раньше. Онъ теперь въ Ригѣ оканчиваетъ свои торговыя дѣла, продаетъ фабрику...

КАТЕНЬКА. Ахъ! а у меня все сердце выболѣло, ожидая его. Кажется я отдала бы все на свѣтѣ, чтобы только скорѣй увидѣть и обнять моего благодѣтеля, моего второго отца.

РАСТОРГУЕВЪ, (*про себя*). Голубушка моя!.. Такъ бы и расцѣловалъ ее!

КАТЕНЬКА. Да хоть бы ты мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, скорѣй доставилъ его портретъ. Онъ, въ послѣднемъ письмѣ, обѣщалъ мнѣ прислать его немедленно.

РАСТОРГУЕВЪ. Скоро, скоро получите, барышня. Посылка я думаю ужъ здѣсь, на почтѣ.

КАТЕНЬКА. Ахъ, какъ я буду рада этому подарку! Только, едва ли я узнаю моего благодѣтеля.. Когда онъ, уѣзжая за границу, отдалъ меня въ Институтъ, я была еще такая маленькая.

КРОТОВЪ. Я самъ также жду дядюшку съ нетерпѣніемъ. Онъ, говорятъ, хоть и страненъ немножко, но добрый и простой человѣкъ.

РАСТОРГУЕВЪ. О, я его хорошо знаю. Такой старичекъ — простофиля, что вы, барышня, вѣрно его полюбите.

КАТЕНЬКА, (*съ чувствомъ*). Ахъ, да можно ли мнѣ не уважать его, за всѣ его попеченія о бѣдной сиротѣ.

Ахъ! я къ нему привязана душевно,
И за него молюсь въ душѣ моей!
Онъ обо мнѣ заботился вседневно
Такъ, какъ отецъ о дочери своей!
Къ нему я ввѣкъ почтенья не нарушу,
Онъ сдѣлалъ все для бѣдной сироты:
И какъ отецъ — образовалъ мнѣ душу,
И спасъ какъ другъ — отъ тяжкой нищеты!

КРОТОВЪ. Да, рѣдкой человѣкъ! (*тихо Расторгуеву*) поди же ты вонъ, ты намъ мѣшаешь!

РАСТОРГУЕВЪ. Вотъ хорошо! ужъ вы готовы выгнать меня... (*ей*) А что, Катерина Петровна, хорошо ли убраны ваши комнаты? Кажется я не жалѣлъ ничего...

КАТЕНЬКА. О, очень, очень хорошо! Но, ты, кажется, очень дорого за все платишь... Смотри, я боюсь, чтобъ Ѳома Ѳомичъ не разбранилъ тебя.

РАСТОРГУЕВЪ. Вотъ! стану я жалѣть денегъ, когда вамъ это доставляетъ удовольствіе. Да я теперь готовъ...

КРОТОВЪ (*также*). Да убирайся же ты отсюда...

РАСТОРГУЕВЪ (*тихо ему*). Сейчасъ! (*ей*) Да-съ, я какъ хочу, такъ и трачу, и распоряжаюсь. Я вѣдь самъ себѣ господинъ...

КРОТОВЪ И КАТЕНЬКА. Какъ! ты господинъ...

РАСТОРГУЕВЪ (*спохватясь*). То-есть... ну, да! Когда ужъ я за что взялся, такъ Ѳома Ѳомичъ, тутъ знаете... ужъ ни причемъ. По этому... и выходитъ...

КРОТОВЪ, (*тихо*). Что и тебѣ пора выйдти отсюда. (*вслухъ*). Ступай же, старикъ, узнай, не присланъ ли портретъ...

РАСТОРГУЕВЪ. Сейчасъ, сейчасъ пошлю... (*про себя*) Нѣтъ, лучше спрячусь и подслушаю ихъ. (*Скрывается за ширмы, стоящія у главныхъ дверей*).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и РАСТОРГУЕВЪ, (*спрятанный*).

КРОТОВЪ. Скажите, пожалуйста, Катерина Петровна... вы, не сердитесь, что я... остался теперь съ вами?

КАТЕНЬКА. Помилуйте, Иванъ Сергѣевичъ... я очень рада... Въ ожиданіи вашего дядюшки, я обязана, какъ молодая хозяйка, принимать радушно его родныхъ. Садитесь, пожалуйста...

КРОТОВЪ. Ахъ, какъ вы добры! (*оба садятся*) Какъ я вамъ благодаренъ! (*особо*) постараюсь непремѣнно обворожить ее собою и женюсь поскорѣй. (*ей*) Ахъ! Катерина Петровна... вы не можете себѣ представить, какъ медленность дядюшки безпокоитъ, мучитъ меня...

КАТЕНЬКА. Неужели! отчего же?

КРОТОВЪ. И вы еще спрашиваете! вѣдь онъ кажется писалъ, что, по пріѣздѣ сюда, намѣренъ выдать васъ замужъ...

КАТЕНЬКА (*весело*). Ахъ, да, ваша правда.

КРОТОВЪ. И не иначе, какъ за одного изъ своихъ племянниковъ...

КАТЕНЬКА. Да, да, точно. Но, я думаю, прежде всего онъ захочетъ узнать мои мысли на этотъ счетъ... а я, право, еще не знаю...

КРОТОВЪ (*Съ живостію*). Какъ! развѣ вы еще ни на что не рѣшились? неужели вы затрудняетесь въ выборѣ? Поэтому, я смѣю думать, что исключительно никто еще не занимаетъ васъ и что любовь...

КАТЕНЬКА. Ха! ха! ха! Вотъ кстати: позвольте мнѣ Иванъ Сергѣичъ, спросить у васъ, что значитъ слово *любовь*? растолкуйте мнѣ.

КРОТОВЪ. Какъ-съ? я васъ не понимаю...

КАТЕНЬКА. Да я и сама право не понимаю. Что это за странное слово: любовь?

Его и въ книгахъ я встрѣчаю...
Любовью бредитъ цѣлый свѣтъ;
Но я любви не понимаю,—
По мнѣ, въ ней просто смысла нѣтъ.
И въ институтѣ мы какъ жили,
Любви не знали никогда,
Учителей мы не любили...
А *обожали* ихъ всегда.

КРОТОВЪ (*про себя*). Боже мой! какое невинное созданіе! она должна быть моею! (*ей*) Если угодно, я могу вамъ объяснить это пріятное чувство и вы легко тогда поймете, что значитъ слово *любовь!*

КАТЕНЬКА (*подвигая къ нему свой стулъ*). Ахъ, сдѣлайте милость! это чрезвычайно любопытно.

КРОТОВЪ. Гмъ! прежде всего... дайте мнѣ вашу прелестную ручку...

КАТЕНЬКА. Извольте.

РАСТОРГУЕВЪ (*про себя*). Ого! ужъ ничего не видя, и по рукамъ ударили!

КРОТОВЪ. И такъ, посмотрите на меня и отвѣчайте такъ, какъ вы чувствуете.

Васъ кто-нибудь собой прельщаетъ?

КАТЕНЬКА.

Ахъ, съ каждымъ днемъ, все вновь и вновь!

КРОТОВЪ.

При немъ — въ васъ сердце замираетъ?

КАТЕНЬКА.

Ахъ, страшно!

КРОТОВЪ (*показывая на сердце*)

Значитъ тутъ—любовь!
И я съ любовью васъ встрѣчаю,
Вашъ томный, нѣжный взоръ ловлю ..

КАТЕНЬКА (*улыбаясь ему*).

Теперь, любовь я понимаю...
И . . . братца вашего люблю!

КРОТОВЪ, (*вскакивая*). Какъ? что-съ?

КАТЕНЬКА. Да, да, благодарю васъ, что вы мнѣ такъ

просто и ясно растолковали чувство любви. Да, я точно люблю его!

КРОТОВЪ. Возможно ли! моего брата? (*особо*) Чортъ возьми! я кажется съ носомъ.

КАТЕНЬКА. И ужъ давнымъ давно, клянусь вамъ! Да и можно ли не любить такого милаго человѣка? Онъ каждый праздникъ ходилъ ко мнѣ въ институтъ и всегда приносилъ конфектъ, фруктовъ, всего, всего.

КРОТОВЪ (*особо*). Какая досада! Однако, она будетъ богата... и я не уступлю ее брату.

КАТЕНЬКА. И притомъ, вы согласитесь, что онъ очень недуренъ собой? скажите по совѣсти...

КРОТОВЪ Да... если вы находите... (*особо*) О, проклятый волокита!

РАСТОРГУЕВЪ, (*подходя къ Кротову, тихо*). Что, сударь, кажется, дѣло ваше выходитъ дрянь?

КРОТОВЪ (*также*). А тебѣ какое дѣло? что ты тутъ суешься?

РАСТОРГУЕВЪ. Да мнѣ васъ жаль...

КРОТОВЪ. Пошолъ прочь!

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ и ИГНАТЬЕВНА.

ИГНАТЬЕВНА. Ну, батюшка, Иванъ Сергѣичъ, вотъ и вашъ братецъ прикатилъ сейчасъ. Радуйтесь!

КРОТОВЪ (*про себя*). Да, есть чему.

КАТЕНЬКА. Ахъ, Боже мой! Александръ Петровичъ! Няня! няня! я кажется очень дурно причесана... пойдемъ! пособи мнѣ немножко заняться туалетомъ. (*Убѣгаетъ*)

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, кромѣ КАТЕНЬКИ.

ИГНАТЬЕВНА. Ахъ, дитятко мое! какъ она рада его пріѣзду...

РАСТОРГУЕВЪ. Значитъ, что она точно любитъ его.

КРОТОВЪ. Это-то меня и бѣситъ! братъ негодится ей въ

мужья и дядя мой сдѣлаетъ величайшую глупость, если женитъ ихъ.

ИГНАТЬЕВНА, (*дѣлая знаки Расторгуеву*). Дормидонушка, слышишь?

РАСТОРГУЕВЪ. Слышу, Василиса Игнатьевна.

КРОТОВЪ. И если онъ дастъ за Катенькой большое приданое, то братъ мой отъ радости сдѣлается совершеннымъ негодяемъ.

РАСТОРГУЕВЪ. А можетъ быть, онъ послѣ женитьбы и поисправится.

КРОТОВЪ. Никогда! онъ въ душѣ повѣса. Но я не допущу брата отнять мое счастіе.

РАСТОРГУЕВЪ. Если онъ дурной человѣкъ, такъ и я не допущу! Я скажу только слово, и Ѳома Ѳомичъ меня послушается.

КРОТОВЪ. Неужели? такъ пожалуйста, друзья мои, придумаемъ вмѣстѣ, какъ бы удалить моего брата, хоть на время, изъ Петербурга. Я васъ за это обоихъ послѣ награжу, даже составлю ваше счастіе! Ахъ, да постой-ка, я часто вижу, что вы оба какъ-то перемигиваетесь другъ съ другомъ... шепчетесь... ужъ не влюблены ли вы? а?

ИГНАТЬЕВНА, (*закрываясь рукой стыдливо*). Ахъ, баринушка... вы меня въ краску вогнали...

РАСТОРГУЕВЪ (*весело*). Ну, не стыдись, красота моя! (*ему*) Нечего, сударь, грѣха таить: она меня давно за ретивое зацѣпила!

КРОТОВЪ. Ну, такъ я васъ благословляю и все беру на себя. Даже даю ей приданое.

РАСТОРГУЕВЪ. Покорнѣйше благодарю! (*показывая на Игнатьевну*) Вы большую милость дѣлаете этой бѣдной и непорочной дѣвицѣ.

(*Голосъ Александра Расторгуева за дверями.*)

О, проклятые извощики! не давайте ему больше четвертака! онъ меня всего перепачкалъ, и разорвалъ своими дурацкими дрожками новые брюки.

КРОТОВЪ (*вполголоса*). Это онъ! смотри же, старикъ, ты, какъ довѣренное лицо моего дяди, можешь безъ церемоніи приступить къ дѣлу, чтобъ скорѣй выжить отсюда брата.

РАСТОРГУЕВЪ. Да, ужъ я его проучу, не хуже самого дядюшки.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и Александръ Расторгуевъ (*входитъ, охая и прихрамывая, опираясь на палку и не снявъ шляпы*).

Кротовъ (*ласково*). Александръ! другъ мой! какъ я радъ, что ты пріѣхалъ!

Ал. Расторгуевъ (*потирая ногу*). Гммм... эдакой вѣдь мерзавецъ! ха ха! ха! здравствуй, Ваня... ой! ой! ой!

Кротовъ. Что это съ тобою?

Ал. Расторгуевъ. Скажите мнѣ пожалуйста, какой глупый чортъ выдумалъ здѣшнія извощичьи дрожки? ха! ха! ха!

Кротовъ. А на что тебѣ?

Ал. Расторгуевъ. Нѣтъ, я бы хотѣлъ знать, къ какой націи принадлежалъ этотъ варваръ? Воля ваша, а это, вѣрно, былъ какой-нибудь, татаринъ! ха! ха! ха!

Кротовъ. Да чтоже такое случилось?

Ал. Расторгуевъ. А вотъ, развѣ ты не видишь? Я заплатилъ извощику за то, чтобъ онъ вытрясъ мнѣ душу, забрызгалъ грязью, ушибъ ногу, и... разорвалъ объ дрожки новые триковые брюки. Видите? видите? за четвертакъ, и сколько разныхъ удовольствій! Ха! ха! ха! (*обращаясь къ Игнатьевнѣ и Расторгуеву съ крикомъ*) Ну, а вы, почтенное старье! видите, что баринъ едва на ногахъ держится; ну, стулъ скорѣе! (*Игнатьевна беретъ стулъ и хочетъ подать Ал. Расторгуеву. Старикъ Расторгуевъ стоитъ и смотритъ сердито на племянника.*)

Расторгуевъ (*про себя*). Вотъ тебѣ разъ!

Ал. Расторгуевъ. Спасибо, Игнатьевна, не трудись, я это сказалъ не тебѣ. (*Растаргуеву*) Эй! ты! скорѣй бы, братецъ, тебѣ догадаться подать стулъ, чтобъ пожалѣть эту почтенную развалину прекраснаго пола. Ха! ха! ха! Ну чтожъ ты? живо!

Расторгуевъ, (*подавая неохотно стулъ*). Гмъ! если вы приказываете... (*особо*) Экой разбойникъ!

Ал. Расторгуевъ (*садясь*). Да нечего приказывать, самъ долженъ знать свою обязанность. (*Кротову*) Ну, что, братецъ, давно ты здѣсь?

Кротовъ (*который взялъ со стола книгу и какъ будто читаетъ*) Нѣтъ, только что передъ тобой пріѣхалъ.

Ал. Расторгуевъ. Ну, что, Игнатьевна? Сколько у тебя при-

бавилось новыхъ морщинъ? а? ха! ха! ха! Что подѣлываетъ прекрасная Катерина Петровна? здорова ли она?

ИГНАТЬЕВНА. Славу Богу, батюшка. Она побѣжала немножко принарядиться. Я чай скоро выйдетъ. Пойду и я, велю подать завтракъ. (*уходитъ*)

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Да! Катинька чудное вышло созданьице! кабы она согласилась быть моею... О! я былъ бы самъ не свой! Ха! ха! ха! Да нѣтъ! для такой хорошенькой, я-то, какъ бы сказать... чертовски не хорошъ. Ха! ха! ха! я, мечтая о ней, однажды, сказалъ ужъ самъ себѣ экспромтомъ:

Не мнѣ вкусить восторги поцѣлуевъ!
Атанде, Саша Расторгуевъ!

Ха! ха! ха! хорошо?

КРОТОВЪ (*тоже смѣясь*). О! да ты, кажется, изъ любви къ ней думаешь сдѣлаться поэтомъ?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Да, братецъ, да! какъ я началъ любить и пописывать разные чувствительные стишки, то чувствую самъ, что поступилъ ужасно! Ха! ха! ха! я даже, во ожиданіи чудака-дядюшки, и на его особу какъ-то воодушевился и стишонки воспроизвелъ! ха! ха! ха.

КРОТОВЪ. Вотъ хорошо! на дядю? и тебѣ не совѣстно?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Нѣтъ, ничего.

РАСТОРГУЕВЪ (*строго*). Что-съ? стихи на дядюшку! и у васъ поднялась рука, сударь?..

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Поднялась, сударь, поднялась. Ха! ха! ха! я человѣкъ откровенный,— или, какъ говорятъ, для краснаго словца не пощажу ни друга, ни отца! Ха! ха! ха!

РАСТОРУЕВЪ (*про себя*). Вотъ онъ каковъ!

КРОТОВЪ. Что же это за стихи? въ какомъ родѣ?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Въ какомъ родѣ? да какъ бы это сказать..- просто, такъ—въ моемъ родѣ. Ха! ха! ха! Хочешь, я прочту?

КРОТОВЪ. Повѣса! ну, прочти.

РАСТОРГУЕВЪ. Ужъ и мнѣ позвольте послушать...

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Слушай, братецъ, слушай, ты къ нему близкой человѣкъ. Видите, прежде всего вы вообразите себѣ пріятную картину: молодой человѣкъ, то-есть я... сидитъ у окна въ четвертомъ этажѣ... надъ нимъ, разумѣется, течетъ, свѣтлая луна, а подъ нимъ течетъ мутная Фонтанка, и юноша, не имѣя гроша въ карманѣ, держитъ перо, глядитъ въ туманную даль и восклицаетъ:

(*Декламируетъ комически.*)

О, дядя! дядя!
Какъ ты жестокъ!
Въ карманъ свой глядя;
Я изнемогъ!
Дождусь ли часу,
Какъ ты прилешь?
И вдругъ... всю кассу
Мнѣ отопрешь?

Ха! ха! ха! Кажется, не дурно? а?

РАСТОРГУЕВЪ (*особо*). Ну, хорошъ!

КРОТОВЪ. Ты, братецъ, я вижу, все только дурачишься.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Ха! ха! ха! а тебѣ это не по сердцу? знаю! вы люди служащіе, дѣловые; скоро будете, говорятъ, столоначальникомъ; а я... грѣшный человѣкъ только на пріятельскихъ обѣдахъ бываю стола начальникомъ. Ха! ха! ха!

КРОТОВЪ (*тихо Расторгуеву*). Слышишь? вѣдь онъ просто негодяй!

РАСТОРГУЕВЪ (*также*). Все, все слышу.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Однако, къ чорту это все! (*Расторгуеву*) Эй! ты! старикъ! поди-ко сюда! Чтожъ дядюшка-то въ-самомъ-дѣлѣ такъ долго не ѣдетъ? а? вѣдь я рѣшительно потерялъ терпѣніе!

РАСТОРГУЕВЪ. Ну, это еще, кажется, не большая потеря съ вашей стороны.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Ха! ха! ха! браво! Ахъ, ты лысый кубарь! да ты, я вижу, тоже за словомъ въ карманъ не полезешь.

РАСТОРГУЕВЪ. Есть тотъ грѣхъ.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Но зато, я думаю, за деньгами въ дядюшкинъ карманъ лазить любишь? а? ха! ха! ха!

РАСТОРГУЕВЪ. Нѣтъ, сударь, этого грѣха за мной не водится.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Полно, пожалуйста. Вѣдь ты, говорятъ, его главный каммердинеръ и повѣренный, а ужъ извѣстно, что всѣ повѣренные,—величайшіе бездѣльники. (*грозитъ ему*) Ха! ха! ха!

РАСТОРГУЕВЪ. Покорнѣйше благодарю! (*особо*) Да онъ предерзкой мальчишка!

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ Однако, послушай братъ: дядюшка нашъ — или смѣется надъ нами, или, на старости лѣтъ съ ума сошелъ!

КРОТОВЪ. Это почему?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Да какъ же иначе думать? Ты помнишь,

что онъ во всей роднѣ нашей слылъ вѣчно за чудака и оригинала. Вотъ, оно такъ и есть: вдругъ, заочно назначаетъ намъ двоимъ одну невѣсту! Что это за глупая шутка? Велитъ ждать себя, и не ѣдетъ! хоть бы денжонокъ прислалъ, такъ все бы было веселѣе ждать. Нѣтъ, я вижу, что онъ, живя за границею, совсѣмъ изъ ума выжилъ.

КРОТОВЪ. Послушай, Александръ: вспомни что Ѳома Ѳомичъ твой родной дядя, котораго ты обязанъ уважать, а не смѣяться надъ нимъ.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Ха! ха! ха! да я его очень уважаю... у него, какъ видно, на счетъ насъ есть доброе намѣреніе, но все-таки старикъ долженъ быть немножко... съ прилурью. Ха! ха! ха! Впрочемъ, богатому человѣку надо же чѣмъ-нибудь отличиться.

КРОТОВЪ (*тихо Расторгуеву*). Слышишь, Дормидонъ?

РАСТОРГУЕВЪ (*также*). Охъ! слышу!

КРОТОВЪ (*также*). Надо непремѣнно выжить его отсюда!

РАСТОРГУЕВЪ (*также*). О, да ужъ я постараюсь.

КРОТОВЪ (*также*). Пожалуйста! я уйду покуда въ кабинетъ, пересмотрѣть дядюшкину новую библіотеку, а ты примись за этого негодяя.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Братецъ! да что ты тамъ перешептываешься съ этимъ старымъ плутомъ? я братъ этого не люблю.

КРОТОВЪ. Ничего, братецъ, мы только хвалили твой счастливый характеръ...

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Да мнѣ все равно! хвали меня, или, ругай, только пожалуйста по-дружески, во всеуслышаніе! Ха! ха! ха! терпѣть немогу я этихъ ши, ши, ши...

КРОТОВЪ. На тебя не угодишь. Такъ я отправлюсь разматривать дядюшкину библіотеку, которую онъ прислалъ сюда.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Да, хороша, я думаю, библіотека! ха! ха! ха! трактаты о торговлѣ, высшіе взгляды на мануфактуры, фабрикаціи, и проч. Желаю тебѣ пріятнаго сна.

КРОТОВЪ. Спасибо. (*про себя*) Если Дормидонъ не успѣетъ, я приготовлю какую нибудь-другую хитрость, чтобы выжить его. (*уходитъ*).

РАСТОРГУЕВЪ (*про себя*). Худо! тотъ хитеръ и скрытенъ, а

этотъ просто сорви-голова! Впрочемъ, его откровенность мнѣ нравится.

(Слуга вноситъ на подносѣ завтракъ съ двумя бутылками вина.)

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, кромѣ Кротова.

СЛУГА. Куда прикажете поставить?

РАСТОРГУЕВЪ. А вотъ сюда... (*показывая на столъ съ лѣвой стороны*).

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ (*разсматривая около сапога, гдѣ разорваны брюки*) А? какъ вамъ покажется? вѣдь вырвалъ клочекъ на самомъ видномъ мѣстѣ! Со мной вѣчно случаются ужасныя несчастія! ха! ха! ха!

Чортъ знаетъ! бѣдному ни что не удается!
Гдѣ тонко—тутъ и рвется.

РАСТОРГУЕВЪ. Это ничего, сударь, бѣда поправная. Вотъ не угодно ли, завтракъ подали.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ (*весело вскакиваетъ*). Завтракъ! а вотъ это безподобно! Кто это распорядился?

РАСТОРГУЕВЪ. Да я-съ. А какія я приготовляю здѣсь комнаты, гдѣ, въ ожиданіи дядюшки, вы можете расположиться, какъ угодно.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Ну, такъ я снова возвращаю тебѣ мое уваженіе. Какъ бишь тебя завутъ-то, я все забываю... Агафонъ, или Агамемнонъ, кажется?

РАСТОРГУЕВЪ. Дормидонъ, сударь.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ (*подойдя къ завтраку*). Да! да! брависсимо! молодецъ!

Да ты, Дормидонъ,
И смѣлъ и уменъ!
Безъ дяди, на завтракъ рискуешь!
А я вѣдь ей-ей,
По рожѣ твоей

Считалъ, что ты только воруешь!
Тутъ есть... что поѣсть,
И хересъ тутъ есть!
(*взявъ бутылку*)
Вотъ это, поэта развяжетъ!
Вѣдь правды святой,
Поэтъ никакой,
Не выпивши вѣрно не скажетъ.
А если жъ вино
Поэту дано, —
Стихи и вино льются черезъ!
И сколько межъ—тѣмъ
Извѣстныхъ поэмъ
Прошло сквозь огонь, черезъ хересъ!

РАСТОРГУЕВЪ. Значитъ, я угодилъ вамъ, сударь?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Да, да, ты я вижу, добрый старикъ... извини, пожалуйста, что я почелъ тебя за мошенника. *(Смотря на рабочій столикъ)* А чтобъ угодить мнѣ совершенно, окажи братъ, мнѣ еще услугу...

РАСТОРГУЕВЪ. Извольте, извольте, все что угодно.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Вотъ молодецъ! Такъ видишь, пока я буду завтракать, ты возьми-ка тамъ иголку съ ниткой, и зашей мнѣ какъ-нибудь эту прорѣху. Ну живо! *(садится за завтракъ и правую ногу кладетъ на стулъ).*

РАСТОРГУЕВЪ, (*вскрикнувъ*). Какъ! вотъ еще новости.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ *(строго)*. Ну, ну, безъ разговоровъ! за работу!

РАСТОРГУЕВЪ. Помилуйте! да что я за портной! я не умѣю...

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Врешь, врешь, старый чортъ! опытный камердинеръ долженъ для барина все умѣть дѣлать!.. Ну, ну, живо, зашивай какъ-нибудь.

РАСТОРГУЕВЪ (*про себя*). А? каковъ разбойникъ! Впрочемъ, надо посмотрѣть, что будетъ дальше, а теперь, такъ и быть, послушаюсь его.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ *(громко)*. Ну, что же ты? Эй! (*завтракаетъ*).

РАСТОРГУЕВЪ. *(беретъ иглу съ ниткой въ швейной подушкѣ)* Да я, право, сударь, никогда ничего не зашивалъ... я вамъ испорчу... *(Беретъ стулъ и садится подлѣ).*

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. (*грозя ему*) Смѣй только, я тебѣ дамъ знать! *(пьетъ)* Чудный хересъ! Какой букетъ! (*дядѣ*) Ну, ну, старый грибъ, работай! работай!

РАСТОРГУЕВЪ (*про себя*) Хорошо, повѣса! я тебѣ припомню эту работу! (*какъ будто нечаянно колетъ его иглой въ ногу*).

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ, (*вскрикивая*). Ай! ай! осторожнѣе, старый уродъ! ты вѣдь укололъ меня.

РАСТОРГУЕВЪ. Извините... мнѣ и самому это чувствительно больно...

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Ну, ну, скорѣй!.... Однако, видно, брату Ивану не нравится, что я пріѣхалъ. Что бы побесѣдовать со мной, да позавтракать... нѣтъ, ушелъ читать.

РАСТОРГУЕВЪ. Да-съ; онъ не любитъ безъ пользы убивать время.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Знаю, знаю. Онъ человѣкъ дѣловой, скромный, солодный: я передъ нимъ просто благоговѣю...

РАСТОРГУЕВЪ. Ну, а если, онъ только такимъ притворяется? если онъ, скрываетъ въ себѣ такіе пороки, которые заставляютъ думать...

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Эге! да ты, братъ, разсуждаешь, какъ порядочный человѣкъ?.. Это что? какъ ты смѣешь такъ отзываться о моемъ братѣ? молчать, я тебѣ дамъ! братъ Иванъ,—прекрасный человѣкъ!

РАСТОРГУЕВЪ (*про себя*). Какъ тутъ попалъ!

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Вотъ, я,—другое дѣло... (*наливаетъ вина*) я просто грѣшный человѣкъ! (*пьетъ*) у меня совсѣмъ другое направленіе. А все любовь и поэзія виноваты! Какъ дядюшка пріѣдетъ, да узнаетъ меня поближе, такъ, я думаю, отдѣлаетъ меня на славу! ха! ха! ха!

РАСТОРГУЕВЪ. Да, ужъ и я слышалъ, что ваши обстоятельства не хороши.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Да! чертовски не хороши! Зашивай, зашивай хорошенько.

РАСТОРГУЕВЪ. Это значитъ, что денегъ у васъ мало?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. О! мало! больше чѣмъ мало! да ужъ долговъ у меня... мало у кого больше. Ха! ха! ха! каково выразился?

РАСТОРГУЕВЪ. Вотъ какъ! впрочемъ, вѣдь вы сбираетесь жениться на Катеринѣ Петровнѣ...

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Чортъ возьми! разумѣется. Я очень люблю Катеньку, но, только дядюшка, я думаю, не дуракъ, невыдастъ ее за меня.

РАСТОРГУЕВЪ. А какъ бы это хорошо было. Онъ ей готовитъ, я знаю, большое приданое.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Ну, нѣтъ. Женись-ка я, такъ мои кредиторы его бы очень уменьшили.

РАСТОРГУЕВЪ. Знаете ли, что, сударь? Ваша откровенность мнѣ очень нравится.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Неужели? ха! ха! ха! какъ я счастливъ!

РАСТОРГУЕВЪ. Да, вы не смѣйтесь. Вѣдь я человѣкъ себѣ на умѣ! я такъ могу услужить, что вы всѣ свои дѣла поправите.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. О!! да какъ же это?

РАСТОРГУЕВЪ. А такъ-же. Стоитъ вамъ только жениться на Катеринѣ Петровнѣ.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Ха! ха! ха! смѣшной ты старичишка! Да это я и безъ тебя знаю. Но *какъ* жениться *мнѣ* непремѣнно, вотъ вопросъ!

РАСТОРГУЕВЪ. Какъ! какъ! ну, чтобъ братецъ вамъ не помѣшалъ, употребите какую-нибудь хитрость.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Да какую же? говори, старый уродъ!

РАСТОРГУЕВЪ. Да, что вы все браните меня! Имѣйте хоть немножко уваженія къ моей старости.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ *(насмѣшливо)*. Ахъ, извольте, извольте.... *(жметъ ему руку)*. Ну, продолжайте...

РАСТОРГУЕВЪ. Такъ вотъ что: какъ-нибудь вы удалите вашего братца отъ Катерины Петровны, а сами въ это время... понимаете... *(особо)* Что-то онъ скажетъ?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ *(про себя)*. О! да этотъ Дормидонъ въ самомъ дѣлѣ мошенникъ! *(ему)* Ну? ну? ну?

РАСТОРГУЕВЪ. Вы хоть только на нынѣшній день удалите его отсюда, — а ночью, пока еще дядюшки вашего нѣтъ, я помогу вамъ тихонько увезти Катерину Петровну и обвѣнчаться гдѣ-нибудь подальше, за городомъ.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ *(вскочивъ)*. Увезти? Ахъ, ты старый негодяй! Ахъ, ты плутовская рожа!

РАСТОРГУЕВЪ. *(особо)* Ой, ой, какъ онъ меня честитъ! а впрочемъ все-таки спасибо ему! *(ему)* Да, сударь, тогда вы ужъ навѣрно завладѣете всѣмъ приданнымъ....

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ *(громко)*. Дормидонъ!

РАСТОРГУЕВЪ. Чего изволите?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Пошелъ вонъ!!!

Ал. Расторгуевъ. Эхъ, сударь, да вы только послушайте...

Ал. Расторгуевъ (*толкая его*) Вонъ старый мошенникъ!

Расторгуевъ. (*про себя*) Браво! ай-да племянникъ! (*вслухъ*) хе! хе! хе!

Ал. Расторгуевъ.

Еслибъ не былъ ты такъ жалокъ
Я не сталъ бы разсуждать,
Двадцать, тридцать, сорокъ, палокъ
Я тебѣ велѣлъ бы дать! (*опять толкаетъ его*)

Расторгуевъ (*про себя*).

Такъ уйти жъ мнѣ отъ трезвону,
Я доволенъ имъ вполнѣ!
И хоть больно Дормидону,
Но какъ дядѣ.... любо мнѣ! (*уходитъ, смѣясь громко*).

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Александръ Расторгуевъ (*одинъ*).

Прошу покорно! онъ еще и смѣется, старый чортъ! Какъ жаль, что я не поколотилъ его. Онъ хочетъ, чтобъ я такимъ глупымъ поступкомъ унизилъ мою любовь и вооружилъ на себя дядю, — который только одинъ и можетъ спасти меня отъ долговъ. Нѣтъ! надо поберечься... Я въ душѣ хоть и поэтъ, но все таки скверно, какъ поэта засадятъ въ тюрьму.... Нѣтъ! нынче ужъ не тотъ вѣкъ, въ тюрьмѣ не прославишься... Всякій поэтъ нынче долженъ имѣть деньги, а иначе его никто въ грошъ не ставитъ. Однако, если я не женюсь на Катенькѣ, то вѣдь бѣда моя! я съ отчаянія готовъ буду умереть.... (*подумавъ, начинаетъ смѣяться*) Ха! ха! ха! нѣтъ, пустяки, вѣрно не умру... а просто, я думаю съ отчаянія приволокнуться за другой, да и женюсь съ отчаянія, чтобъ пожить подольше.

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Ал. Расторгуевъ и Катенька.

Ал. Расторгуевъ. Что я вижу? Катерина Петровна идетъ сюда! вотъ кстати...

КАТЕНЬКА. Ахъ, вы здѣсь, Александръ Петровичъ! (*присѣдая*) Какъ я рада, что вы опять къ намъ пріѣхали...

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Что я слышу! неужели вы ожидали меня? Ахъ, Катерина Петровна, какъ вы милы! Повѣрите ли, вы съ каждымъ днемъ все хорошѣете, клянусь вамъ!

КАТЕНЬКА. (*стыдливо*) Неужели? вы это замѣчаете?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. О, разумѣется! и какъ бы я желалъ всегда быть вмѣстѣ съ вами!

КАТЕНЬКА. Ахъ, признаюсь, я и сама отъ всей души этого желаю! Когда бывало вы приходили ко мнѣ въ Институтъ, я въ тотъ день была очень довольна и счастлива; но теперь, до пріѣзда дядюшки мы должны остерегаться быть наединѣ, потому-что за мною и за вами здѣсь довольно строго наблюдаютъ.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Да, очень можетъ быть. А какъ бы мы были счастливы, еслибъ дядюшка пріѣхалъ и позволилъ намъ всегда быть вмѣстѣ! Я бы вамъ читалъ мои стихи...

КАТЕНЬКА. А я бы ихъ слушала съ большимъ удовольствіемъ.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. (*съ чувствомъ*) О! настанетъ ли когда это счастливое время?

Когда бы поэту всегда вы внимали,
Вы были бы дивно тогда хороши!

КАТЕНЬКА.

И вы-бы, конечно, мнѣ все повѣряли,
Всѣ тайныя чувства высокой души!

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. (*страстно*)

Я съ вами дѣлилъ бы мечты и досуги...
(*про себя*) А если бы я да женился на ней,
Какъ мужъ и поэтъ, я въ объятьяхъ супруги,
Премного бы создалъ прекрасныхъ вещей!

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ, РАСТОРГУЕВЪ и ИГНАТЬЕВНА.

РАСТОРГУЕВЪ. Ну, сударь, подите-ко, посмотрите ваши комнаты; если что не такъ, то я хотѣлъ бы передѣлать.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ *(Расторгуеву)*, А ужъ ты опять здѣсь, злодѣй? (*Катенькѣ*) До свиданія, Катерина Петровна...

КАТЕНЬКА (*тихо ему*) Но мы непремѣнно еще увидимся?

РАСТОРГУЕВЪ. Не нужно ли вамъ еще чего подать?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Нѣтъ! убирайся ты къ чорту! Я еще съ тобой—погоди,—раздѣлаюсь! Дай только пріѣхать дюдюшкѣ, я тебя выведу на свѣжую воду, старый уродъ! (*уходитъ*)

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, кромѣ Ал. Расторгуева.

РАСТОРГУЕВЪ (*тихо Игнатьевнѣ*), Онъ со мной не церемонится. Послушай, тотъ хитрецъ, вѣрно, сейчасъ явится разспрашивать, не нашелъ ли я средства удалить его брата, такъ надо, чтобы Катенька ушла отсюда. Она намъ будетъ мѣшать.

ИГНАТЬЕВНА (*тихо*). Да она, кажись, какъ нарочно, хочетъ здѣсь остаться.. вонъ, садится за шитье.

КАТЕНЬКА (*про себя, наблюдая за стариками*). Что бы это значило? Няня моя, какъ я давно замѣчаю, безпрестанно все шепчется съ старикомъ Дормидономъ.

РАСТОРГУЕВЪ (*также*). Вызови ее какъ-нибудь...

ИГНАТЬЕВНА. А вотъ попробую... гмъ!

КАТЕНЬКА (*также*) Вотъ, опять... опять... что у нихъ за секреты?

ИГНАТЬЕВНА. Барышня, пойдите-ка, покажите мнѣ ваше вышиванье, что вы готовите къ пріѣзду стараго барина...

КАТЕНЬКА. Это что за новости? Да ты его ужъ сегодня раза три видѣла.

ИГНАТЬЕВНА. Ахти? я вѣдь и забыла; точно видѣла... да да... видѣла. (*Смотритъ на Расторгуева, не зная, что сказать*).

РАСТОРГУЕВЪ (*также*). Ну, братъ, я вижу, что тебѣ не выжить ее. (*вслухъ Катенькѣ*) Катерина Петровна! Я сейчасъ посылаю письмо къ барину, такъ не напишете ли и вы къ нему?

КАТЕНЬКА (*лукаво*). Нѣтъ, не хочу. Да мнѣ не о чемъ и писать. (*про себя*) Вотъ... вотъ, теперь перемигиваются... (*вслухъ*) Впрочемъ, пожалуй, что-нибудь напишу. (*про себя*) Какъ бы узнать, что у нихъ за тайны? Первый разъ въ жизни, попробую подслушать. (*Уходитъ*)

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, кромѣ Катеньки, (*которая подслушиваетъ изъ своей комнаты*), потомъ Кротовъ.

ИГНАТЬЕВНА Ну, выжили, слава Богу!

РАСТОРГУЕВЪ. Ну, старуха, я вижу что старшій племянникъ— страшный пройдоха! онъ сейчасъ шепнулъ мнѣ въ кабинетъ, что и самъ, наконецъ, придумалъ чудесное средство спровадить отсюда своего брата. Каковъ плутъ?

ИГНАТЬЕВНА. Неужели? а вѣдь подите-же, кажется онъ такой любезный человѣкъ, такой любезный человѣкъ, такой тихой...

РАСТОРГУЕВЪ. Да въ тихомъ-то омутѣ черти и водятся. Тсъ! вотъ и онъ.

КРОТОВЪ. (*входя поспѣшно*). Ну, друзья мои, вы одни здѣсь? тѣмъ лучше. Если ты, старикъ, еще не придумалъ, какъ выжить отсюда брата моего Александра, такъ я нашелъ средство обмануть его и заставить уѣхать изъ Петербурга.

КАТЕНЬКА, (*подслушивая, говоритъ про себя*) Какъ, заставить уѣхать изъ Петербурга?

КРОТОВЪ. Конечно, средство довольно дерзкое, но впрочемъ, бояться нечего; братъ мой, какъ легкомысленный повѣса, безъ труда повѣритъ обману.

КАТЕНЬКА. Обману?!

РАСТОРГУЕВЪ. Ну, а если дядя-то наконецъ узнаетъ вашъ обманъ.

КРОТОВЪ. Ничего. Старикъ вѣрно пойметъ, что все это мы сдѣлали для того, чтобъ избавить Катерину Петровну отъ недостойнаго жениха.

РАСТОРГУЕВЪ. Хорошо-съ. Такъ что же вы придумали?

КРОТОВЪ. Самое простое и вѣрное средство: сыграть комедію съ братомъ, т. е. найти такого человѣка, который бы явился сюда подъ именемъ моего дяди.

РАСТОРГУЕВЪ. А! вотъ оно что! Ха, ха, ха, я видалъ много такихъ комедій, за границею и здѣсь. И точно, вездѣ тамъ есть какой-нибудь племянничекъ, который плутовски надуваетъ дядюшку, только, знаете ли, вотъ бѣда, я видалъ, что не всякому племяннику удается надуть.

КРОТОВЪ. Конечно. Но тутъ дѣло главное не въ племянникѣ, а въ дядѣ. Понимаешь-ли? тутъ дядя долженъ искусно обмануть племянника.

РАСТОРГУЕВЪ. Вѣдь ужъ никто изъ васъ, лучше меня не знаетъ вашего дядюшку, — я съ нимъ цѣлый вѣкъ душа въ душу, не разлученъ. Такъ позвольте-ка мнѣ быть вашимъ дядюшкой...

ИГНАТЬЕВНА. Ахти! и впрямь! Дормидону-то быть дядюшкой, кажись, благоприличнѣе всего.

КРОТОВЪ (*съ живостію*). Постойте!.. а что вы думаете?..

РАСТОРГУЕВЪ. Именно. Что вы думаете?

КРОТОВЪ, (*обдумывая*) Да! да! это весьма вѣроятно.... Мы можемъ увѣрить брата и Катеньку, что дядя, какъ извѣстный чудакъ, хотѣлъ...

РАСТОРГУЕВЪ. Ну, да просто: хотѣлъ я прежде узнать каковы молодцы мои племянники, стоятъ-ли они моихъ попеченій, и потому, явился сюда, подъ именемъ стараго Дормидона.

КРОТОВЪ. Именно такъ! ты знаешь дядю лучше всѣхъ.

РАСТОРГУЕВЪ. Какъ самого себя!

КРОТОВЪ. Прекрасно. Зная всѣ его пріемы и привычки, ты можешь представитъ его пренатурально.

РАСТОРГУЕВЪ. Да ужъ постараюсь. Просто, всѣ по неволѣ скажутъ, что я вамъ дядя, да и только. Я же привезъ съ собою часть его гардероба.

КАТЕНЬКА, (*подслушивая*). А! вотъ что!

КРОТОВЪ. Безподобно! чудесно! ты разругаешь брата, да хорошенько, за его вѣтренность и мотовство, а потомъ и спровадишь его куда-нибудь недѣли на двѣ, вонъ изъ Петербурга. А я дамъ и денегъ на прогоны...

РАСТОРГУЕВЪ. Ну, ужъ *прогоны-то* я возьму на себя, не безпокойтесь.

ИГНАТЬЕВНА. Экія затѣи! ну, а какъ *настоящій-то* дядюшка пріѣдетъ, и барышня какъ-нибудь узнаетъ этотъ обманъ, тогда-то что?

КРОТОВЪ. Ничего. Лишь бы выжить брата, а ужъ я послѣ найду, что сказать, дядюшкѣ и какъ оправдать нашъ поступокъ. Пожалуй, я научу тебя написать къ нему заранѣе: что братъ Александръ, желая завладѣть богатымъ приданымъ Катерины Петровны, хотѣлъ ее увезти и насильно жениться.

РАСТОРГУЕВЪ. Такъ! такъ! тутъ ужъ можно и приврать съ три короба!

КРОТОВЪ, (*потирая руки*). Разумѣется. И такъ, есть надежда избавиться отъ соперника... Я приласкаюсь къ дядѣ, и Катенька, разставшись съ братомъ, должна будетъ выйти за меня!

РАСТОРГУЕВЪ. Да, ужъ у насъ такая выйдетъ исторія, что вы и сами удивитесь.

КРОТОВЪ. Да ты, Дормидонъ, ей Богу, препочтенный человѣкъ!

РАСТОРГУЕВЪ. Да ужъ это само—собою. Что бы я теперь не напроказилъ, а ужъ какъ многіе, все стараюсь не уронить себя.

И въ нашемъ вѣкѣ вожделенномъ,
Гдѣ всякій бьетъ на интересъ,
Лишь прежде прослыви почтеннымъ,
А тамъ—грѣши себѣ, какъ бѣсъ!
Здѣсь тьма людей такого сорта,
Иной, плутуетъ цѣлый вѣкъ
Хитрѣе дьявола и чорта...
А все — почтенный человѣкъ!

КРОТОВЪ. Однако, нечего терять времени; пожалуйте, любезный *дядюшка*... ха! ха! ха! на вашу половину... ха! ха! ха! вамъ надо переодѣться... ха! ха! ха! чудесная выдумка! (*уходитъ въ кабинетъ*)

РАСТОРГУЕВЪ. Иду, иду, племянничекъ! (*Игнатьевнѣ*) Просмѣется голубчикъ! ха! ха! ха! (*уходитъ за нимъ*).

ИГНАТЬЕВНА. Экія затѣи! ха! ха! ха! (*уходитъ туда же*).

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

Катенька одна, (*выходя изъ своей комнаты*), потомъ вскорѣ ал. расторгуевъ.

катенька. Каково вамъ это покажется!.. И старая моя няня, туда же съ ними за одно! хорошо же! пойду, отыщу Александра Петровича и все скажу, что я слышала... А! да вотъ и онъ.

ал. расторгуевъ, (*входя*). Ахъ, божество мое! какъ я радъ, что опять вижу васъ!

катенька. Ахъ, Александръ, вы, вѣрно, ничего не знаете?

ал. расторгуевъ. Ахъ, вы угадали! все забылъ, что прежде зналъ, и теперь знаю только одно: что я отъ васъ безъ ума.

катенька. Да не въ этомъ дѣло. Вообразите, вашъ братъ, старикъ Дормидонъ и няня Игнатьевна составили заговоръ, и хотятъ васъ куда-то выслать изъ Петербурга.

ал. расторгуевъ. Какъ! что-съ? если у нихъ заговоръ, такъ скорѣй заговорщиковъ выслать, а меня не за что!

катенька. Ахъ, да выслушайте хорошенько! противъ васъ и меня ужасная интрига! братъ вашъ вооружается на васъ...

ал. расторгуевъ. А! неужели послѣднія времена наступаютъ? братъ на брата, языкъ на языкъ... Впрочемъ, во ожиданіи дядюшки, мы можемъ вмѣстѣ поинтриговать...

катенька. Какого дядюшки? Вообразите, они хотятъ насъ увѣрить, что дядюшка уже здѣсь и для испытанія скрывается подъ именемъ старика Дормидона. Каково?

ал. расторгуевъ. Возможно ли!

катенька. Да! да! и все это выдумали они для того, чтобъ заставить васъ надолго уѣхать изъ Петербурга.

ал. расторгуевъ. Прошу покорно! ха! ха! ха! И мой милый братецъ тутъ же участвуетъ?

катенька. Да онъ-то больше всего и хлопочетъ васъ одурачить. Старикъ Дормидонъ охотно согласился выдать себя за своего барина, и они всѣ, я думаю, сейчасъ явятся.

ал. расторгуевъ. Ха! ха! ха! да изъ этой штуки можетъ быть преуморительная сцена! Каковъ же этотъ старичишка Дормидонъ? Недаромъ я считалъ его бездѣльникомъ. Онъ смѣетъ выдавать себя за моего почтеннаго дядю! да я его за это изуродую! (*осматриваясь*) А! кто-то идетъ... хорошо...

Покажемте, что мы оба ничего не знаемъ и вѣримъ имъ во всемъ.

КАТЕНЬКА. Хорошо.

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢЖЕ, КРОТОВЪ и ИГНАТЬЕВНА.

КРОТОВЪ (*съ живостію*). Братъ! братъ! вообрази себѣ, какая пріятная и неожиданная новость... Ахъ, Боже мой! я не могу прійти въ себя отъ удивленія!

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Что? что случилось?

КРОТОВЪ. Впрочемъ нѣтъ!.. отъ него всегда этого можно было ожидать.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Да что? отъ кого?

КРОТОВЪ. Ты вѣдь, конечно, слышалъ не разъ, что дядюшка нашъ большой чудакъ и оригиналъ?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Такъ чтоже? не хочетъ ли ужъ онъ и надъ нами позабавиться?

КРОТОВЪ. О! да еще какъ! Вообрази, вѣдь онъ ужъ давно здѣсь!

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Здѣсь?!

ИГНАТЬЕВНА. Ей Богу, здѣсь!

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ и КАТЕНЬКА. Возможноли!

КРОТОВЪ. Да! да! и каково тебѣ покажется? чтобъ лучше узнать насъ, онъ вздумалъ назваться... это премило! старикомъ Дормидономъ! А, какова затѣя?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Какъ! этотъ Дормидонъ?.. эта глупая фигура?..

КРОТОВЪ. Ѳома Ѳомичъ! нашъ почтенный дядюшка! Игнатьевна знала это, и до сей поры изволила скрывать.

КАТЕНЬКА. Какъ, няня, неужели это правда?

ИГНАТЬЕВНА. Виновата, барышня, совершенная, правда! хоть побожиться.

КАТЕНЬКА (*тихо Ал. Расторгуеву*). Ай! ай! какъ они лгутъ!

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ, (*притворясь*). Да полно, братецъ! мнѣ что-то право не вѣрится...

КРОТОВЪ. А вотъ увидишь. Онъ переодѣвается и сейчасъ будетъ сюда. Ахъ! обнимая его, я невольно плакалъ отъ радости.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. О! такъ и я готовъ съ полнымъ восторгомъ броситься въ объятія этого милаго, добраго, любезнаго, почтеннаго дядюшки! этого отца, друга, благодѣтеля... гдѣ же онъ? давайте мнѣ его... (*тихо Катенькѣ*) Смотрите же, помогайте мнѣ.

ИГНАТЬЕВНА. Да вотъ онъ, голубчикъ!..

—

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТѢЖЕ, и РАСТОРГУЕВЪ (*переодѣтый*).

РАСТОРГУЕВЪ. А! всѣ здѣсь! я очень радъ.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ (*громогласно*). Ахъ! дядюшка! вы-ли это? о!

Наконецъ мы увидали
Дядю милаго опять!
Сколько лѣтъ васъ ждали, ждали!
Дайте васъ скорѣй обнять!.. (*обниметъ крѣпко много разъ*)

РАСТОРГУЕВЪ.

Полно! полно! Бога ради...

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ.

Дайте васъ разцѣловать;
Намъ вѣдь эдакого дяди
Въ преисподней не сыскать.
Вы безъ насъ похорошѣли,
Добрый, лысый старичекъ,
И, какъ видно, пополнѣли
Ровно, вдоль и поперегъ! (*бьетъ его по животу*)

РАСТОРГУЕВЪ.

Сумашедшій! полно! полно!

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ.

Какъ не быть мнѣ безъ ума?
Вѣдь у васъ въ карманахъ полно,
Толстый дядюшка Ѳома! (*снова брасается къ нему на шею*).

РАСТОРГУЕВЪ. Разбойникъ! да ты меня задушить хочешь?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Это не я! не я! это радость моя душитъ васъ!

РАСТОРГУЕВЪ. Да отвяжись! чортъ возьми!

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Не могу! я къ вамъ привязался, какъ лихорадка!

РАСТОРГУЕВЪ (*сердито*). Прочь! тьфу ты пропасть! я, что-то, не вѣрю этому восторгу...

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ (*выразительно*). О, я знаю, что вы—Ѳома невѣрный. Ха! ха! ха!

РАСТОРГУЕВЪ. Ну, ну, молчи! а ты, милая Катенька чтожъ не обнимешь своего втораго отца?

КАТЕНЬКА (*смѣясь*). Ахъ, я не могу... чрезмѣрная радость лишаетъ меня возможности. Ха! ха! ха!

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Да, да, иногда бываетъ, что отъ чрезмѣрной радости... ха! ха! ха!

РАСТОРГУЕВЪ. Прошу покорно! (*про себя*) Что это за пріемъ такой?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Скажите-ка, дядюшка, зачѣмъ это вы... ха! ха! ха! какеемъ-то наряжались? А вѣдь могло легко случиться, что я бы и... поколотилъ васъ.

КАТЕНЬКА. А впрочемъ, мнѣ кажится, что прежнее то платье вамъ больше къ лицу; ха! ха! ха!

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Да, да, точно, въ этомъ вы не то... жаль что вы ливрею-то сняли! ха! ха! ха! впрочемъ это общая слабость иныхъ мелкотравчатыхъ честолюбцевъ.

Иной изъ хамовъ, очень тонокъ!
И какъ хитро дѣла ведетъ:
Сперва накрадетъ онъ денжонокъ,
А тамъ и въ люди ужъ ползетъ!
Въ толпѣ господъ—онъ въ платьѣ модномъ,
И хоть фигура хороша,
А все, подъ платьемъ благороднымъ,
Видна холопская душа.

РАСТОРГУЕВЪ. Племянникъ! послушай...

КРОТОВЪ. Братецъ! да что же это значитъ? не ужели ты могъ...

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Нѣтъ не могу удержаться... ха! ха! ха!.. (*тихо Катенькѣ*) Посмотрите, какія онъ рожи дѣлаетъ... ха! ха! ха!

КАТЕНЬКА. Да! да! преуморительно!

КРОТОВЪ. Любезный дядюшка, простите моего брата... мнѣ больно даже видѣть, что онъ нисколько не чувствуетъ...

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Нѣтъ, я очень чувствую, что дядюшка, хочетъ меня уморить со смѣху! ха! ха! ха!

(*Катенька также продолжаетъ хохотать*)

РАСТОРГУЕВЪ (*тихо Кротову*). Хорошо же; уйдите отсюда, я съ нимъ раздѣлаюсь.

КРОТОВЪ (*также*). Да, да, смотри, отдѣлай его хорошенько; надо, чтобъ онъ сегодня же уѣхалъ отсюда.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ (*тихо Катенькѣ*). Смотрите, смотрите, шепчутся.

РАСТОРГУЕВЪ (*громко Александру*). Послушай, повѣса, перестань! мнѣ надо серьезно поговорить съ тобою.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. А! извольте; если вы только не станете смѣшить, я укрѣплюсь.

РАСТОРГУЕВЪ (*Кротову и Игнатьевнѣ*). Оставьте насъ.

КАТЕНЬКА. Но я, любя вашего дядюшку, хочу остаться здѣсь.

КРОТОВЪ (*Расторгуеву*). Повѣрьте, любезный дядюшка, я васъ столько люблю и почитаю, что малѣйшее ваше желаніе готовъ исполнить съ удовольствіемъ. (*уходитъ въ кабинетъ съ Игнатьевной*).

—

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ТѢЖЕ, КРОМѢ КРОТОВА И ИГНАТЬЕВНЫ.

РАСТОРГУЕВЪ. Ну, милые мои дѣти, наконецъ—я откровенно могу побесѣдовать съ вами! Не смотря на вашъ дурной пріемъ, я все таки полюбилъ васъ отъ души!

КАТЕНЬКА (*весело*). О, добрый дядюшка! (*тихо Александру*) онъ все-таки продолжаетъ.

РАСТОРГУЕВЪ. Послушай, Александръ, мнѣ конечно пріятно видѣть, что ты добрый и откровенный малой,—но только жаль, что ты страшный повѣса и грубіянъ.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. А ты... старый болванъ!

РАСТОРГУЕВЪ (*съ досадою*). Какъ! что? и ты смѣешь такъ обижать своего дядю?

КАТЕНЬКА. Извините его... онъ такой откровенный...

РАСТОРГУЕВЪ. Какъ! и ты тоже за него?

КАТЕНЬКА. Слышите? онъ говоритъ мнѣ *ты*! Нельзя ли и вамъ быть поучтивѣе съ нами?

РАСТОРГУЕВЪ. Да что же это? чортъ возьми! шутите вы со мной, или нѣтъ?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ (*взявъ его за воротъ*). Нѣтъ, старый уродъ, ужъ теперь шутки въ сторону! Я хочу съ тобой раздѣлаться серьезно.

РАСТОРГУЕВЪ. Прошу покорно! да ужъ это изъ рукъ вонъ!

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Нѣтъ, бездѣльникъ! теперь ты уменя въ рукахъ! Какъ ты смѣлъ назваться именемъ моего почтеннаго дяди?

И на что это похоже,
Съ нами такъ шутить?
Ну твоей ли глупой рожѣ
Нашимъ дядей быть?

РАСТОРГУЕВЪ.

Перестань! прошу оставить!
Отвяжись, пострѣлъ!

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ.

Ты куда меня отправить
Старый чортъ хотѣлъ?
Говори! не то заставлю
Палкой дать отвѣтъ!
И на тотъ ужъ свѣтъ отправлю
Я тебя, мой свѣтъ.

РАСТОРГУЕВЪ.

Ну, такъ знай, злодѣй, насмѣшникъ,
Дядя — точно я!..

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ.

На колѣна, старый грѣшникъ!
Или—смерть твоя!

РАСТОРГУЕВЪ.

Да вѣдь я затѣялъ въ шутку...

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ.

Въ дядюшки попасть?
Такъ за эту шутку—въ будку,
А изъ будки—въ часть!

РАСТОРГУЕВЪ (*кричитъ*) Разбойникъ! ты меня выводишь изъ

терпѣнія! Чортъ побери всѣхъ племянниковъ и самого дядю и все на свѣтѣ!

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Что? что? Да онъ еще кажется и съумашедшій! Ого! связать его! эй!

—

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же и Игнатьевна.

ИГНАТЬЕВНА (*въ страхѣ*). Батюшки свѣты! кто это рехнулся?

РАСТОРГУЕВЪ. Да видно мнѣ приходится. Поди, вотъ, съ ними, рѣшительно не хотятъ вѣрить, что я ихъ дядя.

ИГНАТЬЕВНА. Экой грѣхъ затѣяли! да я, пожалуй, хоть побожусь...

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. И ты туда же, старая грѣховодница?

КАТЕНЬКА. Такъ слушай же, старикъ, ты насъ не обманешь, потому-что я давича все подслушала, что вы говорили. Лучше признайся....

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Слышишь? и такъ лучше всего, проси сейчасъ прощенья — и дѣло кончено.

РАСТОРГУЕВЪ. Ну, какъ же тутъ не взбѣситься! Въ послѣдній разъ повторяю, что я — точно дядя! и если вы узнали о нашемъ заговорѣ, такъ все таки остается въ дуракахъ одинъ племянникъ Иванъ, потому,-что до-сихъ-поръ считаетъ меня слугой, Дормидономъ.

КАТЕНЬКА. Слышите, Александръ Петровичъ?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Какъ же! и слышу.... и вижу... не вѣрю.

РАСТОРГУЕВЪ. Тьфу, ты пропасть! опять за тоже? Такъ вотъ, негодяй, взгляни на мой портретъ, который я хотѣлъ подарить Катенькѣ, въ день вашей свадьбы.

КАТЕНЬКА. Не ужели?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Въ день нашей свадьбы? (*смотря и сличая съ оригиналомъ*) да неужели вы — дядюшка? да .. да... большое сходство! и эти черты... и эти крупные брильянты...

КАТЕНЬКА. Точно... это вы! Но кто бы могъ ожидать... Ахъ, простите меня...

ИГНАТЬЕВНА. Ага! другое теперь заговорили.

РАСТОРГУЕВЪ. Шалунья! такъ и быть, я все забываю (*обнимаетъ ее*).

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ, (*посмотрѣвъ на дядю*). Послушайте, дядюшка: если вы дядюшка, т. е. истинный дядюшка... то обругайте племянника, и простите такъ, какъ я васъ прощаю.

РАСТОРГУЕВЪ. Ахъ, ты повѣса! да можно ли тебя простить?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Помилуйте! отъ чего же? вѣдь я же васъ прощаю.

РАСТОРГУЕВЪ. Вопервыхъ, ты всѣмъ долженъ..

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Позвольте! не обижайте! право еще не всѣмъ, а только *всѣмъ* тѣмъ, у кого занималъ.

РАСТОРГУЕВЪ. Кто же будетъ платить?

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Ахъ, дядюшка! въ минуту такого радостнаго свиданія, не ловко разрѣшать финансовые вопросы!

КАТЕНЬКА. Да, да, простите его... для меня!

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Именно: простите меня, для... для нея.

РАСТОРГУЕВЪ. Ну, ну, Богъ съ вами! а что то теперь скажетъ тотъ интриганъ, когда увидитъ, что я обнимаюсь съ вами.

ИГНАТЬЕВНА. Да вотъ и онъ!

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же и Кротовъ.

КРОТОВЪ (*говоритъ про себя, смотря на Расторгуева*). Ба! ба! ба! да чтожъ это Дормидонъ дѣлаетъ? вѣрно струсилъ и признался въ обманѣ? Дуракъ, постой же, чтобъ передъ братомъ оправдаться, надо во всемъ обвинить стараго предателя. (*вслухъ*) Что, старый интриганъ? попался! Братъ, не вѣрь ему, онъ всѣхъ насъ обманываетъ.

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Неужели? ха! ха! ха!

РАСТОРГУЕВЪ (*Катенькѣ и Александру*) Да, да, друзья мои, невѣрьте ему, онъ всѣхъ насъ обманываетъ.

КРОТОВЪ. Это что такое? Послушай, Дормидонъ, если ты впередъ осмѣлишься такъ безстыдно поступать съ нами, взявъ на себя имя нашего почтеннаго дяди, такъ я тебя проучу за это....

ИГНАТЬЕВНА Что вы, сударь! да вѣдь Дормидонъ-то и есть

вашъ дядюшка! (*Расторгуевъ, Катенька и Ал. Расторгуевъ смѣются*).

КРОТОВЪ. И ты туда же? молчи! (*Алекс.*) Братъ! ты въ заблужденіи, это не дядя....

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ. Братъ, ты въ заблужденіи, это не Дормидонъ.

КРОТОВЪ. Вы ошибаетесь, говорю вамъ; этотъ старый плутъ...

КАТЕНЬКА (*подходитъ къ нему*). Вы сами ошибаетесь. Посмотрите, это самъ Ѳома Ѳомичъ, и лучше просите прощенія. (*Показываетъ ему портретъ*).

КРОТОВЪ. Что я вижу!... ба! эти черты... (*смотритъ на портретъ*).

РАСТОРГУЕВЪ. Эти черты того, который никогда не проститъ васъ за ваши интриги противъ родныхъ! Стыдно, молодой человѣкъ! я васъ послѣ этого...

АЛ. РАСТОРГУЕВЪ (*останавливая трагически*). Дялюшка! тсъ! ни слова больше... Братъ! я тебя... гмъ! прощаю! а ты за это.. простись съ невѣстой. (*дядя хочетъ говорить*) Дялюшка, не продолжайте! а поцѣлуйте меня дурака и, конецъ концовъ.

КОНЕЦЪ.

ПАНТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ.

ТВАРДОВСКІЙ.

ПОВѢСТЬ, ВЗЯТАЯ ИЗЪ ПОЛЬСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ,

ЮСИФА ИГНАТІЯ КРАШЕВСКАГО.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

Какъ Твардовскій замышлялъ пуститься въ свѣтъ.

—

Твардовскій сидѣлъ по-прежнему у себя въ комнатѣ, въ Краковѣ, и по-прежнему тревожили его мрачныя мысли. Чувствовалъ онъ, какъ много еще недоставало ему для того, чтобы быть счастливымъ. — «Чего надостаетъ мнѣ? – спрашивалъ онъ самъ себя. «Я изучилъ науку, которой я такъ пламенно жаждалъ; обладаю властью, которой домогался съ такимъ рвеніемъ.» И думая такъ, Твардовскій съ смѣлостью мудреца, который не боится углубляться мыслью въ душу свою, углублялся въ нее, разсматривалъ ее съ пытливостью врача, который смотритъ на больнаго, стараясь узнать зародышъ и причину болѣзни, скрытые для глаза неопытнаго и несвѣдущаго.

—Чего же мнѣ надобно?—продолжалъ онъ: я достигъ науки и власти, а развѣ на свѣтѣ есть счастіе, которое бы было выше счастія не знать предѣловъ власти знанія?..

—При этой мысли, которую шепнулъ ему невидимка — дьяволъ и которая блеснула въ головѣ его, какъ молнія, Твардовскій затрепеталъ: мысль эта тотчасъ породила въ немъ безконечную вереницу новыхъ понятій о жизни.

—Необходимо ли обладаніе властью и знаніемъ для того, чтобъ пользоваться счастіемъ жизни наровнѣ съ людьми, съ этой толпою, которая, чтобъ быть счастливою, — живетъ въ свѣтѣ, не понимая его, — которая живетъ, не переставая сто-

нать и жаловаться? Не лучше ли, зная все, понимая все, не прикасаясь ни къ чему, не мѣшать себя съ толпою, не запятнать себя ея слабостями, и стать – выше всѣхъ наслажденій, которыя дѣлаютъ человѣка рабомъ земли, тѣла и свѣта?... И развѣ необходимо мнѣ, отдѣленному отъ людей наукой и властью, снова соединиться съ ними, унизиться до того, чтобы пить съ ними за одно изъ грязнаго и мутнаго источника жизни? Притомъ, кто увѣритъ меня, что тутъ я удовлетворю всѣ мои желанія, – что, опустивъ возжи однажды, я удержусь на быстромъ бѣгу и не захочу выпить горькую чашу до дна?. Стоитъ ли унижаться до этихъ пустыхъ наслажденій?...

Разсуждая такимъ образомъ, Твардовскій увѣрился, наконецъ, въ противномъ: испытывая земное счастіе, ему хотѣлось испытать жизнь, пуститься въ свѣтъ и вкусить всѣ наслажденія.

—Пущусь въ свѣтъ! воскликнулъ онъ и въ ту же минуту чей-то насмѣшливый хохотъ раздался надъ нимъ. Твардовскій оглянулся: за нимъ стоялъ дьяволъ.

—Опять ты здѣсь, сатана? — сказалъ онъ ему.

—Всегда съ тобою, Твардовскій, отвѣчалъ бѣсъ. Я слышалъ любопытную бесѣду твоей души съ тѣломъ и не могъ не захохотать отъ твоей самоувѣренности: ты думаешь, что легко пуститься въ свѣтъ и воспользоваться всѣми его благами?

—Хотѣлось бы знать, что нашелъ ты смѣшнаго въ моемъ желаніи?

Послушай меня, Твардовскій: мысль эта пришла тебѣ въ ту самую пору, о которой я тебѣ предсказывалъ. Не вѣришь— взгляни на себя: наука и трудъ истощили, обезсилили тебя; душа твоя, какъ левъ, запертый въ клѣткѣ, бьется и рвется на свободу. Не отъ лѣтъ, но отъ заботъ и мыслей сѣдѣютъ твои волосы, рѣдѣютъ и выпадаютъ, какъ перезрѣлый плодъ съ дерева; глаза твои впали и окаймилися багровыми рубцами, будто отъ тяжкаго труда и разврата; лице твое высохло и сморщилось, какъ старый пергаменъ, тѣло согнулось дугою, какъ лукъ, который гнется и съ оборванной тетивою. Ты привыкъ и сроднился съ жизнью ученаго; ты знаешь книги, но незнаешь людей, — не знаешь женщинъ — этотъ вѣнецъ земной красоты, безъ которой ничтожны всѣ удовольствія свѣта. И ты думаешь, мудрецъ, что ты найдешься въ этомъ свѣтѣ,

извѣстномъ тебѣ такъ хорошо по книгамъ? Въ свѣтѣ — я въ томъ увѣренъ—проведетъ тебя первая крестьянская дѣвушка, съ которою ты встрѣтишься.

Твардовскій засмѣялся.

—Смѣйся, смѣйся; — увидимъ, кто изъ насъ будетъ смѣяться послѣдній,—продолжелъ дьяволъ, поджимая хвостъ. Но, предваряю тебя, Твардовскій, что знать свѣтъ по ученымъ книгамъ, и знать такъ, какъ его знаютъ тѣ, которые живутъ въ немъ,— совершенно разныя вещи. Представлю тебѣ въ примѣръ цвѣтокъ, ты назовешь имя его на всѣхъ языкахъ, изчислишь всѣ его свойства и качества, — но сплетешь ли изъ него вѣнокъ, такъ ловко, какъ сплететъ его деревенская дѣвушка? сдѣлаешь ли изъ него вкусную приправу, какъ поваръ, или даже какъ простая кухарка? Точно тоже и съ свѣтомъ, Твардовскій: иначе смотритъ на него любознательный мудрецъ, — иначе тотъ, кто живетъ въ немъ и дѣйствуетъ.

—А сколько глупцовъ пользуются этимъ свѣтомъ,—возразилъ Твардовскій. По одному этому я не считаю его трудною для себя задачею.

—Глупцовъ?.. правда, - отвѣчалъ дьяволъ, — но эти глупцы — мудрецы въ знаніи свѣта: они весь свой вѣкъ служатъ свѣту и знаютъ хорошо, что дѣлаютъ; — знаютъ, не по разсудку, но по инстинкту, какъ звѣри. Увидишь, Твардовскій, что мысль, о которой я намекалъ тебѣ прежде, пришла къ тебѣ, къ-сожалѣнію, слишкомъ поздно, потому-что, видишь ли, жить на свѣтѣ и не пользоваться имъ, хоть бы и такъ, какъ пользуются глупцы, — значитъ не знать свѣта и, отчасти, самого себя.

—Но развѣ нельзя добраться до этихъ таинствъ усиліями разсудка, - проникнуть ихъ, усвоить себѣ инстинктивно?

—Можно — въ книгѣ, а не на дѣлѣ. Отъ теоріи до практики такъ далеко, что только ограниченный и неспособный человѣкъ могъ выводить начало жизни и науки изъ теоріи. Кто разсуждаетъ надъ дѣйствіями человѣка, надъ жизнію, прежде, чѣмъ испытаетъ на себѣ эти дѣйствія и эту жизнь, - тотъ умышленно портитъ и уродуетъ себя. Теоріей тутъ служитъ человѣку врожденный его инстинктъ, и всякая другая теорія будетъ смѣшна, безполезна и даже вредна.

—Парадоксы!- вскричалъ Твардовскій; — впрочемъ увидимъ!

По уходѣ дьявола, Твардовскій снова погрузился въ глубокія думы. Его раздражало постоянное упорное шпіонство дьявола. Желая избавиться отъ столь докучливаго свидѣтеля, онъ уже не говорилъ самъ съ собою, но тихо, таинственно бесѣдовалъ съ своей душою, которой тайны не могли быть доступны дьяволу. Эти размышленія привели его скоро къ самому горькому результату: онъ уже начиналъ жалѣть о прошедшихъ годахъ своей юности, посвященныхъ наукѣ. Дьяволъ угадалъ, какъ нельзя лучше.

—Что я выигралъ? — думалъ онъ, спрашивая самого себя; немного славы. Но кому не извѣстно, что такое слава?.. Это — пахучій дымъ, который сегодня нѣжитъ обоняніе, а завтра сольется съ смрадными испареніями и не удовлетворитъ требованій души, — когда ее мало для меня? Послѣдній глупецъ гораздо счастливѣе въ объятіяхъ женщины, чѣмъ я въ вѣнцѣ моемъ! Жаль потерянныхъ дней, ясныхъ дней, исполненныхъ жизненной силы, предназначенныхъ для свѣта,—дней, которые употребилъ я на тяжкій трудъ, на науку... И что же осталось для меня въ вознагражденіе трудовъ моихъ?.. Истраченное здоровье, блѣдныя, мертвыя воспоминанія, и слава — смѣшное слово, выдуманное людскою глупостью: — фальшивая монета, на которую можно было бы купить многое, но которую никто не беретъ. Религія славы — есть одно изъ самыхъ давнихъ людскихъ вѣрованій. Каждая религія платитъ за вѣру въ нее какими-нибудь обѣщаніями награды, — а слава не платитъ ничѣмъ, - хуже нежели ничѣмъ, она платитъ обманомъ. И въ чемъ же эта слава? Не въ томъ ли, что на меня указываютъ пальцами, что обо мнѣ шепчутся между собой дураки, — что всѣ смотрятъ на меня, когда я иду?.. А сколько же такихъ, которые не знаютъ меня, не слыхали обо мнѣ никогда, — сколько такихъ, которые не думаютъ и не говорятъ обо мнѣ? Какъ много забвенія на одну горсть воспоминанія!

Волнуемый подобными мыслями, Твардовскій уже вздыхалъ о потерянной жизни и рисовалъ себѣ иную будущность. Онъ рѣшился идти другой дорогою и испытать все, чего не испыталъ до-сихъ-поръ. Въ успѣхѣ онъ не сомнѣвался; онъ зналъ, что свѣтъ склонится передъ нимъ; и онъ уже принималъ его любовно въ свои объятія,—постилалъ ему розовое ложе. Но горько ошибался онъ, полагая, что можно пользоваться наслажденіями

ями свѣта, въ то время, когда мрачная половина жизни прошла и истратилась въ трудѣ и наукѣ...

И бросилъ Твардовскій свои книги, и пустился въ свѣтъ, увѣренный, что проникнетъ его сквозь призму наслажденій, какъ проникнулъ прежде взоромъ любознанія науку... Когда онъ взглянулъ на этотъ свѣтъ, передъ нимъ открылся новый, совершенно незнакомый ему, міръ. До-сихъ-поръ глазъ мудреца видѣлъ только скелетъ свѣта, а надобно было любить и быть любимымъ, чтобъ замѣтить движеніе, жизнь и душу этого свѣта. Теперь каждый предметъ представлялся ему иначе, и тогда только, когда онъ во всемъ началъ искать пользы, или наслажденія, тогда только открылась передъ нимъ прелестная, роскошная сторона свѣта. Но въ тоже время, внутреннее чувство шептало ему, что онъ уже устарѣлъ для свѣта, что органы его слишкомъ слабы и истощены, чтобы подобно другимъ, пользоваться наслажденіями жизни. Раздраженныя чувства его напрасно порывались къ дѣятельности: его положеніе похоже было на положеніе разбитаго параличемъ, пустившагося въ танцы. Грустно было его положеніе, а еще грустнѣе мысли, которыя оно возбуждало.

Увидѣлъ онъ ангеловъ-женщинъ, съ которыми не сближался никогда изъ убѣжденія, что онѣ не могли любить его. На свѣтѣ любовь никогда не бываетъ такъ безкорыстна, чтобъ, отдавая все, сама не брала ничего. Что же онъ, Твардовскій, могъ дать ей въ замѣнъ этой жертвы: тѣло безъ красоты, — сердце безъ огня и силы, — полуугасшій взоръ, — желанія, безъ исполненія. Не разъ случалось ему видѣть женщину-ангела, глядя на которую, невольно задумываешься о небѣ, и всегда онъ чуствовалъ, что въ немъ нѣтъ силы улетѣть съ нею на небо, о которомъ она напоминала ему, — чувствовалъ, что одной ногой онъ уже прикованъ былъ къ аду. Видѣлъ онъ женщину-сладострастіе, съ устами, созданными для поцѣлуя, съ роскошною грудью, съ пылающимъ взоромъ — и не могъ назвать ее своею. Какую цѣну могъ имѣть для нея худой, безсильный, согбенный трудами науки мудрецъ? — Онъ могъ привить къ ней раскаяніе, и тогда—прощай любовь!..

Увидѣлъ онъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ взглядъ возбуждаетъ мысль о первой любви, о раѣ, о невинности. Но что могло связывать его съ ними?.. Онъ видѣлъ взрослыхъ дѣ-

вицъ, которыя, смотря на свѣтъ, чувствовали, что онѣ нужны ему, необходимы, какъ хлѣбъ,—но могли ли согласиться на надежды ихъ съ его холодною мудростью?

Онъ видѣлъ и тѣхъ полуувядшихъ, полу-молодыхъ, полу-старыхъ женщинъ въ томъ возрастѣ, которымъ замыкается молодость, но не начинается еще старость; онъ смотрѣлъ на нихъ съ мыслью наслажденія, потому-что и эти женщины имѣютъ еще свою цѣну въ глазахъ мущины, но могла ли такая женщина выбрать для себя слабаго старика, высохшаго надъ книгами; могла ли она выбрать его, когда ей надобно было помолодѣть самой, освѣжиться молодымъ дыханіемъ, которое припомнило бы ей тѣ лѣта, о которыхъ она и думать не смѣетъ.. и не можетъ.

Видѣлъ Твардовскій счастіе богачей, ихъ пышность и роскошь,—ихъ жизнь—жизнь сибаритовъ предхристіанскаго Рима, истраченную на наслажденія и хитрости—и хотѣлъ испытать эту жизнь, но чувства его не были приготовлены къ этому счастію, съ которымъ сибаритъ сроднялся въ колыбели, для котораго родится.

Видѣлъ Твардовскій столы, ломившіеся подъ тяжестью яствъ и напитковъ, и хотя чувствовалъ щекотаніе аппетита, но понималъ въ тоже время, какъ-мало могъ бы онъ воспользоваться этимъ наслажденіемъ, онъ, привыкшій ѣсть только для поддержанія жизни.

Такъ проходили у него передъ глазами поочередно всѣ наслажденія свѣта и, проходя мимо его, казалось, плевали ему въ глаза, и кричали:

—«Прочь отъ насъ, истаскапный старичишка;—прикройся дырявымъ плащемъ гордой науки и ступай жить съ молью книгъ твоихъ: ты старъ для насъ.»

Такимъ образомъ, мало-по-малу, убѣдился Твардовскій, что время, въ которое онъ могъ бы воспользоватся всѣми удовольствіями свѣта, прошло для него, что дьяволъ былъ правъ; онъ убѣдился, что для наслажденій необходимы свѣжія чувства и сердце, неистраченное въ борьбѣ съ трудами и наукою; убѣдился, что въ то время, когда начиналось для ума его могущество вѣденія,—начинали тратиться и силы чувства.

«Что же еще дастъ мнѣ свѣтъ,—думалъ онъ, поникнувъ головою,—что мнѣ осталось въ немъ? Не найду ли я средства вы-

браться изъ отчаяннаго своего положенія? Я продалъ душу дьяволу за счастіе, но ошибся въ выборѣ этого счастія: меня ослѣпила наука. И неужели я долженъ остаться такъ-же неудовлетвореннымъ, испытавъ удовольствія свѣта, какимъ остался, испытавъ тайны науки? Вотъ вопросъ!.. И такъ, жизнь наша — ничто иное, какъ горькая шутка!!.» — Въ первый разъ еще приходили на умъ Твардовскому такія мысли, и онъ чувствовалъ свою ничтожность передъ силою Промысла, и въ эти-то минуты, незамѣтно, вставали передъ нимъ въ туманѣ прошлаго воспоманания, отрадныя и спасительныя воспоминанія, о вѣрѣ и молодости. И видѣлъ онъ свои невинныя лѣта, дѣтскія чувства и вѣрованія, съ которыми былъ такъ счастливъ, о которыхъ всегда такъ жалѣлъ, и, въ тоже самое время, какой-то тайный голосъ шепталъ ему, что это были только *минуты* счастія, что то былъ вѣкъ надежды, и *только одной надежды*!...

—И все надежда,—одна надежда! воскликнулъ онъ... И не мудрѣе ли всѣхъ, послѣ этого, тотъ изъ людей, кто умѣетъ жить одними надеждами, не думая о дѣйствительности?.. Но есть и у меня надежда: надежда воспользоваться благами и наслажденіями свѣта. Ожидая лучшаго, я пока буду жить этою надеждою!...

—

ГЛАВА II.

Какъ Твардовскій влюбился.

—

Въ это время въ Краковѣ жилъ одинъ ученый профессоръ. Случайно женился онъ, и была у него прехорошенькая дочка— также, быть можетъ, случайно. Ганна была красавица. Представьте себѣ блѣдное личико, золотистыя кудри и взглядъ черныхъ глазокъ,—взглядъ, который такъ и прожигалъ насквозь. Съ розовыхъ губокъ ея никогда не сходила плутовская улыбка, та улыбка юнаго возраста, которая не знаетъ *завтра* и вѣритъ

во все,—въ себя, въ частіе, въ добродѣтель; которая еще не знаетъ эгоизма, но уже понимаетъ самоотверженіе и чувствуетъ всю его цѣну.

Такова была Ганна, въ которую влюбился Твардовскій. Глупый старикъ! онъ думалъ, что можетъ сойтись съ нею во всемъ, что они поймутъ другъ друга, въ то время, какъ между ними лежало цѣлое море преградъ, цѣлый свѣтъ, цѣлые вѣка...

Ганна, въ которой уже говорило сердце, которая уже неразъ слышала признаніе юноши, когда тотъ, встрѣчаясь съ нею издалека, разцвѣченный румянцемъ стыдливости, говорилъ ей на нѣмомъ языкѣ глазъ:—«люблю тебя,»—Ганна отскочила съ ужасомъ, увидѣвъ передъ собою мудреца, отъ котораго пахло наукой и гнилью точимыхъ червями книгъ, гордаго славой, холоднаго, изсохшаго, блѣднаго и морщинистаго. Она не знала, что подумать о немъ и приписала столкновеніе съ нимъ слѣпому случаю. Но когда онъ подошелъ къ ней въ другой и въ третій разъ, когда въ полуугасшемъ взорѣ его она отгадала его мысли и желанія—то задумалась не на шутку. Она вспомнила народную поговорку: хлопцу-жену, дѣвкѣ-мужа, обоимъ смерть! — и со страхомъ подумала: неужели это мой суженый?..

Мудрецъ нашъ не приходилъ, однакожъ, въ отчаяніе отъ холодности Ганны, хотя и оскорбила его самолюбіе мысль, что любовь этой молодой дѣвушки, которую могъ возбудить одинъ взглядъ какого-нибудь молокососа,—не сдавалась ему, побѣдителю науки и мудрости человѣческой. Тогда только замѣтилъ онъ, какъ несовершенна, какъ неполна была эта мудрость, потому-что мнѣніе свѣта того только называетъ мудрецомъ, кто извѣдалъ, испыталъ его, кто жилъ въ немъ и понялъ его. А Твардовскій зналъ свѣтъ только по слуху, по книгамъ, — зналъ мыслію...

Не теряя надежды со-временемъ понравиться Ганнѣ, Твардовдовскій шелъ все далѣе по дорогѣ любви. Напрасно сидѣлъ онъ съ Ганною по цѣлымъ часамъ,—она слушала его и зѣвала отъ скуки. Она смотрѣла на него иногда съ изумленіемъ, вычитывала его огромную славу на морщинистомъ челѣ его,—дивилась ему,—уважала его,—но любить не могла. Только полуугасшимъ взоромъ своимъ осмѣливался Твардовскій говорить ей о любви, убѣгая всякаго словеснаго объясненія, которое могло сдѣлать

его смѣшнымъ въ глазахъ Ганны. Невзирая на все это, онъ не терялъ надежды; самолюбіе ослѣпляло его. Онъ утѣшалъ себя софизмами несчастныхъ любовниковъ. «Не сегодня, такъ завтра, не завтра, такъ когда нибудь,»—твердилъ онъ.

И отходилъ отъ Ганны Твардовскій, и снова возвращался къ ней. Наступало вождѣленное *завтра*, а Ганна становилась все холоднѣе, все равнодушнѣе, опасаясь, чтобы отецъ не выдалъ ее за Твардовскаго противъ ея воли. Наконецъ, равнодушіе Ганны перемѣнилось въ скуку, въ презрѣніе. Сначала, она была довѣрчива, какъ дитя, теперь, обдумавъ свое положеніе, она стала убѣгать Твардовскаго. Кривились передъ нимъ ея розовыя губки, морщилось бѣлое чело; въ бесѣдѣ съ Твардовскимъ она молчала или грустно и недовѣрчиво покачивала головкою.

Твардовскій не оставлялъ ее; сидѣлъ съ ней по цѣлымъ днямъ, и откладывалъ со дня на день рѣшительное объясненіе: оно казалось ему смѣшнымъ и раннимъ. Наконецъ, онъ рѣшился открыться. Ганна засмѣялась, просила его не шутить съ нею—и убѣжала. Пристыженный, озлобленный Твардовскій проклялъ всѣхъ женщинъ, заперся въ своей комнатѣ и думалъ уже о любовномъ зельѣ, которое бы могло приворожить къ нему жестокосердую Ганну. Но онъ еще не такъ сильно и пламенно любилъ ее, чтобъ могъ рѣшиться на это послѣднее средство. Онъ только испытывалъ себя; ему хотѣлось узнать, былъ ли онъ въ состояніи внушить любовь, не прибѣгая ни къ какимъ средствамъ? Убѣдившись въ противномъ, онъ оставилъ Ганну безъ сожалѣнія. Любовь его была скорѣе въ головѣ, чѣмъ въ сердцѣ, а оттуда ему легко было ее вытѣснить.

Потомъ онъ подумалъ, что Ганна была слишкомъ молода для него—и рѣшился искать другой невѣсты.

Найти было нетрудно. У краковскаго бурмистра Вейгеля была дочька, лицомъ, правда, похуже Ганны, да за то поумнѣе ее и постарше лѣтами. Считали ей двадцать-три года, но, по всей вѣроятности, родительская любовь, для собственной и ея выгоды, искусно уменьшала эти годы, тѣмъ болѣе, что сама пани бурмистрова не оставляла претензій казаться молоденькою. Твардовскій предсказывалъ себѣ тутъ больше успѣха, но горько ошибся. Бурмистровна была посмѣлѣе, попытнѣе Ганны, а какъ, въ добавокъ, около нея, или, лучше ска-

зать, около отцовскихъ талеровъ, увивалось порядочное количество молодежи, то она и рѣшилась отвѣчать Твардовскому такъ:

—Напрасно, ваша милость, будете стараться о томъ, чтобъ покорить себѣ женское сердце; пора эта давно прошла для васъ. Вы не можете понравиться женщинѣ; вы устарѣли надъ мыслью и книгами, обвѣнчались съ премудростью. Подумайте сами: не смѣшно ли въ ваши лѣта быть влюбленнымъ и гоняться за женщиной, какъ юноша?

Горька была эта истина и тяжело ее было слышать Твардовскому.—«Вейгель богатъ,—подумалъ онъ, возвращаясь домой; у дочери его набита голова отцовскимъ золотомъ; — поищемъ лучше бѣдную:—эта, навѣрно, будетъ сговорчивѣе.

Но и бѣдная также не хотѣла идти за Твардовскаго, потому-что и бѣдныя дѣвушки умѣютъ одинаково цѣнить этотъ единственный цвѣтокъ въ грустной пустынѣ жизни, который мы называемъ любовью. Если нѣкоторыя изъ молодыхъ дѣвушекъ, въ надеждѣ какого-нибудь выигрыша, и не косились на Твардовскаго, то и Твардовскій не вѣрилъ ихъ любви; онъ зналъ, что подъ блестящимъ платьемъ кроется иная подкладка.

Испытывая такимъ образомъ и себя и другихъ, Твардовскій все болѣе и болѣе убѣждался, что поздно было думать ему о любви и волокитствѣ. Тутъ-то блеснула въ его головѣ свѣжая, новая мысль, за которую онъ схватился съ жадностью. Онъ вздумалъ возвратить себѣ молодость, съ этой цѣлію онъ позвалъ Матюшу и, запершись съ нимъ въ комнатѣ, сказалъ ему:

—Ты клялся мнѣ слушаться меня во всемъ, исполнять все, что прикажу тебѣ; такъ ли, Матюша?

—Помню клятву и сдержу ее, съ покорностію отвѣчалъ Матюша.

—Слушай, продолжалъ Твардовскій, послѣ минутнаго молчанія,—я постарѣлъ; чувствую, что настало для меня время обновленія и новой жизни. Я хочу возвратить себѣ утраченную молодость. Довѣряю тебѣ самого себя—мое тѣло. Отнынѣ оно въ рукахъ твоихъ. Я скажу тебѣ все, что надобно будетъ сдѣлать — но помни, что кромѣ насъ двухъ, никто въ свѣтѣ не долженъ знать объ этомъ. Я открою тебѣ секретъ возвратить молодость, не тотъ, который ты уже знаешь и который такъ неудачно попробовалъ. Прежде всего, въ самое новолуніе, ты дашь мнѣ усыпительнаго зелья, потомъ обмоешь тѣло мое и натрешь,

приготовленными мною, мазями. Въ теченіе двухъ недѣль, черезъ день ты будешь натирать меня этими мазями изъ особыхъ банокъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они поставлены у меня. Помазавъ тѣло мое семью мазями, ты вымоешь его снова, положишь въ тесовый гробъ и схоронишь въ священной землѣ, на кладбищѣ. Остерегайся, чтобы воры или дикіе звѣри не отрыли меня. Мы оба безвозвратно погибли въ такомъ случаѣ. Черезъ три года, семь мѣсяцевъ и семь дней, ты отроешь меня. Не забудь при этомъ приготовить изъ жира мертвецовъ семь свѣчекъ и зажечь ихъ.

Твардовскій нѣсколько разъ протвердилъ Матюшѣ наставленія и заставлялъ его повторять ихъ. Не довольствуясь этимъ, онъ оставилъ Матюшѣ подробное описаніе, написанное симпатическими чернилами. Несмѣтныя награды обѣщаны были Матюшѣ, въ случаѣ удачи предпріятія, и страшная, неминуемая смерть—въ случаѣ измѣны, или неудачи.

Матюша исполнилъ все, какъ нельзя лучше.

—

ГЛАВА III.

Какъ Твардовскій помолодѣлъ и что съ нимъ послѣ того случилось.

—

Спустя три года и семь мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ вѣрный Матюша усердно стерегъ тѣло своего господина, на седьмой день, послѣ седьмаго новолунія, Матюша зажегъ семь свѣчекъ, сдѣланныхъ имъ изъ жиру мертвецовъ и отправился на кладбище. Воткнувъ свѣчи въ землю кругомъ могилы, Матюша принялся копать могилу и скоро лопата его ударилась въ крышу гроба. Можно представить себѣ его изумленіе, когда, выкопавъ гробъ и отворивъ его, увидѣлъ онъ, въ немъ тѣло маленькаго ребенка. Дитя барахталось и весело улыбалось. Обрадованный Матюша принесъ его домой, напоилъ молокомъ и уложилъ спать.

Но еще болѣе удивился Матюша, когда на другой день, увидѣлъ, что ребенокъ самъ всталъ съ постели и бѣгалъ по комнатѣ. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ, и черезъ недѣлю похожъ былъ на совершеннаго юношу. Въ этомъ юношѣ Матюша легко узналъ своего барина. Тѣже черты лица, тоже знаніе, тотъ же характеръ, — тоже воспоминаніе прошлаго,—но съ юнымъ, свѣжимъ тѣломъ, пламенными страстями и чувствами.

Знакомые Твардовскаго узнавали его, не смотря на странную перемѣну. Жизнь Твардовскаго совершенно измѣнилась. Онъ нанялъ огромный домъ на Краковскомъ Рынкѣ, окружилъ себя многочисленною дворнею, накупилъ дорогихъ обоевъ, серебряной и золотой посуды, выписалъ изъ-за границы вызолоченную коляску, наполнилъ погреба дорогими винами, конюшни статными конями. Запыленныя книги брошены были въ уголъ.

Съ холодною предусмотрительностію старца и съ жаромъ юноши приготовлялъ себя Твардовскій къ новому образу жизни, окружая себя всѣмъ, что могло усладить его чувства. Въ друзьяхъ и пріятеляхъ, теперь, какъ и прежде, недостатка не было. Со столовъ его почти не сходили серебряныя стопы и миски. Когда недоставало денегъ, дьяволъ приносилъ Твардовскому изъ Олькуша цѣльные серебряные слитки.

Такое богатство возбудило зависть въ Матюшѣ. Забывъ объ урокѣ, данномъ ему Твардовскимъ, онъ задумалъ снова помолодить кого-нибудь новымъ, испытаннымъ имъ, средствомъ. Твардовскій, слѣдившій за Матюшею, со времени послѣдняго его приключенія, отгадалъ мысль его и рѣшился, на этотъ разъ, не быть снисходительнымъ. Однажды утромъ, онъ позвалъ его къ себѣ и, заставивъ признаться въ его намѣреніи, превратилъ его въ паука.

Съ этой минуты Матюша разставилъ въ окнѣ свои сѣти и началъ сторожить мухъ.

Твардовскій пользовался жизнію, какъ умѣлъ и какъ могъ. Домъ его былъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ цѣломъ Краковѣ. Магнаты завидовали его конямъ и упряжи. Стѣны его комнатъ были обиты богатыми обоями, украшены картинами и рѣзбой изъ слоновой кости. Столъ его не уступалъ королевскому: на кухню Твардовскаго свозили цѣлыми возами заморскіе коренья и пряности. Все это стоило ему несмѣтныхъ денегъ, а средствамъ Твардовскаго не было предѣловъ. — «*Хочу!*» говорилъ

онъ—и имѣлъ, если только требуемое можно было купить за деньги. Въ это-то время, въ народѣ начали ходить глухіе толки о связи Твардовскаго съ дьяволомъ.

Не смотря на всѣ развлеченія, забавы, обольстительныя приманки свѣта, Твардовскій не забывалъ о наукѣ. Встрѣчаясь съ знакомымъ краковскимъ академикомъ, Твардовскій не упускалъ случая завязать диспутъ и, по-прежнему, были непобѣдимыми всѣ аргументы его; за первымъ словомъ, вытекала изъ ума его цѣлая вереница мыслей, предположеній, доказательствъ, цицитатъ, которыми онъ засыпалъ своихъ антагонистовъ.

Вся эта мудрость оставалась за нимъ, также какъ и прошлое, котораго совершенно забыть онъ не могъ, но къ которому возвратиться было не возможно. Теперь, свѣтскій человѣкъ проявлялся въ немъ болѣе, чѣмъ ученый. Съ пустыми, поверхностными людьми, которыми обыкновенно наполненъ свѣтъ, которые умѣютъ съ чувствомъ и знаніемъ дѣла говорить о лошадяхъ, кухнѣ и женщинахъ, Твардовскій казался такимъ же пустымъ. Дивились его друзья и пріятели, принадлежавшіе къ тому разряду людей, о которыхъ мы сказали, не слыша отъ него прежнихъ глубокомысленныхъ ученыхъ сужденій, которымъ они прежде такъ много дивились. Твардовскій не походилъ въ этомъ случаѣ, на тѣхъ пустыхъ педантовъ, которые въ самый легкой разговоръ любятъ примѣшивать свою эрудицію,—отъ которыхъ вездѣ и во всемъ пахнетъ педантизмомъ и сухою схоластикою. Даже и въ серіозномъ, ученомъ разговорѣ, въ которой, впрочемъ, никогда не вмѣшивался Твардовскій съ профанами, онъ умѣлъ быть умѣреннымъ, касаясь, такъ сказать, одной скорлупы науки,—видимой, осязаемой ея части; онъ умѣлъ приспособить разсудокъ свой къ понятіямъ и требованіямъ тѣхъ, съ которыми вступалъ въ разговоръ. Въ этомъ заключалось настоящее превосходство его передъ другими, проявлялись могущественныя послѣдствія метаморфозы: теперь у него были два лица, два вида. Онъ оставлялъ прежнюю, старую науку свою мудрецамъ, и бралъ отъ молодости характеръ свѣтскаго, современнаго человѣка. Его слава становилась теперь двуличною, подобно его характеру и наклонностямъ. Одни прославляли въ немъ сибарита и богача, умѣвшаго хорошо пожить; другіе—великаго, непобѣдимаго мудреца. Твардовскій не оставилъ даже своей докторской

практики, которая привлекала къ нему множество народа и приносила доходы.

Такія качества дѣлали Твардовскаго въ глазахъ народа какимъ-то чудомъ, о которомъ ходили самые дивные и нелѣпые слухи: каждый цѣнилъ и хвалилъ Твардовскаго по-своему,

—Что это за рѣдкій, превосходный человѣкъ! — говорилъ молодой гуляка, одинъ изъ собесѣдниковъ Твардовскаго, встрѣчаясь съ своимъ пріятелемъ, ученымъ и серіознымъ академикомъ; — какъ живетъ! что у него за вина, что за кухня!.

—Что за мудрецъ, что за несравненный философъ! — перерывалъ его академикъ, и потомъ они оба спрашивали другъ у друга:

—Да о комъ говоришь ты?

—О комъ? Извѣстно о комъ: о Твардовскомъ, — великомъ свѣтильникѣ Краковской Академіи, almae matris, которая произвела его на свѣтъ.

—Я говорю о Твардовскомъ, богатомъ докторѣ, котораго домъ отворенъ для всѣхъ, который живетъ не хуже короля. Неужели это тотъ самый Твардовскій, о неизсякаемый мудрости котораго ты проповѣдуешь?

—Не иначе. Двухъ Твардовскихъ—нѣтъ, да и не будетъ на свѣтѣ...

Бросившись въ омутъ свѣтскихъ наслажденій и испытавъ ихъ, Твардовскій захотѣлъ коснуться съ своей стороны этой жизни. Общество молодыхъ людей, пиры и обѣды, веселыя забавы и развлеченія, далеко еще не заключали въ себѣ всѣхъ удовольствій свѣта. Твардовскій еще не испыталъ женской любви, — а что же можетъ назваться вѣнцомъ наслажденій житейскихъ, какъ не любовь женщины,—многихъ женщинъ,—любовь, всегда разнообразная, всегда чарующая, всегда роскошная и пламенная. Для Твардовскаго все дѣло заключалось теперь только въ выборѣ, а выборъ этотъ не могъ не быть труднымъ. Теперь, когда Твардовскій помолодѣлъ, когда его со всѣхъ сторонъ преслѣдовали пламенные взгляды, страстныя рѣчи, чарующія улыбки—теперь онъ казался равнодушнымъ и холоднымъ; онъ хотѣлъ, чтобы та, въ объятія которой онъ бросится, была достойна его — чтобъ божество стоило жертвы. Прежнихъ своихъ знакомыхъ, — Ганну, бурмистровну Вейгель, отвергнувшихъ его страстную любовь — Твардовскій теперь

едва узнавалъ, едва удостоивалъ взгляда. Онъ проходилъ мимо ихъ, веселый, беззаботный, равнодушный, показывая видъ будто не узнаетъ ихъ, или взглядывая на нихъ насмѣшливо.

Идеаломъ женщины, у ногъ которой Твардовскій сложилъ бы первую любовь свою, была дѣвушка, чистая, какъ небо, — невинная, какъ солнце. Въ ней, въ этой дѣвушкѣ, хотѣлъ Твардовскій найти всѣ совершенства духа и тѣла, ума и чувствъ, разсудка и страсти, — все, что льстило бы его чувствамъ и самолюбію. Онъ хотѣлъ взять ее богатою, знатною; онъ хотѣлъ вырвать ее у тѣхъ, которымъ людская гордость и тщеславіе давали большее противъ него правъ. Теперь, крестьянка, простая мѣщанка уже не годились для него; ему хотѣлось лучшаго, совершеннѣйшаго; онъ только теперь помышлялъ, какую разницу дѣлаютъ между женщинами порода и воспитаніе... Подъ свѣжими прелестями молодой крестьянки, покрытой грубыми ласкутьями, Твардовскій видѣлъ теперь только кусокъ вкуснаго мяса!..

Во время этихъ любовныхъ поисковъ, видѣли неразъ, какъ темною ночью выходили изъ дома Твардовскаго знаменитыя, въ то время, прелестницы: Стрелимусса, Речинка и имъ подобныя. Случалось, что и веселые собесѣдники пріѣзжали къ Твардовскому съ своими однодневными любовницами. Твардовскій не находилъ ничего дурнаго въ такихъ визитахъ: готовя себя на чистую, возвышенную любовь, онъ испытывалъ другую, легкую, уступчивую любовь,—любовь плотскую, животную, которая, какъ и та, имѣетъ свои минуты экстаза,-когда тѣло жаждетъ любви сильнѣе души, когда человѣкъ становится болѣе звѣремъ, чѣмъ человѣкомъ...

Долго и напрасно искалъ Твардовскій своего идеала, великой, небывалой любви, о которой нашептывала ему его фантазія. Чувствовалъ онъ, какъ мало удовлетворяютъ любовь его минутныя наслажденія—чувствовалъ необходимость живой, всепоглощающей страсти, которая бы прошла по немъ, какъ гладильный рѣзецъ скульптора по оконченной статуѣ. Но до-сихъ-поръ, ни въ одной дѣвушкѣ, ни въ одной женщинѣ не находилъ онъ того, чего старался найти,-того, что бы вызвало его на всѣ пожертвованія, не нашелъ ни одной женщины, которая бы могла вести его за собою на ниткѣ, послушнаго и кроткаго, какъ дитя. «Что виною неудачъ моихъ?—спрашивалъ онъ самъ

себя. Зачѣмъ въ каждой изъ нихъ, въ каждой изъ этихъ прелестныхъ женщинъ, отыскивалъ я одни недостатки и несовершенства, и не могу найти тѣхъ достоинствъ, которыя бы пробудили и воспламенили любовь мою?.. Ужели я никогда не найду достойной себя?..»

Такія неудачи тревожили и сокрушали Твардовскаго. Еще неопытный, невзирая на всю мудрость свою, Твардовскій искалъ любви на улицахъ, на рынкахъ, въ домахъ порока и сладострастія, гдѣ прелестницы сами забѣгали ему на глаза, выставляя на показъ свои продажныя прелести. Не такой любви нужно было Твардовскому; не тамъ надобно было ему искать этой любви.

—

ГЛАВА IV.

Какъ Твардовскій воскресилъ пана воеводу и кого у него увидѣлъ.

—

Холодный декабрьской вечеръ стоялъ въ Краковѣ. Чистое небо отсвѣчивалось послѣдними лучами вечерней зари. Иней покрывалъ кровли домовъ; изъ трубъ поднимались по воздуху прямые черные столбы дыма. Въ окнахъ, тамъ и сямъ, начинали уже показываться огоньки. Тишина, царствовавшая въ опустѣлыхъ улицахъ, изрѣдка прерывалась пѣснями весельчаковъ, возвращавшихся домой изъ карчемъ и трактировъ. На башнѣ ратуши прозвонилъ уже срочный часъ, когда всѣ жители должны были гасить огонь. Ночная стража выходила изъ вахтгауза на обычный дозоръ, и изрѣдка раздавались топотъ коней и громъ тяжелыхъ колесъ, отвозившихъ домой загостившихся господъ своихъ.

Яркій свѣтъ, выходившій изъ оконъ винныхъ погребовъ, шинковъ и бань, доказывалъ, что не всѣ веселые посѣтители думали о позднемъ часѣ. Во многихъ домахъ, сквозь отворенные двери сѣней, видны были группы играющихъ въ кости слугъ и пьяныхъ мѣщанъ, — слышны были крики, брань и ругательства..

Въ окнахъ дома Твардовскаго горѣли огни: тамъ также шла веселая бесѣда. У воротъ дома заспанные слуги дожидались своихъ господъ съ конями, экипажами, зажженными факелами. Внутри дома, въ большой комнатѣ, ярко-освѣщенной пламенемъ мраморнаго камина, собрались гости Твардовскаго. Посрединѣ стоялъ дубовый столъ, покрытый узорчатою камчатною скатертью. Вокругъ него, на скамьяхъ, устланныхъ персидскими коврами, сидѣли хозяинъ и гости. Огромныя серебряныя миски, съ приправленными кореньями кушаньями покрывали столъ и разливали паръ благовонный, возбуждающій аппетитъ. Слуги разносили пиво, медъ и дорогія вина. Твардовскій сидѣлъ на переднемъ концѣ стола, казался веселымъ и ласково подчивалъ гостей своихъ яствами и напитками.

Не тѣ уже были эти гости, съ которыми, бывало, Твардовскій проводилъ дни и ночи. Теперь окружали его молодыя, юношескія лица, — поклонники веселья и наслажденій. Изысканно и богато были одѣты новые гости Твардовскаго, они, судя по ихъ одеждѣ, манерамъ, искуственной небрежности, отличающей людей воспитанныхъ, — принадлежали къ сословію дворянъ, проживавшихъ въ домахъ магнатовъ. Вино уже начинало оказывать на нихъ свое дѣйствіе: глаза ихъ искрились, румяныя уста разцвѣчивались вакхическою улыбкою. Веселый, оживленный разговоръ, прерываемый громкимъ смѣхомъ, пересыпанный остротами и насмѣшками, переходилъ съ одного предмета на другой: говорили обо всѣмъ, кромѣ ученаго и серіознаго. Изрѣдка вмѣшивалъ Твардовскій въ общій потокъ фразъ какое-нибудь острое замѣчаніе, насмѣшку или сарказмъ, и тогда вся ватага нахлѣбниковъ принималась рукоплескать ему, превознося до небесъ его ученость и остроуміе.

Среди этого шума послышались на лѣстницѣ чьи-то шаги.

—Ужъ не старый ли нашъ прикащикъ?—сказалъ, смѣясь, Твардовскій.

Въ ту же минуту отворилась дверь и на порогѣ комнаты показалось новое лице, но только не Яцекъ, о которомъ говорилъ Твардовскій. Пришелецъ едва переводилъ духъ отъ усталости.

—Панъ мой умираетъ!.. едва могъ проговорить онъ, задыхаясь отъ изнеможенія.

—Вѣчная ему память!—отозвались, съ громкимъ смѣхомъ, нѣсколько собесѣдниковъ.

— Кто ты и какъ смѣешь прерывать нашу бесѣду? — сурово спросилъ Твардовскій посланнаго.

—Умираетъ мой панъ, — панъ воевода! — повторилъ дворянинъ, увѣренный, что одного имени воеводы будетъ достаточно, чтобы снискать ему вниманіе собесѣдниковъ.

—Еслибъ сто воеводъ отправились на тотъ свѣтъ, то мы всѣмъ имъ пожелаемъ вѣчную память, — возразилъ одинъ изъ молодыхъ людей; — убирайся отсюда къ чорту съ твоимъ воеводой!

Всѣ громко засмѣялись.

—Не тутъ ли, милостивые паны, не между вами ли докторъ Твардовскій?—продолжалъ смущенный такимъ пріемомъ посланецъ: — я присланъ къ нему,—одинъ онъ можетъ спасти моего господина.

— Да будетъ тебѣ извѣстно, — сказалъ одинъ изъ гостей, что Твардовскій не оставитъ своихъ гостей для какого-нибудь пана воеводы, котораго и душа и тѣло не стоятъ стакана добраго вина.

—Да, да! сущая правда! —замѣтили другіе, опасаясь перервать пирушку съ отсутствіемъ хозяина.

—Панъ воевода обѣщаетъ Твардовскаму тысячу золотыхъ флориновъ, если онъ застанетъ его въ живыхъ;—пятьсотъ флориновъ, если не застанетъ его въ живыхъ, и двѣ тысячи, если вылечитъ его, — продолжалъ дворянинъ.

Никто не почелъ за нужное возражать противъ словъ этихъ. Тогда Твардовскій сказалъ, обращаясь къ гостямъ своимъ:

—Позволите ли мнѣ ѣхать? Отпустите ли вы меня?

Надобно сказать, что сумма, объявленная посланцемъ воеводы, была, въ то время, такъ значительна, что даже магнатъ не отказался бы отъ нея. Твардовскій, старавшійся всегда показывать передъ людьми, что источниками богатства его были знаніе и мудрость, а не помощь дьявола, — не могъ не воспользоваться предстоящимъ случаемъ. Предложеніе его долго оставалось безъ отвѣта и гости, въ нерѣшительности, поглядывали другъ

на друга; не хотѣлось имъ прерывать веселую бесѣду, хотя, въ тоже время не одинъ изъ нихъ завидовалъ Твардовскому.

—Будь я на твоемъ мѣстѣ, я бы поѣхалъ,—замѣтилъ наконецъ одинъ.

—И я бы поѣхалъ,—сказалъ другой.

—Прошу же васъ, милые мои гости,—сказалъ Твардовскій,—оставаться здѣсь и не прерывать бесѣды. Панъ займетъ мое мѣсто;—погребъ мой къ вашимъ услугамъ,—пейте, сколько угодно, а покуда—выпьемъ прощальный кубокъ за успѣхъ моего визита.

Осушивъ бокалъ, Твардовскій простился съ гостями и, черезъ минуту, пара статныхъ лошадей, запряженныхъ въ коляску нѣмецкой работы, несли его по опустѣлымъ краковскимъ улицамъ. Четыре конные гайдука съ зажженными факелами скакали по сторонамъ коляски.

Воевода жилъ въ деревнѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кракова. Твардовскій ѣхалъ всю ночь, по самой дурной дорогѣ и только поутру добрался до цѣли своего путешествія. Засматриваясь на ясное, усѣянное звѣздами, небо, которое раскидывалось надъ его головою необозримымъ шатромъ,—онъ предался тѣмъ тихимъ, высокимъ думамъ, какія всегда возбуждаетъ въ насъ величественная картина чудной природы.

Твардовскій, однакожъ, не поспѣлъ во-время. Слезы и уныніе домочадцевъ, встрѣтившихъ его у воротъ, не предвѣщали ничего утѣшительнаго: узнавъ о смерти воеводы, Твардовскій уже хотѣлъ вернуться назадъ, но уступилъ просьбамъ родныхъ и домочадцевъ, которые просили его, хоть отдохнуть и подкрѣпить свои силы. Предложенныхъ ему пяти сотъ флориновъ Твардовскій не принялъ.

Это еще болѣе расположило къ Твардовскому родныхъ воеводы. Такое безкорыстіе удивило ихъ; они свѣжо помнили, блаженной памяти, славнаго лекаря, Ласкариса Баянскаго, который на богатыхъ и на бѣдныхъ накладывалъ огромную контрибуцію и не трогался съ мѣста, не выторговавъ себѣ платы.

—Не заставъ воеводу въ живыхъ, сказалъ Твардовскій, я не считаю себя въ правѣ принять отъ васъ какое либо вознагражденіе. Лучшею наградою будетъ для меня ваше позволеніе отдохнуть у васъ. Но прежде всего, я хотѣлъ бы удостовѣриться, точно ли умеръ воевода.

—Къ несчастію и великой горести нашей—сущая правда, отвѣчалъ ему съ слезами на глазахъ молодой племянникъ покойнаго, которому онъ не успѣлъ завѣщать послѣ себя ничего.

—Гдѣ вашъ покойникъ? спросилъ равнодушно Твардовскій: покажите мнѣ его.

—Твардовскаго ввели въ обитую черною матеріею комнату, посерединѣ которой на богатомъ катафалкѣ стоялъ малиновый гробъ. Множество желтыхъ и зеленыхъ свѣчъ горѣли вокругъ гроба. Лице покойника было желто, губы синія, скулы осунулись, глаза впали.

Твардовскій взялъ его за руку, долго смотрѣлъ на него, долго думалъ и, наконецъ, сказалъ:

—Онъ живъ!

Крикъ изумленія былъ отвѣтомъ Твардовскому. Потомъ начали кричать, спорить,—одни сердились, другіе смѣялись. Пользуясь общимъ смятеніемъ, Твардовскій приказалъ вынуть тѣло изъ гроба и перенесть его въ спальню. Тамъ онъ пустилъ воеводѣ кровь—и кровь брызнула широкою струею. Потомъ онъ отеръ ему чѣмъ-то лобъ и носъ, открылъ его вѣки и влилъ въ горло какихъ-то капель.

Тогда, къ великому изумленію всѣхъ присутствовавшихъ, начали обнаруживаться въ воеводѣ всѣ признаки жизни. Сначала, замѣтили легкое движеніе въ груди,—потомъ оживились глаза, зашевелились уста, забилось сердце. Пораженные ужасомъ, всѣ присутствовавшіе разбѣжались. Въ замкѣ поднялась страшная тревога. Одни уѣзжали, другіе пріѣзжали;—гнали гробовщиковъ и могильщиковъ, спроваживали недовольныхъ ксендзовъ... Твардовскій не допускалъ никого къ воеводѣ;—приказалъ положить его въ теплую постель и принялся усердно лечить.

Черезъ три дня воевода былъ совершенно здоровъ, а передъ Твардовскимъ лежала киса съ тремя тысячами флориновъ. Никто такъ не былъ радъ выздоровленію воеводы, какъ племянникъ его. Онъ не зналъ, какъ благодарить Твардовскаго,—цѣловалъ его руки, плакалъ..

Среди общей радости, одинъ Твардовскій былъ задумчивъ и скученъ. Простившись съ воеводою, онъ сѣлъ въ свою коляску, за которою вели въ поводахъ двухъ прекрасныхъ жеребцовъ—подарокъ хозяина и его племянника. Твардовскій часто оглядывы-

вался на замокъ,—вздыхалъ и морщилъ брови. . Его, очевидно, что-то занимало.

На другой день, по пріѣздѣ въ замокъ воеводы, Твардовскій, мучимый безсонницею, вышелъ вечеромъ въ садъ — подышать свѣжимъ воздухомъ. Въ саду встрѣтилъ онъ двухъ женщинъ, одну молодую, другую старую. При взглядѣ на дѣвицу, Твардовскій остолбенѣлъ отъ изумленія. Ему показалось, что гдѣ-то онъ видѣлъ ее, но гдѣ и когда—этого припомнить онъ не могъ, не смотря на всѣ усилія памяти. Прелестныя черты лица дѣвушки показались ему знакомыми... То были черты его идеала,—существа, которое создало его воображеніе, о которомъ онъ думалъ безпрестанно, котораго искалъ вездѣ. Въ этихъ чертахъ было столько знакомаго Твардовскому, столько таинственнаго, столько давно-ожидаемаго. То не была обыкновенная, мѣщанская красота, которая такъ же скоро разцвѣтаетъ, какъ и увядаетъ; прекрасныя черты ея лица не служили вывѣской, какъ нерѣдко случается, испорченнаго, чорстваго сердца; напротивъ, красота ея была въ самой лучшей порѣ, въ полной силѣ, съ оттѣнкомъ какого-то превосходства и гордости. Открытый, превосходно очертанный лобъ, черные, огненные глаза, маленькой ротъ, окоймленный прелестными розовыми губками. Въ походкѣ и движеніяхъ ея проявлялись благородство и грація, какими всегда отличаются люди высшаго круга и хорошо воспитанные.

Твардовскій не могъ объяснить себѣ, отчего послѣ такого множества женщинъ, которыхъ онъ видѣлъ, ни одна не произвела на него такого сильнаго впечатлѣнія, какъ эта, неизвѣстная ему красавица. Что же касается до нея, то едва ли она примѣтила смущеніе Твардовскаго; она взглянула на него, какъ бы случайно, мимоходомъ.

Возвратясь въ замокъ, Твардовскій тотчасъ же принялся распрашивать и вывѣдывать объ ней отъ слугъ и челяди. Сначала онъ принялъ ее за дочь воеводы, но скоро узналъ, что у воеводы не было возрослой дочери. Это была сиротка, бѣдная шляхтянка, воспитанница воеводы. Твардовскій узналъ также, что въ Краковѣ жили ея дальніе родственники, къ которымъ она должна была возвратиться, по окончаніи воспитанія въ домѣ воеводы.

Разъузнавши объ ея родныхъ, о ней самой, Твардовскій не-

терпѣливо ждалъ случая встрѣтиться съ нею снова. Случай этотъ, однакожъ, не приходилъ. Твардовскій уже чувствовалъ въ себѣ присутствіе любви,—и далъ себѣ слово—овладѣть красавицею, какими бы то ни было средствами. Любовь, чары, кровь, смерть, ядъ, убійство, измѣна—все должно было идти въ дѣло... «Она будетъ моею! будетъ! клянусь всѣми муками ада!»—говорилъ Твардовскій, поглядывая на красныя стѣны замка, на обратномъ пути своемъ въ Краковъ.

—

ГЛАВА V.

Родные паны Ангелики.

—

Не нравились, въ Краковѣ, Твардовскому посѣщенія пріятелей и шумное общество; думалъ онъ только о прекрасной сиротѣ и, преданный единственно желанію познакомиться, сблизиться съ нею, отыскивалъ ее черезъ довѣренныхъ людей, справлялся, не пріѣхала ли она въ Краковъ, собиралъ свѣденія объ ея родныхъ, о ней самой. Еще до возвращенія Ангелики (такъ называлась красавица), Твардовскій нашелъ случай познакомиться съ ея родными, въ домѣ которыхъ она останавливалась, а познакомившись, онъ пріобрѣталъ возможность достигнуть скорѣе цѣли всѣхъ своихъ замысловъ. Твардовскій поспѣшилъ къ роднымъ Ангелики, съ твердымъ намѣреніемъ—снискать окончательно ихъ дружелюбное расположеніе.

Родные Ангелики были, правда, мѣщане, но, причисленные къ дворянскому дому Пораевъ, они присвоили себѣ и гербъ его и фамилію, и пользовались въ то время не малымъ значеніемъ между горожанами Кракова. Пораи имѣли значительное, хотя и добытое торговыми оборотами состояніе; они владѣли обширнымъ домомъ, однимъ изъ лучшихъ домовъ въ городѣ. Надобно сказать правду, что шляхта смотрѣла на Пораевъ немного свысока: дѣдъ Порая былъ торгашемъ, котора-

го многіе помнили; убѣдительнѣйшимъ тому доказательствомъ могли служить лавки, въ нижнемъ этажѣ принадлежавшаго имъ каменнаго дома. Однакожъ, въ то время, о которомъ говоримъ, Пораи уже не вели торговли и лавки отдавали въ наемъ. Принимая въ уваженіе, что они совершенно покинули ремесло торгашей и уже владѣли двумя небольшими селеніями, вблизи Кракова, изъ которыхъ ставили людей въ ополченіе, краковскіе дворяне охотно знакомились и даже братались съ Пораями. Главою дома Пораевъ былъ Станиславъ Порай, старая выжига, человѣкъ, знавшій всю подноготную. Ненасытный, неумолкаемый говорунъ, онъ зналъ на память всѣ сказки и побасенки, кружившія въ народѣ, велъ бесѣду всегда громогласно, любилъ погулять и посмѣяться съ такими же, какъ самъ, балагурами. Въ свободныя отъ болтовни минуты, панъ Станиславъ велъ анекдотическую хронику, современную лѣтопись, (время—увы!—не пощадило этой драгоцѣнности!) любилъ, при удобномъ случаѣ, прочитывать изъ нея отрывки, и тѣ въ особенности, въ которыхъ помѣщалъ свои умозаключенія и сентенціи, всегда подкрѣпленныя и приправленныя, какъ заморскими кореньями, цитатами изъ Сенеки, Тита Ливія, Тацита, Овидія и Виргилія. Чуть ли не всѣ ихъ творенія зналъ наизусть панъ Станиславъ.

Въ сущности, онъ былъ человѣкъ весьма поверхностный и болѣе краснобай, чѣмъ философъ; не вникая въ глубину вещей, онъ былъ скорѣе—затѣйливый болтунъ, разсказщикъ (его особенно льстилъ титулъ разсказщика). Въ качествѣ человѣка тщеславнаго, онъ на слово вѣрилъ каждому льстецу; самый ничтожный панегирикъ сладостно щекоталъ его душу. Онъ легко убѣждался въ небывалыхъ достоинствахъ своихъ благопріятелей, какъ вѣрилъ своимъ собственнымъ; увлекался всякимъ самохваломъ, превозносившимъ себя до небесъ, а ужъ если однажды кому довѣрился, то держался упрямо своего мнѣнія и жарко отстаивалъ своихъ любимцевъ.

Пани Варвара, почтенная его супруга, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, высоко цѣнила чистѣйшій клейнодъ своего шляхетскаго рода и свои родственныя связи; она была страстно влюблена въ престарѣлаго мужа,—такъ водилось въ доброе старое время. Тогда не было въ диковинку видѣть пару сизыхъ голубковъ, хотя и состарѣвшихся, но влюбленныхъ другъ въ друга, какъ въ молодые годы.

Пани Варвара, увлекаемая единомысліемъ, какимъ-то сходствомъ понятій и привязанностью къ пану Станиславу, успѣла увѣрить себя, въ томъ, что муженекъ ея—мудрѣйшій и ученѣйшій изъ смертныхъ. Любовь ея не допускала ему соперниковъ—ни въ умственныхъ способностяхъ, ни въ прелестяхъ внѣшнихъ, хотя панъ Станиславъ, сказать между нами, былъ только-что не безобразенъ. Домовитая хозяйка проводила цѣлые дни, перебѣгая изъ кухни въ кладовыя, бренча заткнутыми за поясъ ключами и даже на скромномъ супружескомъ ложѣ бредила стряпнею разнаго кушанья, домашними вареньями и наливками; сквозь сонъ воевала съ домашнею челядью, не забывая притомъ приголубливать мужа нѣжнымъ названіемъ *кошечки*. Панъ Станиславъ платилъ женѣ за страстныя чувства степенною, старо-польскою любовью. Глубоко уважая въ ней достоинства жены и хозяйки, онъ иногда удостоивалъ ее поцѣлуемъ, что случалось, однакожъ, только въ большіе праздники. Болѣе же всего заботился и сушилъ онъ свой мозгъ надъ тѣмъ, чтобы увѣрить пани Варвару въ своей учености и обширности своего побѣдоноснаго ума, надѣясь довести тѣмъ привязанность своей Бавквиды до какого то обожанія. Теорія супружескаго счастія пана Станислава утверждалась, какъ видите, на твердомъ основаніи.

Супруги были бездѣтны. Бѣдная сирота, встрѣченная Твардовскимъ въ домѣ воеводы, была родственница пани Варвары. Воевода, при жизни дочери своей, воспитывалъ ее вмѣстѣ съ Ангеликой, связанной съ нею узами дружбы, и вообще принималъ живое участіе въ судьбѣ сироты. По смерти своей пріятельницы, Ангелика изрѣдка посѣщала замокъ воеводы, для того, чтобы повидаться со своимъ покровителемъ и взглянуть на мѣста, гдѣ пролетѣли лучшія лѣта ея юности; остальное время проводила она въ Краковѣ, въ домѣ пани Варвары.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о пани Ангеликѣ. Она была рѣдкимъ, въ своемъ родѣ, существомъ. Одаренная отъ природы всѣми умственными совершенствами, она привлекала къ себѣ огнемъ своихъ черныхъ очей, величіемъ осанки, въ особенности же, исполненнымъ дивнаго благородства, выраженіемъ лица: казалось, что каждый, кто приближался къ ней, признавалъ превосходство ея надъ собою и, противъ воли, смотрѣлъ на нее съ какою-то почтительною боязнью. Характеръ

паны Ангелики вполнѣ соотвѣтствовалъ ея прекрасной наружности. Въ тотъ вѣкъ Ангелика была довольно-рѣдкимъ явленіемъ. Не взирая на бѣдность свою и одиночество, она цѣнила себя очень высоко; на мелкую шляхту не обращала почти никакого вниманія; руки своей удостоила бы она развѣ какого-нибудь каштеляна (*). Мѣщанъ она презирала, любезниковъ осыпала язвительными колкостями, высокихъ громила насмѣшками, а на брачныя предложенія ихъ отвѣчала эпиграммами. Сирота и безъ состоянія, Ангелика тѣмъ не менѣе гордилась своею красотою и благородствомъ происхожденія.

Въ особенности изумительна была въ ней необычайная ученость, усиливавшая, безъ сомнѣнія, ея тщеславіе.—Цѣня высоко науки и знаніе, въ то время запрещенный для женскаго пола плодъ, она была существомъ отдѣльнымъ, казалась чѣмъ-то среднимъ между мужчиною и женщиною. Неистощимымъ для нея наслажденіемъ, самою пріятною забавою было—ловить неосторожныя слова, терзать и осмѣивать неучей и недозрѣлыхъ мудрецовъ. Отъ этого-то, не смотря на всю ея красоту, бѣжала отъ нея молодёжъ. Волокиты бросили ее, и стали искать болѣе легкихъ побѣдъ, и пана Ангелика увидѣла себя покинутою всѣми на 25-ти-лѣтнемъ возрастѣ, котораго именно достигала, въ то время, когда встрѣтился съ нею и влюбился въ нее Твардовскій. Въ заключеніе, мы должны сказать, что не мало упрековъ слышала Ангелика отъ пана Станислава, который постоянно ставилъ ей въ образецъ добродѣтели своей супруги, пани Варвары.—«За чѣмъ отвергнула ты столько жениховъ, столько честныхъ мѣщанъ и купцовъ? спрашивалъ онъ ее иногда: Теперь никто уже не станетъ искать руки твоей. Красоту твою губятъ годы; заботы усѣютъ прекрасное лицо твое морщинами, слезы изборозднятъ его,—останешься ты на вѣкъ старою дѣвой.»

—Лучше остаться старой дѣвой—отвѣчала ему обыкновенно гордая красавица,—чѣмъ связать себя навсегда съ какимъ-нибудь глупцомъ.

—Съ глупцомъ?—возражалъ панъ Станиславъ.—И ты назы-

(*) *Каштелянъ*—значительный сановникъ, сенаторъ, второе лицо, послѣ воеводы.

ваешь такихъ людей глупцами? Много достойныхъ, всѣми уважаемыхъ людей искали руки твоей, и развѣ въ числѣ ихъ не было людей умныхъ и просвѣщенныхъ, которыми бы не погнушались и первыя наши невѣсты?

—Желаю имъ счастія и менѣе чѣмъ я прихотливыхъ почитательницъ,—хладнокровно отвѣчала на всѣ эти вопросы и убѣжденія пана Ангелика.

—Что же ты думаешь сдѣлать изъ себя со-временемъ? спрашивалъ ее панъ Станиславъ.

—Если вы, которыхъ я привыкла считать своими покровителями, отступитесь отъ меня, то пойду въ монастырь.

—Гмъ! гмъ! прерывалъ ее панъ Станиславъ; — развѣ тутъ идетъ рѣчь о томъ, чтобы мы когда-нибудь рѣшились покинуть тебя? Ты знаешь сама, приходила ли когда-нибудь въ голову мнѣ или женѣ моей подобная мысль? Единственное желаніе мое— обезпечить судьбу твою. Согласись, что дѣвушка до-тѣхъ-поръ не можетъ считать себя въ безопасности, пока не ввѣритъ судьбы своей избранному ею «мущинѣ»!

Панъ Станиславъ обыкновенно называлъ ее «hic mulier» (*Вотъ* женщина!), и хотя, въ сравненіи съ своей супругою, почиталъ Ангелику чѣмъ-то въ родѣ нравственнаго урода, однакожъ питалъ къ ней любовь и привязанность, быть можетъ и во вниманіе того, что никто такъ терпѣливо, какъ она, не выслушивалъ безконечныхъ его сентенцій и цитатъ.

Несмотря на всѣ доводы и представленія своего опекуна и покровителя, пана Ангелика, тщеславная своею красотою, остроуміемъ и ученостью, столь необыкновенными для ея пола и возраста, цѣнила себя слишкомъ высоко для того, чтобы смириться и упасть духомъ. Взирая на свѣтъ свысока, она не печалилась, видя, какъ съ каждымъ днемъ убывали ее поклонники, какъ съ каждымъ годомъ блекла ея красота,—и утѣшала себя книгами и увѣренностью въ ничтожествѣ тѣхъ, которые не умѣли оцѣнить ее; надежды, впрочемъ, она не теряла;—кто же, даже изъ самыхъ мудрыхъ людей, не ласкалъ себя, подъ-часъ, надеждою?

Тварловскій дождался, наконецъ, возвращенія паны Ангелики, въ Краковъ. Въ тотъ же самый вечеръ, пріѣхалъ онъ, будто бы невзначай, къ пану Станиславу. Въ раззолоченной коляскѣ, въ богатомъ платьи, сопровождаемый многочисленною свитою прислужниковъ, подъѣхалъ онъ къ воротамъ. Приняли его,

какъ нельзя лучше. Панъ Станиславъ, по обыкновенію, пустился въ ученые споры, которыми любилъ угощать всѣхъ гостей своихъ. Скоро вошла въ комнату и пана Ангелика и сѣла за пяльцы, которые стояли у окна, подлѣ пялецъ пани Варвары. Панъ Станиславъ отрекомендовалъ ее Твардовскому, не упустивъ разсыпаться въ похвалахъ ея учености и любознательности. Послѣ первыхъ привѣтственныхъ словъ, пана Ангелика замѣтила Твардовскому, что уже имѣла удовольствіе видѣть его въ замкѣ воеводы. Это польстило самолюбію влюбленнаго гостя и придало ему необходимую отвагу. Онъ подсѣлъ къ Ангеликѣ и началъ разговоръ, который, какъ казалось, не былъ для нея скучнымъ. Она была съ нимъ не такою, какъ съ прочими ея поклонниками. Твардовскій, слышавшій о ней такъ много, дивился, найдя ее не насмѣшливою, не суровою, но развязною, милою и любезною. Ему, мудрецу, не приходило въ голову, что Ангелика могла принимать его, не какъ простаго волокиту и любезника,—но какъ знаменитаго ученаго, въ особѣ котораго боготворила своихъ идоловъ—славу и извѣстность. Была она къ нему снисходительна и нѣжна, ибо видѣла въ немъ великаго человѣка и этотъ великой человѣкъ, это чудо вѣка, сидѣлъ подлѣ нея, говорилъ съ нею! Теперь уже сама гордая красавица строила въ головѣ своей планы, какимъ образомъ опутать любовью Твардовскаго, покорить его сердце, которымъ еще не владѣлъ никто. Не одно тщеславіе побуждало Ангелику къ этому: она уже мечтала также о неистощимомъ богатствѣ Твардовскаго, о которомъ въ городѣ ходили, какъ водится, самые преувеличенные слухи. Съ своей стороны, Твардовскій полюбилъ ее страстно, тою юношескою любовью, которая не знаетъ для себя преградъ и предѣловъ. Онъ любилъ ее для нея самой, найдя въ ней все, о чемъ говорило ему его воображеніе. Не разъ приходила въ голову нашей красавицѣ тщеславная мысль, что никто, кромѣ ее—великой женщины (такъ думала она о себѣ) не могъ покорить сердца Твардовскаго — величайшаго и славнѣйшаго изъ мужчинъ. Она не пренебрегла ни однимъ оружіемъ, къ которому, въ подобномъ случаѣ, прибѣгаетъ кокетство женщины: взгляды, слова, движенія, все было употреблено ею въ дѣло. Оставляя домъ пана Станислава, счастливый Твардовскій уже почти видѣлъ себя обладателемъ этого чуда красоты и ума, побѣда доставалась ему гораздо легче, чѣмъ онъ расчитывалъ.

Начало было удачное: оба любовника безпрестанно думали другъ о другѣ, хотя и различно. Въ то время, когда воображеніе Твардовскаго рисовало ему дивную красоту Ангелики, ея лицо, талію, грацію походки и всѣхъ движеній, пана Ангелика думала только объ его словѣ, знаменитости и богатствѣ. Ей, какъ холодной женщинѣ, нужны были одинъ наружный видъ счастія и пустые возгласы толпы. Ошибался Твардовскій, думая читать въ глазахъ ея зародышь любви: — въ нихъ было одно тщеславіе, одна жажда извѣстности, и ни слѣда чувственной, сердечной привязанности. Если и могла возродиться въ ней эта привязанность, то развѣ на мгновеніе: для благъ этого міра красавица жертвовала всѣмъ на свѣтѣ. Во снѣ и на яву бредила она коронами, рукоплесканіями, удивленіемъ толпы, богатствомъ и славою.

И вотъ, великій мудрецъ — снова ошибся, какъ ребенокъ, въ выборѣ, въ знаніи женщины и ея характера!.. Причину этого могъ объяснить одинъ дьяволъ, который раздулъ въ сердцѣ Твардовскаго жаръ страсти, вслѣдствіе давно уже замышленнаго имъ плана.

—

ГЛАВА VI.

Что совѣтовалъ Твардовскому дьяволъ,

—

Съ этого перваго свиданія началась любовь Твардовскаго, которую онъ уже не скрывалъ. Образъ жизни его измѣнился совершенно. Несмотря на то, что Твардовскій видѣлся съ Ангеликой въ домѣ пана Станислава, онъ ходилъ по церквамъ, на публичныя гулянья,—словомъ, вездѣ, гдѣ была возможность встрѣтиться съ Ангеликою. Все время его было посвящено ей, и съ каждымъ днемъ сближался онъ съ нею болѣе и болѣе. Зная женщинъ, Твардовскій дивился той осторожности, какую показывала Ангелика въ бесѣдахъ съ нимъ. До-сихъ-поръ она не говорила ему о любви своей, до-сихъ-поръ и самъ онъ не

находилъ въ себѣ смѣлости для рѣшительнаго объясненія, хотя въ глазахъ его Ангелика ежеминутно читала это страстное объясненіе. Бывали минуты, въ которыя Ангелика казалась болѣе снисходительною и сама подавала поводъ къ объясненіямъ, на которыя, съ своей стороны, по какому-то странному противорѣчію въ поступкахъ и мысляхъ, не рѣшался Твардовскій. Въ эти минуты происходила въ немъ какая-то непонятная борьба. Съ одной стороны, вставалъ дьяволъ съ своими адскими предначертанными планами, съ другой благородное чувство любви. Борьба, казалось, происходила за то, долженъ ли жениться или просто любить Твардовскій; любовницей, или женой его должна быть Ангелика?

Невѣрное ручательство въ любви представлялъ Твардовскому титулъ любовника. Ему казалось, (какъ показалось бы всякому на его мѣстѣ), что онъ будетъ любить одинаково цѣлые вѣки... Поэтому онъ желалъ бы видѣть ее скорѣй женой своей, чѣмъ любовницей, чего, однакоже, вовсе не хотѣлось дьяволу, который съ этой цѣлію упорно удерживалъ Твардовскаго отъ рѣшительнаго объясненія.

—Подумай хорошенько, — говорилъ онъ ему, — остановись, пока еще время, брось свое ребячество. Потеряешь славу, счастіе; свяжешь себѣ руки женщиной; предоставишь ей право на твою жизнь, на время, занятія, богатство, — словомъ, на все; изъ вольнаго короля ты станешь вдругъ добровольнымъ рабомъ смазливенькой жены. Не удивляетъ меня твое желаніе обладать ею,—не противлюсь ему — но зачѣмъ жениться? за чѣмъ связывать себя вѣчнымъ узломъ, сплетеннымъ для добрыхъ мѣщанъ, для дураковъ, которымъ неволя нужна, какъ хлѣбъ насущный, которые не прожили бы и одного дня безъ ошейника. Кромѣ того, — размысли хорошенько, не будетъ ли женитьба твоя противна заключеннымъ тобою со мною условіямъ?

—Я отдалъ тебѣ одну мою душу, воля моя остается при мнѣ, отвѣчалъ Твардовскій,—я буду дѣлать, что мнѣ вздумается.

—Согласенъ съ тобою, — продолжалъ дьяволъ, — откидываю въ сторону интересы ада и говорю только о твоихъ. Женитьбой ты наживешь бѣды, заботы, дѣтей. Ты даже не можешь быть такъ счастливымъ, какъ бы тебѣ хотѣлось, потому—что долженъ будешь всѣмъ дѣлиться съ женою, которую едва ли узналъ хорошо.

—Знаю, какъ нельзя лучше, — возразилъ Твардовскій. Это единственная женщина въ мірѣ, у которой прелестная наружность согласна съ душою.

—Вотъ какъ! — продолжалъ дьяволъ, заливаясь громкимъ смѣхомъ... И ты думаешь, что эта женщина будетъ въ состояніи осчастливить тебя, — что она во всемъ сойдется съ тобою!.. Ты привыкъ къ свободѣ, она—къ регулярной жизни, какъ часы на ратушѣ, которые, пробивъ 24 часа, опять начинаютъ съ перваго. До-сихъ-поръ ты не зналъ ночи и дня, не зналъ назначенія часовъ этой несносной неволи, не зналъ никакого принужденія,—ѣлъ, пилъ, спалъ, когда, гдѣ и сколько тебѣ хотѣлось.—Теперь уже все это будетъ зависѣть отъ твоей жены. Тебѣ назначатъ часы сна, обѣда, любви, занятій и думы. Прикажутъ тебѣ идти спать, если женѣ вздумалось лечь, — прикажутъ ѣсть, если женѣ взлумалось сѣсть за столъ, — быть веселымъ, если она весела,—плакать, если скучна,—цѣловать и ласкать ее, когда вздумается. — Ты не будешь собою; будешь тѣнью жены,—ея дополненіемъ, буквою въ живомъ ея текстѣ. Ты задумаешься о великихъ вопросахъ науки, а она уткнетъ тебѣ подъ носъ твое платье съ упреками, за чѣмъ такъ скоро истаскалъ его. Однимъ словомъ — тебя свяжутъ, запрутъ, запрячутъ, замучаютъ.

—Оставь меня въ покоѣ съ твоими предсказаніями неволи... я принялъ твердое намѣреніе жениться—и женюсь.

—Да, — если увезешь,—а увезти ее тебѣ придется, потому-что, хоть ей и хочется выдти за тебя и хотя панъ Станиславъ тебя любитъ, но ты знаешь, что, по духовному завѣщанію, Ангелика въ такомъ только случаѣ дѣлается наслѣдницею имѣнія Станислава и его жены, если выйдетъ за одного изъ ихъ родственниковъ, богатаго купца. Купецъ этотъ имѣетъ не меньше твоего, а ты знаешь, что нынче даже и 15-ти-лѣтняя дѣвушка не промѣняетъ любовь на золото, — а твоей, я думаю, гораздо по-болѣе 15. Повѣрь мнѣ, что если она и ласкаетъ тебя, такъ это за твою извѣстность и славу; она любитъ тебя, какъ знаменитость, какъ богача... Впрочемъ, она еще, можетъ быть, и пошла бы за тебя, да противъ желанія пана Станислава ей трудно будетъ идти...

—Въ такомъ случаѣ, увезу ее, — сказалъ Твардовскій, — и женюсь; иначе она не захочетъ быть моею.

—Ну, я вижу, что съ тобой не сговоришь. Впрочемъ, я и тутъ готовъ помочь тебѣ и сослужить службу. Я готовъ обвѣнчать васъ,—готовъ переодѣться капуциномъ... Привози ее въ лѣсъ, въ полусгнившую, оставленную часовню, въ какую-нибудь избу на перекресткѣ, въ глухомъ мѣстѣ. Я васъ обвѣнчаю—не все ли равно для тебя, кто-бы ни обвѣнчалъ васъ!

—Нѣтъ, я не хочу обманывать ее, — сказалъ Твардовскій, смѣшавшись.

—Любовь сдѣлала тебя трусомъ, Твардовскій. Положимъ, женишься по формѣ, но подумалъ ли ты о томъ случаѣ, когда захочешь бросить жену свою!..

—Бросить? Мнѣ бросить ее!—воскликнулъ Твардовскій.

—Не удивляйся моему предположенію и не кричи такъ громко,—хладнокровно замѣтилъ ему дьяволъ. — И такъ, когда же думаешь ты увезти ее?

—Когда придетъ время. До-сихъ-поръ я еще не открылъ ей любви моей.

—Можешь написать ей письмо. Это короче и яснѣе. Не щади ей обѣщаній всякаго рода, особенно денежныхъ. Деньги никогда не портили дѣла съ вашими земными ангелами — женщинами. Чтобъ казаться еще совершеннѣйшими, онѣ любятъ золотить себѣ крылушки, а гдѣ нѣтъ золота — тамъ не будетъ и позолоты.

—

ГЛАВА VII.

О дзядахъ и бабахъ и о старой Кахнѣ. (*)

—

По уходѣ дьявола, Твардовскій снова принялся обдумывать средства, какъ бы скорѣе исполнить свое предпріятіе. Онъ чувствовалъ, что едва ли будетъ въ силахъ сдѣлать личное объясненіе, и потому рѣшился написать къ Ангеликѣ письмо.

(*) *Дзядъ,—дѣдъ*, старикъ, нищій.

Онъ описалъ въ немъ свою пламенную любовь, которая, вѣроятно, была извѣстна ей; онъ обѣщалъ ей золотыя горы, полную свободу и независимость, ничѣмъ не омрачаемое счастіе. О средствахъ своихъ и богатствѣ онъ говорилъ съ большою подробностію: въ этомъ случаѣ, совѣты дьявола Твардовскій находилъ весьма основательными. Отъ богатства, какъ отъ ultima ratio, онъ очень искусно перешелъ къ главному предмету, и назначалъ Ангеликѣ свиданіе въ первую субботу, у вечерни, въ церкви Богородицы, откуда долженъ былъ увезть ее. Твардовскій давалъ клятвенное обѣщаніе обвѣнчаться съ нею тотчасъ-же и умолялъ ее, если рѣшится предпочесть его, богатаго и умнаго, другимъ искателямъ, богатымъ и глупымъ, взвѣсить на однихъ вѣсахъ будущность и надежды обѣихъ сторонъ.

Окончивъ письмо и тщательно переписавъ его на-чисто, Твардовскій долго думалъ о томъ, съ кѣмъ бы послать его. Дѣло требовало большой осторожности и предусмотрительности. Всего болѣе Твардовскій опасался поселить подозрѣніе въ недовѣрчивомъ опекунѣ, который проникалъ его намѣреніе и очень хорошо зналъ объ отвращеніи своей воспитанницы къ купцамъ и мѣщанамъ. По долгомъ размышленіи, Твардовскій рѣшился послать письмо съ старой нищенькой, юродивою, извѣстною во всемъ Краковѣ по искусству въ гаданіи,—болтливою старухою, знавшею всѣ пороги, которую одинаково принимали въ простыхъ хатахъ и въ богатыхъ замкахъ вельможъ, съ которою совѣтовались всѣ, отъ стараго до малаго, отъ богатаго до убогаго, которой извѣстны были всѣ фамильныя тайны и которая принимала дѣятельное участіе во всѣхъ городскихъ сватовствахъ и любовныхъ интригахъ. Но прежде, чѣмъ познакомимъ читателя покороче съ этимъ характеристическимъ лицемъ того времени, принадлежавшимъ отдѣльному классу народа, скажемъ нѣсколько словъ *о дядяхъ и бабахъ* вообще.

Встарину, въ Польшѣ, какъ и вездѣ, нищіе составляли особый классъ, различный отъ другихъ классовъ народа своими нравами и обычаями. Изслѣдованіе этого страннаго класса людей много бы пояснило исторію народныхъ предразсудковъ и суевѣрій. Нищіе были какими-то посредниками между народомъ и духовенствомъ, а еще болѣе между народомъ и клехою. Отъ клехи до звонаря, а отъ звонаря до крухты пере-

ходъ былъ незамѣтный. Съ одной стороны, дзядъ—нищій придерживался народа, изъ среды котораго вышелъ; съ другой стороны—церкви и церковнаго причта, при которомъ считался, зарабатывая себѣ хлѣбъ молитвою и милостынею. Составляя, такъ сказать, послѣднюю ступень церковнослужителей, для народа, они были — врачами, совѣтниками, кумами и сватами: крестьянинъ отъ колыбели до могилы былъ неразлученъ съ дзядомъ и бабою. Баба принимала у него новорожденнаго, она обмывала у него покойника, укладывала его въ гробъ и пѣла надъ нимъ литаніи, если нечѣмъ было заплатить ксендзу. Посильная милостыня, кружка пива и горшокъ каши, вознаграждали ее за труды. Образованные немного болѣе простаго народа, они показывали себя передъ нимъ какими-то вдохновенными людьми, исполненными знанія таинственной, великой науки, составлявшей какъ бы принадлежность ихъ касты и переходившей отъ одного поколѣнія къ другому, по преданію. Народъ, который, въ простотѣ своей, хватается за все, что ему обѣщаетъ какое-нибудь облегченіе или надежду, необходимо искалъ помощи въ совѣтахъ этихъ таинственныхъ знахарей, умѣвшихъ весьма искусно пользоваться его легковѣріемъ. Дзяды и бабы умѣли втираться въ домы,—льстили человѣческимъ слабостямъ, возбуждали къ себѣ участіе и необходимое слѣдствіе было—милостыня. Тѣмъ, кто вѣрилъ въ колдовство, въ таинственно-симпатическія лекарства (въ XVI вѣкѣ въ нихъ вѣрили всѣ, начиная отъ первыхъ духовныхъ сановниковъ до короля), они предлагали травы, мази и заговоры; набожнымъ платили за милостыню молитвою, участіе къ себѣ они обыкновенно возбуждали своими болѣзнями и увѣчьемъ, дѣйствительными или поддѣльными. Обыкновенныя болѣзни ихъ были *Божья кара*, юродство или помѣшательство, нѣмота, слѣпота, растравленныя раны, болѣзнь св. Валентина.

Одежда дзядовъ была различна. Обыкновенно они ходили въ лохмотьяхъ, принадлежностью которыхъ служили также костыли или деревяшка, повѣшенный черезъ плечо мѣшокъ для милостыни и посохъ. Ходили они съ открытой головой, на которой висѣли свитые колтукомъ космы волосъ, съ обнаженными ногами и грудью, покрытыми ранами и струпьями;—лицо ихъ было всегда искривлено, — глаза налиты кровью. Въ числѣ этой арміи нищихъ, наводнявшихъ Польшу, были и ни-

щіе-аристократы. То были пилигримы, ходившіе въ Римъ или замышлявшіе подобное путешествіе. Ратуши или городовые совѣты давали имъ въ такомъ случаѣ форменное свидѣтельство, за печатью, и подробные маршруты, которыхъ они строго держались. Одежда ихъ была похожа на одежду западныхъ пилигримовъ: они носили широкіе плащи темнаго цвѣта, кожаные мѣшки, шляпы съ шнурками, чотки и мѣдный ковшикъ у пояса. Ходили они обыкновенно вдвоемъ и прежде, чѣмъ переходили границу, сбирали себѣ по городамъ и деревнямъ милостыню. Священники возглашали о нихъ съ амвоновъ, возбуждая благотворительность прихожанъ. Во время службы, дзяды садились на церковныхъ папертяхъ, гдѣ пѣли священные канты и продавали писанныя молитвы.

Другіе дзяды ходили съ кружкою, въ которую собирали подаяніе для погорѣлыхъ и обѣднявшихъ церквей, на починку церковныхъ кровель, на органы, на богадѣльни и лазареты. Кружки носили они на шеѣ и въ деревняхъ останавливались всегда у священниковъ, прося ихъ соучастія въ благотвореніи и предстательства у прихожанъ. Случалось нерѣдко, что кружка съ собраннымъ подаяніемъ поступала тихомолкомъ въ личную пользу дзяда.

Между дзядами были и калеки ex-professio, которые умѣли очень искусно притворяться хромыми, слѣпыми, нѣмыми и увѣчными. Одержимые Божьей карою, или болѣзнью св. Валентина, прибѣгали къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ: они бросались изъ стороны въ сторону, кричали, судорожно ломались, выставляли на показъ свои раны, или представлялись одержимыми проказою,—выли нечеловѣческимъ голосомъ, выворачивали бѣлки глазъ,—руки и ноги. Были и такіе, которые привязывали себя волчій хвостъ и надѣвали шубу, шерстью вверхъ, представляя валколановъ или оборотней, и входили въ крестьянскія избы,—обыкновенно въ отсутствіе хозяевъ. Испуганная хозяйка спѣшила запереть окна и двери и бросала имъ все, что имѣла лучшаго. Простаго хлѣба такой оборотень обыкновенно не бралъ,—и выдъ подъ окномъ, грозя истребить въ полѣ все стадо, до-тѣхъ-поръ, пока хозяйка не подавала ему денегъ или какой-нибудь другой, не менѣе цѣнной милостыни. Если случалось ему попасть въ избу прежде, чѣмъ ее успѣли запереть, то онъ принимался выть и мычать, заглады-

вая во всѣ углы, бросалъ щепоти какого-нибудь порошка въ горшки и скрынки и настращавъ порядкомъ, и безъ того уже полумертвую бабу и малыхъ ребятъ, забившихся подъ печку, выходилъ изъ избы, забравъ съ собою все, что ему нравилось. Отсюда-то, какъ кажется, и пошло обыкновеніе стращать малыхъ дѣтей дзядами. Для возбужденія большаго состраданія, дзяды прибѣгали иногда къ другимъ средствамъ: они крали дѣтей и обходили съ ними деревни, заставляя ихъ пѣть священныя или свѣтскія пѣсни, въ которыхъ изображалась ихъ бѣдность и превозносилось выше небесъ состраданіе и любовь къ ближнему. Другіе дзяды предпочитали шатанью по дорогамъ постоянныя мѣста, которыя доставляли имъ не менѣе обильную поживу. Они садились въ мѣстахъ, освященныхъ людскою вѣрою — у цѣлительныхъ источниковъ и колодцовъ, у святыхъ изваяній, чудотворныхъ образовъ, на большихъ дорогахъ, гдѣ молились во всеуслышаніе, пѣли кантаты и пѣсни о бѣдномъ Лазарѣ, предлагали святую волу, показывали дорогу странникамъ. Въ глухихъ лѣсахъ, или на распутіяхъ видали обыкновенно полуразвалившіяся избушки, гдѣ каждаго пришельца встрѣчалъ дзядъ-калека и протягивалъ свою изсохшую руку, прося милостыни. Многіе дзяды приписывались къ церквамъ, гдѣ исправляли обязанности звонарей и привратниковъ, пользуясь притомъ привиллегіею лечить людей и скотину.

Одежда бабы была съ небольшимъ измѣненіемъ почти та же, что и дзяда,—рубище. Къ поясу привязывали онѣ обыкновенно горшокъ, куда складывали милостыню и гдѣ хранили чародѣйственныя и лекарственныя снадобья. Въ церквахъ онѣ сидѣли въ притворахъ или на папертяхъ и пѣли въ голосъ *розовый вѣнокъ* (*). Главнымъ занятіемъ ихъ было—гаданье, заговоры, леченье и надзоръ за бѣдными беременными шляхтянками, у которыхъ онѣ обыкновенно и принимали дѣтей. Бабы и дзяды знали всѣ народныя суевѣрія, всѣ дурныя и хорошія предзнаменованія, — толковали сны, — выкуривали изъ домовъ нечистую силу. Для этого они носили всегда съ собою различныя снадобья, восковыя свѣчки, мази и цѣлительные бальбамы, которыми кропили конюшни и хлѣвы, — они умѣли воро-

(*) Rozance, молитвы въ честь Богородицы.

жить, какъ цыгане, открывали воровъ, сводили влюбленныхъ. Умѣя искусно поддерживать суевѣріе, они извлекали при этомъ возможныя для себя выгоды. По ихъ словамъ, встрѣча порожнихъ велеръ означала несчастіе; карканье вороны на крышѣ предвѣщало бѣду! По четверткамъ, послѣ полудня, запрещали они прясть кудель, а по пятницамъ, печь хлѣбы. Лопата никогда не должна была стоять въ углу избы, а на пустомъ столѣ не должна лежать скатерть, избу никогда не должно было заметать отъ дверей. Беременнымъ женщинамъ запрещали они ходить на похороны; совѣтовали ломать колдуньямъ по смерти пальцы, для того, чтобъ онѣ не могли потомъ выходить изъ гробовъ;— отводили градовыя тучи, окуривали и крестили кринки и горшки, чѣмъ и насылали на домъ избытокъ. Людей и скотъ они лечили отъ обыкновенныхъ болѣзней, *курдзѣля, напасти и ногтя.* Всѣ эти совѣты давали они, принимая на себя серьозный, таинственный видъ, что не мало увеличивало довѣріе простаго народа, который приписывалъ имъ власть, данную свыше, знаніе и всевѣденіе. Во всемъ этомъ видѣлъ онъ милосердіе божіе, вознаграждавшее ихъ еще въ этой жизни за благочестіе, болѣзни и убожество.

На бабахъ, болѣе чѣмъ на дядяхъ, лежала обязанность лекарокъ и заговорщицъ. Ни одна баба не выходила изъ избы, не окуривъ ее отъ злаго духа. За это, конечно, онѣ получали щедрую милостыню. Въ женскихъ болѣзняхъ и прихотяхъ онѣ являлись исключительными совѣтницами. Онѣ учили убогихъ шляхтянокъ кокетству, давали имъ румянъ и бѣлилъ, фабры для волосъ и бровей, любовнаго зелья, которое привораживало къ нимъ суженыхъ; давали лекарство распутнымъ женщинамъ для безплодья, для чего, обыкновенно, клали подъ постель гнилушки отъ гробовъ, мохъ съ церковныхъ кровель, и т. п. Бабы были повѣренными влюбленныхъ, которыхъ сводили или разводили, по своему усмотрѣнію. Онѣ ссорили и мирили мужей съ женами, давали совѣты, какъ воспитывать дѣтей, помогали любовнымъ интригамъ, перенося изъ дома въ домъ письма и извѣстія, назначали любовникамъ свиданія. Въ болѣзняхъ женскихъ, какъ мы уже говорили, онѣ были исключительными лекарками. Иногда дяды и бабы занимались продажею и вымѣниваніемъ разной старой дряни, тряпокъ, обносковъ, и т. п., но главнѣйшій ихъ промыселъ всегда заключался въ продажѣ ле-

карствъ, чудотворной воды, свѣчекъ, чегокъ, крестиковъ, образовъ, восковыхъ рукъ, ногъ и сердечекъ, которыми они торговали на церковныхъ праздникахъ и на отпускахъ. Крестьяне и убогая шляхта раскупали у нихъ эти вещи.

Простой народъ считалъ каждую бабу коллуньею и вѣрилъ въ сношенія ея съ дьяволомъ. О бабахъ ходило въ народѣ множество дивныхъ слуховъ. Говорили, что онѣ, въ каждый четверткъ, послѣ новолунія, надѣвъ рубашку на изнанку, вылетали изъ избы, черезъ трубу или среднее окошко, и собирались на Подгорской границѣ, на распутіяхъ, для какихъ-то обрядовъ,— что онѣ умѣли дѣлаться невидимками и оборотнями, что, помощію какихъ-то травъ, отпирали замки, - умѣли лазить по стѣнамъ, цѣпляясь за нихъ костями, — ходили по волѣ, какъ по сушѣ. Имъ приписывали даръ чудеснаго откровенія, даръ узнавать будущее, — полагали, что бабы мѣнялись два раза въ мѣсяцъ, на новолуніе и полнолуніе, что ночью принимали на себя образъ смерти, а вечеромъ вѣдьмы, или *летавицы* (*), отъ чего и вѣрили въ дружбу ихъ съ *летавцами*, злыми духами, постоянно враждебными человѣку.

Главнѣйшимъ занятіемъ бабъ, въ городахъ и деревняхъ, было обмываніе мертвыхъ. Не успѣлъ больной умереть, какъ уже являлась въ избу баба, — условливалась съ родными и тотчасъ же принималась за свое ремесло, доставлявшее ей не мало выгодъ.

Бабы и дзяды, по-двое или по-трое, ходили изъ деревни въ деревню, съ отпуста на отпустъ, съ ярмарки на ярмарку. Большими толпами они не ходили, не видя въ томъ для себя выгоды. Большія дороги были усѣяны ими. Тутъ—слѣпой тащился съ своимъ проводникомъ, - глухой съ хромымъ, нѣмой съ слѣпымъ, дзядъ съ своею бабою. Дорогой, собирали они милостыню и нерѣдко дрались за нее. Во время отпустовъ, толпы ихъ наводняли кладбища; *задушный день* (**) былъ для нихъ самымъ дорогимъ днемъ въ году. Каждый давалъ имъ тутъ милостыню.

(*) *Летавецъ, летавица.* Крестьяне въ Польшѣ считаютъ падающія звѣзды заклятыми душами, которыя небесное правосудіе низвергаетъ съ неба въ преисподнюю.

(**) День поминокъ по умершимъ.

Самыя многочисленныя собранія нищихъ были въ Ченстоховѣ, Новой Кальваріи, въ Крестовоздвиженской, Лысогорской церкви, въ Лежайскѣ, Чашовкѣ, Щепановѣ, въ Гнѣзно на праздникъ св. Войцѣха, въ Пильжно въ Ивановъ-день, на Ржешовецкой ярмаркѣ, въ Ярославлѣ на праздникѣ Богородицы, въ Пршечицѣ на Михайловъ-день, въ Лекахъ на Вороломеевъ-день, въ Хелмѣ, въ заводахъ за Дембицей, въ церкви св. Петра, около Доброжехова, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ заводахъ бабы продавали чудотворную воду, которая вытекала изъ подъ креста. Дзяды ходили и въ чужіе краи, въ Венгрію, въ Пруссію, Силезію, Моравію, въ Семигралскую землю, въ Валахію. Со страхомъ пробирались они черезъ Безчадскія тѣснины, наполненныя разбойниками; многіе ходили въ Казацкія земли, на Украйну и доходили даже до Москвы. Питаясь подаяніемъ, дзяды не упускали и другихъ незаконныхъ случаевъ — нажить копейку и проводили краденный цыганской скотъ. Богатая шляхта и вельможи поручали имъ иногда доставлять секретныя письма, высматривать непріятельскія войска, и т. п. Такъ, одинъ изъ дзядовъ, употребленный императоромъ Сигизмундомъ для доставленія его письма къ ливонскимъ рыцарямъ, умеръ дорогою и тайна была открыта. Переодѣвшись нищимъ, князь Симеонъ Слуцкій прокрался въ Львовъ къ невѣстѣ своей, Гальшкѣ Острожской. Историкъ Жоховскій упоминаетъ объ обыкновеніи, принятомъ вельможами-поручать дзядамъ крестить дѣтей своихъ. Такимъ дѣтямъ пророчили счастіе и долговѣчіе.

Дзяды были вмѣстѣ съ тѣмъ и народными миннезенгерами. Слѣпые гусляры и бандуристы пѣли по деревнямъ народныя пѣсни и преданія,—исторію, облеченную въ поэтическія краски вымысла. Надобно полагать, что ремесло гусляра, бандуриста, дударя было весьма прибыльно, потому-что переходило, вмѣстѣ съ увѣчьемъ и слѣпотою, изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну. Нищіе, снискивавшіе себѣ пропитаніе воровствомъ, имѣли свое собственное, имъ только понятное, нарѣчіе, о которомъ упоминаютъ историки. То былъ особый воровской языкъ состоявшій изъ особенныхъ выраженій, или обыкновенныхъ фразъ, имѣвшихъ свой смыслъ, подобно языку флисовъ (*) и охотниковъ.

(*) *Флисъ,* — рабочій на судахъ, бурлакъ.

Изъ всего, нами сказаннаго, можно видѣть, какую роль играли въ народѣ нищіе, какое вліяніе имѣли они на чернь. Баба принимала новорожденное дитя, — баба смотрѣла за больною матерью, была кумой, свахой, лекаркой, а по смерти домочадцевъ, она же провожала ихъ на кладбище и пѣла за упокой души ихъ литаніи. Отсюда, вѣроятно, и пошла пословица: *гдѣ чортъ не успѣетъ, тамъ успѣетъ баба.* Ни какое обстоятельство, интересовавшее общественную или домашнюю жизнь крестьянки, не обходилось безъ посредства дзяда или бабы — этихъ таинственныхъ, безсмертныхъ существъ, Богъ знаетъ, откуда появлявшихся и неизвѣстно куда исчезавшихъ, но всегда слѣдовавшихъ одни за другими безостановочно.

Обычаи этого страннаго класса народа были смѣсью набожности и суевѣрія, молитвы и преступленій. На каждый проступокъ, какъ на каждую болѣзнь свое лекарство, они имѣли какое-нибудь оправданіе, заключавшееся въ народной поговоркѣ, въ которую крестьянинъ вѣритъ, какъ въ законъ. Не одну совѣсть успокоивали эти поговорки, разсѣевали не одинъ страхъ. Преклонныя лѣта дзядовъ и бабъ, таинственная ихъ жизнь, обычаи, преданія, переходившія изъ рода въ родъ, — все покрывало ихъ въ глазахъ народа какимъ-то мистическимъ покровомъ, заставляло вѣрить въ нихъ, бояться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уважать ихъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ, нерѣдко страшна была месть этихъ людей, передъ которыми почти безсиленъ былъ законъ, которыхъ не обуздывали ни вѣра, ни совѣсть. Поджоги, отрава, открытыя убійства — служили для нихъ обыкновенными средствами. За всѣмъ тѣмъ, должно сказать, что эти нищіе, какими мы ихъ описали, въ тотъ грубый вѣкъ, были необходимы для народа, на который трудно было дѣйствовать обыкновенными средствами.

Были также и городскіе нищіе и дзяды, не оставлявшіе никогда городовъ и отличавшіеся отъ своей братіи большимъ образованіемъ т. е. большимъ лукавствомъ и хитростію.

Городскіе нищіе скоро начали сбираться въ товарищества, братства, цѣхи, имѣвшіе свои привиллегіи. У нихъ были свои книги, писари, чиновники, касса, ревизоры, на которыхъ возлагали надзоръ за писцами. Въ Польшѣ XVI вѣка уже существовали такія братства. Они имѣли въ городахъ свой домъ,

гдѣ собирались для совѣщаній. Общество заботилось о каждомъ изъ своихъ членовъ, — посылало къ каждому священника передъ смертью, отводило мѣсто для погребенія. Каждый пришлецъ, должникъ, старавшійся о выкупѣ, каждый пиллигримъ, долженъ былъ явиться въ общественный старческій домъ, предъявить тамъ свой видъ, и просить о содѣйствіи братства и объ оглашеніи о немъ съ церковнаго амвона. Просить публично милостыню ему запрещалось. Каждый мѣсяцъ бывали у нищихъ совѣщанія; всѣ постановленія братства записывались въ протоколъ. Только голодъ или моровое повѣтріе, открывавшееся въ городѣ, измѣняли этотъ порядокъ. Нищіе, находившіеся при госпиталяхъ и лазаретахъ, имѣли назначенное время, въ которое могли публично просить милостыню. Обыкновенно это бывало на Святой Недѣлѣ и въ день всѣхъ святыхъ. Старшихъ выбирали изъ звонарей и церковнослужителей. Кромѣ того, при церквахъ устроивались для дядовъ шалаши, въ которыхъ они могли сидѣть во всякое время. Вообще, городскіе нищіе далеко не пользовались такою свободою, какъ деревенскіе. За ними наблюдали городовые магистраты и запрещали имъ бродить по городу, подъ угрозой позорнаго столба, розогъ и изгнанія. Уличенныхъ въ колдовствѣ жгли безъ милосердія. Деревенскій дядъ пользовался, напротивъ, полною свободою. Онъ беззаботно расхаживалъ отъ порога одной избы до другой, собирая обильное подаяніе. Примѣръ дядовъ не могъ не оказывать дурнаго дѣйствія на народъ; — глядя на нихъ, крестьяне пріучались къ безлѣлью и бродяжничеству; дяды обыкновенно скрывали ихъ преступленія и не рѣдко были главными совѣтниками и соучастниками. Кромѣ столкновенія дядовъ съ высшимъ дворянствомъ, о которомъ мы упомянули, ихъ связывали съ нимъ многія учрежденія XV и XVI вѣковъ, въ числѣ которыхъ нельзя не упомянуть объ обѣдахъ, даваемыхъ нищимъ въ большіе праздники магнатами и епископами. Сюда же можно причислить и омовеніе ногъ двѣнадцати старцамъ: обрядъ, исполняемый церковью въ великій четверткъ.

На чемъ же, спросятъ насъ, основывалось значеніе этой странной касты, вышедшей изъ среды народа? На началахъ религіозныхъ, на благотворительности и состраданіи къ ближнему, которымъ учитъ церковь. Къ этому надобно прибавить степень образованія дядовъ, возвышавшую ихъ надъ народомъ.

Знаніе молитвъ, церковныхъ канонъ, литаній, мѣстныхъ преданій, сказокъ, поговорокъ, народныхъ пѣсенъ, — чернокнижіе, въ которое вѣрилъ народъ, гуслярство,—искусство распознаванія цѣлительныхъ травъ — все это были великія качества въ глазахъ суевѣрнаго, грубаго, необразованнаго народа.

Изъ этой-то касты народа выбралъ Твардовскій посланницу къ Ангеликѣ.

Весь Краковъ зналъ старую Кахну, — уродливую, горбатую, въ лохмотьяхъ, но умную, ловкую, провырливую. И вельможи, обитавшіе въ высокихъ хоромахъ, и простой народъ, тѣснившійся въ ветхихъ избушкахъ на предмѣстьяхъ, привѣтствовали ее одинаково. Она знала всѣхъ и всѣ ее знали. Однимъ— она давала лекарства, за другихъ—молилась, третьихъ—веселила забавными сплетнями и росказнями, въ которыхъ не было никому пощады. Она не выпрашивала милостыни, но приходила за нею, какъ за своимъ добромъ, торговалась за нее, какъ за слѣдующую ей плату. Многолѣтняя нищенская практика, знаніе людей (въ этомъ искусствѣ могли похвалиться дзяды, бабы, да развѣ еще купцы), набожность и пріобрѣтенная ею репутація, придавали ей смѣлость, а всѣмъ предпріятіямъ ея несомнѣнный успѣхъ, который ни въ комъ уже не возбуждалъ удивленія, какъ дѣло весьма обыкновенное,—въ которомъ никто не сомнѣвался.

Твардовскій увидѣлъ ее какъ-то изъ окна, когда она шла по улицѣ, и позвалъ къ себѣ.

—Пресвятая ченстоховская Богородица, мати Божія — шептала старуха, поднимаясь по лѣстницѣ и дрожа со страху: чего отъ меня надо чернокнижнику? не ужели и я могла ему на что-нибудь пригодиться?

—*Да будетъ прославлено имя Господа Іисуса Христа!* (*) сказала она, входя въ комнату и низко кланяясь.

Вмѣсто отвѣта, Твардовскій сунулъ ей въ руку щедрую милостыню. Старуха едва вѣрила глазамъ своимъ и посматривала, то на деньги, то на Твардовскаго. «И это все мнѣ?»—спросила она его, наконецъ.

—Все, но не даромъ. Ты должна сослужить мнѣ службу.

—Ужъ не помолиться ли за тебя? ужъ не лекарства ли тебѣ

(*) Обыкновенное привѣтствіе простослюдиновъ въ Польшѣ.

какого нужно?— продолжала она, и тутъ же принималась отрицательно покачивать головою. Нѣтъ; за этимъ бы ты не позвалъ меня. Въ молитву ты не вѣришь, а всякого лекарства вдоволь у тебя самого.

—Не отгадаешь, о чемъ я хочу просить тебя! — сказалъ Твардовскій, котораго начинала тѣшить болтовня старой Кахны.

—Подай мнѣ руку. — *А*! — сердечная зазнобушка! — сказала она, разсматривая ладонь поданной ей руки. — Не бойсь, отгадала?

—Отгадала!. Ну, теперь таиться мнѣ передъ тобою нечего. Дѣло вотъ въ чемъ: ты должна отнести вотъ это (Твардовскій подалъ ей запечатанное письмо) въ домъ пана Станислава Порая и отдать прямо въ руки воспитанницы его, Ангелики.

—Ну, трудненько мнѣ будетъ это сдѣлать, — отвѣчала Кахна. Скорѣе взялась бы я доставить письмо фрейлинамъ старой королевы, чѣмъ панѣ Ангеликѣ. Горда, горда, что твоя королева; чай и не подпуститъ къ себѣ, да еще, пожалуй, проводитъ такъ съ лѣстницы, что и костей потомъ не пересчитаешь. Впрочемъ, попытаться, пожалуй, я попытаюсь.

—Не бойся; ручаюсь тѣбѣ за успѣхъ; шепни только, что послана отъ меня. Но смотри, чтобъ тебя никто не видѣлъ, кромѣ ее, чтобъ никто не зналъ о твоемъ визитѣ.

—Будь спокоенъ, не въ первый разъ мнѣ исполнять такія просьбы. Бывали и мы молоды, знаемъ, какъ повести дѣло.. Теперь только подъ старость выросъ у меня горбъ; а было время, посмотрѣлъ бы ты на Кахну, молодую и пригожую. Теперь подъ старость пришлось помогать людямъ — и то слава Богу; сама не пью, за то смотрю, какъ другіе пьютъ. Нечего хвастать, а спроси всѣхъ, другой Кахны не найдешь не только во всемъ Краковѣ, да и въ цѣлой Польшѣ. Знаютъ меня и не брезгаютъ безобразною старухой: не одинъ паничъ поцѣловалъ меня за добрую вѣсточку. Будь спокоенъ; отдамъ письмо панѣ Ангеликѣ, или не будь я Кахна!

—Только, ради Бога, будь осторожна съ ней; ты знаешь, какая она гордая,—говорилъ Твардовскій.

—Знаю, знаю, будь спокоенъ. Вѣдь птичку узнаютъ по перьямъ, а человѣка по взгляду;—наши сестры вездѣ одинако-

вы, хоть снаружи и рознятся, какъ яйцо о святой, а разбей яичко—внутри все одно, что у крашенаго, что у не-крашенаго!

—Ладно, пани, ладно; ну, отправляйся же, съ Богомъ!

—

ГЛАВА VIII.

О томъ, какой былъ отвѣтъ паны Ангелики.

—

Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ Твардовскій возвращенія своей посланницы. На другой день, на лѣстницѣ послышалась тяжелая походка Кахны; слуги не хотѣли было впустить ее, и Кахна завязала съ ними ссору, которая, Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась для нея, еслибъ на крикъ, брань и угрозы ея, не вышелъ самъ Твардовскій.

Когда Твардовскій проводилъ ее къ себѣ въ комнаты, Кахна усѣлась на скамьѣ, и, отдохнувъ немного, принялась развязывать грязный свертокъ, вынутый изъ-за пазухи. Въ свертке лежало письмо, которое она съ торжествующимъ видомъ подала Твардовскому.

Ангелика соглашалась на предложеніе Твардовскаго, съ единственнымъ условіемъ—тотчасъ же по отъѣздѣ изъ дому обвѣнчаться съ нею. Изъ письма Ангелики можно было замѣтить, что только одна страстная любовь, какую она чувствовала къ Твардовскому, могла дать ей рѣшимость на такое смѣлое предпріятіе. Въ самомъ же дѣлѣ, любви тутъ не было ни на грошъ: богатство и слава Твардовскаго была причиною этой рѣшимости.

Не помня себя отъ радости, Твардовскій бросилъ старой Кахнѣ кису съ деньгами.

—Дай Богъ тебѣ всякаго счастія,—говорила старуха, пряча кису подъ фартухъ,—ты достоинъ его. Другой вотъ на твоемъ мѣстѣ, пожалуй, еще побранилъ бы старуху, чтобъ дать за работу поменьше,—видала я такихъ молодцовъ, ей Богу, видала. Ну ужъ присмотрѣлась я, какая красавица твоя

суженая! А ужъ горда-то, горда-то, какъ лебедь. Ой, чтобъ не было изъ этого худа! плохо то счастье, когда придется просить его, да становиться передъ нимъ на колѣна.

Простившись съ Кахною, Твардовскій пошелъ въ свои покои, гдѣ уже засталъ монаха Бернардина; лице его было закрыто капюшономъ.

—Что угодно вашей милости, сказалъ Бернардину Твардовскій, и какъ вы попали сюда безъ моего вѣдома?

—Я слышалъ, вы хотите вѣнчаться,—отвѣчалъ монахъ. Я—къ вашимъ услугамъ; хоть сейчасъ готовъ обвѣнчать васъ. Сказавъ, онъ поднялъ капюшонъ, и передъ изумленными глазами Твардовскаго, явилось лукавое лицо бѣса.

—Ангелика согласна?—спросилъ онъ.

—Откуда ты знаешь объ этомъ? — прервалъ его Твардовскій.

—Объ этомъ знаетъ цѣлый Краковъ, отвѣчалъ бѣсъ. Старая Кахна успѣла разболтать все дорогою.

—О! попадись мнѣ въ руки эта старая вѣльма! я убью ее!—вскричалъ Твардовскій, выбѣгая изъ комнаты. Она погубитъ меня языкомъ своимъ. До субботы еще два дни.

Но Кахна уже успѣла убраться по добру, по здорову. Твардовскій послалъ за ней въ погоню своихъ слугъ, но тѣ не сыскали ее. Кахна зашла въ ближній шинокъ, гдѣ застала нѣсколькихъ дядовъ и на радостяхъ принялась съ ними пить. Это ее спасло. Твардовскій былъ въ отчаніи.

—Не бойся, отвѣчалъ ему дьяволъ, — эти вѣсти, по всей вѣроятности, не дойдутъ до пана Станислава, а Ангелика сдержитъ свое слово. Желаю только, чтобы счастіе, о которомъ ты мечтаешь, осуществилось, что,—между нами будь сказано,—очень сомнительно. Что касается собственно до меня, то я жалѣю о тебѣ. Но дѣло сдѣлано и прошедшаго не воротить. Если идешь къ вѣнцу, — бери меня въ священники: я готовъ.

—Оставь меня одного, сатана... Vade retro! — я теперь такъ занятъ приготовленіями, что не имѣю свободной минуты.

—Я помогу тебѣ.

—Поможешь увезти ее? Пожалуй, ты подержишь лошадей, и потомъ проводишь Ангелику къ каплицѣ... теперь же — убирайся.

Дьяволъ исчезъ, а Твардовскій принялся за распоряженія.

Онъ разослалъ всѣхъ своихъ слугъ за покупками; даже два дьявола отправлены были имъ за море, для покупки какихъ-то богатыхъ, свадебныхъ уборовъ. Такая суматоха и дѣятельность продолжались въ домѣ Твардовскаго до самой вечерни первой субботы, въ которую было назначено увезти Ангелику.

—

ГЛАВА IX.

Какъ Твардовскій женился и что произошло на свадьбѣ.

—

Двумѣстная, богато-убранная коляска, запряженная четвернею статныхъ коней, стояла передъ церковью Богородицы. Каріе кони, въ богатыхъ шорахъ, потряхивали длинными гривами и рыли копытами землю. На козлахъ сидѣлъ усатый возничій въ черной ливреѣ; два конныхъ вершника сопровождали экипажъ. Мущина высокаго роста, въ шляпѣ съ черными перьями, закутанный въ широкій черный плащъ, стоялъ у дверецъ. Въ движеніяхъ его замѣтно было нетерпѣніе. Онъ, то прохаживался около коляски, то заглядывалъ въ церьковь, ожидая окончанія вечерни.

Читатели, безъ сомнѣнія, отгадали въ немъ нашего героя. Уже смеркалось и послѣдніе лучи солнца обливали золотомъ узорчатые шпицы колокольни. Въ церкви трезвонили. Толпы дядовъ и бабъ толпились на паперти, визгливыми голосами пѣли молитвы и просили подаянія. Вокругъ церкви стояло множество экипажей, но ни одинъ изъ нихъ красотою убранства не могъ сравниться съ коляской Твардовскаго, хотя черныя ливреи кучера и лакеевъ скорѣе припоминали погребальную колесницу, нежели свадебный экипажъ.

Наконецъ, вечерня отошла и народъ густыми толпами повалилъ изъ церкви. Твардовскій вмѣшался въ толпу, высматривая ту, которую ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Толпа не одинъ разъ оттѣсняла его, не одинъ разъ рисковалъ онъ потерять изъ вида Ангелику. Нѣсколько разъ, обманутый сходствомъ или

одеждою, подходилъ онъ къ незнакомымъ дамамъ и за смѣлость свою получалъ несовсѣмъ любезныя замѣчанія. Наконецъ, толпа стала рѣдѣть и изъ церкви поодиначкѣ выходили запоздавшіе богомольцы. Между ними Твардовскій увидѣлъ и Ангелику. Прелестное лицо ея сіяло невозмутимымъ спокойствіемъ. Робко приблизился къ ней Твардовскій, остановилъ ее за длинный рукавъ платья и шепнулъ: «все готово!»

—Я и не сомнѣвалась въ вашей аккуратности, — отвѣчала она,—поѣдемъ!

Твардовскій проводилъ Ангелику къ экипажу. Черезъ минуту коляска неслась во всю прыть; Твардовскій поскакалъ за нею верхомъ.

Небо было покрыто тучами и предвѣщало грозу; порывистый вѣтеръ взвѣвалъ пыль по дорогѣ и дико шумѣлъ въ древесныхъ листьяхъ. Была та весенняя пора, еще грустная, хотя и полная надеждою скораго возрожденія, та пора, когда природа сбросила уже съ себя снѣжную кору, но еще не успѣла облечься въ праздничную одежду, въ цвѣты и зелень, — пора, похожая скорѣе на скучную, холодную осень, чѣмъ на весну. Въ оврагахъ еще бѣлѣлъ пощаженный солнцемъ снѣгъ, — воздухъ отзывался какою-то болѣзненною сыростью; коляска ѣхала по дурной, избитой дорогѣ, — то вязла въ грязи, то прыгала и подскакивала, наѣхавъ на срубленный пень или на корни деревъ.

Они ѣхали долго. На небѣ показалась полная луна; руководимые ея блѣднымъ полусвѣтомъ, наши путники въѣхали въ чащу лѣса и скоро стали у полуразрушенной часовни. Еще издали мелькнулъ красноватый свѣтъ изъ разбитаго окошка. Тамъ, въ часовнѣ, у алтаря, давно уже ждалъ молодыхъ монахъ, съ опущеннымъ на лицо капюшономъ.—Когда коляска остановилась, Твардовскій соскочилъ съ лошади, высадилъ Ангелику и повелъ ее въ часовню.

Печальный видъ имѣла часовня, избранная Твардовскимъ для торжественнаго обряда. Оставленная съ давняго времени, полусгнившая, она покачнулась на одинъ бокъ, и, казалось, ждала только порыва сильнаго вѣтра, чтобы прилечь на землю. Ветхія стѣны ея были разрисованы потоками дождя, который свободно проходилъ сквозь дырявую крышу. Почти всѣ окошки были разбиты и вѣтеръ сквозь нихъ напѣвалъ груст-

ные мотивы, вторя общему тону разрушенія. Множество разныхъ обломковъ валялось въ пыли, на полу. Скамейки были поломаны, истертые образа висѣли на стѣнахъ и тусклыми, едва примѣтными очами святые грустно осматривали печальную картину... Ветхій, покачнувшійся алтарь покрытъ былъ кускомъ пыльной холстины. По сторонамъ его, въ деревянныхъ, закопченыхъ подсвѣчникахъ горѣли двѣ свѣчи. Вѣтеръ колебалъ широкое пламя на сильно-нагорѣвшей свѣтильнѣ. При одномъ видѣ этого жилища смерти и разрушенія,—душу охватывала грусть и какое-то тяжелое чувство, похожее на то, когда видимъ едва дышащаго, отжившаго свой вѣкъ, старца. Къ довершенію столь печальной картины, у подножія алтаря, вмѣсто брачнаго ковра, разложенъ былъ гробовый саванъ съ чернымъ крестомъ посерединѣ... Дурную будущность могла бы предсказать себѣ Ангелика, еслибъ въ эту минуту не была занята одною мыслію — мыслію гордости и тщеславія,—однимъ желаніемъ—обвѣнчаться скорѣе и назваться паней Твардовскою. Свадебный коверъ не обратилъ на себя ея вниманія.

Не успѣли они войти въ часовню, какъ уже начался обрядъ вѣнчанія. Онъ былъ исполненъ такъ поспѣшно, что молодые едва успѣвали отвѣчать на установленные церковью вопросы. Перемѣна колецъ, соединеніе рукъ—все это мелькнуло быстро, несвязно, будто во снѣ. Спустя нѣсколько минутъ, счастливый Твардовскій сидѣлъ уже съ женою въ коляскѣ и возвращался въ Краковъ. Прелестная Ангелика, закутавшись въ мѣховой плащъ, была весела, какъ ребенокъ, смѣялась и безпрестанно смотрѣла, не покажутся ли краковскія башни и стѣны. На страстныя слова Твардовскаго, на горячіе его поцѣлуи, она отвѣчала съ смѣлостью и равнодушіемъ, которыя уничтожили бы не одного влюбленнаго мужа въ первый вечеръ послѣ свадьбы. Передъ разсвѣтомъ увидѣли они Краковъ. Коляска въѣхала въ городскія ворота, обогнула нѣсколько узкихъ, грязныхъ переулковъ и, наконецъ, остановилась передъ домомъ Твардовскаго.

Двери дома были отворены; въ окнахъ блестѣли яркіе огни. Толпа слугъ, въ богатыхъ ливреяхъ, ожидала свою молодую госпожу. На кухнѣ поднялась суматоха: закипѣли кострюли, застучали желѣзныя сковороды. Изъ парадныхъ комнатъ доходили до слуха крики и восклицанія.

—Чьи это крики?—спросила Твардовскаго молодая жена.

—Это мои гости. Я позвалъ ихъ на свадьбу—отвѣчалъ онъ.

Румянецъ оживилъ тогда блѣдныя щеки Ангелики; съ кокетствомъ поправила она измятое дорогою платье...

Въ эту минуту отворились настежь двери и Ангелика увидѣла огромную комнату, всю облитую свѣтомъ безчисленныхъ свѣчь, обитую малиновымъ дамаскомъ съ золотыми галунами. Посрединѣ комнаты, за столомъ, уставленнымъ золотою и серебряною посудою, сидѣли гости, соскучившіе долгимъ ожиданіемъ молодыхъ. Они шумно встали и привѣтствовали чету.

Крикъ изумленія вырвался невольно у каждаго изъ нихъ, когда Ангелика сняла покрывало и показала лице свое... Но среди этихъ криковъ былъ одинъ—крикъ гнѣва, злости, угрозъ и проклятія:

—Ангелика!. Моя воспитанница!..

Читатель отгадаетъ, кому, по всѣмъ правамъ, принадлежало подобное восклицаніе. Но прежде мы должны объяснить, какимъ образомъ на свадьбу Твардовскаго могъ попасть панъ Станиславъ. Твардовскій приказалъ своимъ слугамъ просить къ себѣ всѣхъ своихъ знакомыхъ. Въ числѣ ихъ слуги просили и пана Станислава, не зная, что его воспитанница, такъ строго стереженная имъ, была невѣстою ихъ господина. Впрочемъ, никто изъ гостей не зналъ имени невѣсты Твардовскаго. Поэтому, изумленіе ихъ при видѣ Ангелики могло равняться развѣ любопытству, съ какимъ старались они отгадать имя той, кому Твардовскій отдавалъ свое сердце. Припомнимъ, что большая часть гостей были усердные поклонники Ангелики, искали ея руки и получили отказъ.

—Панове! — кричалъ Станиславъ, пробиваясь между гостями, — всѣхъ васъ призываю въ свидѣтели! Видана-ли такая смѣлость, такая насмѣшка надъ нашими патріархальными обычаями!.. Увезти, украсть мою возлюбленную воспитанницу, увезти, когда рука ея обѣщана была другому: это просто скандалъ!.. И какъ будто въ насмѣшку, просить меня на свадьбу, издѣваться надъ моей старостью, надъ моей немощью, — попрать мой гербъ, мой клейнодъ шляхетскій. Ты долженъ своею кровью, Твардовскій, смыть оскорбленіе. Вынимай саблю и бейся со мною, если шляхцицъ!..

—«Драться, драться!..» кричали многіе, подстрекая Станислава.

Смятеніе сдѣлалось общимъ. Всѣ шумѣли, кричали, даже и тѣ, которыхъ, казалось, нисколько бы не должно было интересовать подобное дѣло. Женщины принялись плакать, Твардовская спряталась за своего мужа.

Въ числѣ гостей былъ и тотъ купчикъ, которому обѣщана была Станиславомъ рука Ангелики.

—Ваша милость осмѣлилась,—сказалъ онъ, выступивъ изъ толпы гостей и обращаясь къ Твардовскому, — разрушить счастіе почтеннаго семейства и украсть особу, которой рука и сердце обѣщаны были мнѣ. — Вы завладѣли моимъ добромъ, какъ разбойникъ; — я долженъ отмстить за такое посрамленіе моей чести, — я долженъ рубиться съ вами прежде всѣхъ. Вынимайте саблю!..

—Молчалъ бы лучше, торгашъ! — сказалъ одинъ изъ друзей Твардовскаго.—Не заслужилъ еще права на саблю, а ужъ хочетъ драться съ шляхцицемъ! Прочь его! Пусть идетъ мѣрить сукно въ лавочкѣ....

Тѣ изъ гостей, которые казались болѣе миролюбивыми, старались успокоить смятеніе и помирить противныя партіи, но всѣ усилія были безъуспѣшны. Шумъ возрасталъ, и тогда только рѣшилась вступиться за себя смѣлая пани Твардовская.

—Чего вы хотите отъ меня, господа? — сказала она — Изъ чего вы хлопочете столько? развѣ я присягнула вамъ на подданство, развѣ имѣете вы на меня какое-нибудь право?.. развѣ я дочь ваша, пане Станиславъ, чтобы вы могли распоряжаться мною по своей волѣ? Развѣ я была вашей невѣстою, пане Доминикъ, чтобъ вы могли вступаться за меня, какъ за свое добро?.. Какое вамъ дѣло до меня? спрашиваю я васъ. Я сирота, — я не ваша наслѣдница, — я сама имѣла право располагать своей рукою, не требуя вашего посредничества...

—Молчи, непокорная, неблагодарная! — кричалъ взбѣшенный Станиславъ, — я не съ тобой имѣю дѣло, а съ тѣмъ, кто такъ лукаво обманулъ меня, — съ мужемъ твоимъ. Ступай себѣ къ своимъ горшкамъ и веретену, — а ты Твардовскій,—вынимай саблю!

Хладнокровно, съ насмѣшливой улыбкой, выслушивалъ Твардовскій эти вызовы. — Постойте!.. Зачѣмъ спѣшить?—сказалъ онъ, наконецъ, — сабли отъ насъ не уйдутъ. Прежде попи-

руемъ на моей свадьбѣ!.. Что за свадьба безъ вина и безъ танцевъ! эй, музыканты!

Въ отвѣтъ на эти слова скрипки грянули веселый, удалый краковьякъ. Застучали серебряныя подковки. Ноги затопали въ тактъ и скоро заглушили угрозы и крики пановъ Станислава, Доминика и ихъ сварливой компаніи. Веселыя пары уже обходили кругомъ стола, покручивая усы, поправляя, надѣтыя на бекрень, шапки, гремѣли саблями и подковками. Бѣшеная мазурка, смѣнившая краковьякъ, загасила послѣднія вспышки раздора. Танцовали безъ устали, подъ звуки чародѣйской музыки, не забывая осушать кубки съ искрометнымъ венгерскимъ, очищать блюда, которыя безпрестанно смѣнялись другими. На дворѣ давно уже стоялъ бѣлый день, давно уже догорѣли и погасли свѣчи, а пиръ и танцы шли своимъ чередомъ.....

—Ну, чортъ тебя возьми, Твардовскій, съ твоею музыкою, говорилъ панъ Станиславъ, красный, какъ ракъ, и покачиваясь со стороны въ сторону. Вели перестать играть, не то замучаешь насъ на смерть. Чортъ съ тобой! не стану съ тобой драться, только вели перестать музыкѣ. Прощаю тебѣ все,— Только за то ужъ нога моя не будетъ въ твоемъ домѣ... вели же перестать играть этимъ чертямъ. Ой, подержи меня, пане Доминику, не то упаду, повалюсь, какъ снопъ...

Твардовскій и молодая его помирали со смѣху. Наконецъ, сжалившись надъ гостями, Твардовскій приказалъ перестать играть.

Тогда начался ужинъ. Тѣ изъ гостей, которые еще могли подняться на ноги, сѣли за столъ; другіе, опасаясь новаго мщенія со стороны Твардовскаго, спѣшили убраться домой по добру по здорову. Молодые заняли почетное мѣсто, на переднемъ концѣ стола, на парадныхъ, обитыхъ бархатомъ, креслахъ. Пиръ тянулся до поздняго вечера.

Странные, дивные слухи ходили на другой день въ городѣ. Утверждали, что прошедшая ночь тянулась нестерпимо долго; были и такіе, которые божились, что вмѣсто осьми часовъ, ночь длилась цѣлые сорокъ. Толковали, спорили и сошлись на тридцати часахъ. Не ручаемся за достовѣрность всѣхъ этихъ слуховъ, но можно сказать утвердительно, что ни одна ночь не показалась Твардовскому такою короткою, какъ эта первая ночь медоваго мѣсяца.

ГЛАВА X.

Какъ Твардовскій жилъ съ женою, какъ подслушалъ ее, по совѣту дьявола, и что изъ того воспослѣдовало.

—

Кто не знаетъ первыхъ золотыхъ минутъ супружества, когда изъ чаши любви пьются первыя сладости, когда вся прелесть наслажденія возвышается этимъ таинственнымъ обаяніемъ, этою полукоротностью обращенія, которое сблизило, но еще недостаточно связало двухъ любящихся? Кто не знаетъ этихъ дней, блестящихъ счастіемъ, лучезарныхъ надеждою, когда такъ и кажется, что вся жизнь пройдетъ въ этомъ согласіи, въ любви и въ счастіи? Такіе дни даются въ удѣлъ даже самымъ неудачнымъ супружествамъ: края чаши, наполненной горечью, омочены для нихъ сладкимъ нектаромъ.—Въ это время, супруги еще занимаются другъ другомъ, ласкаютъ другъ друга; они уже коротки одинъ съ другимъ, коротки, на сколько коротность эта нужна для ихъ любви; они еще не выходятъ изъ тѣхъ условій, которыя предписываются вѣжливостью, — условій, бросающихъ на первыя наслажденія любви отпечатокъ чего-то неземнаго, идеальнаго. Въ это время, и онъ и она всматриваются другъ въ друга, стараются узнать другъ друга, и въ этой полудовѣренности, полу-недовѣрчивости—какъ счастливы они оба! Не должно ли это навести насъ на мысль, что человѣкъ, ищущій продолжительнаго счастья въ супружествѣ, долженъ искать его въ предупредительномъ обхожденіи, въ признакахъ чувства, еслибъ въ дѣйствительности и недоставало его?

Таковы были первые дни супружеской жизни Твардовскаго. Молодые, казалось, были счастливы. Она забыла на время о своемъ тщеславіи, о славѣ и богатствѣ; онъ, влюбленный въ нее до безумія, у ногъ ея, цѣлуя ея руки, смотря ей въ глаза, забывалъ о всемъ мірѣ, чувствуя, что счастіе его было переполнено. Только тогда, когда взглянула ему въ глаза страшная мысль о смерти, когда онъ вспоминалъ объ адѣ, которому продалъ себя, только тогда хмурилось его чело и мрачно блистали глаза. Но если одна какая-нибудь страсть овладѣваетъ нами исключительно, то всѣ другія тонутъ въ ея палящемъ

огнѣ. Такъ было и съ Твардовскимъ, и онъ все рѣже и рѣже допускалъ къ себѣ эти черныя думы. Дьяволъ, глядя на него, коварно улыбался. Онъ зналъ, что скоро пройдутъ эти чарующія минуты, онъ читалъ въ глубинѣ сердца Ангелики—и видѣлъ будущность, которую готовила она Твардовскому.

Бѣжали часы, бѣжали дни, недѣли, мѣсяцы, — прошелъ цѣлый годъ, и только къ концу его начала измѣняться пани Твардовская. Характеръ ея утратилъ всю сладость первыхъ дней супружества, гордость и желаніе повелѣвать прорывались въ ней безпрестанно, и усиливались съ временемъ. Смѣясь и шутя, уступалъ ей Твардовскій, все еще страстно любившій ее, но потомъ, когда капризы жены переходили границы, онъ становился болѣе и болѣе къ ней равнодушнымъ. Тяжелыя мысли начинали наполнять его голову и возвращали почти уже забытыя имъ минуты раздумья — припадки мизантропіи. А между-тѣмъ, пани кричала въ домѣ съ утра до вечера, ставила въ немъ все вверхъ дномъ, тратила деньги на излишества и, желая затмить всѣхъ, съ каждымъ днемъ изобрѣтала новыя забавы и развлеченія. Наскучили ей скоро домъ и мужъ; надо было искать новыхъ знакомствъ, приглашать новыхъ гостей. Передъ ними она тщеславилась своимъ богатствомъ и ученостью, къ которой теперь уже примѣшивалось и кокетство. Такимъ образомъ, эти страсти вытѣсняли мало-по-малу любовь и привязанность, какія оказывала она Твардовскому, пока, наконецъ, не вытѣснили ихъ вовсе. Жизнь Твардовскаго становилась съ каждымъ днемъ тягостнѣе. Его уже начинало мучить раскаяніе. Образъ жизни его измѣнился. Нерѣдко въ тѣ минуты, когда онъ желалъ бы предаться обычной думѣ и размышленію, жена заставляла его занимать пустомель, прославлявшихъ ея знанія и таланты. Въ кабинетѣ его, по столамъ и книгамъ бѣгали женщины собаки, на аппараты и чучелы садились женщины попугаи, которыхъ она держала потому только, что королева и жена воеводы были страстныя до нихъ охотницы. Твардовскій, какъ ребенокъ, привыкъ слушаться жену и исполнять ея приказанія. Сначала онъ это дѣлалъ по любви, потомъ по привычкѣ. Сначала она умѣла искусно подцвѣчивать свои желанія сладкими эпитетами, которые въ первое время женитьбы молодая жена обыкновенно прибираетъ для своего мужа; потомъ оставила мало-по-малу эти

эпитеты, — и желанія незамѣтно превращались въ строгія, суровыя приказанія.

Въ жизни мужей, даже самыхъ кроткихъ и послушныхъ, есть минуты, въ которыя они одумываются и пристально вглядываются въ свое положеніе. Въ эти минуты, самый терпѣливый изъ нихъ теряетъ терпѣніе. Такая именно минута наступала теперь для Твардовскаго. Менѣе страстный, менѣе чувствительный, чѣмъ грустный и задумчивый, онъ какъ бы нехотя начиналъ уже понемногу стряхивать съ себя власть жены. Неудовольствіе его обнаруживалось уже явственно. Дошло, наконецъ, дѣло и до маленькихъ ссоръ, которыя обыкновенно оканчивались къ вечеру, когда супруги ложились спать. Потомъ, маленькія ссоры сдѣлались продолжительнѣе, и супруги часто косились одинъ на другаго и не говорили другъ съ другомъ по цѣлымъ днямъ. Все это, однакожь, въ глазахъ свѣта покрыто было наружнымъ согласіемъ, хотя внутри собирались грозныя тучи и кипѣла война.

Все на свѣтѣ проходитъ понемногу; постепенно и незамѣтно мы старѣемся; постепенно ослабляютъ насъ годы; постепенно и незамѣтно запутываемся мы въ силкахъ любви.. Какъ пожаръ отъ искры, такъ и несогласіе и вражда возникаютъ всегда отъ бездѣлицы.. Всѣ домашнія междуусобія обыкновенно начинаются молчаніемъ и гримасами, а оканчиваются кровопролитными войнами, и если хоть одинъ разъ переночевало подъ супружескою подушкой несогласіе, то ужъ не выкурить его изъ дому. Когда война стала неизбѣжною, супруги вооружились, каждый своимъ оружіемъ, и ждали только удобнаго случая къ нападенію.

И то сказать, трудно было бороться съ Твардовскимъ. На его сторонѣ были умъ и знаніе; къ услугамъ его были адскія силы и тысяча таинственныхъ средствъ, которыхъ ни предвидѣть, ни отвратить невозможно. И противъ всего этого что могла противупоставить слабая женщина? Женское упорство и разбитое свое оружіе — остатки еще несовсѣмъ угаснувшей прежней любви..... Но эти остатки изчезли въ первыхъ схваткахъ войны, и осталось отъ нихъ, какъ черный уголь,— одно воспоминаніе, осталось скорѣе ко вреду ея, чѣмъ къ пользѣ. Наконецъ, супруги сходились для того только, чтобъ ссориться.....

Говорить ли, кто радовался и рукоплескалъ этой ссорѣ?

Рукоплескалъ ей *онъ*, отецъ вражды и ссоры, падшій ангелъ, который давно уже погружалъ все глубже и глубже въ душу Твардовскаго запущенные, однажды, когти. Одинъ разъ, вошелъ онъ къ Твардовскому, который, послѣ новой ссоры съ женою, сидѣлъ грустный, убитый душевнымъ горемъ.

— Добрый вечеръ, Твардовскій! — сказалъ онъ ему: давно уже мы не видались, а много воды утекло для тебя сътѣхъ-поръ.... Судя по твоему мрачному взгляду, могу заключить, что уже сбылись мои предсказанія, — что подъ розовыми лепестками брака ты уже почувствовалъ острые шипы и укололся ими.... Не такъ ли?

— Нѣтъ, ничего; это такъ, — вздоръ, — бездѣлица... семейныя непріятности, неразлучныя съ супружескою жизнію, — зло неизбѣжное.

— Я вижу дальше твоего, Твардовскій, — не проведешь меня, — отвѣчалъ ему съ злобною улыбкою дьяволъ.—Въ душѣ твоей я читаю, какъ въ книгѣ,—какъ въ письмѣ, ко мнѣ написанномъ... Припомни себя, не я ли первый давалъ тебѣ совѣтъ не жениться и не ты ли горячо и упорно опровергалъ мои доводы, обѣщалъ себѣ вѣрное счастіе?

— Я и не ошибся въ этомъ счастіи. Маленькія непріятности еще не составляютъ несчастія: это легкіе облачка на чистомъ небѣ.

— Да, облачка, которые сойдутся наконецъ въ громовую тучу.... Зачѣмъ ты таишься предо мной?

— Кто же сказалъ тебѣ, что я несчастливъ и что причиною этого несчастія — жена моя?

— Ты забылъ, что я знаю все, — что я не оставляю тебя ни на минуту.

— А, когда такъ, то прошу тебя, сатана, дай же мнѣ совѣтъ, какъ выдти изъ положенія, въ которое я поставилъ себя.

— Не будутъ ли поздними теперь эти совѣты? Вольно тебѣ было не слушать ихъ прежде. Развѣ не совѣтовалъ я тебѣ увезти ее, высосать изъ нее всю сладость, все то, что въ ней было хорошаго, и бросить потомъ, какъ орѣшную шелуху, безъ которой не могъ бы ты съѣсть зерна?..

Твардовскій молчалъ.

—Ты сдѣлалъ по-своему — продолжалъ дьяволъ, и вотъ плоды твоего самоволія... Но, такъ или иначе, а надобно же тебѣ кончить эту исторію.

—Я готовъ на все,—сказалъ мрачно Твардовскій.

—Ты выгонишь ее изъ дому...

—Выгнать изъ дому?.. Съ ума сошелъ ты, дьяволъ! А что бы стали говорить люди?

—Люди!! ха, ха, ха!.. Людская болтовня развѣ составитъ твое счастіе, или несчастіе?

—Но, подумай... не палъ ли бы на меня весь позоръ, еслибъ рѣшился я выгнать жену изъ моего дома?

—Жену, говоришь ты?

—Жену,—развѣ она не жена моя?

—Ха, ха, ха!.. Жену, съ которою обвѣнчалъ тебя—покорный слуга твой!

Твардовскій задумался. До-сихъ-поръ эта мысль не приходила ему въ голову. Счастливый первою любовью, онъ считалъ себя законнѣйшимъ мужемъ во всей вселенной. Нерѣшительность, однакожъ, все еще не оставляла его.

—Она не такъ дурна и зла, какъ тебѣ кажется, сказалъ онъ наконецъ.

—Она гораздо хуже того, чѣмъ кажется, прервалъ дьяволъ; — ты вѣрно еще несовсѣмъ разлюбилъ ее?.. Можешь жить съ нею, если тебѣ угодно, но я совѣтовалъ бы тебѣ напередъ увѣриться хорошенько въ ее добродѣтели.

—Какъ! ужели ты думаешь, что она могла измѣнить мнѣ! Она смѣла измѣнить мнѣ!.. и ты говоришь мнѣ это, сатана!—вскричалъ Твардовскій, подбѣгая къ дьяволу. Глаза его блестѣли, руки тряслись: ревность душила его.

—Не только говорю, но и утверждаю;—хладнокровно отвѣчалъ дьяволъ.

—Ты докажешь мнѣ это!

—Нѣтъ ничего легче!

—Измѣняетъ!.. измѣняетъ! — кричалъ Твардовскій;—и для кого, для кого?—говори—для кого, спрашиваю тебя?

—Для кого!.. какъ водится, для молокососа, который помоложе, посвѣжѣе тебя... а ты и не зналъ ничего, бѣдный мужъ! Знай же, что эта связь тянется уже добрыхъ два мѣсяца... Теперь не хочешь ли знать имя счастливца? Панъ Христофоръ,

королевскій коморникъ, глупый, какъ кукла, и такъ же раскрашенный и нарумяненный.

—Я долженъ увѣриться въ этомъ, долженъ непремѣнно, говорилъ Твардовскій: я убью измѣнницу!..

—Увѣрься. Но позволь сказать тебѣ на прощаніе, Твардовскій: изо всѣхъ мудрецовъ въ свѣтѣ, я не видалъ ни одного глупѣе тебя. Вмѣсто того, чтобъ спокойно ждать случая, который бы удостовѣрилъ тебя въ невѣрности жены, — вмѣсто того, чтобъ отмстить осторожно и обдуманно, упиться всею прелестію давно-замышленнаго мщенія; — ты торопишься, хочешь, чтобъ она обезоружила тебя кокетствомъ, обманомъ, слезами,—чтобъ она снова и сильнѣе прежняго привязала тебя къ себѣ.

—Что же долженъ я дѣлать?.. что?.. говори!.. Видишь: одна мысль объ ея невѣрности жжетъ меня.

—Выслушай меня терпѣливо. Скажи ей, что ты долженъ ѣхать сегодня изъ Кракова за нѣсколько миль,—приготовься къ отъѣзду;—выѣзжай изъ дому, но не изъ Кракова. Будь увѣренъ,—она позоветъ къ себѣ своего любовника. Ты ночью войдешь въ домъ, черезъ садовую калитку, прокрадешься въ спальню—услышишь, увидишь все.

—Но я не желалъ бы видѣться съ нею,—сказалъ Твардовскій;—чувствую, что я не удержался бы и высказалъ ей все, что у меня на сердцѣ!—Говоря такъ, онъ позвалъ слугу, и послалъ его увѣдомить жену о своемъ отъѣздѣ на нѣсколько дней.

Спустя нѣсколько минутъ, дьяволъ показалъ ему въ окошко выходившую на улицу служанку жены, повѣренную всѣхъ ея тайнъ.

—Видишь ли, она уже послала за своимъ возлюбленнымъ, — шепнулъ сатана... Ну, захлопнемъ же мы ихъ въ западню.

Твардовскій собрался въ дорогу. Выѣхавъ за Флоріанскія ворота, онъ приказалъ остановиться въ корчмѣ, куда назначено было придти дьяволу. Тотъ не заставилъ долго ждать себя.

—Пойдемъ! сказалъ онъ ему съ злобною улыбкою.

Ночь была ясная и теплая, и путники скоро достигли садовой калитки. Отсюда пробрались они черезъ садъ въ комнату, смѣжную съ спальней.

—Гдѣ же они?.. нетерпѣливо спросилъ Твардовскій.

—Здѣсь, — отвѣчалъ дьяволъ,—слушай, только со вниманіемъ... слышишь?..

Твардовскій, блѣдный, весь дрожа, едва переводя дыханіе, подвинулся къ двери. Въ рукѣ держалъ онъ огромную саблю.

Въ спальной происходилъ слѣдующій разговоръ . . . .

. . . . . .

—И ты думаешь, что я могла любить его? я никогда не любила его,—говорила пани Твардовская.

—Зачѣмъ же ты отказала для него другимъ женихамъ, отреклась отъ наслѣдства Пораевъ? — Зачѣмъ позволила увезти себя?—говорилъ счастливый любовникъ.

—Твардовскій богаче всѣхъ жениховъ и всѣхъ Пораевъ; я расчитывала на это.

—Но, признайся, Ангелика; вѣдь все же ты любила его въ первое время замужества!

—Я притворялась, — и умѣла обмануть всѣхъ васъ... любовь для мужа тоже, что медъ для мухъ: просто ихъ не поймаешь, а пойманныя однажды, онѣ уже не вырвутся на свободу.

—Ну, уменъ же твой прославленный философъ, Твардовскій! славно ты провела его. Впрочемъ, и то сказать, трудно было не вдаться въ обманъ при такихъ сильныхъ аргументахъ, какъ эти прелестные глазки.

Тутъ услышалъ Твардовскій звонкій поцѣлуй. Онъ уже хотѣлъ отворить дверь, но дьяволъ остановилъ его.

—Постой; рано еще... услышишь еще кое-что, — сказалъ дьяволъ.

Изъ спальни снова послышался разговоръ, на этотъ разъ уже прерываемый частыми поцѣлуями.

—Неужели одно богатство могло тебя склонить выйти за Твардовскаго?—спрашивалъ Христофоръ.

—Не одно богатство... я предпочла его другимъ за богатство, за славу, за значеніе. Всю жизнь бредила я славою и извѣстностью; я все на свѣтѣ отдала бы за нихъ. Въ Твардовскомъ я нашла всѣ эти достоинства... только не было любви. Любовь я узнала съ тобой, прибавила Ангелика послѣ минуты молчанія.

Слова эти сопровождались жаркими поцѣлуями.

—За что же, скажи мнѣ, мой другъ, зовутъ Твардовскаго

чернокнижникомъ, всевѣдцемъ, когда онъ позволяетъ намъ обманывать себя такъ спокойно, — когда онъ и не подозрѣваетъ объ этомъ обманѣ,—не знаетъ, что не его, а только его богатства хотѣла ты, выходя за него замужъ.

—Съ мудрецами всегда такъ, — отвѣчала Ангелика—засмотрѣвшись на небо они не примѣчаютъ, что дѣлается у нихъ подъ ногами. Въ немъ нашла я одно,—въ тебѣ другое...

—Глупый мудрецъ! воскликнулъ счастливый любовникъ.

Въ эту минуту съ трескомъ отворились двери и Твардовскій съ поднятою саблею вбѣжалъ въ спальню... Ангелика вскрикнула; любовникъ ея схватился было за висѣвшую подлѣ него саблю, но сабля, въ тоже мгновеніе, превратилась въ кусокъ полотна.

—А! — вскричалъ Твардовскій, бросая гнѣвные взоры на преступныхъ:—такъ глупъ Твардовскій, глупъ, потому-что зналъ все, потому-что сторожилъ васъ,—глупъ, потому-что жестоко отплатитъ вамъ?.. Умны только вы, которые попались въ западню... Посмотрю, какъ то вывернетесь вы отъ меня!.. Между нами все кончено, — продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ, — не священникъ вѣнчалъ насъ, а чортъ-знаетъ-кто... Прочь изъ моего дома, негодная! ступай просить милостыню, или лучше продавать горшки на краковскомъ рынкѣ. Ты, которая весь свой вѣкъ бредила о богатствѣ и славѣ, узнаешь теперь, что такое нищета. Прочь съ глазъ моихъ, негодная!

Онъ кликнулъ слугъ и приказалъ имъ выгнать жену свою. Приказаніе было исполнено въ туже минуту. Слуги не любили Твардовской и рады были случаю отмстить ей.

—Тебя же, любезный,—продолжалъ Твардовскій, обращаясь къ Христофору, я осуждаю на 20 лѣтъ раскаянія: 20 лѣтъ будешь ты бѣгать собакою, 20 лѣтъ будутъ гонять тебя камнями, обливать кипяткомъ, бить палками.—Ступай, вслѣдъ за своею возлюбленною.

Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ Христофоръ превратился въ собаку, залаялъ, завылъ и выбѣжалъ на улицу, сопровождаемый пинками слугъ и дворовой челяди...

—

ГЛАВА XI.

Какъ мстилъ за себя Твардовскій.

—

Значительная перемѣна произошла съ Твардовскимъ послѣ такого испытанія. Все еще надѣясь отыскать женщину, которая бы полюбила его искренно,—онъ искалъ ее, но искалъ напрасно. Женщины могли полюбить его за богатство, а любовь свою дарили другимъ, которые не были ни учеными, ни богатыми. На свѣтѣ всегда такъ. Поневолѣ онъ долженъ былъ ограничиться этою фальшивой, грубою, продажной любовью, которая не насыщаетъ, а возбуждаетъ еще болѣе жажду, и къ которой прибѣгаютъ многіе, какъ охотники, томимые жаждой, къ заплесневѣлому болоту. Къ этимъ-то женщинамъ, любовь которыхъ покупалась на золото, прибѣгнулъ Твардовскій, думавшій въ продажныхъ объятіяхъ утушить пламень, который жегъ и палилъ его. Коварный дьяволъ ставилъ ему на глаза множество такихъ красавицъ, и въ тѣ минуты, когда недовольный Твардовскій, разочаровывавшійся съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе грустилъ и задумывался, вспоминая о лучшемъ времени, сатана шепталъ ему:

—Повѣрь мнѣ, Твардовскій, — иной любви нѣтъ на свѣтѣ, развѣ для тѣхъ дураковъ, которые вѣрятъ въ нее. Бываетъ привязанность по привычкѣ, бываетъ страсть, руководимая животнымъ побужденіемъ, — бываетъ платоническая любовь юношей, но той любви, которой ты ищешь, любви по превосходству,—такой любви нѣтъ на свѣтѣ, какъ нѣтъ фениксовъ и сиренъ, о которыхъ серьезно трактовали очень ученые люди. Все это—басни, выдуманныя для поживы людскому суевѣрію...

Убѣдить Твардовскаго въ несуществованіи истинной любви было главною цѣлію дьявола: онъ зналъ, что ничто не можетъ такъ скоро исправить порочнаго человѣка и сдѣлать его добродѣтельнымъ, какъ истинная любовь, и этого-то всего больше онъ боялся.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Однажды, проѣзжая черезъ краковскій рынокъ, въ толпѣ торговокъ примѣтилъ Твардовскій жену свою. Блѣдная, исхудавшая, убитая горемъ, сидѣла она въ сколоченномъ изъ досокъ шалашѣ, прилѣплен-

номъ къ стѣнѣ огромнаго дома и продавала горшки. Горькая улыбка показалась на лицѣ Твардовскаго при видѣ этой женщины, когда-то любимой имъ, выбранной его сердцемъ,—женщины, для которой онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ, и которая не оцѣнила этого пожертвованія, — которая обманула, продала его,—разбила, какъ хрупкую игрушку, все его счастіе.

Грязные лоскутья прикрывали, когда-то нѣжное, бѣлое, прекрасное ея тѣло. Она страшно измѣнилась. Лице ея обтягивала желтая кожа, волосы на головѣ вылезли, губы посинѣли, одни только черные глаза, блестѣвшіе въ глубокихъ впадинахъ, говорили о прежней красотѣ ея. У ногъ ея лежала исхудалая, избитая собака, которую она призрѣла изъ состраданія... собаку эту узналъ Твардовскій и новая жажда мести вспыхнула въ немъ.

—Разбѣйте горшки у этой распутницы,—сказалъ онъ, обращаясь къ окружавшей его толпѣ слугъ, и поколотите хорошенько ея скверную собаку.

Приказаніе это было исполнено въ туже минуту, — и площадь огласилась плачемъ торговки и громкимъ воемъ собаки.

Бѣдная женщина узнала своего мстителя. Она закрыла лице руками и рыдала до-тѣхъ-поръ, пока силы совершенно ее оставили.

Дьяволъ, носившійся невидимо надъ Твардовскимъ, рукоплескалъ этой подлой мести.

Открывъ, такимъ образомъ, убѣжище Ангелики, Твардовскій началъ преслѣдовать ее своимъ мщеніемъ. Каждый разъ, проѣзжая мимо ветхаго шалаша ея, на краковскомъ рынкѣ, онъ приказывалъ своей прислугѣ бить горшки и собаку. Лишенная послѣдняго средства существованія, Ангелика должна была оставить Краковъ и искать себѣ новаго пріюта.

Не столько за измѣну и невѣрность мстилъ ей Твардовскій,—сколько за то, что позволилъ себѣ вдаться въ обманъ. Этого никогда не могло ему простить его самолюбіе. Руководимый совѣтами дьявола, Твардовскій давно уже спустился съ того пьедесталя, на которой ставили его мудрость и опытность: теперь онъ сталъ въ уровень съ тѣми низкими эгоистами, для которыхъ мнѣніе свѣта становится закономъ, кото-

рому они готовы пожертвовать всѣмъ, даже обломками чести и совѣсти, какіе могли бы еще случайно въ нихъ уцѣлѣть.

—

ГЛАВА XII.

Какъ Твардовскій вспоминалъ о своемъ прошломъ и какъ поссорился съ дьяволомъ.

—

Въ этой юдоли плача все оканчивается горестью и почти всѣ наслажденія сопровождаются слезами и раскаяніемъ. Мы жалѣемъ прошедшихъ минутъ, какъ промотаннаго богатства,— мы оплакиваемъ исполненную бѣдствіями жизнь, и нерѣдко изъ того, что было нашимъ счастіемъ, дѣлается отъ пресыщенія горькая отрава.

Такъ случилось и съ Твардовскимъ. Неудовлетворенный ни познаніями, ни свѣтомъ, онъ грустилъ, и съ горестію вспоминалъ объ утраченной имъ навсегда вѣчности. Ежеминутно упрекала его совѣсть въ постыдномъ договорѣ, заключенномъ съ дьяволомъ. Поздно увидѣлъ онъ, что ничто на свѣтѣ не искупитъ ему души и безсмертія. Все, пріобрѣтенное имъ за безсмертную душу, было ничтожно и оканчивалось вмѣстѣ съ жизнію. Воспоминанія о прошломъ, не подкрѣпленныя мечтами о радостномъ будущемъ, не доставляли ему утѣшенія... Черна и мрачна вставала передъ нимъ будущность; каждый часъ, каждый день сближалъ Твардовскаго съ этимъ будущимъ, о которомъ онъ прежде такъ мало заботился. Вторично показавшаяся въ головѣ его сѣдина заставила его подумать о короткости людской жизни, въ которой все становилось для него пустымъ и ничтожнымъ, все,—надежды и радости, познанія и наслажденія...

—И это жизнь! восклицалъ онъ. — Гдѣ же то пресыщеніе наукой и мудростью, котораго я домогался! Къ чему положительному привели меня всѣ мои ученыя бредни и утопіи? Что оставили во мнѣ удовольствія свѣта, которыхъ я такъ жаждалъ?..

И изъ всѣхъ этихъ думъ, предположеній, вопросовъ, Твардовскій выносилъ глубокое, искреннее сожалѣніе объ утраченномъ золотомъ времени молодости, когда въ душѣ были только вѣра и надежда, когда въ умѣ еще не раждалась мысль о свѣтѣ съ его безъотрадными наслажденіями. Тогда казалось ему, что вся эта жизнь протечетъ для него въ отеческомъ домѣ, подъ родимою кровлею, среди скромныхъ семейныхъ надеждъ и радостей. Позже — смѣялся Твардовскій надъ картиной такого счастія и называлъ его *счастіемъ глупцовъ*, въ которомъ не было ни тины, ни сору. Но теперь, когда отъ всѣхъ наслажденій жизни оставалась на устахъ его горечь, теперь онъ жалѣлъ объ этомъ спокойномъ счастіи, которое, какъ ручей, было одинаково чисто въ концѣ и въ началѣ, онъ говорилъ себѣ:

—И нужно же мнѣ было оттолкнуть отъ себя это счастіе, для котораго, конечно, судьба назначала меня? Одно горькое раскаяніе пріобрѣлъ я этой перемѣною. Мирно и тихо доживалъ бы я теперь вѣкъ свой... я научился бы цѣнить то, въ чемъ теперь не вижу никакого значенія, — я любилъ бы деревню, весну, природу, и былъ бы счастливъ, не чувствовалъ бы раскаянія и угрызеній совѣсти...

И при этомъ Твардовскій вспоминалъ свою мать, вспоминалъ ея нѣжныя ласки, ея совѣты, ея молитвы... Цѣлительнымъ бальзамомъ были для него воспоминанія о матери.

Отъ воспоминаній о прошломъ переходилъ Твардовскій къ настоящему, къ будущему,—и тутъ адъ разѣвалъ передъ нимъ страшную пасть. Содрагался Твардовскій при мысли, что туда не будутъ сопровождать его ни воспоминанія о младенческихъ лѣтахъ, ни любовь и молитвы матери. Онъ понесетъ съ собою туда одно раскаяніе и воспоминаніе о своихъ преступленіяхъ.

И снова мѣрилъ онъ мыслію свои протекшіе годы, и снова возвращался къ днямъ юности, къ минутамъ религіознаго убѣжденія, къ минутамъ глубокой вѣры, когда самъ онъ, еще въ школѣ, сочинялъ въ честь пресвятой Дѣвы и святыхъ угодниковъ канты, которые до-сихъ-поръ пѣлъ въ церквахъ набожный народъ. Вспоминая отрадное, вдохновлявшее его чувство и счастіе, какимъ награждала его вѣра, онъ горько сожалѣлъ, отчего эти дни, эти минуты не связывались

ничемъ съ дальнѣйшими годами жизни, когда уже бунтовалъ духъ его, а разсудокъ пытался проникнуть сокрытыя отъ человѣчества тайны.

Съ этого времени, по цѣлымъ ночамъ иногда, предавался Твардовскій раздумью, если коварный дьяволъ, предугадывая его, не замѣнялъ этихъ мыслей другими, или неопутывалъ его сѣтями скоро-преходящихъ наслажденій.

Съ приближавшеюся старостью грустнѣе становилась жизнь Твардовскаго; онъ чувствовалъ, что скоро настанетъ для него тотъ день, когда дьяволъ, въ силу условія, овладѣетъ имъ безвозбранно. Невольно обращался онъ тутъ къ средствамъ спасенія, но, каждый разъ, когда вспоминалъ о тяжкихъ грѣхахъ своихъ, бодрость оставляла его. Тяжелымъ камнемъ лежала на его сердцѣ совѣсть. Цѣлыя ночи проходили для него въ грустномъ размышеніи: онъ сравнивалъ жизнь свою съ тою жизнію, какую предназначала ему судьба, убѣждался все болѣе и болѣе, какъ мало достаточны для этого счастія разумъ и воля человѣка, какъ ничтожны порывы ума и страсти, влекущія за собой раскаяніе...

Въ одну изъ такихъ ночей, когда Твардовскій, облокотясь на столъ и поддерживая руками пылающее, покрытое прежде времени морщинами чело, предавался потоку грустныхъ мыслей о судьбѣ своей, онъ почувствовалъ, что физическія страданія, всегда такъ тѣсно соединенныя съ болѣзнями души, начинали подкапывать и разрушать его крѣпкое здоровье. Внутренній жаръ палилъ его. Пѣтухи давно уже пропѣли и утренній воздухъ пахнулъ въ комнату. Напрасно Твардовскій выставлялъ пылавшую голову, напрасно вдыхалъ въ себя воздухъ, желая освѣжиться... Жаръ не утихалъ; кругомъ Твардовскаго все было безмолвно и пусто; одинъ только Матюша раскидывалъ въ углу окна сѣть своей паутины. Взглянувъ на него случайно, Твардовскій позавидовалъ его участи.

—Онъ счастливѣе меня! сказалъ онъ: — Гдѣ моя слава и что мнѣ осталось послѣ нея? Гдѣ жизнь моя и что мнѣ пользы въ ней? На что пригодилась мнѣ мудрость, которой пожертвовалъ я всѣмъ на свѣтѣ? Въ этомъ лысомъ черепѣ, который люди зовутъ головою и вѣнцомъ человѣка, трясется и сохнетъ мозгъ, — вмѣстилище всего, что отличаетъ человѣка отъ безсловесной твари. Тѣсно въ немъ мудрости и нау-

кѣ, и скоро оставятъ они его, какъ ветхій, разлившійся домъ. И еслибъ осталось мнѣ хотя воспоминаніе о счастіи?.. Да и было ли то счастіе, что испытывалъ я подъ его имянемъ?.. За исключеніемъ воспоминаній юности, ничтожны всѣ мои воспоминанія.

Среди такихъ размышленій, дошла до слуха Твардовскаго одна изъ тѣхъ пѣсней, которыя сложилъ онъ, нѣкогда, въ честь Богородицы. Работникъ, начинавшій свой день молитвою, пѣлъ ее чистымъ, звучнымъ голосомъ. Горячія слезы раскаянія вырвала у Твардовскаго эта пѣснь, — едва ли не первыя слезы въ его жизни. Тутъ только, во всей увлекательной свѣжести предстали передъ нимъ, какъ сквозь туманъ, его молодыя лѣта, родительскій домъ и счастливая сельская жизнь. Глубоко отозвалась въ сердцѣ Твардовскаго эта пѣснь... Въ нѣмомъ отчаяніи, съ горячими слезами въ глазахъ, прислушивался онъ къ ея звукамъ, какъ бы боясь проронить ихъ.... мечты эти разсыпались, когда Твардовскій вспомнилъ, какая страшная жизнь отдѣляла его отъ этого времени. Могильный холодъ охватилъ его душу... шатаясь, подошелъ онъ къ окну и закрылъ его.

—Славная пѣсенка!—сказалъ кто-то позади его.

Твардовскій обернулся и увидѣлъ передъ собой дьявола.

—Но шутки въ-сторону,—продолжалъ искуситель,—ты, видно, уже состарѣлся Твардовскій, когда такъ горько жалѣешь о прошедшихъ годахъ своихъ. Ужъ не наскучила ли тебѣ жизнь? Не лучше ли тебѣ взять посохъ пилигрима и идти въ Римъ?

—Подождешь,—отвѣчалъ сурово Твардовскій.

—Дѣлать нечего, — подожду; придетъ время — увидимся съ тобой въ Римѣ; ты и тамъ не ускользнешъ отъ меня... По моему, такъ право, Твардовскій, нечего тебѣ ждать, а въ аду вовсе не такъ дурно, какъ описываютъ. Ну, какъ же ты думаешь?

Твардовскій молчалъ.

— Ты сегодня въ дурномъ расположеніи духа, Твардовскій, — продолжалъ дьяволъ, — съ тобой, какъ вижу, сегодня не сговоришь. А знаешь ли ты, что за чудный край Италія?... Край вѣчной весны, лазурнаго неба. А Римъ, вѣчный городъ, столица древняго міра, вмѣстилище худо-

жествъ, всего, что люди произвели прекраснаго!... Даже для одного здоровья совѣтовалъ бы я тебѣ ѣхать туда... О женщинахъ не стану и говорить: это — кипящая лава!... Размысли хорошенько, Твардовскій, и послушайся моего дружескаго совѣта: поѣзжай въ Римъ!

— Оставь меня, ради ада, искуситель,—сказалъ, наконецъ, Твардовскій. Клянусь, что нога моя не будетъ никогда въ Италіи и въ Римѣ!

— А что же будетъ съ нашимъ условіемъ?—перервалъ его дьяволъ: — ты знаешь, что я долженъ взять тебя не иначе, какъ въ Римѣ...

— Это не мое дѣло, — холодно замѣтилъ Твардовскій. Дѣлай что хочешь, а въ Римъ я не поѣду.

— И это послѣднее твое слово? — спросилъ дьяволъ.

— Послѣднее, — отвѣчалъ Твардовскій.

Дьяволъ учтиво поклонился Твардовскому и вышелъ изъ комнаты.

—

ГЛАВА XIII.

Какъ дьяволъ выстроилъ шляхцицу корчму.

—

Несмотря на вѣжливый поклонъ, дьяволъ вышелъ отъ Твардовскаго, весьма недовольный имъ и самимъ собою. Не нравились ему эти мечты о прошломъ, которымъ, съ нѣкотораго времени, предавался Твардовскій. Боялся онъ раскаянія, къ которому могли привести бесѣды Твардовскаго съ собственною совѣстью. Онъ долго выдумывалъ средства, какъ бы заманить Твардовскаго въ Римъ... Для этого дьяволъ рѣшился пуститься на хитрость.

— Во-первыхъ, — говорилъ онъ самъ съ собою, чтобъ быть въ Римѣ, надобно быть въ Италіи, безъ чего, мы завладѣть Твардовскимъ не можемъ. Что бы придумать?... А!.. Въ записи написано просто Римъ, не Roma Italiae. Не-

льзя ли сыскать другой какой нибудь Римъ, — сочинить, напримѣръ, какой-нибудь Roma Polonorum ?...

Обдумавъ планъ свой, какъ слѣдовало, дьяволъ распустилъ крылья, и полетѣлъ по Сандомирской дорогѣ.

Долго бы летѣлъ дьяволъ, еслибъ не остановила его вниманія недостроенная Корчма, стоявшая на большой дорогѣ. Въ ней не было еще ни оконъ, ни крыши. Всматриваясь въ корчму, дьяволъ примѣтилъ сидѣвшаго подлѣ нее бѣднаго шляхтица. Тогда, ни сколько не медля, онъ спустился на землю, прикинулся крестьяниномъ и сталъ за угломъ корчмы, выжидая удобной минуты вступить въ разговоръ съ шляхтицемъ.

— Проклятые работники! просто сволочь! — говорилъ шляхтицъ... Попалетесь вы мнѣ когда-нибудь подъ руку; научу васъ, какъ шутить съ шляхтицемъ!... Будете вы меня помнить, мерзавцы! Не заплатилъ имъ въ срокъ денегъ — бросили работу и разбѣжались всѣ до одного, чортъ ихъ побери! А между тѣмъ сандомирскій мѣщанинъ, у котораго я нанялъ корчму, требуетъ возвратить и деньги и залогъ, если я не выстрою ее къ сроку... А срокъ подступаетъ. Что тутъ прикажете дѣлать? Откуда набрать работниковъ? Чай, мерзавцы, еще разсказали всѣмъ, что я не плачу!...

— Извините меня, что осмѣливаюсь безпокоить васъ, — сказалъ, выходя изъ-за угла, съ низкимъ поклономъ дьяволъ. Слышу, что вы спѣшите достроить корчму. Смѣю ли спросить, когда положенъ послѣдній срокъ?

— А тебѣ на что? — отозвался шляхтицъ, презрительно оглядывая дьявола съ ногъ до головы. Ужъ не подослали ли они тебя для переговоровъ?.. Смотри, чтобъ не раскаяваться...

— Не гнѣвайтесь, сударь, — отвѣчалъ сатана; — я не подосланъ ни отъ кого; я ремесленникъ, — ищу работы; — не угодно ли будетъ вашей милости нанять меня?

— Нанять тебя? — говорилъ шляхтицъ, продолжая оглядывать лохмотья дьявола, — а знаешь ли ты, что корчма должна быть достроена въ два дни?

— Берусь достроить ее въ два дни, — смѣло отвѣчалъ дьяволъ.

— Ты шутишь? — продолжалъ шляхтицъ. Возможное ли дѣло, выстроить корчму въ два дни, когда работы тутъ на добрый мѣсяцъ. Развѣ черти помогутъ тебѣ....

— Можетъ быть и помогутъ; это не ваше дѣло. Берусь сдѣлать — и сдѣлаю.

Шляхцицъ пристально посмотрѣлъ на дьявола. Этотъ улыбался.

— А что дадите мнѣ за работу? — спросилъ дьяволъ.

— Да гдѣ тебѣ сдѣлать!... Скажи мнѣ напередъ, много ли у тебя работниковъ?

— Всего одна голова, да двѣ руки, отвѣчалъ сатана. Да что вамъ за дѣло до работниковъ? Была бы послѣ завтра готова корчма, — а за это я ручаюсь. Не исполню, — тогда дѣлайте со мною, что хотите.

— Пожалуй!.. Но мнѣ все кажется, что ты шутишь. Предупреждаю тебя, что за шутку ты поплатишься своей шкурою. Ужъ не подослалъ ли тебя нарочно тотъ мѣщанинъ, у котораго я снялъ корчму: ему захотѣлось выиграть время, и вѣрнѣе взять съ меня свой задатокъ и деньги?..

— Если не вѣрите мнѣ, то приставьте къ корчмѣ сторожей и велите смотрѣть за мною. Съ своей стороны, я не только въ два дни достроюкорчму, но готовъ даже достроить ее къ завтрешнему утру.

— Къ утру!... Да только дьяволъ можетъ сдѣлать подобную штуку.

—Кто же вамъ говоритъ, что я не дьяволъ! — говорилъ сатана. Впрочемъ, кто бы я ни былъ, до этого нѣтъ дѣла. (Шляхцицъ видимо струсилъ и перекрестился).. Теперь о платѣ. Вмѣсто платы, въ которой я не нуждаюсь, я предложу одно условіе.

— Какое? — боязливо пробормоталъ шляхцицъ.

— Я потребую сущей бездѣлицы... Можете смѣяться надо мной, сколько угодно, для меня тутъ идетъ дѣло о выигрышѣ заклада.

— Заклада? какого заклада?

— Это не ваше дѣло... Условіе то, чтобъ вы позволили мнѣ назвать корчму, какъ мнѣ вздумается.

— Я было уже назвалъ ее *Новинкой*.

— Я назову ее иначе.

— Желаю знать, какъ?... Ты, можетъ быть, назовешь ее такъ, что всѣ станутъ смѣяться надо мной, да въ добавокъ, не будутъ ходить въ корчму?

— Напротивъ; я назову ее именемъ перваго города въ мірѣ.

— Какой же это первый городъ въ мірѣ,—спросилъ шляхцицъ, какъ видно, не слишкомъ далекій въ географіи.

— *Римъ.*

— Римъ? И ты говоришь, что для тебя тутъ дѣло идетъ о закладѣ?

— О закладѣ, котораго я не могу открыть вамъ. Это мой секретъ... Согласны на условіе?

— Какъ нельзя больше. По рукамъ!

— По рукамъ! Завтра утромъ приходите сюда: корчма будетъ готова.

— Приду.

— Можете привести съ собою и хозяина—мѣщанина.

Обрадованный шляхцицъ простился съ дьяволомъ до завтра.

—

Къ утру корчма стояла совсѣмъ готовая: окна, двери — все было прилажено, какъ нельзя лучше; все, до послѣдняго крючка. Въ добавокъ, когда вошли въ нее мѣщанинъ и шляхцицъ, яркій огонь горѣлъ въ ней, въ каминѣ, передъ которымъ сидѣлъ и грѣлся нашъ дьяволъ.

Надъ дверьми прибита была вывѣска съ огромными литерами: *Корчма Римъ.*

—

ГЛАВА XIV.

Какъ Твардовскій доживалъ послѣдніе дни свои.

—

Печально и грустно тянулись послѣдніе дни Твардовскаго. Ничто уже, казалось, не занимало его,—ни свѣтъ, котораго онъ такъ добивался, ни науки, которыя вычерпалъ до дна. Суровый, мрачный, съ нахмуренными бровями, съ лицомъ, покрытымъ морщинами, всегда молчаливый, ходилъ онъ по краковскимъ

улицамъ. Взглянувъ на него, каждый сказалъ бы, что жизнь надоѣла ему и стала въ тягость. Отъ всего прошлаго осталась для него только шаткая слава его жизни, его мудрости и чернокнижья.

Твардовскій не оставлялъ своихъ медицинскихъ занятій. Присмотръ за больными, бесѣды съ ними, наблюденія надъ ихъ болѣзнями занимали его, сокрушая время, тянувшееся для него невыразимо долго. Въ системѣ леченія Твардовскій прибѣгалъ теперь болѣе къ наукѣ, чѣмъ къ силѣ дьявольской. Слава, благодарность, плата уже не интересовали его, какъ прежде, и не возбуждали въ немъ никакого чувства...

Грустно было смотрѣть на Твардовскаго: наружность такъ рѣзко соотвѣтствовала состоянію души его. Въ каждой морщинѣ лица, казалось, говорили раскаянія и угрызеніе совѣсти; на высокомъ, открытомъ челѣ его, нѣкогда прекрасномъ, теперь обтянутомъ сухою желтою кожею, казалось, отпечатывались всѣ внутреннія его тревоги... Многочисленные друзья оставили его, замѣтивъ перемѣну въ его образѣ жизни: для нихъ нуженъ былъ не самъ Твардовскій, а его пиры и богатство. Тѣ, которые недавно превозносили его до небесъ, теперь стыдились подать ему руку, — убѣгали при встрѣчѣ съ нимъ. Остался ему вѣренъ одинъ только Матюша, который по прежнему не оставлялъ своего барина и раскидывалъ свою паутину на любимомъ окошкѣ.

Большая часть времени проходила для Твардовскаго въ уединенныхъ прогулкахъ по краковскимъ окрестностямъ, по скаламъ Кржеменки, которыя до-сихъ-поръ носятъ названіе *скалы Твардовскаго*. Тамъ, погруженный въ раздумье, проводилъ онъ цѣлые дни и ночи. Теперь глаза его уже не увлажались облегчительною слезою, какъ въ то утро, когда впервые услышалъ онъ свою священную пѣсню. Таинственный голосъ прошлаго уже не отзывался вторично въ душѣ его: теперь онъ былъ глухъ къ нему. Пѣсни эти Твардовскій, съ нѣкотораго времени, носилъ всегда съ собою, хотя и не развертывалъ ихъ; изрѣдка только судорожно сжималъ онъ ихъ, какъ будто колеблясь между желаніемъ найти въ нихъ отраду и облегченіе, и какимъ-то таинственнымъ страхомъ. Страшныя мысли, объ ожидавшемъ его адѣ и вѣчномъ мученіи, мертвили его душу.

Эти дни были для Твардовскаго днями агоніи, за которыми

не было свѣтлаго луча надежды, за которымъ только чернѣлъ адъ. Хотя клятва, данная Твардовскимъ дьяволу не ходить въ Римъ, успокоивала его, но, съ другой стороны, каждый разъ, когда припоминалъ онъ себѣ зловѣщее выраженіе лица сатаны, мысль объ его козняхъ и изобрѣтательности безпокоила его, и онъ вооружался всею осторожностью.....

—

ГЛАВА XV.

Какой былъ конецъ Твардовскаго...

—

Однажды, вечеромъ, Твардовскій былъ пробужденъ сильнымъ стукомъ въ ворота.—«Отворите, отворите, ради Бога!»—кричали за воротами.

Едва успѣлъ Твардовскій отворить ворота, какъ на порогѣ показался молодой мущина, блѣдный и разстроенный.

—Здѣсь живетъ Твардовскій? торопливо спросилъ онъ.

—Здѣсь, — отвѣчалъ Твардовскій: что вамъ надо отъ меня?

—Спаси отца моего, ради всего святаго, спаси его! Въ тебѣ одномъ наша надежда; мы истощили всѣ средства—ничто не помогло!..

—Что сталось съ отцомъ твоимъ?

—Ужасный случай: его разбили лошади. Всѣ краковскіе доктора отказались лечить его. Онъ едва дышетъ. Спаси его, Твардовскій; будь благодѣтелемъ... Все дамъ тебѣ, чего ни потребуешь.

—А гдѣ лежитъ отецъ твой?

—Довольно далеко отсюда,—подъ Сандомержемъ. По дорогѣ разставлены у меня лошади, ради Бога, садись со мной и поѣзжай, Твардовскій.

Спустя нѣсколько минутъ, Твардовскій, забравъ съ собою все нужное, ѣхалъ съ незнакомцемъ по сандомержской дорогѣ. Лошади неслись, какъ вихрь,—ихъ безпрестанно перемѣняли. Наконецъ, остановились они у новой корчмы, уже извѣстной читателю. «Здѣсь лежитъ мой отецъ,»—сказалъ незнаконецъ, указывая на корчму.

Твардовскій вошелъ вслѣдъ за нимъ въ корчму.

Едва переступилъ онъ порогъ, какъ вокругъ него раздался страшный шумъ, казалось, вся корчма потряслась на своемъ основаніи. Напрасно изумленный Твардовскій искалъ взоромъ больнаго: передъ нимъ стоялъ сатана съ роковою записью на душу Твардовскаго...

—Корчма эта называется *Римомъ*! — сказалъ патетически дьяволъ.

Трепетъ пробѣжалъ по тѣлу Твардовскаго. Мысли смѣшались въ головѣ его; онъ потерялся совершенно. Первымъ движеніемъ его было—бѣжать къ дверямъ; но двери были заперты; Твардовскій взглянулъ на окна: изъ нихъ высовывались цѣлые рои бѣсовъ, кивали ему головами, дразнили его огненными языками. Въ отверстіи камина сидѣлъ Вельзевулъ. Уйти не было никакой возможности. Спасительная мысль блеснула тогда въ головѣ Твардовскаго: въ колыбели, стоявшей у кровати шинкарки, лежало дитя. Въ одно мгновеніе, Твардовскій бросился къ нему и схватилъ его на руки.

—А!—вскричалъ онъ,—такъ ты обманомъ вздумалъ овладѣть мною, сатана!... Не удастся тебѣ штука; подождешь до русскаго *завтра*. Съ младенцемъ ты не возьмешь меня; онъ крещенъ и безгрѣшенъ!.. Даже прикоснуться ко мнѣ ты не смѣешь теперь!

—Оплошалъ же я, оставивъ ребенка въ колыбели, подумалъ про себя дьяволъ, и потомъ ласково сказалъ Твардовскому:

—Твоя взяла Твардовскій, ты выигралъ, не бойся,—я не сдѣлаю тебѣ ничего дурнаго, только положи ребенка въ колыбель.

—Нѣтъ! теперь ужъ больше не повѣрю тебѣ, — отвѣчалъ Твардовскій, прижимая младенца къ своей груди.

Дьяволъ ушелъ въ другую каморку Черезъ минуту, послышался чей-то пискливый голосъ и изъ коморки выбѣжала шинкарка. Увидѣвъ своего ребенка на рукахъ Твардовскаго, она бросилась прямо къ нему. Волосы ея были распущены, лице горѣло, глаза блестѣли, какъ уголья.

—Отдай мнѣ мое дитя! закричала она: кто далъ тебѣ право брать его? Отдай мнѣ его!

—Я не возьму его; не сдѣлаю ему никакого вреда.

—Не вѣрь ему, не вѣрь! Возьми у него свое дитя!.. Онъ

задушитъ, сожжетъ, утопитъ его,—шепталъ дьяволъ шинкаркѣ. Но, шинкарка, видя, какъ Твардовскій съ любовію прижималъ къ сердцу дитя, ласкалъ и цѣловалъ его, успокоилась и требовала его уже не такъ настоятельно.

—Слушай, шинкарка, продолжалъ Твардовскій,—даю тебѣ сто хопъ серебра, если позволишь мнѣ продержать дитя твое до-тѣхъ-поръ, пока я не выйду отсюда.

—Чѣмъ же поручишься ты мнѣ въ вѣрности своего слова? спросила шинкарка.

—Вотъ тебѣ деньги, сказалъ Твардовскій, бросая ей туго-набитую кису.

Дьяволъ привелъ отца, но отецъ, которому жена уже успѣла показать деньги, не докучалъ Твардовскому своими требованіями.

—Держи у себя дитя, если хочешь, сказалъ раздосадованный дьяволъ,—но ужь я тебя не пущу черезъ порогъ; я заморю тебя здѣсь голодомъ.

—Увидимъ, отвѣчалъ Твардовскій, садясь на скамейку.

—Пусть я замерзну въ аду, если когда-нибудь свяжусь съ мудрецомъ,—говорилъ дьяволъ. Дорого досталась мнѣ душа твоя, Твардовскій!.. Ты взялъ за нее больше, чѣмъ слѣдовало. И сколько времени и трудовъ пропало у меня съ тобою!.. И вотъ чѣмъ платишь ты мнѣ за все это! Послушай меня, Твардовскій: что тебѣ въ жизни? Развѣ ты не имѣлъ всего, чего бы не пожелалъ? Развѣ не прожилъ двѣ такія жизни? Развѣ не испыталъ ты всѣхъ наслажденій? Развѣ не имѣлъ ты во мнѣ самаго вѣрнаго своего слугу? И что осталось тебѣ теперь въ этой жизни? Сожалѣніе, страхъ, угрызеніе совѣсти. Ты думаешь, что адскія муки страшнѣе земныхъ? Нисколько,—повѣрь моему сатанинскому слову. Не лучше ли тебѣ окончить со мною дѣло однимъ разомъ, успокоить себя и отдать долгъ аду. Вѣдь рано ли, поздно ли, а ты попадешься въ наши когти... Подумай...

—Къ чему ты торопишься, сатана? Успѣешь еще сдѣлать свое; оставь меня въ покоѣ!

—Ты думаешь, не надоѣло мнѣ стеречь твою душу нѣсколько десятковъ лѣтъ. Подумай, Твардовскій... Ты знаешь, что я не могу взять тебя съ ребенкомъ, но хорошо ли, честно ли съ твоей стороны, Твардовскій, отступаться отъ своего

слова и отдѣлываться хитростью! Ты заключилъ со мною условіе на душу, а это не простая, не обыкновенная сдѣлка. Въ серіозныхъ вещахъ надобно быть честнымъ и аккуратнымъ, Твардовскій. Какъ бы назвали тебя въ свѣтѣ, если бъ ты не исполнилъ даннаго слова, или обѣщанія?... Безчестнымъ человѣкомъ, подлецомъ! А такое названіе не прилично и чорту, а не только такому, какъ ты, шляхцицу.

Слова эти задѣли Твардовскаго за живое. Онъ началъ думать о своемъ положеніи. Предвидя успѣхъ, дьяволъ продолжалъ свои аргументы:

—Между нами былъ сдѣланъ добровольный договоръ, — а каждый договоръ долженъ быть святынею для честнаго человѣка и шляхцица. Verbum nobile debet esse stabile... Не такъ ли, Твардовскій.

Въ отвѣтъ на это Твардовскій положилъ ребенка въ колыбель, сказавъ:

—Ты побѣдилъ меня, дьяволъ,—я твой!

Въ эту минуту цѣлые сонмы чертей, съ крикомъ и свистомъ ворвались въ избу, окружили Твардовскаго и, запустивъ въ него острые когти свои, вылетѣли съ нимъ черезъ трубу.

—

Когда они были уже высоко въ воздухѣ, Твардовскій въ послѣдній разъ взглянулъ на землю. При видѣ этой прелестной природы, при видѣ этихъ шумно катящихся широкихъ рѣкъ, этихъ темныхъ лѣсовъ, изумрудныхъ полей и золотыхъ нивъ, вспомнилъ Твардовскій о Богѣ, вспомнилъ объ отцѣ и матери, о дѣтствѣ своемъ—и затрепетала душа его, облилось кровавыми слезами сердце. Снова зазвучала въ ушахъ его молитва, которую сложилъ и пѣлъ онъ, когда былъ ребенкомъ, когда жилъ любовью, надеждой и вѣрою... Вспомнивъ про эту пѣснь, Твардовскій вынулъ свои канты, и добывъ изъ груди остатокъ голоса, запѣлъ одинъ изъ нихъ...

Отъ этой пѣсни заколебались струи воздуха... бѣсы, пораженные ею, какъ небеснымъ громомъ, изчезли, и Твардовскій съ пѣснью на устахъ повисъ въ воздухѣ, и послышался ему съ небесныхъ высотъ голосъ, будто звукъ трубы Архангела,—возвѣщавшій ему:

—Будешь висѣть такъ до дня страшнаго суда!

Тогда въ горячей молитвѣ принялся Твардовскій благодарить Бога за чудесное его избавленіе... но потомъ, опустивъ долу полные слезъ глаза, онъ уже не видѣлъ подъ собой земли... Бѣлая, однообразная, прозрачная пустыня воздуха, съ разноцвѣтными облаками, съ темными тучами, съ солнцемъ, палящимъ сверху, окружали его... Не доходилъ до его слуха шумъ земной, не видѣлъ Твардовскій ничего,—ничего, кромѣ безконечнаго, неизмѣримаго пространства; висѣлъ онъ одинъ въ этой воздушной пустынѣ, одинъ съ безотрадными мыслями, съ неумолкавшею совѣстью...

И вотъ почувствовалъ Твардовскій, что-то щекочетъ его руку.

То былъ паукъ Матюша. Вѣрный слуга и по смерти Твардовскаго уцѣпился за него и раздѣлялъ теперь съ нимъ горькую участь.

—Матюша! ты со мною?—спросилъ его Твардовскій.

—Съ тобой неразлученъ твой вѣрный слуга, — отвѣчалъ Матюша.

И съ-тѣхъ-поръ, паукъ Матюша, прицѣпившись къ ногѣ Твардовскаго, виситъ съ нимъ между небомъ и землею. Каждое утро, на длинной паутинѣ спускается онъ на землю, — навѣщаетъ знакомыя мѣста, собираетъ вѣсти и передаетъ ихъ Твардовскому...

Таковъ былъ конецъ великаго мудреца, Твардовскаго, котораго имя и дѣянія сохранились въ преданіи народа—этой сокровищницѣ воспоминаній, которыхъ не записываетъ исторія на своихъ страницахъ.

С. Побѣдоносцевъ.

ФИЛОСОФІЯ ИСКУССТВА.

ТЕАТРЪ, РАЗСМАТРИВАЕМЫЙ КАКЪ НРАВСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНІЕ.

СТАТЬЯ ШИЛЛЕРА.

Всеобщая и неопреодолимая наклонность къ *новому* и *необычайному*, по замѣчанію Сульцера, положила основаніе театру. Утомленный однообразными, изнурительными занятіями, пресыщенный чувственными удовольствіями, человѣкъ долженъ былъ ощутить пустоту, которая противна его вѣчному стремленію къ дѣятельности. Наша природа, равно неспособная и долго оставаться въ состояніи животной дѣятельности и безпрестанно заниматься утонченными трудами разума, пожелала средняго состоянія, въ которомъ могли бы соединиться эти противорѣчащія крайности и, обратясь изъ суроваго напряженія въ пріятную гармонію, облегчили бы постепенный переходъ нашъ отъ одного состоянія къ другому. Эту услугу можетъ оказать намъ только эстетическое наслажденіе, — или, иначе, *чувство прекраснаго*. Мудрый законодатель, въ своихъ стремленіяхъ, всегда домогается лучшаго и не довольствуется тѣмъ, чтобы только обезоруживать наклонности своего народа; напротивъ, онъ старается даже пользоваться ими, какъ орудіями, для высшихъ цѣлей и обратить ихъ въ источники счастья. Для этого онъ предпочтительно избираетъ сцену, которая открываетъ безпредѣльное поприще для духа человѣческаго, жаждущаго дѣятельности, даетъ пищу каждой душевной силѣ, не усиливая исключительно ни одной изъ нихъ, и соединяетъ образованіе разсудка и сердца съ благороднѣйшею забавою.

Какое сильное подкрѣпленіе находятъ убѣжденіе и законы, когда они вступаютъ въ союзъ съ театромъ, гдѣ получаютъ силу наглядности и воплощенія, гдѣ порокъ и добродѣтель, счастіе и бѣдствіе, безуміе и мудрость, въ тысячѣ ясныхъ и вѣрныхъ изображеній, проходятъ мимо человѣка, гдѣ судьба разрѣшаетъ свои загадки, развязываетъ свой узелъ предъ его глазами, гдѣ человѣческое сердце, въ пыткахъ страданія, кается въ самыхъ незамѣтнѣйшихъ своихъ движеніяхъ, гдѣ спадаютъ всѣ личины, исчезаютъ румяна—и истина стоитъ неподкупная, какъ судъ *Радамантовъ*!

Судъ театра начинается тамъ, гдѣ оканчивается сила свѣтскихъ законовъ. Если правосудіе ослѣпляется золотомъ и утопаетъ во мздѣ порока, если дерзость сильныхъ смѣется надъ его безсиліемъ, а страхъ связываетъ людямъ руки и языки, — театръ беретъ мечъ и вѣсы и поражаетъ порокъ предъ своимъ страшнымъ судилищемъ. Все царство фантазіи и исторіи, прошедшее и будущее, повинуются его мановенію. Смѣлые злодѣи, которые уже давно истлѣли въ землѣ, вызваны изъ гробовъ всемогущимъ словомъ поэзіи, и, къ страшному назиданію потомства, повторяютъ свою позорную жизнь. Безсильные, подобно отраженіямъ въ выпукломъ зеркалѣ, ужасы ихъ столѣтія проходятъ предъ нашими глазами, и мы, съ сладостнымъ трепетомъ, проклинаемъ ихъ память. Когда люди не внемлютъ болѣе никакому нравоученію, когда ни одно убѣжденіе не находитъ болѣе вѣры въ сердцахъ ихъ, когда нѣтъ для нихъ болѣе закона уважительнаго, имъ остается еще взглянуть на *Медею*, въ минуту, когда она безсознательно бѣжитъ по лѣстницѣ дворца, совершивъ дѣтоубійство. Спасительный ужасъ обнимаетъ душу, и каждый въ глубинѣ сердца благословитъ свою добрую совѣсть, когда леди *Макбетъ*, страшная сомнабулистка, моетъ руки во всѣхъ благоуханіяхъ Аравіи, чтобы истребить ненавистный запахъ крови. Какъ несомнѣнно видимое представленіе дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ мертвая буква и холодный разсказъ; также несомнѣнно и театръ дѣйствуетъ глубже и продолжительнѣе, чѣмъ сухое нравоученіе.

Но не одному свѣтскому правосудію помогаетъ сцена— для нея открыта еще другая, гораздо обширнѣйшая сфера. Тысячи пороковъ, которые оставляетъ не наказанными

свѣтское правосудіе, наказываетъ театръ; тысячи добродѣтелей, о которыхъ свѣтъ молчитъ, превозносятся на театрѣ. Здѣсь, онъ беретъ въ руководители религію и мудрость. Изъ этого чистаго источника заимствуетъ онъ свои уроки и образы, и суровый долгъ облекаетъ въ пріятную и привлекательную одежду. Какими возвышенными чувствованіями, какими доблестями и сильными движеніями наполняетъ онъ нашу душу! Какіе превосходные идеалы выставляетъ онъ намъ для соревнованія!—Когда *Августъ*, всемогущій и великій, какъ его древніе боги, стоитъ предъ измѣнникомъ *Цинною*, который готовъ уже прочесть на устахъ его свой смертный приговоръ, и протягиваетъ ему руку съ словами: «ну, будемъ друзьями, Цинна!»—скажите, кто между толпою не захочетъ въ это великое мгновеніе пожать руку смертельному врагу своему, чтобы уподобиться прекрасному римлянину?—Когда я вижу, что *Францъ Сикингенскій*, отправляясь наказать непокорнаго васалла и сразиться за чужія права, взглянувъ нечаянно назадъ, видитъ замокъ свой, объятый пламенемъ, гдѣ жена и сынъ его остаются безъ помощи, и не смотря на то не останавливается, чтобы неизмѣнить данному слову,—какъ великъ тогда для меня человѣкъ, какъ ничтожна и презрѣнна непобѣдимая судьба!

Но театръ не одну добродѣтель представляетъ въ обольстительныхъ образахъ, и порокъ отражается въ его правдивомъ зеркалѣ — во всей своей гнусности. Когда безпомощный, безумный *Лиръ*, въ бурную и холодную ночь, напрасно стучится въ дверь своей дочери, когда онъ отдаетъ вѣтрамъ свои сребристыя сѣдины и разсказываетъ стихіямъ о безчеловѣчіи своей *Реганы*, когда бѣшенное страданіе наконецъ разражается словами: «я все вамъ отдалъ! все!»—въ какомъ ужасномъ видѣ представляется намъ тогда неблагодарность! Съ какимъ святымъ чувствомъ даемъ мы, въ эту минуту, обѣтъ дѣтской любви и почтенія!

Но кругъ дѣйствія сцены расширяется еще далѣе. Даже тамъ, гдѣ законы считаютъ низкимъ для своего достоинства слѣдить за чувствами человѣка, сцена заботится о нашемъ образованіи. Счастіе общества такъ же сильно возмущается глупостію, какъ преступленіемъ и порокомъ. Современный міру опытъ показываетъ, что въ ткани дѣлъ человѣческихъ часто величайшія тяжести висятъ на самыхъ короткихъ и нѣжныхъ нитяхъ, и если мы будемъ слѣдить за каждымъ дѣйствіемъ до его источника,

то тысячу разъ должны будемъ разсмѣяться прежде, чѣмъ одинъ разъ содрогнемся. Мой списокъ злодѣевъ, съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того, какъ я становлюсь старше, дѣлается короче, а списокъ глупцевъ — полнѣе и безконечнѣе. Если вся нравственная вина одного поколѣнія проистекаетъ изъ одного и того же источника; если всѣ необузданныя крайности пороковъ, которыя когда либо запятнали его, только измѣненія одной и той же формы, только высшія развитія одного и того же направленія, которое, наконецъ, мы всѣ осмѣиваемъ или любимъ, то почему-же не допустить, что и въ другомъ поколѣніи природа можетъ идти тѣмъ же самымъ путемъ? Я знаю одну только тайну предохранить человѣка отъ порчи,—именно: защитить сердце его противъ слабостей.

Большую часть такого дѣйствія мы можемъ ожидать отъ театра. Онъ представляетъ зерцало для большаго класса глупцовъ, и спасительными насмѣшками пристыжаетъ всѣ ихъ разнообразные виды. Что выше производилъ онъ посредствомъ умиленія и ужаса, того достигаетъ теперь посредствомъ насмѣшекъ и сатиры, еще скорѣе, можетъ быть, даже непогрѣшимѣе. Если бы мы стали комедію и трагедію цѣнить по мѣрѣ достигаемаго ими дѣйствія, то, вѣроятно, опытъ отдалъ бы преимущество первой. Насмѣшка и презрѣніе чувствительнѣе уязвляютъ гордость человѣка, чѣмъ омерзеніе мучитъ его совѣсть. Отъ ужаснаго прячется наше малодушіе, — но тоже самое малодушіе дѣлаетъ насъ доступными для колкой сатиры. Законы и совѣсть ограждаютъ насъ отъ преступленій и пороковъ; смѣшное пробуждаютъ въ насъ тонкое чутье, которое нигдѣ такъ не изощряется, какъ въ театрѣ. Мы сами часто уполномочиваемъ друга нападать на наши нравы, на наше сердце, но едва-ли мы простимъ ему насмѣшку. Наши проступки выносятъ еще надзирателя и судію, — наша глупость не терпитъ свидѣтеля.—Одинъ театръ можетъ осмѣивать наши слабости, потому-что щадитъ нашу чувствительность, и не указываетъ на виновнаго. Не краснѣя, мы смотримъ на наши маски, спадающія съ насъ въ его зеркалѣ, — и въ тайнѣ благодаримъ его за кроткое назиданіе.

Но обширный кругъ дѣйствія театра далеко еще неконченъ. Онъ, болѣе чѣмъ всякое другое публичное учрежденіе, можетъ служить училищемъ практической жизни, вѣрнымъ ключемъ къ тайникамъ души человѣче-

ской. Я согласенъ, что самолюбіе и упорство совѣсти нерѣдко уничтожаютъ лучшее его вліяніе, что тысячи пороковъ съ дерзкимъ челомъ являются предъ его зерцаломъ, тысячи прекрасныхъ чувствъ безплодно отражаются отъ холоднаго сердца зрителей; я допускаю, что, можетъ быть, Мольеровъ *Гарпагонъ* не улучшилъ еще ни одного скрягу, что самоубійца *Беверлей* не много своихъ братій отвлекъ отъ ужасной страсти къ игрѣ, что несчастныя разбойническія похожденія *Карла Мора* не сдѣлаютъ большихъ дорогъ безопасными; но если мы даже ограничимъ обширное вліяніе сцены, если мы несправедливо захотимъ даже вовсе не допустить его,—то и тогда останется еще для театра безконечно многое. Если театръ не уменьшаетъ суммы пороковъ, то не сдѣлалъ ли онъ ихъ видными для насъ? Съ этими порочными, съ этими глупцами мы должны жить. Мы должны убѣгать отъ нихъ или встрѣчаться съ ними; должны или одолѣть ихъ, или имъ покориться. Теперь они, покрайней-мѣрѣ, не застанутъ насъ въ расплохъ: мы приготовлены къ ихъ нападенію. Театръ открылъ намъ тайну узнавать ихъ и обезоруживать. Онъ сорвалъ съ льстеца искуственную маску и открылъ сѣть, которою опутываютъ насъ коварство и хитрость. Обманъ и ложь вывелъ онъ наружу изъ извилистыхъ лабиринтовъ и выставилъ ихъ свѣту на лицо. Можетъ быть, умирающая *Сара* не ужаснетъ сластолюбца и всѣ картины наказаннаго обольщенія неохладятъ его пламени; можетъ быть, дерзкая обольстительница, серьезно обдумавъ это дѣйствіе, съумѣла скрыть его;—но мы должны быть счастливы и тѣмъ, что безхитростная невинность знакома теперь съ сѣтями обольщенія, и научена сценою не довѣрять лживымъ клятвамъ и страшиться предательскаго поклоненія.

Театръ дѣлаетъ насъ внимательными, не только къ человѣку и его характеру,—но даже къ судьбѣ, и научаетъ великому искусству ей покоряться. Въ ходѣ жизни нашей расчетъ и случай играютъ равно великую роль; первымъ мы управляемъ, послѣднему должны сами покоряться. Довольно выигрыша и въ томъ, если неизбѣжныя несчастія застаютъ насъ невовсе безъ твердости; наше мужество, наше благоразуміе уже были искушены подобными явленіями на сценѣ, и сердце наше пріобрѣло больше крѣпости для перенесенія удара. Театръ представляетъ передъ нами разнообразную картину человѣческихъ страстей. Онъ вводитъ

насъ искуственно въ чужія скорби и, за мгновенное страданіе платитъ сладчайшими слезами, и умноженіемъ въ насъ мужества и опытности. Съ нимъ спускаемся мы въ башню голода, къ *Уголино*, восходимъ на страшные эшафоты и смотримъ въ лицо торжественной минутѣ, смерти. Здѣсь, мы слышимъ, какъ природа громко и утвердительно подкрѣпляетъ то, что, еще прежде, душа наша ощущала въ тихихъ предчувствіяхъ. Подъ мрачнымъ сводомъ Тауера, королева лишаетъ своихъ милостей обманутаго временщика. —Въ минуту смерти, и *Мора* покидаетъ его вѣроломная софистическая мудрость. Вѣчность выпускаетъ мертвеца для того, чтобы открыть тайны, которыхъ не можетъ знать никто изъ живыхъ, и злодѣй, почитающій себя безопаснымъ, лишается послѣдняго прибѣжища: потому-что даже гробы могутъ измѣнять тайнамъ...

Но мало того, что сцена знакомитъ съ судьбами человѣчества, она учитъ насъ быть справедливѣе къ несчастному и снисходительнѣе судить о немъ. Измѣривъ только всю глубину его страданій, мы можемъ произносить сужденіе о немъ. Нѣтъ порока постыднѣе воровства; но каждый изъ насъ примѣшиваетъ слезу сожалѣнія къ приговору, когда вникнетъ въ бездну скорби и страданій, среди которыхъ *Эдуардъ Рубергъ* совершаетъ свое воровство. Къ самоубійству всѣ чувствуютъ отвращеніе, какъ къ злодѣйству; но когда, мучимая угрозами свирѣпаго отца, мучимая любовію, представленіемъ ужасныхъ сценъ, *Маріанна* выпиваетъ ядъ, — кто изъ насъ первый захочетъ сокрушить жезлъ надъ главою этой жертвы безчестныхъ правилъ? Человѣколюбіе и терпимость составляютъ господствующія стихіи духа нашего времени, ихъ лучи проникаютъ въ судебныя палаты и еще далѣе—въ сердца самихъ государей. Какое великое участіе въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ принадлежитъ театрамъ! Не они ли познакомили человѣка съ человѣкомъ и показали ему тотъ таинственный механизмъ жизни, по которому онъ дѣйствуетъ.

Классъ людей знатныхъ имѣетъ причину быть театру еще благодарнѣе, чѣмъ всѣ прочіе. Здѣсь только сильные земли слышатъ, чего они нигдѣ не могли бы услышать— *истину*; здѣсь только узнаютъ они и видятъ то, чего нигдѣ не могли видѣть и узнать — *человѣка*.

Вотъ какъ велика и разнообразна заслуга хорошаго театра для нравственнаго образованія; не меньшую пользу ока-

зываетъ онъ въ отношеніи къ умственному развитію. Лишь здѣсь, въ этой высшей сферѣ, высокій умъ и пламенный патріотизмъ находятъ для себя обильную пищу.

Здѣсь онъ прохолитъ взоромъ по всему роду человѣческому, сравниваетъ народы съ народами, вѣка съ вѣками, и видитъ, какими рабскими цѣпями предразсудковъ и мнѣній окована большая часть человѣческаго рода, вѣчно трудящаяся надъ разрушеніемъ своего счастія;—онъ видитъ, что чистые лучи истины освѣщаютъ лишь немногія головы, которыя пріобрѣли это ничтожное преимущество, можетъ быть, цѣною цѣлой жизни. А чѣмъ, какими средствами, можетъ даже самый мудрый законодатель доставить народу своему тѣже выгоды?

Театръ есть общественный каналъ, который, принимая лучи свѣта отъ лучшей, мыслящей части народа, развиваетъ ихъ благотворный блескъ въ нѣдра всего государства.

Правильныя понятія, ясныя идеи, чистыя чувства текутъ отсюда по всѣмъ жиламъ народа; туманъ невѣжества, мрачнаго суевѣрія исчезаетъ, и ночь уступаетъ мѣсто всепросвѣтляющему дню. Изъ столь многихъ, важныхъ плодовъ сцены, я хочу указать только на главнѣйшіе.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Нѣтъ дѣла болѣе важнаго для общества, по своимъ слѣдствіямъ, какъ воспитаніе; не смотря на то, на него обращено такъ мало вниманія, и оно вполнѣ отдано на произволъ прихоти и легкомыслію гражданина. Только театръ могъ бы представить ему несчастныя жертвы пренебреженнаго воспитанія въ умилительныхъ, потрясающихъ картинахъ. Здѣсь наши отцы могли бы отказаться отъ своекорыстныхъ правилъ; наши матери научиться любить благоразумнѣе. Ложныя понятія вводятъ въ заблужденіе сердце самого лучшаго воспитателя; тѣмъ хуже, если эти понятія величаются еще наименованіемъ *метода*, и губятъ нѣжный цвѣтокъ *систематически* въ разсадникахъ и школахъ.

Даже промышленность и духъ изобрѣтательности стали бы воспламеняться предъ сценою, еслибы поэты почли достойнымъ труда—быть патріотами, а общество рѣшилось бы ихъ выслушивать.

Я не могу пропустить здѣсь еще огромнаго вліянія, которое произвелъ бы благоустроенный театръ на духъ народа. Духомъ я называю сходство и согласіе его мнѣній и наклонностей, касательно предметовъ, въ отношеніи къ которымъ другіе народы и думаютъ и чувствуютъ иначе. Только для театра возможно произвесть это согласіе въ высшей степени, потому что онъ проходитъ чрезъ всю область человѣческаго знанія, исчерпываетъ всѣ положенія жизни, заглядываетъ во всѣ сгибы сердца, потому-что онъ соединяетъ въ себѣ всѣ состоянія и классы и пролагаетъ себѣ широкій путь къ разсудку и сердцу. Еслибы во всѣхъ нашихъ пьесахъ господствовала одна главная черта, еслибы наши поэты согласились между собою и составили крѣпкій союзъ для этой цѣли, еслибы строгій выборъ руководилъ ихъ трудами, еслибъ кисть ихъ посвящалась только предметамъ народнымъ,—словомъ, еслибъ мы дожили до того, чтобы имѣть народный театръ,—мы слились бы въ одну германскую націю. Что связывало Грековъ такъ тѣсно между собою? Что привлекало, въ древности, народъ въ его театры? Не иное что, какъ отечественное содержаніе пьесъ, греческій духъ, обширный, преобладающій интересъ общества, одушевлявшій ихъ пьесы. Есть еще одно важное достоинство, которымъ можетъ похвалиться театръ. Въ томъ, что доселѣ было предпринято, чтобы доказать, что театръ имѣетъ существенное вліяніе на нравы и просвѣщеніе, все еще сомнѣвались; но что между всѣми изобрѣтеніями роскоши, между всѣми учрежденіями общественнаго увеселенія, онъ заслуживаетъ предпочтеніе, — это признано даже самыми заклятыми врагами его. Но вліяніе его въ этомъ случаѣ — гораздо важнѣе, чѣмъ объ немъ обыкновенно думаютъ.

Природа человѣческая не можетъ безпрерывно и вѣчно страдать отъ заботъ и занятій; раздражительность чувствъ умираетъ съ ихъ удовлетвореніемъ. Человѣкъ, пресыщен-

ный животнымъ наслажденіемъ, усталый отъ долгаго напряженія, мучимый вѣчнымъ стремленіемъ къ дѣятельности, жаждетъ лучшихъ, благороднѣйшихъ удовольствій, или необузданно бросается въ дикія развлеченія, которыя ускоряютъ его паденіе и нарушаютъ покой общества. Вакхическія радости, преступныя игры, тысяча неистовствъ, порождаемыхъ праздностію, становятся неизбѣжными, если законодатель не съумѣетъ дать склонностямъ своего народа лучшаго направленія. Дѣловой человѣкъ въ опасности свою жизнь,—которою онъ такъ великодушно пожертвовалъ обществу,—принесть на жертву убійственной хандрѣ; ученый — ниспасть до смѣшнаго педантизма, простолюдинъ — до животнаго. Театръ такое заведеніе, въ которомъ удовольствіе соединяется съ назиданіемъ, забава съ образованіемъ; въ которомъ ни одна сила души не возвышается ко вреду другой, ни одно наслажденіе не ощущается на счетъ цѣлой жизни. Если грусть томитъ сердце, если мрачное расположеніе духа отравляетъ часы уединенія, если тысячи заботъ давятъ душу—насъ приметъ театръ; въ этомъ искуственномъ мірѣ мы забудемъ дѣйствительный, возвратимся опять сами къ себѣ; наша чувствительность пробудится; цѣлительныя душевныя потрясенія заставятъ воспрянуть нашу дремлющую природу и приведутъ кровь въ спасительное волненіе. Несчастливецъ можетъ оплакать надъ чужимъ несчастіемъ свое собственное; счастливый—сдѣлаться воздержнымъ, безопасный—заботливымъ. Чувствительная изнѣженность окрѣпнетъ здѣсь до мужества; суровое звѣрство впервые начнетъ чувствовать. И какое торжество для природы, такъ часто падающей и такъ часто опять возстающей, когда люди изъ всѣхъ круговъ, званій и состояній, отбросивъ всѣ узы искуственности и моды, освободившись изъ-подъ гнета судьбы, какъ братья, роднятся одною всесоединяющею симпатіею, составляютъ одинъ родъ, забываютъ себя и міръ и приближаются къ своему небесному источнику. Каждый порознь наслаждается восхищеніемъ всѣхъ, и всѣ, подкрѣпленные сотнею другихъ глазъ, чувствуютъ, что грудь ихъ полна однимъ только чувствомъ, громко говорящимъ:—*я человѣкъ!*

БІОГРАФІЯ.

—

БАЙРОНЪ.

—

СТАТЬЯ ВИЛЬМЕНЯ.

—

Въ первые годы девятнадцатаго столѣтія, которое обвиняли въ недостаткѣ поэзіи, возвысился человѣкъ, обнаружившій сильное вліяніе силою своею воображенія и поэтическаго генія. Это былъ—Байронъ. До него, ни одинъ поэтъ не составлялъ себѣ такой огромной славы между современниками. Еще при жизни своей, жизни очень короткой, онъ пользовался честью, давно недоступною величайшимъ поэтамъ его родины,—честью найти себѣ сочувствіе и удивленіе у всѣхъ образованныхъ народовъ.

Безъ сомнѣнія, многія причины содѣйствовали такому возвышенію, и прежде всего, сходство между различными языками Европы, возрастающій интересъ европейскихъ литературъ и потребность новыхъ идей въ поэзіи; но *геній* былъ главною причиною космополитическаго успѣха англійскаго поэта, умершаго на тридцать-шестомъ году. Къ этому генію должно прибавить еще странное сродство его съ понятіями, нравами, страстями и вкусомъ вѣка, въ которомъ онъ жилъ. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, что если Байронъ былъ англичанинъ по формѣ выраженія мыслей,—онъ былъ европеецъ по идеямъ. Онъ въ высшей степени доказалъ собою, сколько тревогъ и сомнѣній должны были испытать умы послѣ великихъ соціальныхъ разрушеній. Байронъ былъ послѣдній, но самый краснорѣчивый типъ восьмнадцатаго столѣтія, прикрывавшаго

скептицизмъ задумчивостью, а матеріальную философію—воображеніемъ. Изъ этой смѣси различныхъ качествъ и впечатлѣній образовался талантъ оригинальный, хотя нѣсколько монотонный; вотъ причина, отчего всѣ души были приготовлены понимать и любить его романическія мечтанія, мрачныя картины и героевъ, всегда скопированныхъ съ него самого. Байронъ былъ живымъ и лучезарнымъ изображеніемъ своей эпохи, и какъ тогда многія націи въ одно время достигли одинаковой степени утонченности и эгоизма, блеска и пресыщенія, — естественно, что Байронъ, какъ сынъ своего вѣка, сдѣлался вдругъ поэтомъ всѣхъ народовъ. Но такое вліяніе будетъ ли такъ прочно, какъ оно было быстро? Не уменьшилось ли оно и не ослабѣло ли? Не сдѣлается ли оно еще слабѣе? Различіе мнѣній объ этомъ не уменшаетъ, однакожъ, удивленія, съ которымъ каждый будетъ смотрѣть на геній Байрона и, напротивъ, еще прибавляетъ къ вопросу о вкусѣ серьозные соціальные вопросы. Но если послѣдующая слава Байрона зависитъ, такъ сказать, отъ здраваго смысла Европы и должна выиграть или проиграть, сообразно съ заблужденіями или истинами, которыя будутъ преобладать у народовъ,—то геній Байрона, взятый въ самомъ себѣ, зависитъ преимущественно отъ страстей, составлявшихъ жизнь поэта, и, въ этомъ отношеніи, нѣтъ писателя, котораго біографія была бы такъ необходима для уразумѣнія его твореній, нѣтъ поэта, на котораго болѣе должно смотрѣть, какъ на героя его собственныхъ романовъ.

Георгъ Гордонъ Байронъ происходилъ, по отцу, отъ древней фамиліи, извѣстной еще при Вильгельмѣ Завоевателѣ, обогащенной Генрихомъ VIII, который подарилъ ей конфискованный монастырь, и получившей при Карлѣ I-мъ перское достоинство: изъ этой фамиліи произошелъ, въ восемнадцатомъ вѣкѣ, знаменитый мореплаватель Байронъ. По матери, Георгъ Байронъ былъ потомокъ вѣтви Стуартовъ, которымъ съ вѣрностью служили его предки. Но это древнее имя, составлявшее гордость поэта, было не совсѣмъ безукоризненно. Дѣдъ поэта, лордъ Байронъ, призванный на судъ въ палату перовъ за умерщвленіе одного изъ своихъ сосѣдей на дуэли, удалился отъ общества, и въ своемъ помѣстьи, въ древнемъ аббатствѣ *Ньюстедъ*, велъ жизнь уединенную и странную. Отецъ поэта, капитанъ Байронъ, человѣкъ умный, но безпорядочный, похитилъ

замужнюю женщину, происходившую отъ знаменитаго рода, леди Кемертенъ, и женился на ней, когда, послѣ развода съ первымъ мужемъ, она сдѣлалась независимою. Леди вскорѣ умерла, оставивъ послѣ себя малолѣтную дочь. Байронъ, бывшій тогда еще въ цвѣтѣ силъ, женился, въ слѣдующемъ году, на миссъ Катаринѣ Гордонъ Гэйтъ (Gight), имѣвшей богатыя владѣнія въ Шотландіи и ослѣпленной блескомъ его имени. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Байронъ совершенно разорилъ ее, вырубилъ ея лѣса, велѣлъ ей продать всѣ земли, и оставилъ ее съ ничтожнымъ доходомъ—полтораста фунтовъ стерлиговъ,—которыми ни она, ни онъ не могли располагать. Отъ этого брака родился въ Лондонѣ, 22 января 1788 года, Георгъ Гордонъ Байронъ. Леди Байронъ, принужденная по причинѣ ничтожныхъ доходовъ возвратиться въ Шотландію, поселилась съ ребенкомъ въ Эбердинѣ. Здѣсь, еще разъ раззорилъ ее безпутный мужъ, потомъ разошелся съ нею навсегда, и переѣхалъ на континентъ, гдѣ и умеръ въ Валансьенѣ, въ 1791 году.

Леди Байронъ, которая, казалось, имѣла характеръ сильный, съ твердостью переносила несчастія и, въ скромномъ пріютѣ, занималась воспитаніемъ своего сына. Маленькій Байронъ, по какому-то неосторожному случаю, вывихнулъ себѣ ногу и на всю жизнь остался хромымъ. Это несчастіе и безполезное леченіе тревожили его въ продолженіе всего его дѣтства. Между-тѣмъ, ребенокъ подрасталъ и укрѣплялся подъ опекою, нѣсколько суровою, своей матери. Вспыльчивый и надменный, онъ въ самыя нѣжныя лѣта обнаруживалъ свой характеръ выходками, которыя удивляютъ родителей, и обращаютъ на себя вниманіе біографовъ великихъ людей.

Поступивъ въ маленькую школу, въ Эбердинѣ, Байронъ занемогъ; мать отвезла его въ гористую часть Шотландіи, къ живописнымъ истокамъ Дека, недалеко отъ мрачной вершины Локъ-не-Гаръ, уголка, тогда еще не прославленнаго поэзіею. Дикость мѣстоположенія, свѣтлый воздухъ и лазурныя выси горъ не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на его рождающееся воображеніе. Сердце ребенка рано успѣло развиться. Онъ былъ влюбленъ, почти въ тѣже лѣта, какъ и Дантъ, но только съ меньшимъ постоянствомъ: по восьмому году онъ полюбилъ молодую Мери, которой имя часто сливалось съ грезами его другихъ страстей.

Десяти лѣтъ, Байронъ былъ вызванъ изъ своего темнаго пріюта, чтобы принять титулъ, считавшійся въ то время первымъ въ Англіи. Братъ его дѣда, лордъ Вилльямъ Байронъ, жившій, уже много лѣтъ, затворникомъ въ Ньюстедѣ, который онъ обратилъ въ печальныя развалины, истребивъ въ немъ всѣ рощи, изъ досады на своего единственнаго сына, теперь лишился этого сына. Наслѣдникомъ помѣстій и перства послѣ стараго лорда остался его малолѣтній племянникъ; впрочемъ, ньюстедскій пустынникъ не видалъ его ни разу, и умеръ въ 1798 году. Товарищи Байрона поздравили его въ школѣ съ полученіемъ званія *лорда*, и мальчикъ съ радостью услышалъ объ этой счастливой находкѣ. Мать поспѣшила оставить Эбердинъ и Шотландію и поѣхала, съ нимъ и съ старою гувернанткою, въ замокъ Ньюстедъ, въ графство Ноттингемъ. Это былъ обширный готическій замокъ, прикрытый съ одной стороны озеромъ и нѣсколькими укрѣпленіями, лежавшими въ развалинахъ. Внутренность зданія походила на древній монастырь, съ множествомъ келій и просторными залами, разрушенными временемъ. Окрестныя земли, опустошенныя страннымъ неголованіемъ покойнаго лорда, были безплодны. Видъ этого запустѣлаго мѣста, воспоминанія о хозяинѣ, разсказы о его суровой и таинственной жизни, озеро, въ которомъ, какъ говорили, онъ потопилъ свою жену, темные корридоры, старинная башня, зала съ оружіемъ и гербами истребителей монастыря, — все это живо поразило глаза и мысли молодаго Байрона, и онъ, по примѣру своего дѣда, началъ носить при себѣ оружіе.

Между-тѣмъ, онъ, по-прежнему, страдалъ болью въ ногѣ; мать снова пыталась лечить его, но, истощивъ все искусство ноттингемскаго лекаря, рѣшилась отправиться въ Лондонъ и помѣстить сына въ школу, гдѣ бы онъ пользовался всѣми ортопедическими средствами славнаго медика. Но Байронъ мѣшалъ ихъ дѣйствію своею нетерпѣливостью и страстью къ тѣлеснымъ упражненіямъ. Снисходительность и нѣжность матери избавляли его отъ діэты, какъ отъ школьныхъ занятій. Однакожъ, мальчикъ сдѣлалъ кой-какіе успѣхи въ этомъ училищѣ, съ жадностью читалъ книги, очарованной красотою своей молоденькой родственницы, по двѣнадцатому году писалъ нѣжные стихи, а по тринадцатому, принялся за трагедію.

Впрочемъ, неровное и часто прерываемое ученіе мало под-

вигалось впередъ. Мать Байрона, полагавшая на него большія надежды, желала, чтобы онъ вступилъ въ знаменитую школу въ Гарроу,—этотъ разсадникъ аристократіи, и молодой Байронъ былъ посланъ туда лордомъ Карлилемъ, опекуномъ, назначеннымъ ему отъ правительства, по привиллегіи перовъ. Здѣсь Байронъ началъ учиться, читалъ много разныхъ сочиненій, сохранивъ, въ тоже время, угрюмость молодаго владѣтеля Ньюстеда и своенравіе гордаго ребенка, испорченнаго, попеременно, то нѣжностью, то жестокостью матери. Сначала онъ былъ робокъ, задумчивъ, удалялся товарищей, потомъ сдѣлался ихъ бурнымъ предводителемъ. Онъ трудился много, хоть не всегда съ одинакимъ стараніемъ; изучалъ греческихъ и латинскихъ классиковъ, и даже самъ писалъ греческіе стихи, сдѣлалъ большіе успѣхи въ декламаціи, и былъ страшнымъ соперникомъ Роберта Пиля, хотя стоялъ ниже его по классу. «Я всегда какъ-то затруднялся,—говоритъ Байронъ,—онъ (т. е. Пиль) никогда; онъ всегда зналъ свой урокъ, я—очень рѣдко, но за то, если я зналъ, то зналъ не хуже его.»

Несмотря на свой физическій недостатокъ, Байронъ превосходилъ таварищей живостью, смѣлостью, запальчивостью, нашелъ себѣ нѣсколько друзей между своими сверстниками: недовольная, мрачная душа его долго сохраняла къ нимъ самую живую привязанность. Мать Байрона, желая держать его ближе къ себѣ, увезла его, на каникулы, къ Батскимъ водамъ, а оттуда въ окрестности Ньюстеда, который, на время своего отсутствія, она отдала въ наемъ лорду Грею. Здѣсь, Байронъ влюбился въ другую Мери, миссъ Марію Чевортъ, происходившую изъ фамиліи, враждебной старому лорду, который, нѣкогда, убилъ одного изъ ея членовъ и сдѣлался его наслѣдникомъ. Воображеніе Байрона нисколько не омрачалось этимъ воспоминаніемъ и, онъ провелъ нѣсколько счастливыхъ дней въ семействѣ этой дѣвушки. Прелестная, остроумная Мери будучи двумя годами старше его, шутила съ нимъ и не заботилась о страсти школьника. По шестнадцатому году, онъ писалъ къ ней стихи, не лишенные граціи. Но миссъ Мери вскорѣ вышла замужъ; Байронъ думалъ, что его презираютъ и страдалъ больше отъ гордости, нежели отъ любви.

Послѣ четырехъ-лѣтняго пребыванія въ школѣ Гарроу, гдѣ онъ учился безъ строгой послѣдовательности, но много читалъ,

мечталъ и спорилъ, — Байронъ вступилъ, въ октябрѣ 1805 года, въ Кембриджскій университетъ, откуда, каждое лѣто, пріѣзжалъ на каникулы къ своей матери, въ Сутуель. Здѣсь находилъ онъ образованное общество и библіотеку, которою воспользовался съ большимъ успѣхомъ. Пылкій характеръ Байрона уже начиналъ приходить въ сильное столкновеніе съ характеромъ его матери. Соскучивъ такою жизнію и чувствуя въ себѣ живое стремленіе къ независимости, Байронъ, семнадцатилѣтъ, убѣжалъ отъ матери. Въ отчаяніи, она отправилась, вслѣдъ за нимъ, въ Лондонъ, и долго не могла убѣдить его воротиться. Черезъ нѣсколько недѣль, молодой лордъ пріѣхалъ однакожъ, въ Сутуель, и провелъ здѣсь два мѣсяца; игралъ въ комедіи на одномъ домашнемъ театрѣ, писалъ стихи и даже тайно издалъ ихъ маленькою книжкою, въ сосѣднемъ городѣ, Ниверне. Одинъ умный человѣкъ, котораго Байронъ встрѣтилъ въ сутуельскомъ обществѣ, сдѣлалъ молодому поэту выговоръ за дурной вкусъ и подражаніе безнравственнымъ, хотя и моднымъ, писателямъ того времени,—и Байронъ бросилъ все изданіе въ каминъ, обѣщая приготовить другое, болѣе осмотрительное, которое числомъ экземпляровъ не превышало бы числа друзей поэта.

Байрону исполнилось девятнадцать лѣтъ. Онъ былъ прекрасенъ наружностію, богатъ, располагалъ всѣми своими дѣйствіями, жаждалъ удовольствій и уже чувствовалъ скуку и пресыщеніе. Холодный къ своей матери, потерявъ двухъ своихъ друзей, похищенныхъ раннею смертію, друзей, которыхъ, какъ онъ самъ говорилъ, онъ однихъ только любилъ, если не считать женщинъ, — Байронъ писалъ: «Я — животное дикое и вполнѣ космополитъ, такъ, что мнѣ совершенно всѣ равно—жить ли въ Великобританіи, или въ Камчаткѣ.» Однакожъ, мысль о славѣ занимала его; онъ мечталъ о потомствѣ; желалъ *жить, какъ Фоксъ, или умереть, какъ Четемъ*, и писалъ стихи, чтобы перелить въ нихъ свою душу и составить себѣ славное имя. Въ 1808 году, онъ собралъ свои стихотворенія въ томикъ, напечатанный подъ заглавіемъ: «*Часы бездѣлья.* Собраніе оригинальныхъ стихотвореній и переводовъ Георга Гардона, лорда Байрона младшаго.»

Этотъ дебютъ человѣка, впослѣдствіе столь знаменитаго, сначала оставался въ неизвѣстности. Молодой человѣкъ опять принялся

учиться, или, вѣрнѣе, жить въ Кембриджѣ, куда заранѣе отправилъ своихъ лошадей, собакъ, и даже медвѣдя, котораго онъ любилъ до безумія и хотѣлъ опредѣлить въ университетъ адъюнктомъ. Байронъ велъ безпутную жизнь богатыхъ студентовъ, пилъ, игралъ, и часто уѣзжалъ въ Лондонъ, устроить тамъ порядочную партію и, между прочимъ, навѣдаться у книгопродавцевъ объ успѣхѣ своей книги. Пловецъ, боксеръ, занятый самыми странными фантазіями, Байронъ удѣлялъ часть ночи для стихотвореній, читалъ и спорилъ съ своими товарищами, такими же, какъ онъ, остроумными и энтузіастами. Умъ его, гибкій, любознательный, началъ касаться нѣкоторыхъ вопросовъ философскихъ и религіозныхъ; у молодаго поэта было столько же скептицизма въ мнѣніяхъ, сколько свободы во всѣхъ поступкахъ. Онъ надѣлалъ долговъ на нѣсколько тысячь фунтовъ стерлинговъ, расчитывая на Ньюстедъ и баронство Рокдаль, которое должно было поступить въ его руки, когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія. До-этихъ-поръ, Байронъ жилъ въ Ньюстедѣ и часто давалъ бурныя оргіи, на которыя веселое общество, по примѣру хозяина, являлось въ монашескихъ платьяхъ, и называло поэта *аббатомъ*. Отсюда онъ возвратился въ Кембриджъ, потомъ въ Брайтонъ, и вездѣ возилъ съ собою хорошенькую дѣвушку, одѣтую въ мужское платье, похожую на пажа *Лары*.

Эта жизнь, довольно-бурная, въ которой молодой лордъ только наружно принималъ участіе, уже заключала въ себѣ много мрачнаго и печальнаго. Въ Ньюстедѣ, на ужинахъ, обходила вокругъ стола чаша, сдѣланная изъ черепа, вырытаго Байрономъ на старомъ кладбищѣ и оправленнаго съ большимъ искусствомъ въ золото, здѣсь друзья пили, съ громкимъ смѣхомъ и шутками; разъигрывали въ мрачной залѣ замка какую-нибудь кровавую трагедію Юнга; потомъ, являлись на сцену боксеры и оргія кончалась удовольствіями, еще менѣе приличными.

Вся эта жизнь не поселила въ Байронѣ ни довольства самимъ собою, ни уваженія къ другимъ. Его уже начинала колоть мизантропія,—слѣдствіе неудовлетвореннаго эгоизма. Онъ признавался, что не любитъ ни кого, кромѣ своей собаки и стараго слуги, которыхъ, впрочемъ, ставилъ на одну доску. Когда собака околѣла отъ бѣшенства, Байронъ писалъ: «Я потерялъ все, кромѣ стараго Мюррея.» Между-тѣмъ, молодой поэтъ былъ про-

бужденъ отъ скуки ѣдкою раною. Журналъ Edinburgh Review отозвался строго, даже съ пренебреженіемъ о *Часахъ безділья.* Надъ молодымъ лордомъ посмѣивались: критикъ, тогда еще и самъ неизвѣстный, но впослѣдствіи, знаменитый лордъ Бругамъ, не подозрѣвалъ никакого таланта въ поэтѣ. Это взбѣсило Байрона и въ немъ проснулся истинный геній. За подражаніемъ, нѣсколько холоднымъ, за *оссіановскими* воспоминаніями, этимъ первымъ опытомъ поэта, появилось твореніе самобытное, произведеніе оскорбленной гордости и горькой насмѣшки, потокъ восторга болѣзненнаго и поэтическаго. Байронъ пріѣхалъ въ Лондонъ печатать свою поэму: «*Англійскіе поэты и Шотландскіе критики*», и въ то время, какъ она уже печаталась, вставлялъ въ нее все, что оскорбленное самолюбіе могло еще прибавить къ первому вдохновенію.

Когда Байрону исполнилось двадцать лѣтъ, онъ серьозно думалъ о вступленіи своемъ въ палату лордовъ и съ замѣтною досадою смотрѣлъ на медленность, съ какою члены парламента откладывали пріемъ его. Байронъ, не смотря на знаменитость своего происхожденія, былъ чужимъ въ англійской аристократіи, которая имѣла невыгодное мнѣніе объ его отцѣ и объ отшельнической жизни его дѣда и матери. Дурное общество, въ которомъ жилъ Байронъ въ университетѣ, еще болѣе отталкивало отъ него лондонскую знать. Попечитель его, лордъ Карлиль нисколько не заботился о немъ, и молодой лордъ, достигнувъ совершеннолѣтія, вступилъ въ палату, не введенный въ нее, ни встрѣченный въ ней какимъ-нибудь другомъ. Онъ былъ принятъ приставами, далъ присягу, 13 марта 1809 года, отвѣчалъ сухо на благосклонныя слова канцлера, лорда Эльдона, посидѣлъ нѣсколько минутъ на скамейкѣ оппозиціи и вышелъ изъ палаты, въ одно время и гордый, и униженный. Черезъ несколько дней вышла въ свѣтъ его *сатира*, въ которой благородный попечитель молодаго лорда былъ засыпанъ жестокими сарказмами. Впрочемъ, въ ней небыло никому пощады. Поэтъ съ откровенностію молодаго человѣка, нападалъ на англичанъ и шотландцевъ, на тори и виговъ, патроновъ и кліентовъ, поэтовъ независимыхъ и поэтовъ на жалованьи, — и все это было выражено въ стихахъ правильныхъ, бойкихъ, полныхъ огня. Это была злая поэзія Попе.

Сочиненіе это надѣлало много шуму. Принужденный уѣхать

изъ Англіи, Байронъ уже оставилъ въ ней мысль, что «поэтъ родился.» Этого только и недоставало Англіи. Гордая своею образованностью, силою, борьбою съ Франціей, занятая политикой и войною, она, въ художественномъ отношеніи, еще не приняла идей, которыя уже двадцать лѣтъ волновали Европу. Ни одинъ могучій и самобытный геній еще не вставалъ на горизонтѣ Англіи. Поэты ея были — только сухіе моралисты, часто очень прозаическіе однообразіемъ и пошлостью подробностей, поэты только по чистотѣ нравственнаго чувства и минутнымъ порывамъ къ небу. Она имѣла Крабба, котораго бѣдная, бездомная, унылая жизнь освѣтилась лучомъ нѣжности и пламенемъ генія, угасшаго на гробницѣ той, которую онъ любилъ. Англія имѣла Коупера, котораго позднее и своенравное вдохновеніе бродило, такъ сказать, въ промѣжуткахъ между тревогами и безуміемъ, колебавшими его душу; это былъ скорѣе странный человѣкъ, нежели великій поэтъ, болѣзненный геній, иногда трогательный и патетическій, какъ страданіе, и подобно ему, однообразный и утомительный. Англія имѣла метафизиковъ, резонеровъ безъ изобрѣтательности, которые, вѣчно мечтая о жизни тѣсной и безмятежной, говоря съ самими собою, оставили творенія простыя, безъискуственныя, и, при всѣхъ ихъ красотахъ, неспособныя господствовать надъ воображеніемъ. Таковы были Вордсвортъ и Кольриджъ. Около нихъ группировались поэты описательные, живописцы *горъ и озеръ*, но въ этихъ описаніяхъ ничто ни казалось новымъ, послѣ Томсона и всего, что было написано во Франціи и Германіи.

Въ Англіи загоралась заря славы и воображенія Вальтеръ-Скотта, не того воображенія, творящаго и полнаго истины, драматическаго и проникнутаго нравственностью, но воображенія—ученаго и трудолюбиваго, служащаго основою для поэзіи, и недостаточнаго для поэта. Въ небрежныхъ стихахъ, онъ собиралъ тысячу любопытныхъ подробностей о рыцарскихъ нравахъ и готическихъ картинахъ и вычерпывалъ, съ ревностью антикварія, времена суевѣрія и волшебства, почти такъ же, какъ греческая поэзія Александріи, въ дни своего геніальнаго упадка, отъискивала любопытныя воспоминанія о греческой миѳологіи, въ которую уже не имѣла никакой вѣры. Наконецъ, Англія потеряла великихъ ораторовъ, столь же значительныхъ своимъ словомъ, какъ и борьбою политической жизни: но въ

самой высокой сферѣ слова, — въ сферѣ воображенія и поэзіи, новый вѣкъ Великобританіи не произвелъ еще ни одного изъ твореній, служащихъ выраженіемъ эпохи и дающихъ ей безсмертіе,—не произвелъ ни одного изъ тѣхъ истинныхъ и могучихъ геніевъ, которые, увѣнчанные двойнымъ ореоломъ изъ идей общечеловѣческихъ и идей, составляющихъ характеръ отдѣльной націи, являются результатами своего вѣка, вылитыми въ прекрасную форму. Англія восемнадцатаго столѣтія не произвела ничего великаго, самобытнаго, подобнаго René, Le Génie du Christianisme, Les Martyrs—Шатобріана, и ждала своего поэта. Эта великая слава предоставлена была Байрону.

Но не въ гнѣвѣ оскорбленнаго самолюбія, не въ литературной оппозиціи заключается этотъ геній. Въ то время, какъ англійское общество негодовало и осмѣивало злую сатиру Байрона, онъ отправился путешествовать по Европѣ и Азіи, послалъ Англіи прощальный привѣтъ въ грустныхъ стансахъ, въ которыхъ жаловался, что ему суждено любить безнадежно и влачить жизнь въ одиночествѣ, и, какъ онъ самъ говоритъ, «распустить свой гаремъ». Справедливо ли это послѣднее, или нѣтъ, только Байронъ, обезпечивъ завѣщаніемъ судьбу своей матери, сѣлъ на корабль, въ Фальмутѣ, 2-го іюля 1809 года, и полетѣлъ на парусахъ, съ нетерпѣливымъ любопытствомъ юноши, который бросается въ жизнь. Спутникомъ его былъ Гобгузъ, такой же молодой человѣкъ, пламенный поклонникъ литературы, составившій себѣ потомъ имя въ политикѣ. Черезъ четыре дня, корабль присталъ къ берегамъ Лиссабона. Байронъ пробѣжалъ Португалію, часть Испаніи, Севилью, Кадиксъ, зашелъ въ Гибральтаръ, Мальту, безъ особенныхъ приключеній, кромѣ любовныхъ интригъ. Потомъ онъ отправился въ Албанію, это дикое преддверіе Востока, проѣхалъ мимо городка Миссолонги, тогда еще неизвѣстнаго и остановился у Превезы. Встрѣченный съ возможнымъ радушіемъ, по приказанію Визиря, бывшаго тогда въ отсутствіи, Байронъ поѣхалъ на лошадяхъ Али въ его родной и любимой городъ, Тебеленъ. Али принялъ его, какъ знатнаго вельможу, похвалилъ его кудрявые волосы, маленькія и нѣжныя руки, присылалъ ему, по нѣскольку разъ въ день, шербетъ и плоды, и, наконецъ, далъ ему отрядъ войска, съ которымъ поэтъ отправился изъ Патраса въ Морею, гдѣ тогда управлялъ старшій сынъ Али. На этой-то дорогѣ, отдѣ-

лившись отъ своихъ спутниковъ, въ бурную ночь, подъ ливнемъ дождя и при свистѣ урагана, поэтъ мечталъ, на дикомъ утесѣ, о своей нѣжной любви, между-тѣмъ, какъ буря охватывала его черными крыльями. Отсюда, Байронъ возвратился въ Превезу, взялъ у турецкаго правительства отрядъ албанцевъ, прошелъ лѣса и дикій берегъ древней Акарнаніи, остановился, на нѣсколько дней, въ Миссолонги, куда долженъ былъ позже возвратиться еще разъ, проѣхалъ Морею, и прибылъ на зиму въ Аѳины.

Путевыя впечатлѣнія поэта были возбуждаемы болѣе красотами мѣстностей и климата, нежели учеными преданіями. Онъ обожалъ Грецію не за ея безсмертныя развалины и искусства, но за блескъ солнца и лазурь неба. Эта осязательная поэзія природы преобладала въ немъ надъ поэзіею воспоминаній, и если, иногда, обѣ онѣ и сливаются у поэта, то онъ оживляетъ древность неизмѣнными, вѣчно существующими красотами природы. Въ Аѳинахъ, однакожъ, Байронъ осматривалъ драгоцѣнные памятники художествъ, которые, впослѣдствіи, разрушили война и лордъ Эльгинъ. Въ Аѳинахъ поэтъ жилъ у вдовы англійскаго консула, въ маленькомъ домикѣ, съ-тѣхъ-поръ такъ часто посѣщаемомъ туристами. Весною, Байронъ поѣхалъ въ Смирну, и, осмотрѣвъ Троаду, присталъ къ Константинополю, и переплылъ Геллеспонтъ, подтвердивъ своимъ примѣромъ поэтическое преданіе о Геро и Леандрѣ. Къ концу осени, онъ прибылъ въ Аѳины. Тамъ, въ это время, находились славный путешественникъ Брюсъ и женщина, которая провидѣла въ Байронѣ поэтическій геній: это была леди Эстеря. Получивъ отвращеніе къ Англіи, по смерти дяди своего, Питта, она сбиралась ѣхать на Востокъ. Байронъ, подобно ей, хотѣлъ проститься навсегда съ своимъ отечествомъ и жить на какомъ-нибудь островѣ Архипелага, продавъ сперва имѣніе Ньюстедъ, которое одно только связывало его съ родиною. Онъ написалъ матери о своемъ намѣреніи, а до полученія отвѣта, надѣялся еще посѣтить Египетъ... Но вдругъ путешествіе надоѣло Байрону и онъ отправился въ Англію.

Будучи еще такъ молодъ, Байронъ нисколько не перемѣнился: только его поэтическій талантъ окрѣпъ въ продолженіе двухъ-лѣтняго путешествія, а воображеніе распустилось подъ солнцемъ Востока. Разница между первыми стихами Байрона и

тѣми, которые привезъ онъ изъ Греціи, была огромная, и можно было сказать, что, развившись такъ быстро, умъ его достигъ до крайней границы своихъ силъ. Двѣ первыя пѣсни *Чайльдъ-Гарольда* — самыя сильныя и самыя чистыя созданія поэзіи Байрона. Однакожъ онъ мало довѣрялъ своимъ стихамъ, набросаннымъ съ чрезвычайною быстротою, подъ вліяніемъ минутныхъ впечатлѣній, и не заботился издавать свою поэму, разстроенный тяжкою потерею. Мать его заболѣла во время своего краткаго пребыванія въ Лондонѣ, и умерла, не дождавшись возвращенія сына. Байронъ пріѣхалъ, схоронилъ ее въ Ньюстедѣ, гдѣ, вскорѣ, былъ пораженъ еще новою печалью,—смертью своего лучшаго друга, молодаго Мечью, котораго такъ любилъ поэтъ, еще сидя на школьной скамейкѣ.

Байронъ вышелъ изъ этого печальнаго изнеможенія для блестящей жизни лондонскаго общества, которое уже не только не отказывалось, но даже желало принять его. Онъ явился въ палатѣ лордовъ и произнесъ превосходную рѣчь противъ суровыхъ мѣръ, принятыхъ для усмиренія мятежа ремесленниковъ,— и наконецъ, издалъ *Чайльдъ-Гарольда*. Восторгъ былъ всеобщій; молодаго лорда привѣтствовали, какъ великаго поэта и онъ наслаждался, нѣсколько времени, упоеніемъ славы и любовью публики. Нѣкоторые стансы поэмы, напоминавшіе заблужденія молодаго *Гарольда*, казалось, были исповѣдью самого поэта, и послужили для строгихъ умовъ оружіемъ противъ Байрона: но въ лучахъ генія исчезали всѣ пятна.

Чайльдъ-Гарольдъ и *Джяуръ* были насквозь проникнуты поэзіей новой Греціи. Байронъ возвратился къ этой любимой темѣ въ *Корсерѣ* и *Абидосской Невѣстѣ*. Корсеръ—это идеалъ морскихъ клефтовъ, которыхъ имя громко звучало на Циклад-скихъ островахъ, прежде, чѣмъ Европа узнала Канари. Но, эта жизнь, исполненная приключеній, эта радость дикой свободы, описанныя Байрономъ, слишкомъ проникнуты, — какъ онъ самъ сознается,—мечтательною грустью и гордою печалью, поселяющею отвращеніе къ обществу. Въ Чайльдъ-Гарольдѣ онъ заставлялъ угадывать себя; Конрада онъ прямо срисовалъ съ себя, далъ ему свои черты, свой взглядъ, даже свою привычку— наблюдать строгую діэту и молчаніе; но это еще болѣе придало прелести разсказу и настроивало внимательность читателей. Критики и поэты, современные Байрону, единогласно признали

его превосходство. Томасъ Муръ и Ролжерсъ первые изъявили свое удивленіе поэту, а пѣвецъ *Марміона* и *Дѣвы Озера*, до того времени почитавшихся народными, чувствуя, что ему не возможно идти противъ этой новой и роскошной поэзіи, перешелъ къ роману, который доставилъ ему—славу, а намъ столько высокихъ наслажденій.

Между-тѣмъ, Байронъ, упоенный похвалами и такъ легко пріобрѣтеннымъ успѣхомъ, скучая всѣмъ и недовольный своимъ имѣніемъ, слишкомъ недостаточнымъ и для его званія и для его прихотей, серьозно вздумалъ жениться. Молодая особа, избранная имъ въ высокомъ кругу, владѣла рѣдкимъ умомъ и была превосходно образована. Увлеченная славою Байрона, она забыла объ его вѣтренности и безпорядочной жизни, столь несогласныхъ съ правилами семейной жизни. Прекрасная, образованная, скромная миссъ Мильбекисъ была въ восхищеніи отъ Байрона и надѣялась исправить его любовью. Извѣстно, какъ недолго продолжался этотъ союзъ и какими онъ былъ наполненъ тревогами. Черезъ годъ, леди Байронъ родила дочь, но, скоро потомъ возвратилась къ отцу и не хотѣла болѣе встрѣчаться съ своимъ мужемъ. Она не жаловалась никому на свои страданія, не изъявляла ихъ ни малѣйшимъ ропотомъ, и эта безмолвная покорность судьбѣ выставляла еще въ болѣе мрачномъ цвѣтѣ характеръ Байрона, который, впослѣдствіи, непростительно смѣялся надъ женщиной, носившею его имя. Большой свѣтъ безжалостно преслѣдовалъ всѣ мелочные недостатки его и вскорѣ стала толпа раздѣлять это негодованіе. Славное имя Байрона забросали грязью и воспоминаніе о немъ было причиною, что публика освистала на театрѣ знаменитую актрису, на которую смотрѣли, какъ на соучастницу въ невѣрности поэта. Байронъ уже давно оскорблялъ своими сарказмами, торжествовавшую тогда, партію тори. Но въ политическомъ мірѣ Англіи произошла тогда сильная перемѣна: во всѣхъ партіяхъ вдругъ проснулась идея строгой нравственности и негодованіе на своеволіе мнѣній и поступковъ. Тори и методисты, люди суровые и люди свѣтскіе, знать и журналисты, — все соединилось противъ Байрона, въ пользу оскорбленной фамиліи леди Байронъ.

Въ 1816 году, поэтъ оставилъ родину, чтобы никогда потомъ не возвращаться въ нее, и удалился на континентъ. Здѣсь

онъ прежде всего отправился въ Бельгію и съ чувствомъ гордости, смѣшанной съ печалью, посѣтилъ роковое поле Ватерло. Отсюда онъ поѣхалъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, въ Женеву и Лозанну, присоединился къ своему прежнему спутнику, Гобгузу, и вмѣстѣ съ нимъ всходилъ на самые грозные ледники Альповъ, гдѣ природа представила ему красоты другія, нежели красоты Востока и Альбаніи. На берегахъ Женевскаго-Озера онъ въ особенности отыскивалъ слѣды мѣстъ, упомянутыхъ у Руссо, очень мало думалъ о Фернѐ, и нашелъ у госпожи Сталь пріемъ, лестный и утѣшительный для сердца, оскорбленнаго негодованіемъ свѣта. Въ Женевѣ, Байронъ избѣгалъ своихъ соотечественниковъ, кромѣ одного, подобно ему, пораженнаго проклятіемъ, именно Шелли, поэта-мечтателя и моралиста, который своею «*Царицею Мабъ*» возбудилъ негодованіе религіозной Англіи. Байрону нравилась оригинальная и умная бесѣда Шелли и они видѣлись каждый день. Смѣлыя прогулки по озеру, разговоры о метафизикѣ, сліяніе двухъ душъ, одинаково оскорбленныхъ и враждебныхъ обществу, и, продолжительныя вечернія собранія, гдѣ скептики-поэты и ихъ друзья, взволновывали себя фантастическими разсказами о мертвецахъ, такова была новая поэтическая сфера, которую избралъ себѣ Байронъ въ обществѣ Шелли и его молодой, прекрасной супруги, дочери Годвина, проникнутой правилами ея отца и мужа. Шелли, молодой и далеко несозрѣвшій, чтобы сдѣлаться чьимъ-нибудь руководителемъ, имѣлъ однакожъ, упорствомъ своихъ идей опасное вліяніе на Байрона, и усилилъ, и безъ того горькую, мизантропію его произведеній.

Другой англичанинъ, Леви прибавилъ къ этимъ разговорамъ странное воображеніе и литературу волшебства. Превосходно зная германскую поэзію, онъ переводилъ Байрону самыя смѣлыя мѣста изъ *Фауста* Гете. Молодой поэтъ съ жадностью слушалъ эту легенду, чтобы потомъ воспроизвести ее, только по-своему. Онъ опять принялся за свою *одиссею* Чайльдъ-Гарольда, и выливалъ въ превосходные стихи все, что поражало его глаза, отъ равнины Ватерло до рощи Клеранса. Развалины древняго замка на берегу озера произвели *Шатильонскаго Узника*. Выйдя изъ мизантропической мечтательности Шелли, онъ написалъ *Видѣніе Страшнаго Суда*, гдѣ съ каждымъ стихомъ возрастаетъ въ сердцѣ читателя ужасъ,

отъ котораго, однакожъ, не можетъ оторваться воображеніе. Наконецъ, проникнутый разсказами Леви, Байронъ началъ драму *Манфредъ*. Объ этомъ-то мистическомъ произведеніи, поэтъ долженъ былъ бы сказать то, что онъ высказалъ о третьей пѣсни Чайльдъ-Гарольда. «Я былъ вполовину помѣшанъ, когда писалъ его, между метафизикою, горами, озерами, неугасимымъ желаніемъ, невыразимымъ страданіемъ и грезами моихъ собственныхъ заблужденій.»

Дѣйствительно, въ этой драмѣ въ высшей степени чувствуешь тревоги души и раны совѣсти: Гете былъ такъ пораженъ этимъ произведеніемъ, что, довѣряя народной клеветѣ, предполагалъ, что его подражатель былъ вдохновенъ опытомъ своего личнаго преступленія и нравственнаго страданія. По этому поводу, Гете, въ одной статьѣ о *Манфредѣ*, серьозно увѣряетъ, что во Флоренціи, одна дама, любимая Байрономъ, была убита своимъ мужемъ, и что, въ туже ночь, мужа поразилъ кинжалъ,—легко догадаться, чей. Это, по словамъ Гете, было причиною задумчивости и темныхъ красокъ живописца, нарисовавшаго образъ *Манфреда*. Къ-счастію, такое объясненіе опровергается фактами. Байронъ, подъ вліяніемъ Альповъ и Фауста, написалъ часть Манфреда еще до своего пріѣзда въ Италію, и не могъ оставить кровавой жертвы во Флоренціи, пробывъ въ этомъ городѣ только одинъ день.

Надобно согласиться, что италійскія похожденія Байрона не имѣли въ себѣ ничего трагическаго, что могло бы напомнить месть уже угасшей ревности. Проѣхавъ чрезъ Миланъ, въ концѣ 1816 года, Байронъ погрузился въ быстрыя сладострастія Венеціи. Первый годъ, истраченный здѣсь поэтомъ на лихорадочныя удовольствія, не былъ, впрочемъ, потерянъ для искусства. Здѣсь онъ окончилъ *Манфреда*, набросалъ четвертую пѣснь *Чальдъ-Гарольда*, наполненную воспоминаніями о Венеціи, печальной видъ которой послужилъ поэту вдохновеніемъ для превосходной оды и доставилъ роскошный сюжетъ для *Марино Фальеро*, драмы, которой концепція и характеры доказываютъ въ поэтѣ изумительную силу трагическаго генія. Къ поэтическимъ вдохновеніямъ присоединялась и холодная наука. Всякое утро, послѣ безпокойной венеціанской ночи, онъ направлялъ свою гондолу къ островку, на которомъ былъ построенъ монастырь св. Лазаря, и проводилъ нѣсколько часовъ

съ отцемъ Паскали и другими учеными монахами, изучая армянскій языкъ, стараясь трудною наукою усмирить тревоги своей души, какъ, нѣкогда, св. Іеронимъ, волнуемый страстями, избралъ себѣ для нравственной діэты изученіе еврейскаго языка. Байронъ, награждая археографическія изысканія, привелъ монаховъ къ открытію драгоцѣннаго отрывка изъ лѣтописи *Евсевія;* помогалъ имъ въ составленіи англійско-армянской грамматики и перевелъ съ древней армянской рукописи «*Два посланія апостола Павла къ коринѳянамъ.*»

Изученіе армянскаго языка и, въ особенности, нѣкоторые космогоническіе отрывки изъ Моисея-Хоренскаго привели воображеніе молодаго поэта къ религіознымъ вопросамъ, которые часто возмущали его скептицизмъ и вдохновили его написать мистерію *Каинъ*. Все, отъ суровой науки до безумныхъ оргій, было для Байрона предметомъ поэзіи. Этотъ дерзкій англичанинъ,—какъ его называли гондольеры,—ковалъ свой неподражаемый талантъ въ бурномъ разливѣ венеціанскаго карнавала, въ поѣздкахъ, любви и ссорахъ.

Путешественники разсказывали о безпорядочной жизни Байрона въ Венеціи, и вѣсти, можетъ быть, преувеличенныя, доходившія въ Лондонъ, положили въ высшемъ обществѣ негодованіе, истинное или притворное, которое преслѣдовало молодаго лорда и которое онъ презиралъ, перенося его, однакожъ, съ глубокою печалью. Недовольный всѣмъ свѣтомъ, онъ имѣлъ весьма мало сношеній съ своею родиной. Читая его письма, полныя ума и одушевленія, удивляешься, какимъ тѣснымъ кружкомъ лицъ ограничивалъ онъ свою переписку. Байронъ писалъ только къ Томасу Муру, своему неизмѣнному поклоннику и къ книгопродавцу Мюррею. Только одно воспоминаніе объ Августѣ Лейгъ (Leigh), сестрѣ поэта, къ которой онъ питалъ самую нѣжную дружбу, и благодарность къ Вальтеръ-Скотту, выразившему полное удивленіе къ генію Байрона, придаютъ слабый оттѣнокъ нѣжности этимъ письмамъ, обыкновенно проникнутымъ ироніею. Впрочемъ, и посреди удовольствій Венеціи, поэтъ чувствовалъ нестерпимую скуку. Эти припадки сплина бросили удивительно-поэтическій колоритъ на четвертую пѣснь Чальдъ-Гарольда, и это безуміе удовольствій произвело «*Донъ-Жуана,*» романъ, въ которомъ, кажется, соединяются двѣ эпохи генія Вольтера,—

живой и свѣжій колоритъ юношеской поэзіи и злой цинизмъ старика.

Пребываніе Байрона въ Венеціи было прервано быстрою поѣздкою въ Римъ, и поэтъ опять возвратился къ своимъ ежедневнымъ удовольствіямъ, изъ которыхъ скоро онъ былъ вызванъ увлеченіемъ болѣе благороднымъ, занимающимъ важное мѣсто въ его жизни. Въ наше время, слабости великихъ писателей такъ же извѣстны, какъ ихъ произведенія, и составляютъ, нѣкоторымъ образомъ, оффиціальную часть ихъ литературной жизни. Каждый читатель Байрона знаетъ графиню Гвиччіоли. Въ первый разъ увидѣлъ ее англійскій поэтъ въ Венеціи и очаровалъ ее тысячью своихъ прекрасныхъ качествъ; потомъ провожалъ ее въ Равенну, и когда графиня сдѣлалась больна, получилъ отъ графа Гвиччіоли позволеніе отвезти ее въ Венецію, чтобы посовѣтоваться съ тамошними врачами. Отсюда онъ отвезъ ее въ свою загородную виллу, нанятую близь Падуи, и такимъ образомъ оффиціально развелъ графиню съ мужемъ, къ великому соблазну итальянскихъ нравовъ, которые не возмущались другими вольностями Байрона. Въ этомъ пріютѣ, онъ принялъ Томаса-Мура, и, припомнивъ съ товарищемъ молодости нѣкоторыя событія своей жизни, отдалъ ему часть своихъ *Записокъ*, поручивъ издать ихъ послѣ своей смерти.

Дни Байрона тянулись въ обществѣ графини Гвиччіоли и въ безплодныхъ тревогахъ итальянской жизни. Онъ хотѣлъ воротиться въ Лондонъ, но поѣхалъ въ Равенну, гдѣ, на короткое время, встрѣтились оба супруга, и, когда Папа благословилъ ихъ разводъ, Байронъ исключительно посвятилъ себя графинѣ, отецъ которой, графъ Гамба, преслѣдуемый, какъ карбонаръ, смотрѣлъ сквозь пальцы на эту связь, надѣясь пріобрѣсти чрезъ нее новаго защитника своему дѣлу.

Дѣйствительно, Байронъ, еще въ 1815 году, мечталъ о республикѣ и съ аристократическими предразсудками соединялъ неукротимую ненависть ко всѣмъ правительствамъ Европы,—теперь онъ съ восторгомъ схватился за проэктъ итальянской независимости. Его «*Пророчество Данта*», написанное на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ жилъ изгнанный тосканскій поэтъ, было первымъ залогомъ его стремленія осуществить свои фантастическія стремленія.

Посреди политическихъ заботъ и упоенія любви, Байронъ не переставалъ писать и обработывалъ размышленіемъ и наукою свой великій поэтическій талантъ, бывшій первою потребностію его жизни. Байронъ основательно изучилъ итальянскій языкъ и его литературу, и обѣщалъ написать когда-нибудь большую поэму на этомъ музыкальномъ нарѣчіи, а между-тѣмъ, несмотря на совѣтъ своихъ друзей, продолжалъ *Донъ-Жуана*, и хотѣлъ провести по всей Европѣ нескромныя фантазіи своего героя, и въ то же время, съ классическою важностію защищалъ поэта Попе противъ новѣйшей англійской литературы.

Возстаніе Романьи не удалось; начались изгнанія; Байронъ лишился лучшихъ друзей и семейства, съ которымъ былъ связанъ узами любви и политическаго мнѣнія, и самъ спасся, только пользуясь именемъ англичанина, позволившимъ ему провести еще нѣсколько времени въ Равеннѣ. Здѣсь Байронъ увидѣлся съ Шелли, который своими похвалами одушевлялъ его продолжать *Донъ-Жуана*, хотя двѣ первыя пѣсни его, напечатанныя въ Лондонѣ, пользовались сомнительнымъ успѣхомъ. Байронъ думалъ отправиться въ Грецію, гдѣ тогда вспыхнуло возстаніе за религію и свободу, болѣе значительное, нежели либеральныя вспышки неаполитанцевъ. Но привязанность къ женщинѣ, которая пожертвовала для него всѣмъ, еще преобладала въ душѣ Байрона надъ прочими чувствами, и онъ поѣхалъ въ Пизу, чтобы увидѣться съ графинею Гвиччіоли.

Эта бродячая и тревожная жизнь не мѣшала поэту заниматься: ученыя разсужденія и ежедневныя новости, политическіе заговоры и семейныя досады — все, поражало его мысль или волновало жизнь, — все становилось въ его рукахъ предметомъ поэзія. Допотопныя открытія Кювье и манихейскія доказательства Шелли послужили основаніемъ мистеріи «Каинъ». Журнальная статья о принятіи Георга IV въ Ирландіи произвела ядовитую сатиру, и, при всемъ пренебреженіи къ политическимъ спорамъ своего отечества, Байронъ вдругъ бросился въ нихъ съ ѣдкостью памфлетиста.

Эта болѣзненная раздражительность, кажется, составляла одинъ изъ главныхъ элементовъ генія Байрона; онъ примѣнялъ ее къ впечатлѣніямъ самымъ разнообразнымъ, и этотъ странный характеръ всегда, болѣе или менѣе, находился подъ

вліяніемъ тѣхъ, которые его окружали. Въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Италіи, Байронъ, съ чувствомъ нѣжнаго удовольствія, встрѣтилъ одного изъ своихъ университетскихъ товарищей, котораго дружба нѣсколько успокоила тревоги его души, и увидѣлся съ Роджерсомъ, однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ поэтовъ Англіи, столько же строгимъ въ правилахъ своей жизни, какъ и въ своей поэзіи. Увлеченный черными призраками метафизики Шелли, Байронъ написалъ новую мистерію «*Небо и Земля*». Въ это самое время, онъ узналъ, что его драма *Каинъ* возбудила противъ себя, въ Лондонѣ, преслѣдованіе правительства, и что издатель ея, книгопродавецъ Мюррей; посаженъ, вмѣсто автора, въ тюрьму на нѣсколько мѣсяцевъ. Такая строгость еще болѣе возмутила желчь въ Байронѣ противъ вѣрованій, къ которымъ возвращалось иногда его воображеніе, на что такъ жаловался невѣрующій Шелли. Байронъ опять взялъ *Дона-Жуана*, свое оружіе противъ общества, и, не нападая на нравственность, изъ уваженія къ любимой имъ женщинѣ, удвоилъ скептицизмъ и политическую злость. Въ это время поэтъ понесъ двѣ жестокія потери, бросившія колоритъ глубокой грусти на его поэму. Побочная дочь его, которую онъ воспитывалъ съ рѣдкою въ мужчинѣ нѣжностію, какъ бы въ замѣнъ своей любимой Ады, умерла; другъ его, Шелли, бывшій тогда еще двадцати-восьми лѣтъ, погибъ въ волнахъ съ другимъ англичаниномъ, катаясь по заливу Спеццiя, почти передъ глазами поэта. Байронъ, съ помощію капитана Медвина и нѣсколькихъ рыбаковъ, отыскалъ тѣла двухъ утопленниковъ, и, по языческому обычаю, сжегъ ихъ на берегу, на кострѣ, посыпанномъ солью и благоуханіемъ, и сберегъ только сердце Шелли.

Читая письма Байрона, нельзя сказать, чтобы онъ чувствовалъ тяжелую печаль. Кажется, онъ былъ болѣе пораженъ дикимъ и поэтическимъ зрѣлищемъ пылающаго костра, зажженнаго его руками, нежели тронутъ сожалѣніемъ о преждевременной кончинѣ Шелли, объ этой смерти, которая, подобно его жизни, не имѣла ничего религіознаго.

Семейство графини Гвиччіоли получило приказаніе удалиться изъ великаго герцогства Тосканскаго. Байровъ, такъ же подозрѣваемый, поѣхалъ съ нею въ Геную, и продолжалъ тамъ заниматься политическими планами и поэзіею. Италія на-

скучила ему; онъ искалъ болѣе сильныхъ ощущеній, жаждалъ славы и думалъ отправиться въ Америку. Что касается Англіи, онъ не хотѣлъ возвращаться туда, хотя, въ тоже время, она была его постоянною цѣлью, и для нея онъ писалъ свои геніальныя созданія. Но не довольствуясь восхищать ее своими стихами, онъ желалъ обнаруживать въ ней дѣятельное вліяніе какимъ-нибудь журналомъ, и эта мысль заставила его отдавать свои произведенія въ Liberal, журналъ, который, подъ редакціею Гунта (Hunt), составлялся въ Италіи и выходилъ въ Лондонѣ. Но Байронъ видѣлъ съ досадою, что даже самые поклонники его поэтическаго генія порицали это изданіе.

Эта холодность была ударомъ для души пламенной, которая, рано привыкнувъ къ славѣ, жаждала производить возрастающій эффектъ. Геній Байрона обратился къ новому предпріятію. Продолжительная борьба Греціи возбуждала удивленіе Европы и нашла себѣ сочувствіе во всѣхъ правительствахъ. Англія, можетъ быть, одна только менѣе другихъ державъ благопріятствовала греческимъ дѣламъ. Впрочемъ, въ Лондонѣ составился, по примѣру парижскаго комитета, *греческій* комитетъ, съ цѣлью—доставлять грекамъ помощь и оружіе. Значеніе этихъ комитетовъ состояло, наиболѣе, въ ихъ нравственномъ вліяніи и въ постоянномъ противодѣйствіи политикѣ нѣкоторыхъ державъ.

Греческій комитетъ Лондона, понимая, сколько пользы можетъ доставить ему Байронъ, просилъ его принять личное участіе въ судьбѣ Греціи. Байронъ тотчасъ бросилъ и свое богатство и свою жизнь въ эту благородную войну; помогалъ нѣкоторымъ членамъ греческаго общества, возвратившимся изъ первой экспедиціи, но, обсудивъ строго характеръ грековъ, мало надѣялся на успѣхъ. Здоровье поэта, и безъ того разстроенное, еще болѣе разрушалось его печальнымъ предчувствіемъ; однакожъ, онъ посвятилъ себя для защиты греческаго дѣла и, въ тоже время, для своей славы. Истративъ значительныя суммы, которыя, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ скопилъ строгою бережливостью, Байронъ, 14 іюля 1823 года, сѣлъ на корабль въ Генуѣ, взявъ съ собою графиню Гвиччіоли и безстрашнаго англичанина, корсара Трельюнея.

Буря отбросила ихъ въ гавань, и Байронъ отплылъ отъ береговъ Италіи, только спустя нѣсколько дней, получивъ отъ Гё-

те стихи, въ которыхъ великій поэтъ Германіи благославлялъ его на благородное предпріятіе. Въ Кефалоніи Байрона ожидало письмо отъ Боцариса, просившаго его не терять времени. Но на другой день Бацарисъ, этотъ Леонидъ суліотовъ, проникнувъ, съ горстью сподвижниковъ, въ турецкій лагерь, произвелъ тамъ страшное опустошеніе и погибъ жертвою своего мужества. Байронъ, желая ближе знать о ходѣ дѣлъ Греціи, прожилъ въ Кефалоніи три мѣсяца. Энтузіазмъ его нисколько не увеличился. Онъ осуждалъ ошибки грековъ, и не принимая никакого религіознаго участія въ дѣлѣ мучениковъ креста, проводилъ свободное время въ публичныхъ спорахъ съ благочестивымъ методистомъ, докторомъ Кеннеди, который открылъ христіанскія бесѣды для обращенія молодыхъ военныхъ англичанъ. Байронъ уже думалъ возвратиться въ Италію, но уступая всеобщимъ просьбамъ, остался, далъ четыре тысячи фунтовъ стерлинговъ для греческаго флота, и когда Маврокордато принялъ начальство надъ западною частію Греціи, Байронъ согласился соединиться съ нимъ въ Миссолонги, проникнулъ туда сквозь тысячу опасностей, которыя перенесъ съ равнодушіемъ, и былъ встрѣченъ, какъ спаситель народонаселеніемъ, угнѣтеннымъ междуусобною войною, голодомъ и турками.

Байронъ наслаждался, нѣсколько времени, такимъ пріемомъ и принималъ участіе во всемъ и во всѣхъ, съ какою-то странною смѣсью благоразумія и болѣзненной раздражительности. Греческое правительство дало ему титулъ фельдмаршала и поручило ему начальство надъ экспедиціею, снаряженною для взятія Лепанта. Но войско, на которые онъ могъ разсчитывать, состояло изъ толпы суліотовъ, нанятыхъ за большую плату, буйныхъ, непокорныхъ, настоящихъ греческихъ кондотьеровъ. Видя затруднительное положеніе Греціи, они удвоили свои требованія. Грубая толпа не слушалась англійскаго полководца. Каждый солдатъ просилъ себѣ офицерскаго жалованья. Байронъ не могъ выдержать этихъ тревогъ и безпокойствъ. Однажды, послѣ нервнаго припадка и обморока, когда онъ, съ піявками на вискахъ, лежалъ на постели, суліоты, которые наканунѣ угрожали разграбить арсеналъ и убили шведскаго офицера, съ крикомъ ворвались въ его комнату. Блѣдное и окровавленное лицо Байрона обезоружило эту разъ-

яренную толпу, и нѣсколько словъ, которыя онъ произнесъ, смягчили ихъ и растрогали. Но нельзя было надѣяться на продолжительную покорность такого безпорядочнаго войска; неистовства и угрозы этого сброда отдалили другихъ, болѣе надежныхъ, союзниковъ. Байронъ, нанявшій суліотовъ за большую сумму, старался удалить ихъ, и только съ помощію Маврокордато насилу могъ вывести ихъ изъ Миссолонги, оставивъ изъ нихъ только пятдесятъ человѣкъ, на которыхъ онъ могъ положиться, и которые составляли болѣе его собственный конвой, нежели войско.

Обманутый надеждою на покореніе турецкаго гарнизона въ Лепантѣ, онъ вознамѣрился, по-крайней-мѣрѣ, смягчить обѣ враждующія стороны. Собравъ мусульманскихъ женщинъ и дѣтей, взятыхъ въ плѣнъ греками, Байронъ отослалъ ихъ въ Превезу, безъ всякаго выкупа; установилъ награду за каждаго плѣнника, не жалѣлъ денегъ, помогалъ совѣтами и дѣйствовалъ неутомимо, помогалъ Маврокордато возстановить порядокъ въ Миссолонги, и одинъ только могъ, по своему значенію, быть посредникомъ между образованными греками и горцами, представлявшими, хотя буйную, но не менѣе того необходимую опору въ общемъ дѣлѣ. Колокотрони обѣщалъ согласиться съ намѣреніями Байрона, если будетъ созвано національное собраніе, и Байронъ явится тамъ въ качествѣ посредника. Другіе вожди предлагали собраться въ городѣ Салонѣ и просили, чтобы онъ своимъ присутствіемъ освятилъ этотъ союзъ партій.

Не смотря на то, что Байронъ былъ давно разочарованъ, надежда ожила въ его сердцѣ. Намѣреваясь ѣхать въ Морею, онъ своими совѣтами ускорилъ укрѣпленіе Миссолонги, предвидя, что на него будутъ обращены всѣ непріятельскія дѣйствія слѣдующей кампаніи. По его совѣтамъ, инженеръ Парри выстроилъ на болотистой и неровной почвѣ валы и укрѣпленія, которыя, въ продолженіе столькихъ мѣсяцевъ, удерживали турецкое войско.

Предположенное въ Салонѣ собраніе не состоялось, по причинѣ политическихъ споровъ и трудности дорогъ. Байронъ рѣшился не покидать этого уголка земли, ожидая, весною, нападенія турокъ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ, не смотря на свое мужество и постоянную дѣятельность, онъ упадалъ

духомъ. Его смущало какое-то темное предчувствіе. Въ Миссолонги, Байронъ печально встрѣтилъ, въ тридцать-шестой разъ, день своего рожденія, оплакалъ его дивными, послѣдними стихами, въ которыхъ, прощаясь съ жизнію и молодостью, онъ желалъ себѣ только «солдатской могилы.» Мысль о смерти не покидала его и онъ часто говорилъ своему вѣрному слугѣ, итальянцу: «Я не выѣду отсюда: греки, турки и климатъ доконаютъ меня.» Въ письмахъ своихъ, Байронъ еще смѣялся надъ безпорядками и неудачами, которые доводилось ему видѣть; но его организмъ, живой и раздражительный, много терпѣлъ отъ нихъ: сардоническій смѣхъ его отзывался отчаяніемъ.

Два благородныя чувства укрѣпляли его душу — слава и любовь къ человѣчеству; но тѣло Байрона, постарѣвшее прежде времени, изнемогало. Ему писали съ Іоническихъ острововъ, совѣтуя оставить Миссолонги. Соотечественники его, друзья, полковникъ Стенопъ и корсаръ Трельюней уѣхали. Байронъ остался въ этомъ *возу грязи*, — какъ онъ называетъ Миссолонги, — посреди болотъ и дождей, и скоро почувствовалъ ихъ смертельное вліяніе. Захваченный грозою во время прогулки верхомъ, онъ промокъ до костей, вспотѣлъ, отправился домой въ лодкѣ и схватилъ жестокую лихорадку. Однакожъ, на другой день, онъ еще ѣздилъ верхомъ въ оливковомъ лѣсу, сосѣднемъ съ городомъ, сопровождаемый пышнымъ конвоемъ суліотовъ. Эта прогулка еще болѣе разстроила здоровье Байрона; онъ цѣлые два дни противился медикамъ, которые хотѣли пустить ему кровь, и, наконецъ, уступилъ ихъ просьбамъ, опасаясь не столько за свою жизнь, сколько за свой разсудокъ.

Кровопусканіе не остановило горячки и не уменьшило бреда. Хотѣли было пригласить съ острова Цанте лучшаго врача, но дурная погода помѣшала исполнить это намѣреніе. Байронъ, утѣшаемый только двумя своими вѣрными друзьями и старымъ слугою, лежалъ на постели, безъ всякой помощи, въ бѣдномъ и шумномъ домикѣ, гдѣ внизу жили суліоты. Былъ первый день Пасхи, такъ весело встрѣчаемый греками, которые радостно ходятъ по улицамъ, крича: «Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!» Но въ этотъ разъ, праздникъ начался не такъ шумно. Вдали отъ городскихъ стѣнъ отдавались тяжелымъ гуломъ выстрѣлы и жители ходили съ крайнимъ

уныніемъ. Вечеромъ, мысли Байрона совершенно смутились, слова его прерывались, и послѣ тщетныхъ усилій изъявить свою послѣднюю волю старому слугѣ, англичанину Флетчеру, онъ впалъ въ безпамятство. Ложка лекарства возвратила, на минуту, Байрону разсудокъ; онъ произнесъ нѣсколько трогательныхъ словъ о Греціи, и сказавъ: *мнѣ хочется спать*, погрузился въ летаргію. На другой день, она кончилась смертію, которая заставила грековъ воскликнуть: *Умеръ великій человѣкъ!* Великій человѣкъ! Да, онъ дѣйствительно былъ великъ для тѣхъ, кому такъ благородно пожертвовалъ своею жизнію.

Во вторникъ на святой недѣлѣ Байрону отдали послѣднюю честь, по обряду восточной церкви. При отпѣваньи присутствовали архіепископъ анатолійскій и епископъ города Миссолонги, со всѣмъ духовенствомъ, и множество военныхъ и гражданскихъ сановниковъ. Молодой грекъ, Трикуписъ, произнесъ панегирикъ. Сердце Байрона, положенное въ урну, было принесено въ церковь и поставлено въ алтарѣ, тѣло же назначено было отвезти въ Англію, и духовенство Миссолонги съ молитвами проводило эти славные останки, пожелавъ имъ благополучнаго пути и успокоенія въ нѣдрахъ родной земли. Корабль, назначенный для перенесенія праха Байрона, скоро присталъ къ берегамъ Англіи. Гобгузъ и еще одинъ другъ поэта пріѣхали нарочно за тѣмъ, чтобы встрѣтить тѣло его и перевезти въ Ньюстедъ, семейный склѣпъ фамиліи Байроновъ, гдѣ покоилось и тѣло его матери. Всѣ почести, присвоенныя званію лорда, были съ великолѣпіемъ соблюдены при перенесеніи гроба великаго человѣка. Впереди погребальной процессіи шли констабли и герольды съ гербами; за ними, на боевомъ конѣ, въ черныхъ бархатныхъ попонахъ, котораго вели два пажа, сидѣлъ всадникъ, держа полуопрокинутую корону пера Англіи; позади слѣдовала погребальная колесница, сопровождаемая многочисленною толпою, одѣтою въ трауръ.

Когда это печальное шествіе тянулось по Нотингемской дорогѣ, одна дама, ѣхавшая на встрѣчу, увидѣвъ гербъ Байрона на траурной колесницѣ, упала въ обморокъ, и полумертвою была отвезена въ свой замокъ. Здѣсь ею овладѣла горячка со всѣми припадками безумія. Дама эта была леди Л***. Отвергнутая, когда-то Байрономъ, она обрисовала

его самыми мрачными красками въ одномъ сатирическомъ романѣ, надѣясь вылечить себя отъ любви этимъ мщеніемъ. Но теперь, снова пораженная печальною встрѣчею, страшнымъ воспоминаніемъ, она не могла болѣе придти въ себя, и умерла медленною смертію, безпрестанно произнося имя того, который отнялъ у нея и честь и разсудокъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ . . . . .

Какъ узнать васъ! Это вы ли?
Вы-ль, которыя назадъ
Годъ небольше, такъ любили
Удовольствій шумный рядъ?
Вы-ль, которыя, такъ чудно
Вашей чудной красотой
Въ сонъ о счастьи непробудный
Сердце съ жаркой головой
Своевольно погружали?
Вы-ль, которыя не знали
Никакихъ другихъ заботъ,
Кромѣ дѣвственныхъ мечтаній
Въ часъ, когда луна взойдетъ,
И таинственныхъ мерцаній
Полонъ неба синій сводъ?
Или утромъ, въ часъ прохлады
Обѣжать съ цвѣтами гряды,
И вдохнуть ихъ ароматъ,
А потомъ въ тѣнистый садъ,
Дэ полуденнаго зноя,
Подъ густую тѣнь деревъ
Удалиться, въ сердцѣ кроя

Цѣлый рой волшебныхъ сновъ?
А теперь?... Гдѣ жъ та головка,
Свѣтлорусая, въ кудряхъ?
Та мечтательность въ глазахъ?
Станъ, затянутый шнуровкой?
Ножки въ узкихъ башмачкахъ?
Гдѣ же взоръ, огнемъ блестящій?
Звонкій смѣхъ вашъ, разговоръ,
Вѣчно чувствами кипящій,
И улыбка? О, съ тѣхъ поръ,
Вы совсѣмъ перемѣнились:
Ваши синіе глаза,
Для которыхъ лишь годились
Здѣсь въ сравненье небеса,
Рѣзкой тѣнью окаймились.
Гармоническая рѣчь,
Та, которой бы завлечь
Можно каждаго здѣсь въ узы,
Вялой прозой стала течь,
И, увы! подъ вѣчной блузой
Скрылась роскошь бѣлыхъ плечъ.
На заглаженныя букли
Легъ губительный чепецъ;
Ваши ножки скрыли туфли,
Вашъ альбомъ смѣнилъ ларецъ,
Гдѣ расходы все да акты,
Да росписки заперты:
Эти горестные факты,
Что убиты всѣ мечты.
Садъ заглохъ, на грядкахъ пусто,
Вашъ цвѣтникъ ужъ не цвѣтетъ,
Но на мѣсто ихъ капустой
Полонъ длинный огородъ;
И, вставая очень рано,
Не берете вы романа,

Не спѣшите съ нимъ подъ тѣнь,
Усладить дневную лѣнь.
Въ лѣтній вечеръ, какъ настанетъ
Часъ прохлады: неба сводъ
Вашихъ глазъ къ себѣ не манитъ,
Въ васъ мечты ужъ не зажжетъ.
Ровно въ девять столъ вамъ нуженъ
Ужъ не чай, а сытный ужинъ,
Вамъ ужъ хочется зѣвать;
И, покушавъ плотно на ночь,
Вашъ супругъ, Иванъ Иванычъ,
Васъ зоветъ ужъ почивать.

Н. Грековъ.

ИЗЪ ТОМАСА МУРА.

I.

МЕЛОДІЯ.

Въ долинѣ Гангеса, въ эдемѣ пышныхъ розъ,
Порой, какъ вѣтерокъ, въ часъ яркаго заката,
Скользя между цвѣтовъ, ихъ вѣнчики разнесъ,—
Сады еще хранятъ дыханье аромата.
Такъ пѣсня о быломъ хранитъ и прелесть грезъ,
И призракъ ридостей, мелькнувшихъ ей когда-то.
И въ памяти встаютъ видѣнья прежнихъ дней,
И тѣни грустныя проходятъ передъ ней.

II.

РОЖДЕНІЕ АРФЫ.

Подъ ясною влагой морскаго залива —
Я слышалъ преданье — сирена жила.
И часто на берегъ, гдѣ зыблется ива,
Она выходила и друга ждала.

И слезы напрасно у бѣдной лилися
На темныя пряди струистыхъ кудрей,
И грустные вопли повѣтру неслися,
Тревожа пловцовъ и ночныхъ рыбарей.

Но сжалилось небо... Изъ тѣла сирены
Явилася арфа, бѣла какъ нарцисъ,
А кудри скатились на гибкіе члены,
И, слезы роняя, струнами свились.

Года пролетѣли, но струны все тѣже,
Все дышутъ любовью и нѣжной тоской,
И говоръ веселый становится рѣже,
Когда я дотронусь до арфы рукой.

И. К.

ЮМОРИСТИКА.

МАСЛЯНИЦА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Вотъ что-съ.

Почтенный и талантливый П. Ш. доставилъ намъ случай познакомиться съ двумя представителями русской *глуши*, двумя уѣздными помѣщиками, Иваномъ Ѳомичемъ Вилочкою и Андреемъ Кузмичемъ Зерновцемъ, премилыми и прекраснѣйшими людьми, которые, не устоявъ противъ ежедневнаго соблазна *Сѣверной Пчелки*, прикатили въ Сѣверную Пальмиру, собственно для своего удовольствія, то-есть, чтобы лично извѣдать всѣ земныя блага, описываемыя такъ плѣнительно въ летучихъ фельетонахъ. Одинъ изъ нихъ, Андрей Кузьмичъ, живетъ уже въ Петербургѣ, въ трактирѣ Балабина, почитай три мѣсяца: онъ освоился съ нравами и учрежденіями столицы и причисляетъ себя не на шутку къ ея народонаселенію, почему, говоря о Петербургѣ и петербужцахъ, онъ никогда не преминетъ употребить мѣстоименія — *мы* — *у насъ*. Онъ уже довольно хорошо вошелъ въ петербургскую жизнь и весьма ловко подражаетъ господствующимъ модамъ, корчитъ изъ себя знатока искусствъ и аристократа; хлопаетъ изъ всей мочи г-жѣ Плесси, вмѣстѣ со всѣми; ходитъ въ Большой-Театръ въ желтыхъ перчаткахъ и бѣломъ жилетѣ; уважаетъ Гуаско, презираетъ Сальви; кричитъ bis, а не *фора*; вызываетъ Джули-Борси и ши-

каетъ пріятной, талантливой и искусной пѣвицѣ, Марѣ, имѣющей одинъ недостатокъ въ голосѣ—огромность нашего театра. Онъ не посѣщаетъ Александрынскаго храма музъ, и на упреки всегда отвѣчаетъ: «Fi donc! я не люблю египетскаго искусства!»

Другой нашъ пріятель, Иванъ Ѳомичъ Вилочка,—натура болѣе безъискуственная и откровенная. Характеръ его немножко туговатъ, какъ будто сдѣланъ изъ лубка, онъ не такъ скоро поддается обольстительнымъ обаяніямъ моды и не отступаетъ, безъ бою, отъ своихъ привычекъ. Притомъ, Иванъ Ѳомичъ имѣетъ полное право быть колоссально упорнымъ и *имѣть собственное свое сужденіе*: у него восемьдесять тысячъ ежегоднаго дохода. Онъ любитъ швырнуть деньгой для удовлетворенія своей любознательности; въ прочихъ обстоятельствахъ жизни, нельзя сказать, чтобъ онъ былъ скряга, но онъ *расчетливъ* и *не живетъ затылкомъ*, какъ самъ выражается.

Какъ-то онъ позвалъ къ себѣ пріятелей *курнуть*, *хлѣбнуть* и *закусить*. Подали водки и редиски; Иванъ Ѳомичъ преусердно подчивалъ ею своихъ гостей. Между-тѣмъ, маленькій его потомокъ протянулъ также ученку къ столу, чтобы взять редиску. Отецъ грозно произнесъ: «оставь!» Во время разговора ребенокъ опять было покусился на заманчивую редьку. Родитель, съ приличной родительскому и помѣщичьему сердцу строгостью, произнесъ снова: «говорятъ, оставь!» Но мальчишка не унялся и, наконецъ, дѣйствительно поймалъ редиску за хвостикъ. Тутъ Иванъ Ѳомичъ не вытерпѣлъ, онъ ударилъ шалуна по рукѣ: «вѣдь я сказывалъ, не бери!» и потомъ, какъ бы въ утѣшеніе, прибавилъ: «Всякую дрянь ему подай! Вѣдь мерзость, чортъ знаетъ, гдѣ валялась, а онъ, знай себѣ, въ ротъ суетъ!»

Изъ этого поступка ясно видна строгая чистота нравовъ, чистота вкуса и чистота родительскаго сердца въ Иванѣ Ѳомичѣ, и это можетъ рекомендовать его съ самой выгодной стороны. Платя за свои удовольствія наличными деньгами, Иванъ Ѳомичъ не почитаетъ нужнымъ стѣсняться въ своихъ мнѣніяхъ о томъ или другомъ предметѣ, о театрѣ, о балаганѣ, о блинахъ, о скотахъ и людяхъ. Онъ отнюдь не застѣнчивъ. Пріѣхавъ убивать деньги въ столицѣ, онъ хочетъ судить ее по-полтавки, и даже съ нѣкоторою примѣсью критической соли. Всякаго рода представленія — его страсть. Александрынскій театръ для него идеалъ всяческаго эльдорада. Онъ беретъ кре-

сло всегда въ первомъ ряду, чтобы *ближе* вникнуть въ разговоръ, и, однажды умѣстивъ свое тучное тѣло въ тѣсное пространство кресельныхъ поручней, онъ вполнѣ предается наслажденію созерцанія и совершенно *входитъ* въ пьесу. Когда актеръ, открывъ зрителю свои намѣренія, въ послѣдующей сценѣ начинаетъ хитрить съ другимъ лицемъ пьесы, Иванъ Ѳомичъ съ самодовольствіемъ говоритъ вслухъ: «вишь, какъ вретъ! давича совсѣмъ не то говорилъ!» — Когда, въ драмѣ, для героя или героини, съ-вѣдома зрителей, приготовляется какой-нибудь ковъ, правдивая душа Ивана Ѳомича приходитъ въ явное негодованіе: «Не вѣрь! не ходи!» кричитъ онъ вполголоса актеру или актрисѣ, — «убьютъ, зарѣжутъ. Я слышалъ, какъ они сговаривались!» Когда въ «*Игрокѣ*» солдаты схватываютъ Варнера, онъ не можетъ утерпѣть, чтобы не сказать имъ: «давно-бы такъ! смотрите жъ, держите крѣпче: не то дастъ стрычка, разбойникъ! Я еще давича замѣтилъ, что это все его штуки!» Въ *Ревизорѣ* всего больше неправятся Ивану Ѳомичу — Иваны Ивановичи Бобчинскій и Добчинскій. «Что это,—говоритъ — за помѣщики! У насъ такихъ нѣтъ! Развѣ въ Воронежской губерніи—ту я не знаю!» А когда Осипъ валяется на барской постели, поднявъ вверхъ ноги, Иванъ Ѳомичъ, негодуетъ: «Ужъ какъ бы я тебя вспахалъ, протоканалья! вотъ кучера бы позвать, да тебя на конюшню, чтобъ ты тамъ узналъ обхожденіе на *тонкой деликатности*; туда же, хамская морда, о тонкой деликатности разсуждаетъ... И куда это смотритъ театральное начальство: такую образину на театръ пускаютъ, чтобъ онъ, предъ почтеннымъ дворянствомъ ноги задиралъ... Вѣдь это, просто срамъ; вонъ, тутъ и генералы сидятъ и полковники!.. а онъ мошенникъ.. тфу!..» Тутъ Иванъ Ѳомичъ значительно плюнулъ. «Своевольство, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, своевольство, сударь мой, и больше ничего! Нѣтъ, у насъ, слава Богу, еще такихъ штукъ дѣлать не смѣютъ, даромъ что не Пальмирская столица!»

Въ Москвѣ Ивана Ѳомича за такую строгую критику разъ попросили выдти изъ театра. Это оскорбило его до глубины души, потому-что онъ сильно дорожитъ свободою мнѣній. Съ-тѣхъ поръ онъ ужъ туда ни ногой. Болѣе всего не терпитъ Иванъ Ѳомичъ на сценѣ явленій, противныхъ природѣ. На-примѣръ,

если *женщина* играетъ *мужскую* роль. Это его смертельно бѣситъ: «Къ чему это? — говоритъ — и не прилично, да и скверно! Ну какой она мужчина?—знала бы свои юбки да чепцы, такъ дѣло-то чище было бы!» Не любитъ онъ такъ же, когда актеръ безпрестанно переодѣвается и представляетъ разныя націи и лица: «Ну что онъ всѣхъ передразниваетъ, лучше бы самъ кого-нибудь сыгралъ, а то дразнить чухну да татарина и я умѣю! То тѣмъ выдетъ, то другимъ — никакого толку не доберешься, только рожи корчитъ, да языкъ ломаетъ. Да у меня Трошка и почище его ломается, даромъ что не актеръ, а ему не платятъ по пяти рублей за кресло.» Иванъ Ѳомичъ никакъ не отдѣляетъ пьесы отъ актеровъ; онъ въ полномъ убѣжденіи, что они каждую пьесу импровизируютъ и дѣйствуютъ по собственному побужденію.

Пуще всего не терпитъ Иванъ Ѳомичъ французскаго театра, по самой простой причинѣ:—онъ ненавидитъ Наполеона и не знаетъ ни буквы по-французски. «Только хлѣбъ русскій ѣдятъ, говоритъ онъ съ патріотическимъ одушевленіемъ и глубокимъ чувствомъ народности: къ намъ пріѣхали — а по своему болтаютъ, слова не разберешь!» Въ особенности не жалуетъ онъ г-жу Плесси, за то, что ей больше всѣхъ апплодируютъ. «Выдетъ — говоритъ — и поднимутъ содомъ. Чему обрадовались? Говоритъ она такъ длинно что-то, протяжно, много, словно покойника отчитываетъ или нѣмецкій пасторъ проповѣдь напѣваетъ,—а они-то ей и такъ, и этакъ... хлопаютъ себѣ безъ ума—безъ памяти, благо здѣсь перчатки дешевы!» Заблужденіе очень извинительное, для человѣка, который ищетъ русской народности на иностранной сценѣ. Иванъ Ѳомичъ имѣетъ конный заводъ и потому любитъ лошадей до страсти. Впрочемъ, онъ вообще питаетъ въ душѣ своей *скотолюбіе*: Лежаръ и Гверра для него величайшіе художники въ мірѣ, а лошади ихъ—первые сценическіе таланты, съ ними не поставитъ онъ въ параллель ни одной актрисы, хотя бы она звѣзды съ неба сводила и капиталу имѣла полмильона.

На прошедшей масляницѣ, Иванъ Ѳомичъ прибылъ въ Питеръ, насладиться жизнью. Здѣсь встрѣтился онъ съ другомъ своимъ Зерновцемъ и подѣлился съ нимъ своими впечатлѣніями, которыя потомъ изложилъ въ стихахъ. Почтенный П.

III, доставилъ намъ ихъ для напечатанія, и мы, почитая забавнымъ открыть публикѣ оригинальный полтавскій взглядъ на вещи Ивана Ѳомича, ихъ печатаемъ:

—

ВСТРѢЧА ДВУХЪ ПОМѢЩИКОВЪ.

—

Андрей Кузьмичъ.

Ба! ба! ба! Иванъ Ѳомичь!
Ну, братъ, отличился!
Мы сбирались кликать кличь,
А онъ самъ явился!
Признаюся, удивилъ —
Ахъ, сѣдой проказникъ!
Вздумалъ, сѣлъ и прикатилъ
Къ *намъ* сюда на праздникъ.
Э, да—что тебѣ слетать
Въ Питеръ изъ Полтавы!
Что тебѣ—тысчёнокъ пять
Бросить на забавы!
А вѣдь масляница здѣсь
Просто—объяденье?
Да и Питеръ-то *нашъ* весь
Стоитъ удивленья!
Разскажи же: гдѣ гулялъ?
Въ маскарадъ, въ собранье,
Въ циркъ, въ театры, чай, слеталъ?
Былъ-ли на гуляньѣ?

Иванъ Ѳомичъ.

Охъ, постой! Затормошилъ,
Не далъ снять шубенки....

Какъ не быть! Вездѣ я былъ,
За свои денжёнки.
Я сперва смотрѣть пошелъ
«*Дочь втораго полка*;»
И—признаться—въ ней нашелъ
Очень мало толка.
Хоть Самойлову возьму:
Барабанитъ ловко,
Да, и видно по всему,
Бойкая головка;
А, какъ хочешь, все смѣшна
Дѣвушка солдатомъ,
Ну, какой солдатъ она,
Передъ нашимъ братомъ?
Вотъ, по мнѣ бы, кто сыгралъ....
Какъ его?.... Принцъ датской!
Тотъ и голосомъ бы взялъ,
Да и ростъ солдатской!
Вотъ Мартыновъ — молодецъ!
Живо представляетъ.
Вишь, какой-то сорванецъ
Спать ему мѣшаетъ;
Ужъ, пускай бы, разбудилъ;
Нѣтъ, такъ это мало:
Сталъ кричать, все перебилъ....
Даже жалко стало!
Видя это, вспомнилъ я
О своей старухѣ:
Какъ покойница моя,
Иногда — не въ духѣ —
Хоть ты тресни — не уймешь:
Выживетъ изъ дому;
Только плюнешь, да — уйдешь,
И конецъ содому!

Здѣсь, какую-то Плесси
Пчелка выхваляла;
Видѣть—видѣлъ, — а спроси,
Что она болтала?
Ей, *за что-то*, всѣ стучать
Стали въ обѣ руки;
Я отхлопалъ, да бѣжать
Поскорѣй *со скуки*.
Вотъ — по-моему — Лежаръ
Славный иностранецъ!
Танцовали въ восемь паръ
Лошадиный танецъ!
Да и братъ его — Кюзанъ,
Выкинулъ фигурку:
Пистолетъ и барабанъ,
Онъ влѣпилъ въ мазурку (*).
Дѣло въ томъ, что, — подъ шумокъ, —
Тамъ они засѣли,
Да и пробки въ потолокъ
Тотчасъ полетѣли! (**)
Все понятно мнѣ; но вотъ
Для меня загадка —
Какъ понятливъ даже скотъ:
Тамъ одна лошадка
Знаетъ все: бонъ-журъ, мерси,
Компрене ву—что ли?—
Да, почище, чѣмъ Плесси,—
Скажешь по неволѣ.
Или, этотъ Катендикъ —
Точно въ немъ чертенокъ,

(*) Галопъ, сочиненный г. Кюзанъ.

(**) Галопъ, посвященный г. Булгакову: Le Galop de Champagne.

Разбѣжится, да кувыркъ
Турманомъ, разъ сорокъ.
И еще одинъ пострѣлъ
Стоитъ быть въ поминѣ:
Три тарелки онъ вертѣлъ,
Сидя на графинѣ.
А наѣздница Лойо
Какова у Гверры?
Грызли зубы на нее
Ваши офицеры —
Да, куда имъ! Просто-пасъ
Всѣ кавалеристы!
Не объѣздить, хоть за разъ
Разскачись ихъ триста.
Что бы мнѣ еще сказать?
Да, на-счетъ гулянья:
У Легата побывать
Стоило вниманья.
Въ балаганѣ у него
Представляютъ ловко,
Но не понялъ, изъ чего
Вышла потасовка?
И никто, изъ шестерыхъ,
Не сказалъ ни слова,
Видно дѣло-то у нихъ
Вышло изъ пустова!
Вдругъ, явился пестрый чортъ,
Съ длинной колотушкой,
Тукъ, тукъ, тукъ... посмотришь — гротъ
Сдѣлался избушкой;
Кустъ представится столомъ,
Смотришь — образина!
И изчезнетъ все потомъ;
Просто — чертовщина!

У *разбойника* былъ я.
Что *морскимъ* назвался,
Онъ показывалъ себя....
Мнѣ не показался!
Эта штука похитрѣй:
Слышалъ я про Гверру,
Что онъ съ труппою своей
Сочинилъ аферу:
На гулянье ихъ привезъ,
Чтобы всѣ узнали,
Что подъ русской нашъ морозъ
И они плясали.
На ходуляхъ штукарей
Посмотрѣлъ я тоже,
Былъ и тамъ, гдѣ у людей
Восковыя рожи.
А отъ нихъ пошелъ къ звѣрямъ;
Хоть звѣринецъ знатный,
Но всегда бываетъ тамъ
Запахъ непріятный.
Выхожу я — глядь — стоитъ
Небольшой домишка,
И таращится, глядитъ
Въ стеклышко мальчишка.
Что такое? Подхожу...
«Посмотрите, баринъ!
Чудеса вамъ покажу!»
Говоритъ хозяинъ.
Я нагнулся поскорѣй,
Глазъ одинъ прищурилъ...
И чего онъ мнѣ, злодѣй,
Тутъ не балагурилъ?
«Вотъ, извольте разсмотрѣть:
«Влѣво-то все турки!

«Вонъ какъ начали ихъ грѣть!
«Валятся какъ чурки.
«А? штычокъ-отъ нашъ каковъ!
«Допросилъ васъ, кто вы?
«А вонь наши—безъ головъ,
«Живы и здоровы!»
Много, много онъ всего
Вралъ мнѣ безъ запинки;
Но оставилъ я его
Глупыя картинки.
Все прекрасно; дѣло въ томъ —
Не былъ на вертушкахъ!
То-есть, знаешь, гдѣ кругомъ
Ѣздятъ въ карабушкахъ.
Подманило и меня:
«*Паровозъ поспѣшный.*»
Что-жъ такое — семъ и я
Повернуся грѣшный!
Что же, братецъ, — вѣдь мамзель
Дали мнѣ подъ пару...
А тащились еле-ель,
Видно мало пару!
Вотъ, хотѣлося мнѣ съ горъ,
Хоть разокъ скатиться;
Но, никакъ до-этихъ-поръ
Я не могъ рѣшиться.
Много ль нужно старику?
Какъ слетишь оттуда,
Такъ такимъ кукареку
Запоешь, что чудо!
(Будь охота въ головѣ,
Тутъ ужь не до лѣни):
Слышалъ я, что по Невѣ
Возятъ всѣхъ олени...

Притащился. Глядь — сидитъ
Чучело мохнатый,
И заложенный стоитъ
Четверикъ рогатый.
«Ну, мусью-братъ — прокати!»
Только, что мы сѣли,
Онъ шестомъ ихъ и хвати!
Шибко, въ самомъ дѣлѣ...
Да вѣдь этакъ-то на нихъ
Ѳомка мой прокотитъ,
Коль оленей онъ своихъ,
Какъ собакъ, колотитъ.
Тутъ же возлѣ, подъ шатромъ,
Кажутъ дурандаса —
Рожа гадкая, — притомъ
Ѣстъ сырое мясо.
Съ нимъ двѣ бабы.... Извини —
Плюнулъ!... Что за радость,
Любоваться, какъ они
Жрутъ такую гадость?
Ну, конецъ! Пора устать
И пора обѣдать;

Надо къ Излеру слетать,
Тамъ блинковъ отвѣдать!
Не объ Излерѣ хоть рѣчь,
Но моя Прасковья
Мастерица то же печь....

Добраго здоровья!
Не наскучилъ, такъ я радъ
Описать собранье
И пожалуй — маскарадъ...
Впрочемъ, до свиданья!

Иванъ Вилочка.

ТЕАТРАЛЬНАЯ
ЛѢТОПИСЬ.

—

Еще драматическая фантазія—вмѣсто предисловія.

—

Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ изложенію нашихъ мнѣній, позвольте предложить вопросъ, по видимому весьма простой, въ сущности — весьма важный:

«Что такое народность въ искусствахъ и можно ли ее допустить въ произведеніяхъ фантазіи?»

Прежде, чѣмъ разсуждать, лучше всего условиться въ понятіяхъ о предметахъ. Безъ общаго понятія и воззрѣніе не можетъ быть сходно. Точка зрѣнія, какъ опорный пунктъ каждаго мышленія, вещь очень важная: человѣкъ, смотрящій на статую съ колокольни, не можетъ находить ее такою же, какъ тотъ, кто стоитъ у подножія ея пьедесталя; одинъ смотритъ ей въ маковку, другой въ пятки; для одного—формы ея сокращаются, для другаго — вытягиваются; сужденія обоихъ зрителей будутъ различны и, можетъ быть, одинаково невѣрны, потому-что оба не выбрали надлежащаго фокуса, центральной точки, откуда всѣ линіи и очертанія представляются въ дѣйствительномъ и правильномъ видѣ.

Творческимъ искусствомъ называется воплощеніе мысли,— взятой изъ идеальнаго міра или изъ дѣйствительной жизни,— въ осязательныя формы. Формы различны, онѣ или тониче-

скія (*) или видимыя, тоническія—въ словѣ и въ музыкѣ, видимыя — въ живописи, ваяніи, зодчествѣ. Сценическое искусство — есть сочетаніе обоихъ видовъ, сліяніе формы тонической съ видимою или пластическою. Потому оно и стоитъ выше всѣхъ другихъ искусствъ. Непостоянное и мимолетное, какъ звукъ, оно въ то же время осязательно, какъ живопись и скульптура. Вотъ все, что можно сказать о внѣшней оболочкѣ, въ которой является искусство передъ нашими глазами. Внутреннее его содержаніе всегда одно и тоже — *мысль* или *идея*. Она, какъ мы уже сказали, берется или изъ міра фантазіи, или изъ міра существеннаго. Возсоздавая природу видимую или невидимую, искусство передаетъ ее только въ ея прекрасныхъ и высшихъ проявленіяхъ и старается ее облагородить изяществомъ формы. Это общій и непремѣнный законъ во всѣхъ произведеніяхъ творческихъ, когда они достигаютъ своего назначенія. Простое копированіе природы есть ничто иное, какъ зеркало, которое отражаетъ всѣ предметы безъ различія, но при приближеніи къ которому чувствуешь, что это плоскость, видѣніе, понятное органамъ чувства, но не усвоиваемое душою, представленіе видимой природы, но безъ отраженія ея на внутреннаго человѣка. Что мнѣ въ томъ, что живописецъ, напримѣръ, отлично изобразилъ дыню и огурцы, кусокъ говядины и роскошный букетъ? Цвѣты его — не услаждаютъ ароматомъ, плоды не удовлетворяютъ вкуса. Онъ могъ вѣрно схватить внѣшній видъ своихъ предметовъ, но не въ состояніи былъ перенести на полотно того, что составляетъ, такъ сказать, ихъ душу и что одно только можетъ имѣть вліяніе на человѣка. Что мнѣ въ томъ, если бы самъ Фидій или Канова, представили мнѣ гордо выступающаго пѣтуха или собаку, которая лѣвой ногою чешетъ у себя за ухомъ, хотя бы эти изображенія были изваяны изъ одного куска мармора, со всѣми трудностями, доступными только для геніальнаго рѣзца? Тутъ была бы видна природа въ грубыхъ своихъ явленіяхъ, безъ тѣхъ таинственныхъ символовъ, посредствомъ которыхъ она бесѣдуетъ съ душою человѣка. Но мы съ восторгомъ и изумленіемъ останавливаемся передъ «*Мѣдянымъ зміемъ*» Бруни и «*Послѣднимъ днемъ Помпеи*»

(*) То есть: *ощущаемыя*, но *невидимыя*.

Брюлова, двумя лучшими картинами русскихъ живописцевъ. Весь таинственный міръ вѣрованій, всѣ органы, связывающіе человѣка съ невещественнымъ бытіемъ, — пробуждаются въ насъ передъ первою; передъ второю — душа испытываетъ всю драму земнаго ничтожества — испугъ, отчаяніе, сострадание, ужасъ, предсмертную агонію, любовь и умиленіе, слабость и величіе человѣческой природы! Точно также задумываемся мы передъ *Милосскою Венерою*, мраморнымъ воплощеніемъ идеала земной красоты, человѣческаго совершенства, и благоговѣемъ передъ статуею *Спасителя*—Шванталера, высокимъ олицетвореніемъ божественной кротости и небеснаго начала во образѣ человѣка. Вотъ что значитъ натура, представленная въ изящныхъ своихъ проявленіяхъ, со всѣмъ величіемъ внутреннаго своего глагола. Стало быть, только природа въ *высшемъ своемъ проявленіи*, съ затаенною въ ней *идеею*, облеченная въ *форму изящества*, можетъ служить — предметомъ для художественнаго олицетворенія. Это относится ко всѣмъ искусствамъ безъ исключенія. Но это свѣтлая сторона природы доступна каждому, въ комъ развито чувство *прекраснаго* и *высокаго*, т. е. чья душа способна воспринять и возсоздать ее; она не знаетъ различія въ народахъ и одинаково дѣйствуетъ на Лапландца, среди снѣговыхъ пустынь, и на счастливаго жителя Андалузіи, среди благоуханій олеандры и магнолій. Идея, какъ искра божественности, затаенная въ человѣкѣ, есть достояніе цѣлаго человѣчества. Разумѣется, что она можетъ проявиться только въ томъ человѣкѣ, у котораго она отъ колыбели согрѣта огнемъ внутренной жизни, чувствомъ сознанія и вдохновеніемъ, исходящимъ свыше. Въ натурѣ немощной, въ организаціи слабой и несовершенной, не можетъ развиться и внутренная жизнь, и въ этомъ состоитъ отличіе генія отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Какъ общечеловѣческая стихія, и идея, стало быть, есть достояніе всѣхъ народовъ вообще и каждаго порознь. Французъ, нѣмецъ, англичанинъ, русскій могутъ облекать идею въ форму, болѣе доступную для ихъ націи, но при этомъ самая идея — все-таки остается всеобщею. Такого рода принаровленія къ понятіямъ страны и народа никакъ нельзя назвать *народностію* въ художествахъ, ибо въ сущности — это только нарѣчіе, идіомъ, которымъ выражается мысль, чтобы быть понятною. Это тоже,

что русскій, который, пріѣхавъ въ Берлинъ или Парижъ, начинаетъ объясняться по-нѣмецки или по-французски: его лучше понимаютъ на языкѣ страны, въ которой онъ находится, но онъ самъ оттого отнюдь не становится ни нѣмцемъ, ни французомъ.

Сравненіе нѣсколько просто, но оно вѣрно. Если художественное произведеніе истинно—прекрасно, оно одинаково дѣйствуетъ на всѣхъ, не разбирая генеалогіи своихъ созерцателей, потому-что законъ его дѣйствія одинъ и тотъ же повсюду: *представленіе высокаго и прекраснаго въ формахъ изящества*, и этотъ законъ понятенъ и доступенъ всѣмъ людямъ, подъ какимъ бы они поясомъ ни жили, потому-что чувство высокаго и прекраснаго врождено человѣку. Представьте въ картинѣ или на сценѣ — Коріолана подъ стѣнами Рима, Регула въ плѣну у карѳагенянъ, Креза передъ побѣдителемъ Киромъ, Александра въ ставкѣ Дарія, Наполеона у подножія пирамидъ, Сусанина въ костромскихъ болотахъ среди поляковъ, Архипа Осипова, взрывающаго Михайловское укрѣпленіе,—и представленіе ваше подѣйствуетъ своею высокою истиною, своей прекрасною идеею одинаково, отъ Ледовитаго Моря до Гибралтара и Индійскаго океана, потрясетъ одинаково и невѣжественнаго уналашкала и утонченнаго француза, потому-что на выраженіе вашихъ образовъ есть сочувствіе въ каждой человѣческой душѣ, не смотря на то, что герои ваши являются то въ римскихъ тогахъ, то въ древнихъ хламидахъ, въ русскомъ армякѣ и солдатской шинели, или въ мундирѣ фельдмаршала. Но изобразите всѣ возможные мундиры, костюмы всего міра и всѣхъ вѣковъ, безъ внутренней жизни, одушевляющей ваши лица, безъ идеи, которая управляла бы ихъ дѣйствіемъ, — это будутъ просто формы — и только. На нихъ остановится глазъ, можетъ быть, съ любопытствомъ, но душа минуетъ ихъ спокойно, безъ потрясенія. Солдатъ гвериньясъ, солдатъ — ладверъ, солдатъ-консульской гвардіи, или безсрочно-отпускный, все будетъ солдатъ, а не герой, а только герою дано право шевелить душу, возвышать и потрясать ее, потому-что въ героѣ, какъ въ идеалѣ человѣческаго величія, осуществляется идея высокаго и прекраснаго.

Что-же такое *народность* въ искусствѣ, послѣ этаго? Предметы, взятые изъ исторіи какого-бы то ни было народа, если

они не возвышены сами по себѣ, сцены, выхваченныя изъ его жизни, если эта жизнь не составляетъ уклоненія отъ идеи гражданскаго совершенства, если она не представляетъ противорѣчія съ неизмѣнными законами человѣческой природы, — не могутъ имѣть художественнаго значенія. Это будутъ самыя обыкновенныя явленія, картинки формъ, безъ внутренняго содержанія; а въ противномъ случаѣ — они принадлежатъ цѣлому человѣчеству и, стало быть, области искусства, котораго задача: «представлять высокія и прекрасныя чувства, возвышенныя явленія, борьбу сердца съ вѣковыми заблужденіями и порядкомъ вещей, несовмѣстнымъ съ стремленіемъ духа человѣческаго, которое у всѣхъ дѣтей земли одинаково». По этому *народность*, это громкое, пышное и модное слово, въ области искусствъ не можетъ имѣть никакого смысла, какъ явное противорѣчіе ихъ назначенію. Можно допустить его только въ томъ значеніи, что художникъ, желая быть лучше понятымъ, по преимуществу, долженъ отыскивать предметы для олицетворенія на родной своей почвѣ, въ своей отечественной исторіи, въ народѣ, между которымъ взросъ и живетъ; что онъ общечеловѣческія идеи долженъ прилагать къ усовершенствованію своего народа, и что, заставляя фантазію свою выливаться въ формы, близкія къ понятіямъ и сердцу своихъ согражданъ, онъ можетъ вѣрнѣе достигнуть своей цѣли. Вотъ и все. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что можетъ, на примѣръ, существовать русская живопись, русское ваяніе, русское зодчество, русская драма. Формы жизни и понятія народа могутъ, конечно, дать извѣстное направленіе и формамъ, въ которыя выливается творчество, они могутъ послужить поводомъ къ основанію школъ, какъ на примѣръ, духъ и жизнь испанцевъ послужили къ основанію особенной формы драмы, духъ и жизнь германцевъ и италіянцевъ—къ школамъ ихъ музыки, духъ и жизнь римлянъ—къ формамъ ихъ архитектуры и скульптуры, духъ и жизнь фламандцевъ и венеціянъ—къ формамъ, въ которыхъ выразилась у нихъ живопись. Но самое творчество, какъ глаголъ мысли и фантазіи, какъ отраженіе міра невидимаго въ видимыхъ образахъ, навсегда остается неизмѣннымъ. Всѣ народы подражали, подражаютъ и вѣчно будутъ подражать древнимъ—въ зодчествѣ и ваяніи, нѣмцамъ и итальянцамъ—въ системѣ звукосочетанія и звуковыраженія, итальян-

цамъ и фламандцамъ—въ искусствѣ соединенія свѣта и тѣни, округленія формъ, смѣшенія красокъ, выраженія истины; и какія бы идеи они не представляли, какимъ бы нарѣчіемъ ни заставляли ихъ высказываться, основанія всегда останутся тѣже, потому-что эти основанія запечатлѣны высшимъ проявленіемъ истины и красоты.

Обратимся теперь отъ общихъ началъ искусства къ частнымъ его проявленіямъ, отъ цѣлаго міра творчества — къ области драмы.

Напрасно думаютъ нѣкоторые, что можетъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь существовать *народная* драма. Здѣсь это такъ же невозможно, какъ и во всѣхъ остальныхъ творческихъ искусствахъ, и по тѣмъ же самымъ причинамъ. Что такое *драма*?— Изображеніе жизни, или, лучше сказать, *человѣка*, со всѣми его страстями и стремленіями, надеждами и вѣрованіями, со всѣми противорѣчіями его ума и сердца, убѣжденіями и упованіями, словомъ, во всемъ величіи его божественнаго происхожденія, во всѣхъ пятнахъ его земнаго бытія. Стало быть, первая и главная задача драмы,—если она хочетъ быть правдива,—выводить на сцену общечеловѣческія чувства; идеи, сродныя всему человѣчеству; положенія, понятныя всѣмъ и каждому, то-есть, такія, которыхъ зерно каждый найдетъ въ себѣ, если только захочетъ поглубже заглянуть въ самого себя, проникнуть въ свой умъ, въ свое сердце и совѣсть.

Драму можно и должно раздѣлять только на два вида, и эти два вида, въ строгомъ смыслѣ, условные,—на *драму* и *комедію*. Назначеніе первой — представлять идеалъ, къ которому человѣкъ долженъ стремиться, если исполняетъ свое небесное назначеніе, т. е. самосовершенствованіе. Здѣсь, онъ является великимъ царемъ природы, которую порабощаетъ своимъ божественнымъ духомъ; онъ великъ—силою мысли, могучъ—силою воли, недосягаемъ—силою чувства. Онъ потрясаетъ и умиляетъ зрителя, заставляетъ его сознавать великія свои преимущества, гордиться предъ остальнымъ созданіемъ и благоговѣть передъ внутренними силами своей души, или иначе, передъ образомъ Творца.

Комедія выставляетъ человѣка въ дрязгахъ земной жизни, озабоченнаго своимъ положеніемъ, ищущаго себѣ значенія въ тѣхъ ложныхъ понятіяхъ, которыя связываютъ его съ обще-

ствомъ, не борющагося съ предразсудками и забужденіями, но склоняющаго передъ ними выю, подчиняющаго всѣ свои страсти и желанія извѣстнымъ формамъ, жалкаго труженика — чужаго вліянія, раба — чужихъ мнѣній, игрушку — чужой воли. Онъ потерялъ всю врожденную энергію въ безпрерывной дѣятельности для созданія мечтательнаго и ложнаго счастія; трудясь надъ сооруженіемъ этого вавилонскаго столпа, онъ забылъ о развитіи силъ своей души, о самосовершенствованіи, главной цѣли бытія, и, наконецъ, всѣ чувства, всѣ мысли, всѣ желанія его смѣшались, какъ, нѣкогда, смѣшались языки; онъ не понимаетъ самого себя, не понимаетъ свѣта, которому принесъ на жертву небесное свое достояніе, и въ мечтѣ своей силы и величія, онъ, несчастный безумецъ, смѣшонъ, и нищъ, и жалокъ, самъ того не понимая! Вотъ паденіе человѣка, который уклонился отъ природы и погнался за призраками свѣта, заглушивъ въ себѣ всѣ порывы ума и сердца. Въ этомъ отношеніи, комедія—таже драма, въ сущности, но она отличается отъ нея по формѣ. Одна выставляетъ возвышеніе человѣка — до идеала, другая — паденіе его до ничтожества; въ одной — онъ царь природы, въ другой — рабъ свѣта; одна окружаетъ его заревомъ божественности, другая низводитъ его до скотства. Въ первой онъ возбуждаетъ благоговѣніе, во второй—смѣхъ. И такъ, комедія есть только уклоненіе идеи о человѣкѣ къ противоположному полюсу; и до чего драма можетъ возвысить зрителя — умиленіемъ, до того же можетъ довести его комедія другимъ орудіемъ—смѣхомъ и стыдомъ.

Древніе это очень хорошо понимали, что видно изъ словъ Аристотеля, который говоритъ, что «трагедія должна выставлять человѣка—*лучше*, а комедія—*хуже*, чѣмъ онъ есть.»

Вотъ главное содержаніе всѣхъ драматическихъ вымысловъ, всѣхъ сценическихъ явленій. Смотря по идеи, избранной поэтомъ, содержаніе это можетъ измѣняться на тысячу различныхъ ладовъ, какъ фигуры калейдоскопа, но основа его всегда одна и та же: человѣкъ—въ идеальномъ или въ нагольномъ видѣ. Стало быть, и тутъ, *народность* можетъ служить только *колоритомъ*, а не *стихіею* творчества. Міръ идей, общее достояніе мысли, можетъ олицетворяться только въ общихъ формахъ; по этому, въ драмѣ, въ какомъ бы костюмѣ, въ

какой бы странѣ она не разыгрывалась, герой—всегда идеалъ, чувства, идеи его—общечеловѣческія, и между драмами всѣхъ націй, въ сущности, нѣтъ никакого различія.

Комедія, вырывая человѣка прямо изъ дѣйствительной жизни, по необходимости должна окружить его сферою, въ которой онъ жилъ, выставить нравы общества, съ которыми онъ связанъ по своимъ понятіямъ и дѣйствіямъ. Въ ней колоритъ мѣстности играетъ болѣе важную роль, чѣмъ въ драмѣ; но не должно смѣшивать красокъ съ предметомъ, который они изображаютъ, способа выраженія—съ выражаемою идеею, топографіи—съ разыгрываемымъ на ней дѣйствіемъ. Къ несчастію, весьма не многіе умѣютъ постигать это различіе, и видя на сценѣ русскаго купца, русскаго чиновника, думаютъ уже, что они видятъ русскаго *человѣка*. Не въ языкѣ, не въ обычаяхъ, не въ покроѣ платья состоитъ *народность*, иначе ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы похвалиться своей національностію, ибо мы видимъ, что языки, обычаи, нравы и костюмы народовъ мѣняются съ каждымъ днемъ. Народность можетъ заключаться въ развитіи и направленіи духа того или другаго народа; съ этимъ развитіемъ могутъ мѣняться политическія убѣжденія, общественные уставы, степень просвѣщенія, но идеи о благѣ, о высокомъ и прекрасномъ, о человѣкѣ и его назначеніи — неизмѣнны, какъ природа, которая ихъ внушаетъ. А какъ эти идеи составляютъ главную основу всякаго творчества вообще и драматическаго въ особенности, то и нельзя допустить *народность* въ искусствахъ, какъ элементъ, чуждый постоянства и могущій служить только колоритомъ и средствомъ большаго сближенія съ страною, для которой художникъ трудится.

Вотъ наше личное мнѣніе о народности въ произведеніяхъ искусства, мнѣніе, которое, можетъ быть, и ошибочно, но которое намъ было нужно изложить, чтобы сдѣлать воззрѣніе наше на произведенія нашего театра уразумительнѣе для читателя.

Изъ этой мнимой народности въ драмѣ болѣе всего дѣлаютъ злоупотребленія на русской сценѣ. У насъ просто берутъ русскія имена и названія — вмѣсто русской жизни, и какія-то фантасмагорическія тѣни, какихъ-то искривленныхъ и изломанныхъ уродовъ — выдаютъ за русскихъ людей. Хотятъ ли выставить идеалъ русскаго героя, это всегда выходитъ лицо

особенное, типъ, которому не найдемъ двойника въ цѣломъ человѣческомъ родѣ, у котораго страсти, складъ ума, настройство духа совершенно-единичны и ни къ чему въ мірѣ не подходятъ. Онъ всегда какой-то *молодецъ*, хвастающій своими физическими средствами, силою кулака, силою меча; эта физическая дородность замѣняетъ ему нравственную, которая одна возвышаетъ человѣка надъ судьбою и природою. Герой, выставляемый въ русской драмѣ, никогда не является дѣйствователемъ для высшихъ цѣлей, мученикомъ убѣжденія, страдальцемъ за идею; нѣтъ, онъ дѣйствуетъ, какъ велятъ и указываютъ обстоятельства, онъ — вѣрный рабъ судьбы, и въ этой подчиненности внѣшнему міру состоитъ весь героизмъ этого властелина природы, надъ которою онъ никогда не возвышается силою мысли. Не ратоборствуя съ судьбой и людьми за убѣжденіе, онъ не можетъ ни много перемыслить, ни много перечувствовать, и потому онъ всегда болѣе говорунъ, фразеръ, декламаторъ, чѣмъ дѣйствователь. За отсутствіемъ чувства сознанія, его надѣляютъ, обыкновенно, способностію *предвѣденія* и, не могши сдѣлаться примѣрнымъ человѣкомъ, онъ становится краснорѣчивымъ прорицателемъ будущаго. Любимое слово русскаго героя «*святая Русь*», оно не сходитъ у него съ языка, но онъ не произноситъ его съ тѣмъ глубокимъ вдохновеніемъ, которое одушевляетъ человѣка, убѣжденнаго въ своей энергической любви къ отчизнѣ, къ землѣ, съ которой онъ сросся душею, не потому, что на ней родился, но потому-что его политическое убѣжденіе тѣсно связано съ ея судьбою, ея славою, ея исторіею, ея вѣковымъ, нравственнымъ развитіемъ, ея столѣтними вѣрованіями и политическими идеями. Вотъ главныя черты героя въ русской драмѣ, черты, которыя исключаютъ его изъ общаго порядка людей. Изъ этого видно, что вслѣдствіе стремленія къ народности, которая въ искусствѣ можетъ выразиться въ одной формѣ. Въ русской драмѣ форма стала преобладать надъ содержаніемъ: драмы наши лишились всякаго внутренняго достоинства и вымысла, а форма сдѣлалась изъ народной—*простонародною*, и тамъ, гдѣ нѣтъ сермяги, зипуновъ, юродивыхъ, краснобаевъ и патетическихъ прибаутокъ—нѣтъ и русской драмы! Зритель остается передъ ними безучастнымъ, и отъ частаго повторенія одного и того же, выучиваетъ ихъ наизусть.

Въ комедіи русской тоже зло. Хотятъ ли вамъ выставить русское общество, его выставляютъ въ каррикатурѣ. Это какая-то странная семья уродовъ и больныхъ, чающихъ движенія воды, не связанная между собою никакими условіями. У нея нѣтъ семейныхъ и свѣтскихъ отношеній, нѣтъ чувства приличія, нѣтъ чувства чести, благороднаго самолюбія, возвышенныхъ порывовъ. Всѣ страсти ея ограничиваются корыстію, сластолюбіемъ, мелочнымъ себялюбіемъ. Каждый русскій чиновникъ — выставляется воромъ и взяточникомъ, каждый купецъ — невѣждою, каждый помѣщикъ — глупцомъ и шутомъ. Въ русской комедіи не допускаются даже контрансты: всѣ лица на одну колодку — всѣ, безъ исключенія, неголяи и дураки. Неужели же это элементы нашей народности? Да на такихъ условіяхъ не могло бы устоять никакое гражданское общество. А эта грязь, которою эти лица расцвѣчиваются, а этотъ кухонный юморъ, которымъ хотятъ ихъ оживить, а эта уродливость вида и костюма, пріемовъ и поступковъ, которыми ихъ надѣляютъ,—неужели все это—неизбѣжныя качества русскаго человѣка, русскаго общества, русской народности? — «Въ семьѣ не безъ урода!» говоритъ русская пословица, но чтобы вся семья состояла изъ однихъ уродовъ, этого вѣрно еще никому не приходило въ голову, кромѣ русскихъ драматурговъ, гоняющихся за, такъ-называемою, *народностію*. Фонъ-Визинъ, безсмертный русскій писатель для сцены, выводилъ нравы своего вѣка, правда, въ нѣсколько рѣзкихъ чертахъ, но это выкупалось неопровергаемою истиною его характеровъ, непреложною правдою въ изображеніи тогдашняго общества. Члены этого общества выходили у него на сцену для подтвержденія нравственныхъ истинъ, которыя онъ предложилъ себѣ развить въ комедіи, и притомъ они оттѣнялись другими лицами изъ того же быта, которыя должны были служить для первыхъ идеалами. Комедіи Фонъ-Визина, представляя нравы русскаго общества, уже изглаженные временемъ, для насъ почти загадочные, все таки донынѣ сохраняютъ достоинство вымысла и созданія, какъ произведенія художественныя. Его «*Бригадиръ*» и «*Недоросль*» не умрутъ никогда. Это лучше всего доказываетъ нашу мысль, что одно внутреннее содержаніе художественныхъ произведеній, однѣ общечеловѣческія идеи могутъ уцѣлѣть, а народность, служащая колоритомъ,

непремѣнно исчезаетъ, потому-что она измѣняется съ самымъ развитіемъ общества. Точно такъ въ хорошей картинѣ могутъ потемнѣть или выцвѣсть краски, но рисунокъ, но истина выраженія — останутся навсегда. Счастливымъ подражателемъ Фонъ-Визина былъ великій нашъ баснописецъ Крыловъ: его «*Урокъ дочкамъ*» и «*Модная лавка*», переставъ быть современными по своей народности, т. е. по нравамъ, не перестаютъ быть хорошими, умными комедіями—по вымыслу.

Въ настоящее время, успѣхъ «*Ревизора*» Гоголя сбилъ съ толку всѣхъ тружениковъ для нашей сцены. Гоголь въ своей комедіи поступилъ не такъ, какъ Грибоѣдовъ въ «*Горе отъ ума*». Грибоѣдовъ выставилъ кружокъ людей, нравственно уродливыхъ, по-ложному направленію ихъ понятій, по безотчетному ихъ вліянію на общество, по превратности ихъ воззрѣнія на міръ и на судьбы Россіи. Эти люди виновны только въ томъ, что раболѣпно подчинились господствующему духу своего времени, не взявъ труда углубиться въ самихъ себя, и провѣрить свой вѣкъ и жизнь свою здравымъ мышленіемъ. Они гонятъ здравую мысль и здравое чувство, олицетворенныя въ особѣ Чацкаго, потому-что видятъ въ этомъ что-то новое, для нихъ непонятное, выходящее изъ общаго порядка вещей и могущее дѣйствовать разрушительно на неподвижно-безумную жизнь, въ которой они привыкли себя укачивать и убаюкивать.

Характеры Грибоѣдова отжили свой вѣкъ вмѣстѣ съ обществомъ, которое представляли, одинъ Чацкій уцѣлѣлъ, потому-что онъ былъ воплощеніемъ главной идеи пьесы, и каждое его слово обратилось въ сентенцію, которая вѣчно будетъ примѣнима, потому-что самая идея вѣрна и человѣчна. Непріятное чувство, возбуждаемое въ зрителѣ этимъ скопищемъ узкоголовыхъ себялюбцевъ, выведенныхъ въ «Горѣ отъ ума» изглаживается при видѣ среди ихъ одного мыслящаго и чувствующаго человѣка, Чацкаго, на которомъ душа отрадно отдыхаетъ.

Въ «Ревизорѣ» Гоголя—передъ глазами зрителя является цѣлый городъ глупцовъ и негодяевъ, цѣлое общество каррикатуръ, утрированныхъ до-нельзя, какая-то новая Пешехонь съ ея ультра-наивными жителями, и это общество, этотъ городъ проводитъ одинъ человѣкъ, легкомысленный мальчикъ, такой-же глупецъ, и такой-же негодяй, какъ они сами. Вся разница между ними и имъ—та, что они мерзавцы по убѣжденію, а онъ

становится мерзавцемъ по случаю. Сознаться въ народности такого явленія и тяжко и больно; это значило бы усомниться въ возможности всякаго добраго начала, всякаго чувства законности и чести въ обществѣ. Это тѣмъ больнѣе, что у Гоголя многія черты вѣрно выхвачены изъ дѣйствительной жизни, что многія положенія возможны, что многіе характеры правдоподобны и что все это выражено языкомъ чисто-народнымъ. Но сближеніе всѣхъ этихъ крайностей невѣжества и порока—рѣшительно невозможно, и для зрителя оно было бы невыносимо, еслибъ авторъ не постарался облечь свои лица въ каррикатуру и приправить ихъ юморомъ. Безутѣшное, горькое чувство растерзало бы душу каждаго, при взглядѣ на эти типы, еслибъ грубый, насильно вырванный смѣхъ, не заглушалъ въ нихъ внутренняго чувства. Идея Гоголя глубоко скрыта подъ масками его дѣйствующихъ лицъ, не всякій узнаетъ ее, но каждый, по-крайней-мѣрѣ, чувствуетъ доброе намѣреніе автора и мирится съ его комическимъ эксцентризмомъ и злоупотребленіемъ русской народности. Струны общественной жизни, которыхъ коснулся Гоголь въ своей комедіи, не могли отозваться на нашей сценѣ—иными звуками; это служитъ ему оправданіемъ передъ зрителями, но не передъ искусствомъ, которое не терпитъ подобнаго насилія. Пьеса его всегда останется въ репертуарѣ русскаго театра одною изъ лучшихъ, если не по вымыслу, такъ по затаенной въ ней мысли. Это не комедія, а скорѣе апологъ въ лицахъ.

Примѣръ Гоголя увлекъ за собою множество подражателей. Они переняли способъ его выраженія, но не постигли настоящаго элемента народности, заключеннаго въ его пьесѣ и состоящаго не въ одной формѣ и нарѣчіи его лицъ, но въ замыслѣ автора. Если «Ревизоръ», какъ каррикатура на общество, не вполнѣ *народная* пьеса, такъ она за то вполнѣ *патріотическая*. Подражатели всегда и во всемъ хватаютъ верхушки, не проникая въ глубину своего идеала. Такъ случилось и здѣсь. Подражатели Гоголя пошли выпускать на сцену каррикатурныхъ куколъ, разодѣтыхъ по-гоголевски, но не дали имъ того тайнаго значенія, которое дѣлаетъ ихъ драматическими лицами. Изъ этого создалась ересь въ искусствѣ и клевета на русскую народность. Вмѣсто идеи, души каждой комедіи, довольствуются выставкою на сценѣ какихъ-то картинокъ, изъ какого-то мнимаго

русскаго быта. Картины эти отличаются суздальскимъ искусствомъ живописи и грубымъ юморомъ Пешехонья — и только. Но если изъ-за нихъ когда-нибудь, ненарокомъ, просвѣчиваетъ какая-нибудь мысль, какое-нибудь подобіе идеи, то она такъ нелѣпо создана, такъ неловко выражена, что является, противъ воли автора, совершенно въ превратномъ свѣтѣ, и производитъ дѣйствіе совершенно противное тому, которое могла бы и должна бы производить. Не трогай ножа, если боишься имъ обрѣзаться или прослыть разбойникомъ; но припрятать ножъ за пазуху, прикрыть его англійскимъ сукномъ и французскими манжетами, чтобы никто его не замѣтилъ, значитъ отнять у него всякое значеніе. Лучше ужъ не трогать тѣхъ стихій русской жизни, которыхъ нельзя представить въ правдивомъ видѣ, до которыхъ не дозволено коснуться безнаказанно, чѣмъ изображать ихъ въ ложныхъ краскахъ. Каррикатура же забавна только тогда, когда она остроумна, когда пародируетъ какой-нибудь существенный недостатокъ общественной жизни, въ противномъ случаѣ, она, кромѣ отвращенія, ничего произвести не въ состояніи. Можетъ быть, наша мысль и не найдетъ отголоска во многихъ поклонникахъ этой мнимой народности въ искусствѣ, но мы почли необходимымъ ее высказать, руководствуясь правиломъ французскаго философа, который говоритъ: si, malgré tous mes efforts, je m'égare, j'aurai toujours ecarté quelques-unes de ces erreurs, qu'il faut épuiser, dit-on, avant d'arriver à la vérité.

На мысль эту навела насъ пьеса, явившаяся на русской сценѣ, въ бенефисъ г-жи Самойловой 2-й, подъ названіемъ:

«*Нашествіе иноплеменныхъ.*»

—

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

—

Нашествіе иноплеменныхъ или *Уѣздный наѣздъ.* Оригинальная комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

Карлъ V въ Нидерландахъ. Драма, въ трехъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ. *Передѣлана* съ англійскаго *П. Г. Ободовскимъ.*

Отставной солдатъ или *Чужое добро въ прокъ не пойдетъ.* Народный, русскій водевиль, въ одномъ дѣйствіи; соч. *П. Г.*

(*Бенефисъ г-жи Самойловой 2-ой*).

—

Нашествіе иноплеменныхъ или уѣздный наѣздъ.

Автору этой пьесы видимо хотѣлось высказать мысль и притомъ мысль очень сильную, при настоящемъ положеніи нашего общества, и облечь ее въ народную форму. Въ отношеніи къ внутреннему содержанію своей пьесы, т. е. къ мысли, на немъ лежитъ вина, что онъ не далъ себѣ сперва должнаго отчета въ своемъ намѣреніи и не освоился съ своею мыслью покороче, въ противномъ случаѣ, онъ понялъ бы, что ее—или не слѣдовало вовсе излагать, или—должно было изложить совсѣмъ не съ той точки зрѣнія, чтобы сдѣлать *драматическою.* Въ отношеніи къ внѣшней формѣ, на немъ лежитъ погрѣшность всѣхъ подражателей Гоголя: онъ прибѣгнулъ къ каррикатурѣ, вмѣсто простыхъ и сильныхъ характеровъ. Это легче, вѣрнѣе для успѣха, но не похвально и не изящно, въ смыслѣ художественномъ.

Княгиня Корельская покупаетъ себѣ деревню и гото-

вится въ ней провести лѣто. Сынокъ ея, молодой князь,—одинъ изъ тѣхъ людей, которые, проводя жизнь въ модныхъ салонахъ, и кидая ненажитыя деньги пригоршнями, для удовлетворенія всѣхъ своихъ прихотей, привыкли смотрѣть съ презрѣніемъ на все, что ниже ихъ,—пріѣзжаетъ въ имѣніе прежде своей матери. Имѣніемъ управляетъ вѣрный слуга прежнихъ господъ, честный и простой старикъ, Данилычъ. У него молодая и хорошенькая дочь, Варинька, учившаяся въ Петербургѣ швейному мастерству и получившая нѣкоторую степень образованія. Молодой князекъ вилитъ ее и тутъ же, какъ *свою собственность*, назначаетъ ее своею жертвою. Но отецъ строгъ и честенъ; онъ рѣшается искать защиты у новой своей госпожи, которую ожидаютъ. Князь, для вѣрнѣйшаго успѣха, выписываетъ въ деревню нѣсколько человѣкъ столичныхъ повѣсъ, своихъ пріятелей, въ томъ числѣ и актера Любскаго. Ихъ одѣваетъ онъ въ женскія платья: они должны разыграть комедію передъ старикомъ Данилычемъ, чтобы вырвать у него дочь хитростію. Любскій представляетъ старую княгиню, старый шутъ, помѣщикъ Черемкинъ, ея горничную. Добросердечный и честный Данилычъ дается въ обманъ. Княгиня рѣшаетъ взять Вариньку въ свою дѣвичью: отецъ на верху блаженства, почитая дочь свою подъ вѣрнымъ крыломъ и въ великой чести. Въ откровенномъ разговорѣ съ мнимою княгиней, Варинька признается ей, что чувствуетъ влеченіе къ театру, что желала бы сдѣлаться актрисою, что ей особенно нравится по таланту актеръ петербургской сцены, Любскій, и даже, для опыта декламируетъ сцену. Любскій въ восторгѣ отъ красоты и таланта Вариньки и еще болѣе оттого, что успѣлъ ей понравиться. Онъ тутъ-же открываетъ ей обманъ князя и любовь свою, предлагая сдѣлать ее своею женою и хорошею актрисою. Съ этой минуты, Любскій начинаетъ противодѣйствовать намѣреніямъ князя, вмѣсто того чтобы помогать ему. Чрезъ посредство двухъ услужливыхъ помѣщиковъ сосѣдей, которые пріѣзжаютъ знакомиться съ княгиней Корельской, онъ, подъ видомъ княгини, приглашаетъ къ себѣ все сосѣдство на обѣдъ и балъ. Съѣзжаются уроды, всѣхъ видовъ, половъ и возрастовъ, съ домочадцами и домашнею прислугою, лица съ того свѣта, каррикатуры, какихъ не только около Петербурга, но и въ самой глуши Россіи надо поискать съ фонаремъ, какъ рѣдкости. Глядя на эти чудища,—

которые говорятъ безъ умолку и безъ цѣли, и снуютъ по сценѣ съ расписными рожами, такъ и хочется запѣть пѣсеньку Беранже:

Hommes noirs!. d'ou sortez vous?
Nous sortons de dessous terre,
Demi-renards, demi-loups,
Notre vie est un mystêre!

Но пѣснею зла не исправишь.—Князь, занятый своими гостями, не успѣваетъ обольстить Вариньку, а ввечеру пріѣзжаетъ настоящая княгиня: все дѣло объясняется и Варинька выходитъ замужъ за Любскаго.

Вотъ, въ короткихъ словахъ, содержаніе пьесы. Надо къ этому прибавить: что князь съ своей крѣпостною дѣвкою, которую назначилъ жертвою своего разврата, разыгрываетъ *галантома*, сантиментальничаетъ и, на самой тонкой деликатности, говоритъ ей, чтобъ она непремѣнно пришла къ нему въ спальню;—что уроды-помѣщики хозяйничаютъ по своему въ домѣ аристократки, къ которой являются въ первый разъ;—что, подозрѣвая обманъ, они даже хотятъ ворваться *въ спальню* старой княгини, насильно; что они говорятъ дерзости хозяину и поднимаютъ въ чужомъ домѣ такой содомъ, хоть святыхъ вонъ неси. Все это, повидимому, должно выражать русскую народность. Всякій, кто хоть сколько-нибудь углублялся въ нравы и обычаи Россіи, пойметъ, *до какой степени* это вѣрно. Гдѣ у насъ развратники-помѣщики, которые *волочатся* и *ухаживаютъ* за своими *крѣпостными дѣвками*? Гдѣ эти нелѣпые сосѣди въ Петербургской губерніи, люди, которыхъ каждое слово отзывается азіатскимъ невѣжествомъ и рѣшительнымъ незнаніемъ свѣтскихъ приличій? Гоголь своихъ героевъ перенесъ, по-крайней-мѣрѣ, въ городъ, до «котораго скачи изъ Петербурга хоть на почтовыхъ, такъ и тутъ въ цѣлый годъ не доскачешь.» Притомъ, его каррикатурамъ приданы понятія и нравы, общіе въ отдаленныхъ русскихъ провинціяхъ. Но каррикатуры, совершающія *Уѣздный наѣздъ*, Богъ вѣдаетъ, гдѣ родились, гдѣ воспитывались, гдѣ жили, и откуда явились! Но только ужъ никакъ не изъ—подъ Петербурга и едва ли даже изъ Россіи;—это просто—*Нашествіе иноплеменныхъ!*

Пьеса имѣетъ успѣхъ, потому что возбуждаетъ крупный смѣхъ, какъ *фарсъ*, но не производитъ того дѣйствія на зрителя, котораго бы желалъ авторъ, если мы поняли его намѣреніе. Иносказанія, вообще, тогда только достигаютъ цѣли, когда мысль ихъ ясно видна и подъ покровомъ притчи.

Въ этой пьесѣ, за исключеніемъ первыхъ трагиковъ, принимаетъ участіе почти вся русская труппа. Г. Самойловъ, въ первой половинѣ роли Любскаго, т. е. подъ видомъ княгини Корельской, неподражаемо-хорошъ. Трудно повѣрить, чтобы это была не женщина и притомъ не дама хорошаго круга. Настоящая княгиня, по своимъ пріемамъ и игрѣ, много теряетъ въ глазахъ зрителя, появляясь въ концѣ пьесы, послѣ этой фальшивой. Г-жа Самойлова 2 выразила характеръ Вариньки, съ умомъ, простотою, и придала ему колоритъ на столько, сколько это зависѣло отъ нея. Г. Мартыновъ является тутъ въ жалкомъ видѣ: его нарядили въ женское платье и чепецъ. Грустно видѣть такой высокій талантъ — въ такомъ безобразномъ фарсѣ! Что касается до остальныхъ лицъ, объ нихъ и говорить нечего: представить помѣщика — заику, приказнаго — пьяницу, псаря — забуллыгу, ахвицера — франта, вообще всякую каррикатуру, у насъ умѣютъ съ усердіемъ и мастерствомъ неподражаемымъ. Вѣдь тутъ костюмъ и подрисовка всегда въ половинѣ съ актеромъ.

«*Карлъ V въ Нидерландахъ*», какъ сказано въ афишѣ, драма, *передѣланная съ англійскаго*, но мы сильно сомнѣваемся, чтобы въ Англіи нашелся авторъ, который рѣшился бы подобную безсмыслицу отдать на сцену. Драма эта имѣетъ какое-то родственное сходство съ арлекинадами, въ которыхъ все дѣлается случайно, безъ побудительныхъ причинъ, безъ послѣдствій, и безъ всякой связи. Est modus in rebus! Пьеса можетъ уклоняться отъ исторической вѣрности, для лучшаго развитія вымышленнаго происшествія; она можетъ иногда грѣшить противъ истины, чтобы рельефнѣе выставить идею автора; она можетъ быть немножко натянута, чтобы придать болѣе эффекта положеніямъ своихъ героевъ; но связь логическая, но здравый смыслъ и правдоподобіе—неизбѣжныя условія каждаго явленія сценическаго. Можетъ ли существовать какая-нибудь иллюзія,

когда все, что мы видимъ, отрывочно, несвязно, натянуто, неестественно, физически и нравственно невозможно? — Мы нисколько не возстаемъ противъ сильныхъ эффектовъ, coups de théâtre, которые придаютъ пьесѣ жизнь и силу, но здравый разумъ требуетъ, чтобы эти эффекты проистекали изъ естественнаго источника, а не были притянуты за волосы, чтобы они служили рычагомъ для дѣйствія, а не были бы выставлены — такъ, отъ нечего дѣлать, не ради чего-инаго-прочаго. Поединокъ Гораціевъ и Куріаціевъ за честь и свободу двухъ народовъ, вынужденный сильными политическими причинами, одушевляемый благородными національными страстями, — всегда потрясетъ зрителя; но очень сомнительно, чтобы драка двухъ пьяныхъ мужиковъ, ничѣмъ не вызванная и не могущая имѣть иныхъ послѣдствій, кромѣ разбитыхъ носовъ и фонарей подъ глазами, могла бы заинтересовать душу въ такой же мѣрѣ.

Само собою разумѣется, что при такой фактурѣ драмы, въ ней не можетъ быть и внутренняго содержанія, т. е. *мысли*. Это просто сборъ, на выдержку, десятка сильныхъ сценическихъ хлопушекъ, слѣдующихъ одна за другою, единственно для возбужденія хлопанья въ райкѣ и побужденія артистовъ къ моціону. Подобная драма можетъ скорѣе служить медицинскимъ средствомъ, чѣмъ нравственнымъ наслажденіемъ. Она похожа на урокъ танцмейстера, въ которомъ проходятся всѣ па, глисады, шассе, жте-ассамбле, деми-туръ en avant, en arrière, но изъ нихъ не составляется цѣлаго, стройнаго и граціознаго танца.

Подобныя драмы, за отсутствіемъ всякой идеи, какъ драматическія компиляціи, подъ конецъ, чтобы какъ-нибудь выпутаться изъ каши, которую заварили своимъ наборомъ эффектовъ, обыкновенно прибѣгаютъ къ великой истинѣ, изображаемой на дѣтскихъ прописяхъ: «*добродѣтель прекрасна, а порокъ гнусенъ есть; первая получаетъ награду, а вторый наказуется!*» — Онѣ всегда напоминаютъ намъ собою *оду*, напечатанную въ 1792 году въ *Зритель*, и начинающуюся тако:

Вѣтеръ вѣтры вѣтромъ гонитъ,
Туча тучею льетъ дождь,
Воздухъ, какъ въ кимвалы звонитъ,
День облекся въ смуру нощь.

Волны съ волнами спирались
Въ бокъ, въ задъ и въ кось подвигались,
Словомъ, стала страшна тьма,
Описать же—нѣтъ ума!

И дѣйствительно, трудно приложить довольно ума для описанія подобной бури эффектовъ, которые подвигаются вбокъ, взадъ, вкось и вкривь, звонятъ въ воздухѣ, какъ кимвалы, и погоняютъ другъ друга, какъ вѣтеръ гонитъ вѣтры — вѣтромъ же.

Однако, попытаемся совершить подобный tour-de-force.

Въ царствованіе Карла V, этого великаго, справедливаго и строгаго монарха, городомъ Гентомъ, столицею Нидерландовъ, управляетъ, въ качествѣ президента какого-то совѣта, нѣкто маркизъ Монте-Леоне. Маркизъ этотъ человѣкъ весьма недальній, но за то самый злокачественный дворянинъ. Онъ, изволите видѣть, полюбилъ жену одного изъ придворныхъ Карла V, графа фанъ-Галлена, который былъ, по-видимому, то же не собака, потому-что самъ императоръ отзывается о немъ съ особеннымъ уваженіемъ и похвалою. Въ одно прекрасное утро, графъ исчезаетъ, невѣдомо куда; маркизъ доноситъ Карлу, что графъ учинилъ какое-то преступленіе и бѣжалъ изъ отечества, а между-тѣмъ, самъ велѣлъ его тайно подстеречь, схватить и заперъ его въ темницу дальнаго укрѣпленнаго замка. Жена графа узнаетъ объ этомъ, дорывается всячески до императора, но никакъ не можетъ до него добраться, и, наконецъ, рѣшается идти отыскивать своего мужа. Маркизъ ее преслѣдуетъ — съ одной стороны, и ищетъ — съ другой. Такія противоположныя дѣйствія не совсѣмъ дружатся съ здравымъ смысломъ, но, въ подобныхъ драматическихъ издѣліяхъ, они допускаются для вящаго эффекта. Такъ проходитъ, въ этой игрѣ въ гулючки, двадцать лѣтъ, или около того.

Это прологъ къ драмѣ, котораго на сценѣ нѣтъ, но который явствуетъ изъ разсказовъ дѣйствующихъ лицъ. Теперь начинается самое дѣйствіе.

У стараго инвалида, Ральфа, живетъ г-жа Шарлотта, въ качествѣ пріемыша, и еще графиня Эльвира, въ званіи особы, покровительствуемой старымъ солдатомъ. Ждутъ прибытія Карла V въ Гентъ. Эльвира оказывается супругою фанъ-Галлена, она не смѣетъ показаться на улицу, боясь злобы прези-

дента, маркиза Монте-Леоне. Старый инвалидъ пишетъ ей просьбу къ императору и уходитъ, чтобы подать ее монарху на дорогѣ. Отъ тоски и нечего-дѣлать, горестная графиня занимается живописью, рисуетъ фламандскихъ коровъ и аркадскихъ пастушковъ. Занятіе очень невинное и утѣшительное для вдовы, ибо графиня, за двадцати-лѣтнею давностію, почитаетъ себя вдовою. Входитъ господинъ, который закрываетъ себѣ голову плащемъ, чтобы его не узнали, и говоритъ, что онъ пришелъ за заказанной картиной. Графиня, не смотря на то, что голова его закутана, говоритъ: «Извольте, вотъ она! и ступайте съ Богомъ!» — Чисто фламандская довѣрчивость! Но она не всегда ведетъ къ добру, что и доказывается очень остроумно послѣдующимъ дѣйствіемъ. Незнакомецъ, взявъ картину, ставитъ ее въ уголъ и распутываетъ свою голову. Графиня взглянула на него: «Ахъ! Монте-Леоне!» — Да, прелестная, обольстительная женщина, это я! — «Ахъ, ахъ!»—туда - сюда, а дѣлать нечего... графиня было бѣжать, а маркизъ зоветъ стражу. Входятъ солдаты, но только-такъ, для острастки. Они остаются въ комнатѣ и слушаютъ, что тутъ будетъ дальше. Когда маркизъ волочился за графинею, онъ былъ еще *во цвѣтѣ лѣтъ*; но въ двадцать лѣтъ онъ жестоко постарѣлъ и обзавелся брюшною полостью, довольно почтеннаго объема и совершенно уважительнаго вида. Что же касается до страсти его, такъ она не остыла съ-сихъ-поръ, да и графиня нисколько не стала старше, ей тѣ же 18 лѣтъ. Въ природѣ оно было бы довольно странно, въ драмахъ—это вещь болѣе, чѣмъ обыкновенная. Маркизъ начинаетъ объясняться въ любви и говоритъ:

Склонись, жестокая, склонись
На силу страстныхъ убѣжденій!
И полюбить меня рѣшись
Въ порывѣ сладкихъ упоеній...

или что-то въ родѣ этого, въ прозѣ. Но графиня на такое галантерейство отвѣчаетъ не совсѣмъ делакатно; она называетъ его злодѣемъ, негодяемъ, убійцею ея мужа, и тому подобными, нѣжными именами. Солдаты все это слышатъ, но ихъ ли дѣло вмѣшиваться, когда важныя персоны между собою перекинутся словцомъ. — А, говоритъ маркизъ, такъ ты не хочешь добромъ? Ну такъ постой же, голубушка, мы тебя и на-

сильно понудимъ... Эй, воины! а нутко, приберите ее маленько къ рукамъ!—Солдаты хотятъ повиноваться. «Стойте!» говоритъ графиня, «не прикасайтесь ко мнѣ: я жидовка!» Солдаты назадъ, а маркизъ говоритъ: нѣтъ, вздоръ, матушка, на такую шутку не поддѣнешь! — «Клянусь вамъ: я жидовка!» — Ну, жидовка, такъ жидовка! эка бѣда, жидовка — да хорошенькая, такъ и подавай ее сюда! «Воины, хватайте!—Солдаты хватаютъ, но только они дѣлаютъ шага два, какъ кто-то ихъ сзади царапъ кулакомъ, царапъ, царапъ, солдаты врозь, да и драло! — Какъ смѣешь ты, дерзкій!... восклицаетъ патетически маркизъ... «Да я и тебя отработаю, отвѣчаетъ инвалидъ Ральфъ (это онъ), вынимай *шпагу* — вотъ мой *палашъ:* давай драться...» Но только что онъ къ нему подступаетъ, глядь — это Президентъ! Такъ у него поджилки и подкосились; однако, собравъ всю твердость духа и ногъ, онъ говоритъ Президенту:— «Милостивый государь мой: домъ этотъ принадлежитъ мнѣ, здѣсь я хозяинъ, *вотъ Богъ*, *а вотъ порогъ*, извольте проваливать — по добру, по здорову!» — Хорошо же, говоритъ маркизъ, дамъ же я тебѣ знать.... Эй, солдаты! — Но храбрые воины Карла V давно ужъ навострили лыжи: ихъ и слѣдъ простылъ. Если всѣ солдаты Карла были такъ прытки на ноги, то нѣтъ ничего мудренаго, что онъ, владѣя полъ-Европою, такъ долго не могъ побороть своего соперника, Франциска. Эту историческую загадку драма разрѣшаетъ къ полному удовольствію историковъ.

Дѣйствіе второе. До-сихъ-поръ, авторъ удерживался и сберегалъ свои силы, но, съ этой минуты, онъ спускаетъ весь фейерверокъ своего воображенія и юмора; бураки и шутихи трещатъ, хлопаютъ, брыжжутъ во всѣ стороны.

Карлъ V въѣхалъ въ Гентъ. Ему отводятъ нумеръ въ гостинницѣ Сигизмунда, который—бурмистръ и, въ тоже время, трактирщикъ. Да и гдѣ же лучше помѣстить германскаго императора, когда онъ пріѣзжаетъ въ столицу одного изъ своихъ государствъ, какъ не въ трактирѣ? Нумеръ Карла V состоитъ изъ двухъ комнатъ, одна составляетъ залу, пріемную, кабинетъ и столовую, другая—маленькая каморка для спанья. Въ трактирѣ, встрѣчаютъ его войска, народъ и власти города, состоящія изъ маркиза Монте-Леоне и трактирщика Сигизмунда, который и говоритъ рѣчь, которую не самъ сочинилъ и никогда не читалъ,

но которую ему сзади подсказываетъ одинъ изъ писарей ратуши. Шутка очень наивная и весьма возможная съ строгимъ Карломъ! Карлъ, не говоря дурнаго слова, прямо садится за столъ и начинаетъ заниматься съ своимъ статсъ-секретаремъ государственными дѣлами, *въ присутствіи народа, солдатъ и всѣхъ слугъ.* Онъ получилъ просьбу отъ стараго инвалида и хочетъ лично видѣть графиню фанъ-Галленъ и Ральфа. Маркизъ Монте-Леоне на горячихъ угольяхъ: продѣлки его могутъ открыться. Но на то онъ—злодѣй, *драматическій тиранъ*, чтобы вывернуться изъ бѣды. Для драматическаго тирана ничего нѣтъ невозможнаго: ему не нужно, какъ остальнымъ смертнымъ, преодолѣвать препятствія; онъ просто взялъ да и сдѣлалъ, и концы въ воду — лишь бы эффектецъ произвесть. Драматическіе тираны принадлежатъ къ числу тѣхъ глупыхъ созданій, которыя никогда не заглядываютъ въ будущее; они не люди, а просто рычаги, въ образѣ человѣческомъ: ими поднимаютъ огромныя драматическія тяжести, бьютъ дѣйствующихъ лицъ по головамъ, а потомъ ихъ ломаютъ, для наказанія въ лицѣ ихъ, по предписанію прописей, *злобы и гнуснаго порока.* Монте-Леоне говоритъ императору, что исполнитъ его волю, но, въ тоже время, доноситъ, что въ городѣ пойманы жидовка и одинъ старый солдатъ, который дѣйствовалъ съ нею за одно, для соблазна истинныхъ христіанъ. Карлъ, ревностный католикъ, но въ тоже время правдивый монархъ, безъ всякаго разбирательства, велитъ тотчасъ-же казнить солдата и жидовку. Этого только и нужно маркизу, онъ успѣлъ уже захватить Ральфа, а графиню велѣлъ повсюду отыскивать. Стало-быть, прежде, чѣмъ они откроютъ справедливому монарху его шашни, ихъ весьма лишатъ живота, подпаливъ немножко на кострѣ. Конечно, для этого надобно было Карла V превратить въ Шемяку или Нерона, но что значитъ подобное отступленіе отъ исторіи для драматурга, который хочетъ потрясать свою аудиторію сильными эффектами?

Карлъ остается одинъ въ своей комнатѣ, любуется луной, небомъ, хорошею погодой. Да чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, и заниматься обладателю полъ-Европы, когда ему не съ кѣмъ поболтать, какъ не красотами природы? Удивительно, какъ авторъ не заставилъ его еще сочинять стансы къ лунѣ, оно бы тутъ было очень кстати. Вдругъ вбѣгаетъ въ комнату человѣкъ, закутанный въ плащъ. Герой Карлъ, побѣдитель при Павіи, струсилъ не на

шутку: ужъ не убить ли его пришелъ этотъ маленькій человѣчекъ? Конечно, силы ихъ не равныя: Карлъ колоссъ передъ нимъ, Карлъ мужественъ, силенъ, плечистъ, а тотъ—испитой, щедушный юноша, съ небритой бородою; однако убилъ же карликъ Давидъ великана Голіаѳа! шутить тутъ нечего. Но скоро душа отлегла у великаго императора: щедушный человѣкъ самъ проситъ его помощи и покровительства. Онъ убѣжалъ изъ темницы, его преслѣдуютъ. По распросу монарха оказывается, что это графъ фанъ-Галленъ. Императоръ узнаетъ всю истину. Весьма извинительно, что Карлъ, не узналъ своего царедворца съ перваго взгляда: двадцать лѣтъ заключенія должны измѣнить человѣка, онъ истощалъ, обросъ волосами и даже потерялъ навыкъ пріемовъ свѣтскаго и придворнаго человѣка. Но, какимъ образомъ царедворецъ не узнаетъ своего государя—это немножко загадочно для разсудительнаго зрителя, но нисколько не поразительно для тѣхъ, кто хоть мало-мальски знакомъ съ закулисными тайнами. Узнай графъ императора, онъ палъ бы къ его ногамъ, добродѣтель тутъ-же была-бы награждена, порокъ тутъ же наказанъ—и драмѣ конецъ! Но тогда не вышло бы трехъ актовъ и тѣхъ пріятныхъ, отнюдь не презрительныхъ въ жизни, послѣдствій, которыя *три акта* влекутъ за собою—для *автора*. И такъ, Карлъ прячетъ фанъ-Галлена въ свою каморку. Вбѣгаютъ два солдата и хотятъ обыскать комнаты. Нечего дѣлать, надо допустить обыскъ. Не виноватъ Карлъ V, что весь городъ и все войско, которое его встрѣчало, не знаютъ, гдѣ остановился императоръ, и что, если не во внутреннихъ покояхъ, такъ, по-крайней-мѣрѣ, къ наружнымъ входамъ дома не приставлено почетнаго караула. Да, притомъ, кому-же и придетъ въ голову, что Карлъ, явясь въ городъ, въ которомъ онъ родился, (вѣроятно не въ лачугѣ и не въ наемной квартирѣ), въ столицу страны, которою управляетъ его сестра Маргаритта, остановится не во дворцѣ, а найметъ себѣ нумеръ въ трактирѣ? Пока солдаты ищутъ въ одной комнатѣ, Карлъ выпроваживаетъ графа изъ другой. Солдаты, не найдя никого, хотятъ уйдти, но монархъ ихъ останавливаетъ и приглашаетъ съ собою отъужинать. Почему солдатамъ не отъужинать съ господиномъ, у котораго на шеѣ виситъ орденъ золотаго руна, признакъ царскаго происхожденія или высшаго сановника въ государствѣ? Пусть онъ царская особа или сановникъ, да если онъ добрый и веселый

малой, почему-же не вести съ нимъ компаніи: отъ хлѣба соли не отказываются: давай ужинать за — панибрата. Къ тому же, авторъ не велитъ узнавать императора до поры—до времени, а не то—третьяго акта не выдетъ. Ну, и не узнаютъ его, пьютъ и бражничаютъ съ нимъ солдаты, несутъ, съ пьяна, всякій вздоръ, а умный Карлъ смѣкаетъ, и хочетъ на этомъ вздорѣ основать свое мнѣніе о состояніи народа и страны. Бѣдный императоръ! Полъ конецъ, одинъ изъ солдатъ поетъ ему пѣсенку, на голосъ русской народной кантаты:

Защитника Петрова - града
Велитъ хвалить намъ чести гласъ...

и занавѣсъ опускается.

Дѣйствіе третье. Два солдата въ большихъ горяхъ, что не могли отыскать жидовку — графиню, по приказанію Монте-Леоне, и что теперь зажарятъ только одного еретика, вмѣсто двухъ. Выходитъ процессія: ведутъ Ральфа въ цѣпяхъ, въ ратушу, для выслушанія приговора; его сопровождаютъ монахи въ власяницахъ, съ факелами, что дѣлалось обыкновенно, когда виновный бывалъ уже осужденъ и его вели на казнь. Но почему же, для эффекта, не устроить подобной процессіи и прежде суда и казни? Видно, бѣднягу вели издалека, потому-что, передъ самою ратушей, чувствительный офицеръ останавливаетъ шествіе и говоритъ подсудимому, что онъ можетъ немножко отдохнуть. Ральфъ, пользуясь дозволеніемъ, объявляетъ почтеннѣйшей публикѣ, что онъ де-молъ совершенно невиневъ, а если его хотятъ немножко показнить, такъ это дѣлается единственно для добраго удовольствія президента, г. Монте-Леоне. Пока онъ такъ прохлаждается въ объятіяхъ мыслей, прибѣгаетъ растрепанная графиня фанъ - Галленъ, кричитъ: «не пущу! ведите меня съ нимъ! Умремъ вмѣстѣ!» — и все, что только можно кричать въ подобныхъ обстоятельствахъ. Офицеръ пытается ее урезонить, но она, ни съ-того ни съ-другаго, выхватываетъ изъ рукъ солдата факелъ, да и падаетъ въ обморокъ. Въ такомъ случаѣ, лучше и эффектнѣе ничего и придумать нельзя. Подсудимаго уводятъ. Идетъ Президентъ, узнаетъ безчувственную графиню и велитъ солдатамъ отнести ее въ трактиръ и беречь пуще глаза. *Декорація перемѣняется.* Нижній этажъ трактира, въ которомъ нанятъ нумеръ для Карла V. Бурмистръ

и трактирщикъ, Сигизмундъ, пьянъ и отпускаетъ своей женѣ и пріятелямъ оптомъ всѣ каламбуры, подслушанные имъ въ Александрынскомъ-Театрѣ. Жена, которой эта лава водевильнаго остроумія надоѣла столько же, какъ и зрителямъ, отправляетъ его спать, а пьяную ватагу выгоняетъ вонъ. Это самое логическое дѣйствіе во всей драмѣ. Приходитъ графъ фанъ-Галленъ и проситъ ночлега; хозяйка, душа жалостливая, отводитъ ему маленькую каморку. Вслѣдъ за тѣмъ, солдаты приносятъ графиню — все еще въ обморокѣ; жалостливая душа и ей даетъ пріютъ на своей кровати. Приходитъ Президентъ и совѣтуетъ ей, какъ можно лучше смотрѣть за больною, говоря, что это его родственница и спрашиваетъ, нельзя ли кого-нибудь приставить къ ней, чтобы она, въ помѣшательствѣ, не убѣжала. Хозяйка рекомендуетъ бѣднаго незнакомца, которому отвела каморку. Графъ, въ заточеніи, видно, совсѣмъ потерялъ память, онъ не узнаетъ своего смертельнаго врага. Приводятъ больную графиню; фанъ - Галленъ тотчасъ же узналъ свою жену—и не мудрено, мы уже сказали выше, что она, въ двадцать лѣтъ, совсѣмъ не измѣнилась отъ горя, печали, нищеты и преслѣдованій. Бываютъ ужъ такія крѣпкія натуры, которымъ все это ни-по-чемъ: ихъ давятъ, жмутъ и топчатъ, а онѣ знай себѣ цвѣтутъ — да и только. Графъ, потерявъ въ темницѣ память, не потерялъ, однакожъ, догадливости: онъ тотчасъ смѣкаетъ, что толстый господинъ что-то недоброе замышляетъ противъ его жены, и потому удерживается отъ нѣжныхъ порывовъ. Но супруга его не такъ воздержна. Узнавъ президента, она осыпаетъ его тѣми-же милыми именами, которыми уже разъ его чествовала въ первомъ актѣ. Услышавъ имя Монте-Леоне, графъ становится тигренкомъ, хочетъ защитить жену или умеретъ съ нею вмѣстѣ. «Пожалуй, и это можно,» говоритъ Президентъ и зоветъ стражу, чтобы ихъ схватить. Но въ это время входитъ опять незнакомецъ съ головою, закутанной въ плащъ. Президентъ, полагая, вѣроятно, что только онъ одинъ имѣетъ право кутать голову плащемъ, кидается къ нему съ запальчивостію. Незнакомецъ сбрасываетъ плащъ: это Карлъ V. Является на сцену и *сожженный* Ральфъ, который вышелъ изъ пламени, какъ новый Фениксъ. Угнетенная невинность получаетъ награду, омерзительный порокъ, въ видѣ тирана драмы, наказуется отсѣкновеніемъ главы. О жидовкѣ уже нѣтъ помину;

о христіанинѣ —графѣ, который на ней женатъ, и покровителѣ ея, старомъ инвалидѣ, такъ же.

Бѣдный Карлъ V! Какую жалкую и смѣшную роль заставили играть этого достопамятнаго монарха, для возбужденія невѣжественныхъ восторговъ и грубыхъ апплодисмановъ! Событіе это вѣрно случилось *двадцать-четвертаго* февраля, къ которому императоръ имѣлъ странное предубѣжденіе и въ которое совершились всѣ счастливые и несчастные случаи его жизни. 24-го февраля, 1500 года, онъ родился въ городѣ Гентѣ, но только не въ нумерѣ трактира Сигизмундова. 24-го февраля, 1525, онъ одержалъ знаменитую побѣду при Павіи, только тогда солдаты его такъ не бѣгали и не пьянствовали, какъ въ драмѣ. 24-го февраля, 1527, Богемія избрала въ короли брата его Фердинанда. 24-го февраля, 1529, Карлъ V коронованъ въ Болоньѣ папою Климентомъ VII, и притомъ тремя коронами. 24-го февраля, 1540, императоръ явился въ Гентъ и усмирилъ возстаніе фламандцевъ противъ сестры своей, правительницы Маргаритты. Наконецъ, 24-го февраля, 1556, Карлъ, сложилъ корону и принялъ схиму. Только смерть его въ монастырѣ св. Юста и на александрынской сценѣ — не пришлась на это роковое число! Онъ умеръ въ мірѣ дѣйствительномъ 21-го сентября, 1558,—въ мірѣ искусства—въ январѣ, 1847 года!

И такъ, вотъ содержаніе драмы. Читатель видитъ, что авторъ покусился на подвигъ, достойный Архимеда, который говорилъ: «дайте мнѣ точку опеpы — и я подниму шаръ земной!» Онъ поднялъ страшную обузу и кутерьму, но только забылъ опорную точку—т. е. *идею*, изъ которой логически и естественно должны истекать всѣ силы и дѣйствія драмы, и безъ которой она остается безъ послѣдствій физическихъ и нравственныхъ, и теряетъ главную свою стихію — *иллюзію*. Искусство не терпитъ насилія: это органическое растеніе, имѣющее корень, вѣтви, цвѣты и приносящее плодъ. Лишенное какого-бы то нибыло изъ своихъ органовъ—оно становится *пустоцвѣтомъ*, и даже въ сѣнѣ теряетъ свое значеніе, какъ безсочная и безуханная трава. Творчество прежде всего требуетъ убѣжденія: безъ него оно существовать не можетъ. Нельзя сказать: «въ этой драмѣ хороша такая-то сцена, а въ той производитъ эффектъ—вотъ это явленіе; дай-ка, я соберу ихъ вмѣстѣ, придумаю имъ новое названіе и выставлю въ нихъ новыя лица:

это непремѣнно понравится!» — Такія рапсодіи не могутъ нравиться, потому-что въ нихъ нѣтъ единства мысли, единства движенія и единства цѣли. Только сознательныя силы даютъ художественному произведенію власть надъ душею созерцателя, безъ нихъ—оно безсильно и не-художественно. Это аксіома.

Что твореніе, подобное «Карлу V въ Нидерландахъ» явилось на нашей сценѣ, насъ нисколько не удивляетъ, но удивительно, что П. Г. Ободовскій, снискавшій имя въ русской литературѣ, рѣшился выставить его подъ произведеніемъ, которое отнюдь не имѣетъ свойства прибавить славы къ какому-бы то ни было имени. Если мы строго судимъ писателей, которые берутъ предметы для олицетворенія съ родной почвы и справляются съ своей темою болѣе или менѣе разумно, то какъ же намъ не высказать безпристрастнаго мнѣнія о переводѣ или переделкѣ съ иностраннаго языка? Для переводчика или переделывателя открыта литературная сокровищница цѣлой Европы, съ вѣковыми кладами, истинными chefs d'oeuvres— по своей концепціи и выполненію, по глубокой идеѣ и художественной формѣ, и если онъ выбираетъ дурное и пошлое, не алмазъ изъ кучи сора, а на-оборотъ, то каждый вправѣ обвинять одну дурную волю автора—или намѣренія, лежащія внѣ литературной сферы. Мы бы всѣмъ драматическимъ писателямъ, которые ищутъ *непремѣнныхъ* и *выгодныхъ* успѣховъ, совѣтовали помнить правило отличнаго человѣка и глубокаго мыслителя, Жубера, который сказалъ:

Il n'y a de beaux ouvrages que ceux qui ont été longtemps, sinon travaillés, du moins revés.

То-есть: «*Только тѣ творенія могутъ назваться изящными, которыя хоть не долго были обработываемы, но за то долго обдуманы.*»

Бенефиціантку — нельзя упрекнуть за выборъ такой пьесы: въ предыдущихъ статьяхъ, мы уже показали, что для бенефиціанта не существуетъ и не можетъ существовать выбора: онъ беретъ, что Богъ пошлетъ; а если беретъ пьесу, запечатлѣнную извѣстнымъ именемъ — то ему честь, слава и въ добавокъ, главное, деньги!

Объ исполненіи пьесы не скажемъ ни слова: гдѣ нечего исполнять, тамъ нельзя и судить исполненія. Г. Каратыгинъ, однакожъ, не смотря на роль, съ отсутствіемъ всякаго историче-

скаго и даже логическаго характера, умѣлъ, съ обычной его добросовѣстностью въ пластическомъ изображеніи людей извѣстныхъ, придать лицу Карла V-го видъ и достовѣрность историческіе. Ему и принадлежитъ пальма первенства въ драмѣ.

—

Народный русскій водевиль «*Отставной солдатъ*» есть дивертисманъ, который въ сотый разъ является въ новой формѣ и съ новымъ названіемъ. Дѣло все въ томъ-же — дѣвка любитъ *милова*, а ее хотятъ выдать за *постылаго*. Подъ конецъ—полное торжество любви: постылаго гонятъ по шеямъ, а милый пускается въ плясъ. — Вся пьеска написана для двухъ русскихъ пѣсенъ, которыя очень хорошо поетъ г. Самойловъ и для русской пляски, которую очень мило выполняютъ его маленькія дѣти. И слава Богу, что въ ней нѣтъ большихъ претензій. Одна изъ пѣсенъ, спѣтыхъ г. Самойловымъ, отличается и какъ музыкальное произведеніе — именно пѣсня сочиненія г. Бахметьева: она чрезвычайно эффектна и согрѣта истиннымъ чувствомъ.

Г. Мартыновъ въ роли *начальства*, то-есть, старосты деревни, который соблюдаетъ дисциплину, вкусивъ черезъ край отъ благъ земныхъ, натураленъ и забавенъ до нельзя.

—

БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

—

Талисманъ. Фантастическій балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ и четырехъ картинахъ. Сочиненіе балетмейстера Титюса.

(*Первое представленіе 19-го января*).

Вѣкъ балетовъ миновалъ вмѣстѣ съ геніальными балетмейстерами. Было время, когда балетъ осуществлялъ миѳологическій міръ, когда древніе боги, чувственные и страстные, хитрые и всесильные, но все-таки подчиненные року, являлись на сценѣ съ своими страстями и желаніями, и выражались на своемъ языкѣ, понятномъ для смертныхъ только по пантомимѣ. Балетъ становился естественнымъ и завлекательнымъ для любо-

нытства дѣтей земли, не посвященныхъ въ таинства Олимпа. Проста, но трогательна была идиллія любви *Амура и Психеи, Зефира и Флоры*; занимательны были подвиги *Геркулеса*, сходящаго въ адъ за Альцестою; еще заманчивѣе казалась олицетворенная эпопея его любви къ *Омфалѣ*. Пріятно было смотрѣть на танецъ грацій, на хороводы нимфъ и проказы силеновъ и фавновъ. Эта жизнь полу-историческая, полу-миѳическая, имѣла особенную прелесть: отъ нея вѣяло обаяніемъ міра мечтательнаго—по вымыслу, и въ тоже время, понятнаго и обольстительнаго—по своей чувственности.

Götter durch die Liebe—Menschen, Menschen durch die Liebe Göttern gleich!

сказалъ Шиллеръ: «*Боги по любви становятся—людьми; люди чрезъ любовь—уподобляются богамъ!*»

Принимая человѣческія страсти, боги дѣйствительно становились понятными на сценѣ и, пробуждая въ зрителѣ его внутреннюю жизнь, незамѣтно увлекали его воображеніе въ свою волшебную сферу. Но *миѳологическій балетъ* имѣлъ свой опредѣленный періодъ: боги извѣрились, износились и надоѣли даже въ балетѣ. Свѣтъ стремится за новизною, онъ хочетъ видѣть новое даже въ томъ, что вѣчно и неизмѣнно, даже въ искусствѣ. Балетъ нуждался въ новой формѣ, въ спасительныхъ измѣненіяхъ;—и вотъ онъ облекся въ одежду жизни дѣйствительной: онъ истощилъ всѣ эпохи, всѣ нравы, онъ взялъ у мусульманъ и у христіанства самые высокіе ихъ порывы, онъ олицетворилъ лучшіе вымыслы, созданные романтизмомъ, онъ даже драму облекъ въ формы пластики и мимики. Пока существовали хореграфы—поэты, подобные нашему незабвенному Дидло, балеты не теряли интереса и заманчивости, хотя много утратили въ натурѣ. За «*Ричардомъ Львиное Сердце*»—можно было съ сердечнымъ трепетомъ слѣдить въ Палестину; «*Рауль де-Креки*» напрягалъ всѣ душевныя фибры зрителя своими мрачными и свѣтлыми картинами; въ «*Венгерской хижинѣ*» чувствительныя души могли нахохотаться до упада и наплакаться до насморка. Это были созданія мастерскія, изобрѣтенныя смѣлымъ и обильнымъ воображеніемъ, поразительныя истиной и эстетическимъ благородствомъ своего содержанія. Правда, неестественно было видѣть трагическое или комическое событіе,

передаваемое не словами, а жестами, но эта декламація пантомимою и выраженіемъ лица была краснорѣчивѣе всякаго текста, написаннаго безцезурными стихами или рубленною прозою: подъ нею прямо можно было подписывать рѣчи и мысли, какъ подъ хорошей музыкою стихи. Если бъ кто-нибудь вздумалъ подняться на такую аферу, онъ навѣрное убилъ бы всѣ наши новомодныя, натянутыя и изнасилованныя драмы, *Карла V-го*, и *Дубняковую засѣку* (Closerie de gênets), включительно. За то, съ какимъ благоразуміемъ и умѣренностію употреблялся въ этихъ созданіяхъ главный элементъ балета—*танцы*. Танцы являлись въ нихъ всегда кстати и на своемъ мѣстѣ. Умирающихъ не заставляли дрягать ногами передъ смертью; грусть душевную не выражали батманами; героини не сигали по сценѣ, какъ дикія серны, въ два прыжка отъ декораціи до рампы; герои вели себя съ приличной важностью и не пускались въ пируэты и pas de poisson. Тамъ, гдѣ нужно было веселиться, по неизбѣжному сочетанію обстоятельствъ и естественному ходу пьесы—тамъ веселились отъ души и веселились логически: на дворцовомъ балѣ крестьяне не танцовали сартареллу или алемандъ; въ хижинѣ не являлись нимфы и наяды, въ стихійномъ костюмѣ, выполнять патетическія па Олимпа, или, лучше сказать, па—съ того свѣта. Но, всякое изобрѣтеніе, всякое твореніе—губятъ подражатели, эти могильные черви, которые подтачиваютъ и столѣтній дубъ и роскошную розу. Подражатели, ужъ по натурѣ своей, люди, не отмѣченные божественною искрой творческаго начала; они сознаютъ въ себѣ только силу перенимчивости, безъ силы воспроизведенія. Все, что можно перенять — ихъ законное достояніе; но что же можно перенять въ созданіяхъ изящныхъ искусствъ, кромѣ ихъ формы, ихъ внѣшней оболочки, когда внутреннее ихъ содержаніе есть личная способность художника? Но какъ содержаніе и форма неразлѣльно выливаются изъ поэтической души, и не могутъ существовать другъ безъ друга, то подражатель, хватаясь только за одну часть и не дополняя другой изъ собственнаго источника, всегда производитъ копію мертвую, лишенную внутренняго глагола, части—безъ цѣлаго, тѣло, для одушевленія котораго потребенъ Пигмаліонъ и высшія силы. Тоже сбылось и съ *романтическимъ балетомъ*. Подражатели вздумали олицетворять въ балетѣ все, что имъ ни попадалось подъ руку, но за недостаткомъ разумнаго созданія

и выраженія мысли пантомимою, что—дѣло весьма трудное, они стали наполнять свои балеты одними декораціями, костюмами и танцами. Декораціи приглядѣлись, костюмы износились, танцы набили оскомину. Балетъ палъ, палъ не у насъ однихъ, но и въ цѣлой Европѣ, потому-что такіе геніи, какъ Дидло, родятся вѣками.

Вдругъ слетѣла на землю четвертая *Грація*, не предвидѣнная древними и потому только не нарушившая собою миѳологическаго тріумвирата Харитъ. Грація эта была — Марія Тальони, живое воплощеніе идеала пластической красоты и высшаго проявленія стройности и легкости. Въ ней соединилась дивная способность выраженія съ геніальностью изобрѣтенія. Облетѣвъ всю Европу на легкихъ крылышкахъ Сильфиды, она, своею волшебной силой, воскресила и обновила балетъ. Изъ романтическаго онъ сдѣлался *фантастическимъ*, потому-что въ дѣйствительность этого существа, легкаго и игриваго, стыдливаго и цѣломудреннаго, нѣжнаго и воздушнаго, какимъ являлась на сценѣ Марія Тальони, никто бы не повѣрилъ. Всѣ стихіи раскрыли тайники свои, чтобы эта дивная фея могла черпать изъ нихъ, для осуществленія, мечты, дарованныя имъ вѣковою поэзіею народовъ. Балетъ опять вступилъ въ законную свою сферу,—въ область волшебства и поэтическаго вымысла. Старикъ Тальони, даровавшій міру неподражаемую танцовщицу-мимистку, началъ шарить въ глубинѣ души своей и вызвалъ оттуда нѣсколько тѣхъ лунатическихъ видѣній, которыми дарятъ и нѣжатъ человѣка только сонъ и вино; тѣхъ осязаемыхъ призраковъ мечты, которыми больное воображеніе населяетъ видимую природу, чтобы ближе сроднить ее съ внутреннимъ своимъ міромъ. «*Сильфида*», «*Дунайская Русалка*» и «*Тѣнь*» были прекрасными плодами страсти талантливаго отца къ геніальной дочери, страсти, которую въ этой области фантазіи — долженъ былъ раздѣлить весь образованный міръ. Но за то, только Марія Тальони, и одна Марія Тальони могла дать жизнь и очарованіе этимъ фантастическимъ образамъ, потому-что въ ея инвидуальности заключалось ихъ правдоподобіе, въ ея талантѣ — ихъ прелесть. Исчезла Марія Тальони — и разлетѣлся весь рой сладкихъ видѣній, зритель проснулся и почувствовалъ всю гнетущую глупость балета. Балетъ палъ въ третій разъ, и истощивъ всѣ сферы, для него доступныя, во-

плотившись во всѣ формы, для него возможныя, вѣроятно уже никогда не возстанетъ изъ праха. Онъ останется отнынѣ роскошью оперы, чрезвычайнымъ прибавленіемъ мелодрамы, избыткомъ водевиля и интермедіи, и это, въ томъ смыслѣ, какъ его нынѣ понимаютъ, настоящее его назначеніе.

Всѣ попытки воскресить балеты Тальони доселѣ не удавались и не могли удасться, потому-что въ нихъ не было той магнетической души, которая наполняла ихъ неосязаемою прелестью, какимъ-то заманчивымъ благоуханіемъ, какою-то притягательною силою Сирены.

Тѣмъ страннѣе, тѣмъ удивительнѣе видѣть въ наше время появленіе на сценѣ новаго балета, и притомъ балета хореграфа, который давно уже исчезъ за *тѣнью* своего счастливаго предшественника.....

Желаете знать его содержаніе? Извольте, мы разскажемъ.

Представляется великолѣпный *дворецъ*, въ немъ сидятъ дѣвушки и вышиваютъ въ пяльцахъ. Являются пажи..... они глядятъ на трудящихся, подходятъ къ пяльцамъ, и говорятъ пантомимою: «полно вамъ вздоромъ заниматься, давайте плясать.»—Тѣ соглашаются: на пляску не то, что на работу, всегда охотники есть; къ нимъ являются еще восемь паръ,—и пошелъ пиръ горой: *танцуютъ!* Но вотъ является Принцъ (*Іогансонъ*) съ своей невѣстою (*Панова*). Танцующіе спѣшатъ прекратить свои невинныя удовольствія и привѣтствуютъ Принца; тотъ приказываетъ продолжать. *Танцуютъ*. Самъ Принцъ съ нѣвестой и другой дамой *танцуетъ*—pas de trois. Но вотъ подходятъ четыре воина, одѣтые въ красномъ, и приглашаютъ принца на охоту. Перемѣна декораціи: *лѣсъ*.... Является волшебница (*Никитина*) и ея подземныя подруги.... *Танцуютъ*... Но вотъ слышенъ вдали звукъ охотничьяго рога, и, вслѣдъ за ланью, проскакиваютъ на лошадяхъ нѣсколько всадниковъ и всадницъ, и принцъ съ своею невѣстой..... Подземныя обитательницы, разумѣется, исчезаютъ; волшебница остается одна. Она замѣтила принца, она теперь ясно поняла причину своей скуки: предметъ помышленій,—источникъ наслажденій—это *онъ*, все *онъ* же и *онъ!* Ей захотѣлось, во что бы то ни стало, овладѣть Принцомъ. По мановенію ея жезла, поднимаются свистъ, буря, вѣтеръ, дождь, громъ, молнія... Бѣдные охотники, столпились

на сценѣ. Въ темнотѣ они стали выбираться изъ лѣсу и сцена опустѣла. Волшебница въ одно мгновеніе сбрасываетъ свой чародѣйскій костюмъ, и является вся въ бѣломъ, схватываетъ гдѣ-то факелъ, и летитъ черезъ сцену. За нею на призывный факелъ слѣдуетъ принцъ. Полетъ истинно-*блестящій*. Это окончательный эффектъ. Занавѣсъ опускается.

Во второмъ актѣ, прибѣгаетъ невѣста принца къ волшебнику: онъ показываетъ ей невѣрнаго принца, окруженнаго нимфами, въ объятіяхъ волшебницы. Она показываетъ знаки такого чувствительнаго сокрушенія, что растрогиваетъ даже сердце волшебника, который берется помочь ея горю. Чародѣй даритъ ей *талисманъ*. Талисманъ этотъ ничто иное, какъ голубой шарфъ. Четвертая картина представляетъ *волшебное жилище* нимфъ. Выбѣгаетъ толпа нимфъ, за ними волшебница, а за нею и принцъ, влюбленный въ нее танцуютъ.... Но, вотъ является волшебникъ и Деллія (*невѣста*), Талисманъ пущенъ въ дѣло. Опутанный шарфомъ, очарованный принцъ разочаровывается; онъ какъ бы просыпается отъ долгаго сна, снова любитъ Деллію. Деллія въ упоеніи. Волшебница въ отчаяніи и бѣшенствѣ. Окончательная картина: потѣшные огни. *Блистательнѣйшей* развязки нельзя было и придумать. . . . . .

. . . . . .

Скажемъ теперь о выполненіи.—Лучше всѣхъ была *г-жа Ришардъ*. Ея соло во 2-мъ актѣ прекрасно. Сколько силы въ ногахъ ея, граціи и стройности въ жестахъ. Отъ нея многаго можно ожидать въ будущемъ, если только можетъ существовать *будущее* для нашего балета. По части милой наивности танца, пальму первенства тутъ, какъ и вездѣ, нужно отдать *г-жѣ Прихуновой*. Роль ея не велика, но она и въ ней была осыпана рукоплесканіями. *Г-жа Яковлева* въ pas de deux съ *Гредлю* была такъ же не дурна. Мы давно не видали ее такою; она доказала, что можетъ многое сдѣлать; нужно только прилежаніе и побольше вниманія на сценѣ. *Іогансонъ*, какъ всегда, былъ удивителенъ въ своихъ туръ-де-форсахъ. Впрочемъ, нынѣшніе мужскіе танцы въ балетахъ основаны на однѣхъ трудностяхъ и обнажены отъ всякой пластической красоты, а потому трудно, чтобы танцовщикъ могъ произвести впечатлѣніе на эстетическаго зрителя: танцовщикъ—или подставка для танцовщицы, на которую она опирается въ трудныхъ по-

захъ, или..... Что же сказать о дебютанткѣ—*г-жѣ Пановой*? Въ ней есть и ловкость, видно стараніе... и есть надежда на будущее. Разумѣется, особенной граціи и чувства въ ней еще не видно, но она всегда можетъ впослѣдствіи стать на ряду съ *г-жею Никитиной* и прочими.

Желаемъ отъ души, чтобы любовь къ балету могла воскреснуть въ нашей публикѣ, вкусившей эстетическаго наслажденія хорошей оперы; жаль было бы, если этотъ родъ сценическихъ зрѣлищъ, у насъ столь богатый средствами, погибъ навсегда. Но для этого – необходимо воображеніе и поэтическое чувство въ хореграфѣ..... и..... (*).

Ѳ. Конн.

(*) Если балетъ, въ томъ видѣ, какъ онъ здѣсь разсказанъ, покажется *темноватымъ* для читателей, не привыкшихъ къ такому *изящно-сжатому* слогу, то долгомъ считаемъ замѣтить, что эти сумерки произошли отъ причинъ, зависящихъ — *не* отъ редакціи. Впрочемъ, мы постараемся пояснить дѣло въ библіографическомъ разборѣ напечатанной программы этого балета.

ОБОЗРѢНІЕ
ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

(*Парижскіе театры.*)

Не прикасайтесь къ королевѣ! (Ne touchez pas à la reine!) Комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ; слова Скриба и Ваэза, музыка Буасло́. (Театръ *Комической Оперы*).

Если вѣрить хроникѣ, вырытой романистами, къ крайней досадѣ ученыхъ историковъ, изъ пыльныхъ гробницъ архивовъ,—во время оно, существовалъ, въ Испаніи, законъ, освященный вполнѣ монархическими нравами этой страны, законъ, по которому каждый, кто осмѣливался прикоснуться къ королевской особѣ, наказывался за это смертію. Тутъ не было никакихъ оправданій; привязанность, уваженіе, любовь подданныхъ измѣрялись разстояніемъ ихъ отъ монарха. Уже изъ первой сцены новой пьесы узнаёмъ, что придворный истопникъ недавно былъ осужденъ на смерть за то, что, пылая вѣрою и усердіемъ, началъ тушить огонь на платьѣ королевы, которое загорѣлось, когда она проходила мимо камина. Истопникъ образумился—но поздно.

Его примѣръ—другимъ наука...

Но одинъ молодой хидальго впалъ, по невѣдѣнію, точно въ такое же преступленіе. Увлекаемый великодушіемъ, онъ, рискуя собственною жизнію, спасъ прекрасную амазонку, когда ее понесла бѣшеная лошадь, а прелестная незнакомка была—королева!.. Она сказала ловкому кавалеру только одно слово «молчите!» поднялась въ сѣдло и исчезла въ извивахъ померанцевой аллеи. Дѣло тѣмъ бы и кончилось, но, подобно всѣмъ cavaliere

servente, онъ вздумалъ влюбиться въ очаровательную наѣздницу, и влюбился не на шутку, какъ влюбляются только въ Мадритѣ, гдѣ даже въ тѣни, термометръ, показываетъ тридцать градусовъ.

Между-тѣмъ, пользуясь покровительствомъ жены придворнаго ювелира, Максимо, Адольфъ (нашъ герой) введенъ ко двору. Надобно вамъ сказать, что сеннора Максимо пользуется большою довѣреностью регента, которою и надѣется воспользоваться ко благу молодаго хидальго. Отъ одного только взгляда сенноры зависитъ составить счастіе стройнаго кабальеро, однакожъ она не рѣшается на жертву, которою могла бы купить все у влюбеннаго регента. Въ добавокъ, онъ узнаетъ, что protégé сенноры Максимо—сынъ прежняго министра, котораго онъ самъ постарался удалить отъ управленія. Разумѣется, регентъ понимаетъ, что доставить мѣсто и почести сыну изгнанника — значитъ тоже, что признать свою несправедливость. Слѣдовательно Адольфу нечего разсчитывать на благосклонность сильнаго друга сенноры.

Впрочемъ, потерявъ покровителя, онъ нашелъ покровительницу. Увидѣвъ королеву, онъ узналъ въ ней амазонку и падаетъ къ ея ногамъ. Любовь, какъ видите, очень высокая. Но притворное равнодушіе королевы привело его въ отчаяніе; сердце хидальго застыло отъ ея горлости. Онъ и не знаетъ, что только этою холодностью королева можетъ спасти его отъ опасныхъ послѣдствій великодушной преданности, потому-что и онъ прикоснулся къ особѣ королевы, когда встрѣтилъ ее въ лѣсу. Спасенный милою хитростью молодой монархини отъ преслѣдованій за первое нарушеніе закона, безразсудный хидальго поскользнулся снова и—въ этотъ разъ, передъ свидѣтелями. Эти свидѣтели—регентъ и сеннора Максимо—видѣли, какъ этотъ дерзкій юноша осмѣлился положить пламенный поцѣлуй на чело королевы, когда она, нечаянно, заснула въ саду.—Впрочемъ, ея величество, выслушавъ донесеніе регента, говоритъ, что она ровно ничего не видала, ничего не чувствовала. Сеннора Максимо отвѣчаетъ, въ свою очередь, на вопросъ регента, что, находясь подъ вліяніемъ совершенно-другаго чувства, она не обратила вниманія на то, что дѣлалось въ саду. Отвѣтъ этотъ сопровождался нѣжнымъ и хитрымъ взглядомъ. Изъ двухъ свидѣтелей одинъ исчезъ: unus testis, nullus testis, то-есть одинъ свидѣтель—не свидѣтель, говоритъ и испанскій законъ,—

и всѣ судейскіе подмостки готовы обрушиться... Но, въ это время, Адольфъ, которому слѣдовало бы молчать о своемъ блаженствѣ, признается во всемъ регенту. Согласитесь, что простота—хуже глупости.

Какъ спасти неисправимаго преступника? Не можетъ ли королева подвести подъ тотъ же законъ и высокую власть помилованія: вѣдь говорятъ же, что законъ подъ все подходитъ. Притомъ, надобно же, наконецъ, скрыть и слабости самой королевы, которой сердце увлекается нѣжными порывами любви. Но регентъ хочетъ непремѣнно отдѣлаться отъ дерзкаго шалуна, поступившаго подъ теплое покровительство сеньоры Максимо.

Королева и жена ювелира принуждены соединиться, чтобы общими силами отвратить угрозы закона и, главное, угрозы регента. Въ руки ея величества попадается любовная записка, въ которой регентъ умоляетъ прелестную сеньору Максимо назначить ему свиданіе, — и королева убѣждаетъ свою союзницу отправиться на свиданіе въ тотъ же вечеръ... Регентъ торжествуетъ, что успѣлъ, наконецъ, тронуть сердце неумолимой. Въ темнотѣ, онъ обнимаетъ ее нескромными руками, цѣлуетъ прекрасное чело... Но, въ эту критическую минуту, являются люди съ факелами и освѣщаютъ картину... Регентъ съ ужасомъ, видитъ, что, вмѣсто жены ювелира, онъ осмѣлился поцѣловать королеву, и, можетъ быть, еще не такъ почтительно, какъ Адольфъ... Регентъ прикоснулся къ королевѣ; онъ пойманъ въ самомъ преступленіи; вотъ и судьи, обязанные произвести надъ новымъ преступникомъ законъ, котораго неумолимую строгость онъ, еще недавно, самъ напомнилъ.

Правда, королева не можетъ прощать, но это драгоцѣнное преимущество предоставлено ея супругу. Если бы Адольфъ, не смотря на искательства инфанта аррагонскаго, на котораго, впрочемъ, нельзя много разсчитывать, сдѣлался супругомъ королевы,—много вещей можно было бы уладить. А это—дѣло не совсѣмъ невозможное: королева, очень благосклонная, вспомнила, что сынъ бывшаго министра, графъ Адольфъ Агвильяръ, происходитъ отъ крови, болѣе или менѣе королевской, и что его предки, нѣкогда, владѣли какою-то областью Испаніи. Разумѣется, Адольфъ не откажется вывести регента изъ затруднительнаго положенія, конечно, съ условіемъ, чтобы онъ, въ дру-

гой разъ не попадался въ такія же сѣти... Сообразивъ всѣ эти выгоды, королева спасаетъ голову Адольфа подъ короною, и регентъ въ восторгѣ, что такъ дешево расквитался за свою ошибку.

Музыка Буасло очень мила и заставляетъ надѣяться на талантъ этого молодаго композитора.

—

Тайны Карнавала (Mystères du Carnaval). Драма въ пяти дѣйствіяхъ и девяти картинахъ; соч. Анисé Буржуа и Мишеля Массона. (Театръ de la Gaité).

Разсказывать всю эту путаницу ужасно-долго; читать ее— нѣтъ никакой возможности. Знаете ли вы романъ Поля Феваля les Amours de Paris, романъ въ двѣнадцати частяхъ, ни больше, ни меньше? *Тайны карнавала* содержатся вполнѣ, съ головою и хвостомъ, въ романѣ господина Поля Феваля. Въ самомъ началѣ пьесы, невинный Морисъ погибаетъ подъ гильйотиною. Послѣ него остаются вдова и дочь, мадмоазель Валентина; но мадамъ Морисъ живетъ недолго, и умираетъ во второй картинѣ. Авторъ ведетъ васъ въ *таверну слѣпыхъ*, и вы видите слѣпыхъ такъ же хорошо, какъ они сами васъ видятъ. Нѣкто Рутье, за стаканомъ зажженнаго пунша, разсказываетъ Валентинѣ, переодѣтой мальчикомъ, какими судьбами, за какія великія преступленія невинный Морисъ попалъ подъ гильйотину. Пріятели расходятся, потому-что Пале-Ройяль запираютъ рано. Изъ *таверны слѣпыхъ* вы переходите на площадь къ Новому Мосту (великолѣпная декорація), гдѣ толпа ждетъ карнавальнаго быка. Но, вмѣсто его, являются на сцену Юпитеръ съ рогами и мадмоазель Аспази въ одеждѣ Афродиты, почти въ томъ видѣ, въ какомъ эта богиня родилась изъ морской пѣны. Тутъ же, проѣзжаетъ въ коляскѣ, запряженной въ пару бѣлыхъ лошадей, леди Макъ-Дональдъ, преступная пріятельница Рутье. Эта прекрасная дама, сотрудница герцога де-Крака, вмѣстѣ съ нимъ убивала, отравляла, вообще проводила время въ самыхъ благочестивыхъ занятіяхъ. Герцогъ — негодяй перваго разбору; леди Макъ-Дональдъ—нечего грѣха таить—не лучше своего пріятеля: одного поля ягодки. Однакожъ, она даетъ блестящій балъ, куда съѣзжается *весь Парижъ*. На этомъ-то балѣ, передъ гла-

замп ледп проходятъ въ маскахъ три привидѣнія — пилигримъ, женщина и бандитъ — похитители ребенка, за котораго отрубили шею несчастному Морису. Къ концу этой путаницы, каждому изъ дѣйствующихъ лицъ отводится приличное мѣсто, кому въ тюрьмѣ, кому на галерахъ, — и сынъ герцога де-Крака не женится на дочери леди Макдональдъ, за то Валентина вступаетъ въ законный бракъ съ лекаремъ.

Успѣхъ огромный. Публика усердно апплодировала этому маскераду, котораго одинъ конецъ примыкаетъ къ эшафоту и тюрьмѣ каторжниковъ, а другой теряется въ пестрой толпѣ карнавала.

—

Мадмоазель Наваръ (Mademoiselle Navarre). Комедія-водвиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Ипполита Люка (Театръ *Водвиля*).

Мамзель Наваръ непремѣнно хочетъ, чтобы Мармонтель принадлежалъ къ покорной свитѣ ея поклонниковъ и, кромѣ того, прямо объяснился ей въ пламенной, неугасимой любви. Но какъ принудить его къ этому признанію?.... Мадмоазель Наваръ, которая съ блистательнымъ успѣхомъ прошла курсъ теоріи любви, показываетъ Мармонтелю любовную записку, написанную къ ней рукою маркиза Мирабо, тогда еще моднаго любезника. Мармонтель, боясь потерять свою подругу, спѣшитъ излить передъ нею, въ изящныхъ фразахъ, надежды своего сердца; она беретъ это признаніе за наличную монету и обѣщаетъ Мармонтелю свою руку. Но вдругъ является ужасный маркизъ, и рисуетъ свою страсть такою пламенною кистью, что, въ свою очередь, вырываетъ у мадмоазель Наваръ обѣщаніе сдѣлаться его женою. Два соперника объяснились между собою довольно жарко, какъ подобаетъ влюбленнымъ, и, въ защиту своихъ правъ, хотятъ взять шпаги или сабли, — не могу сказать навѣрное, что именно. Но, въ эту минуту, мадмоазель Наваръ, примиряетъ враговъ, отказывая имъ обоимъ въ надеждѣ получить свою руку.... Нельзя было ничего лучше выдумать: гораздо умнѣе сохранить двухъ *друзей*, нежели потерять разомъ двухъ любовниковъ.

—

Три короля и три дамы (Trois rois et trois dames). Комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Леона Гозлана.

Бланшаръ и Матьё, негоціанты, учредили вдвоемъ торговую компанію и нажили трудомъ и осторожностью порядочное состояніе. Оба они женились, не болѣе года, и обожаютъ своихъ супругъ. Но, не смотря на усилія Бланшара, который хотѣлъ бы доставить своей женѣ какое-нибудь удовольствіе, Матьё рѣшительно возстаетъ противъ такого мотовства, говоря, что въ порядочномъ хозяйствѣ, мужъ долженъ наживать деньги, а жена — стеречь сундуки. Между-тѣмъ, настала веселая пора карнавала, и оба торговые товарища отправляются ночью въ контору, чтобы тамъ обдумать планъ желѣзной дороги. Молодыя супруги, пользуясь этимъ единственнымъ случаемъ, ѣдутъ въ маскерадъ Большой-Оперы.

Составивъ проэктъ, Бланшаръ возвратился домой и узнаетъ, что жена его... не ночевала дома. Разумѣется, это безпокоитъ его, однакожъ, онъ не говоритъ ни слова Матье, который скоро замѣчаетъ отсутствіе и своей супруги, и, взбѣшенный, какъ тигръ, бѣжитъ отыскивать своего соперника. Бланшаръ, напротивъ, убѣдившись, что бѣда не такъ велика, какою она показалась съ перваго взгляду, успѣваетъ совершенно увѣриться въ любви той, которую увлекла одна неопытность. Между-тѣмъ, какъ у Бланшара дѣло обошлось безъ большой бури, Матье дерется на дуэли съ полковникомъ, хоть этотъ не виноватъ ни душой, ни тѣломъ, и никогда не видалъ его жены. По справкѣ оказывается, что виноватъ во всемъ молодой дипломатъ, Бленкуръ. Послѣ ужасной сцены, Матье узнаетъ, что этотъ молодой человѣкъ провожалъ его жену въ маскерадъ, единственно по ея просьбѣ, и что мадамъ Матье не уѣзжала изъ театра ни на минуту. Бѣдный мужъ раскаивается въ своей безумной вспышкѣ, и видя совершенное согласіе въ семействѣ Бланшара, проситъ прощенія у жены. Она только этого и ждала, и все кончается благополучно.

—

Мастеръ Жанъ или Комедія при дворѣ (Maître Jean ou la Comedie à la cour). Комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ; соч. Скриба и Дюпена.

Увы! эта пьеса когда-то называлась *Молодостью Гёте.*

Господинъ Скрибъ, господинъ Скрибъ! какъ дурно вы разыграли игру, имѣя на рукахъ столько козырей! Впрочемъ, ужъ такая судьба Гёте, что этотъ каммергеръ, привыкшій къ придворному паркету, постоянно имѣлъ несчастіе спотыкаться, въ Парижѣ, на театральныхъ помостахъ. Господинъ Баяръ вывелъ его на сцену *Водевиля* съ довольно плохою рукописью; а теперь господинъ Скрибъ, съ помощію Дюпена, пригласилъ пѣвца Миньйоны на Театръ-Гимназіи, и заставилъ его влюбиться въ Маргаритту.—Дѣло вотъ какого роду: Маргаритта играетъ въ комедіяхъ, на домашнемъ театрѣ великаго герцога саксенъ-веймарскаго, и, по общему мнѣнію, считается любовницею молодаго наслѣднаго принца. Но это клевета! Маргаритта вовсе не была въ такомъ близкомъ отношеніи къ принцу, и даже очень опасается играть любовныя сцены съ его высочествомъ. Притомъ же, около него увиваются герцогиня, которой непремѣнно хочется сдѣлаться принцессою, министръ, которому хочется остаться министромъ, да еще казначей, который лучше радъ повѣситься, нежели отказаться отъ своего мѣста. Всѣ эти особы назначаютъ себѣ свиданіе въ оранжереѣ, гдѣ мастеръ Жанъ слышитъ ихъ заговоръ, и, въ простотѣ сердца, думаетъ что все это — репетиція комедіи. Надобно вамъ сказать, что мастеръ Жанъ, дѣлъ Гёте, въ молодости былъ портнымъ, потомъ открылъ кофейню, и не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о придворныхъ маневрахъ.—Ну, что новаго? ласково спрашиваетъ принцъ у стараго мастера. — «Видѣлъ, ваше высочество, комедію: спору то, крику то сколько!.. Рѣшительно, умора!»—И разговорчивый Жанъ начинаетъ разсказывать сцену, которую дама и двое господъ играли передъ нимъ въ оранжереѣ.

Нѣтъ, нѣтъ! Это не прежній, счастливый, веселый Скрибъ; это маленькій писецъ, который зябнетъ, видитъ небо, покрытое облаками, слышитъ шумъ на улицѣ, и бѣжитъ подъ дождемъ въ узкихъ башмакахъ.

—

Годъ въ Парижѣ (Une année à Paris). Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. г-жи Ансло. (Театръ *Одеона*).

Съ-тѣхъ-поръ, какъ мадамъ Ансло почувствовала у себя

на лбу звѣзду драматическаго призванія и разорвала чепчикъ, въ знакъ эмансипаціи, парижскіе журналисты рѣшительно отказались разбирать пьесы этой писательницы. Нѣтъ никакой возможности! Похвалятъ пьесу — «А! говоритъ мадамъ Ансло: боятся трусы!» — попробуютъ побранить — «Хорошо дерзкіе!» съ этими словами, она хватаетъ перо, и посылаетъ журналисту письмо, да какое!.... четыре страницы упрековъ, угрозъ, клянется исколоть булавками. Вотъ, недавно комедія «*Годъ въ Парижѣ*» упала плашмя въ *Одеонѣ*. Добрый, веселый Жюль-Жаненъ оплакалъ жемчужными слезами смерть капризнаго ребенка фантазіи мадамъ Ансло, оплакалъ такъ нѣжно, пропѣлъ такую прелестную элегію, что даже цвѣты въ кабинетѣ Жанена заплакали и соловей опустилъ голову въ отчаяніи, что нашелъ себѣ такого опаснаго соперника... И что же вы думаете? Отъ нѣжныхъ звуковъ, которые растрогали и резеду, и розу, и даже столѣтній кактусъ, — у госпожи Ансло сердце съ гнѣвомъ застучало въ корсетъ, и грозная муза тотчасъ послала къ фельетонисту атласный листокъ бумажки. На конвертѣ было написано прелестнымъ почеркомъ: A lui seul! — «Ого! сказалъ про себя Жаненъ, прочитавъ кабалистическую надпись: «да это маскерадная интрига!» Срываетъ голубую прозрачную облатку, читаетъ.... Но невозможно вообразить, что скрывалось на этомъ атласномъ четырехъугольникѣ бумаги.... Огонь, желѣзо, ядъ — всего этого мало, чтобы наказать несчастнаго, который осмѣлится сказать — что я говорю! — кто осмѣлится подумать, что новорожденный ребенокъ, послѣднее произведеніе этого слабаго мозга — еще не плодъ могучаго ума. «Мнѣ сказали — пишетъ мадамъ Ансло — что на мои мирныя слова вы отвѣчаете военнымъ *крикомъ*, и намѣрены продолжать дерзкія нападки на произведеніе, которое я отдала Одеону. И такъ, я принуждена *воевать* съ вами, не смотря на мои мирныя правила; но я не буду слѣдовать примѣру большей части нашихъ умниковъ, которые бѣгутъ передъ потѣшнымъ огнемъ вашихъ эпиграммъ, и даже не осмѣливаются въ честь вамъ зажечь порохъ на затравкѣ. Я нисколько не жалѣю, что должна буду немного испытать свое перо въ ролѣ злости и насмѣшекъ.» Бѣдный Жаненъ сложилъ руки на груди, какъ ангелъ Кановы, поднялъ — онъ на палецъ ниже средняго роста — влажные глаза къ разгнѣванной богинѣ, и умолялъ ее

обратить свои громы куда-нибудь повыше — на горы, лѣса, утесы — и поберечь нѣжный, душистый, маленькій цвѣтокъ, который распустился подъ колоннами фельетона.

Публика замѣтила, что названіе *Годъ въ Парижѣ* типографская ошибка, и что слѣдуетъ читать на аффишѣ: *Два часа скуки въ театрѣ.* Я не стану разсказывать вамъ содержаніе этой комедіи, не стану именно потому, что она ролилась въ вырѣзномъ корсажѣ, подъ которымъ бродитъ желаніе покричать съ трибуны.

И. К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

АКТЕРЪ МОДЕНА И ЕГО ТРУППА.

—

(*Письмо изъ Италіи.*)

Ты мнѣ пѣняешь, что я ничего не пишу изъ *классической* страны, что я ни слова не хочу сказать ни объ ея памятникахъ, ни объ искусствѣ, ни о природѣ, ни объ образѣ жизни Италіи. Можетъ быть, твои жалобы и справедливы и, чтобъ не слышать болѣе упрековъ, я разламываю печать молчанія и пишу тебѣ объ одномъ замѣчательномъ талантѣ въ Италіи, объ одномъ великомъ дѣятелѣ на поприщѣ любимаго нашего искусства—сценическаго. Чувствую, что ты уже не совсѣмъ доволенъ, что готовъ воскликнуть: «какъ и только?..»—да только! Что мнѣ говорить о зданіяхъ, объ остаткахъ древности,—все это такъ извѣстно, особенно тебѣ; изъ Италіи, въ продолженіе послѣдняго вѣка, посылалось столько писемъ, столько восклицаній, что намъ, позднѣйшимъ путешественникамъ, остается только смотрѣть, благоговѣть и молчать. Что же касается до чувствъ и мыслей, пробужденныхъ этою священною страною, гдѣ человѣчество росло, дѣйствовало и страдало за истину; то я лучше люблю хранить ихъ въ тайникѣ души моей, чѣмъ передавать нескромному письму. Да

и въ состояніи ли оно выразить всю полноту чувствъ, всю свѣтлую сторону мыслей!

Я теперь въ Падуѣ, живу здѣсь уже нѣсколько дней и, благодаря университету и театру, довольно не скучно. Одну часть утра я, какъ честный путешественникъ, употребляю на осмотръ города, другую провожу въ той, или другой аудиторіи, слушая того, или другаго профессора, а вечеромъ я въ театрѣ, гдѣ меня часто ожидаетъ истинное наслажденіе. Что сказать тебѣ о городѣ? — Городъ довольно большой, улицы узки и нечисты, низкіе портики напоминаютъ собою Болонью; не рѣдко, между группою некрасивыхъ домовъ, встрѣчаешь palazzo изящной архитектуры, есть еще памятники республики, напоминающіе древнюю силу и значеніе города, гульбище—центръ, который занятъ бульварами и статуями, прекрасно. — Такая роскошь возможна только въ Италіи. Изъ примѣчательностей города деревянная лошадь въ большихъ размѣрахъ очень нравится англичанамъ, которые приходятъ смотрѣть на нее по нѣскольку разъ... Но я боюсь наскучить тебѣ этими подробностями. Боже мой, это все такъ извѣстно! ты все это найдешь въ любомъ «*путеводитель*,» съ подробнымъ описаніемъ, изъясненіемъ, а подъ-часъ еще и съ приличными разсужденіями. Пожалуй, скажу тебѣ нѣсколько словъ о здѣшней кофейнѣ, на которую одинъ изъ жителей Падуи указалъ мнѣ, какъ на памятникъ искусства новыхъ временъ. Я пошелъ въ кофейню. Зданіе, въ-самомъ-дѣлѣ, огромно и по наружности красиво; эта кофейня, по величинѣ, безъ сомнѣнія, первая въ Европѣ. Нижній этажъ состоитъ изъ пяти огромныхъ залъ, которыя замѣчательны только своею огромностью. Во второмъ этажѣ, о которомъ намъ говорили, какъ о чемъ-то замѣчательномъ, находятся нѣсколько большихъ залъ, назначенныхъ для маскерада; всѣ онѣ убраны во вкусѣ разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ. Турецкая зала примыкаетъ къ комнатѣ, отдѣланной во вкусѣ XVIII-го вѣка; китайская комната рядомъ съ готическою; изъ египетской залы, украшенной живописью и фресками, входишь въ комнату, отдѣланную просто... вотъ и все. И это смѣшеніе вкусовъ, или, лучше сказать, безвкусіе—называютъ памятникомъ новаго искусства!,. Ничего не можетъ быть страннѣе впечатлѣнія, которое производятъ видъ и убранство этого страннаго дома; правда, здѣсь все разнообразно, но въ разнообразіи нѣтъ ни смысла ни гармоніи. Если

бы эти залы были расположены по времени и по эпохамъ, съ цѣлію—показать, какъ съ жизнію измѣнялись вкусъ и архитектура, тогда это было бы интересно, а здѣсь все разбросано въ безпорядкѣ, ни чуть не поэтическомъ, а просто въ страшномъ безпорядкѣ, а итальянцы смотрятъ на прихоть чудака хозяина, какъ на искуство. Бѣдная Италія!

Да, Италія спитъ глубокимъ сномъ, какъ человѣкъ, утомленный послѣ долгой и многотрудной работы. Если ты хочешь видѣть жизнь во всемъ ея блескѣ и красотѣ — не ѣзди въ Италію: тамъ встрѣтишь одинъ лишь образъ смерти. Оставленные дворцы, разрушенныя башни, фонтаны, въ которыхъ нѣтъ воды, часто улицы поросшія мхомъ — вотъ тебѣ картина Италіи. Она ничто иное, какъ кладбище, но надъ этимъ кладбищемъ — вѣчно-лазурное небо и природа вѣчно юная и прекрасная. Уединенныя прогулки по этимъ городамъ, нѣкогда славнымъ и оживленнымъ, а теперь тихимъ и молчаливымъ, чрезвычайно пріятны. Это безмолвіе, развалины, это павшее величіе, эхо, повторяющее каждый шагъ, все наводитъ какой-то таинственный страхъ, все возвышаетъ душу, все шевелитъ сердце... прошедшее становится яснѣе и лучше постигаешь настоящее!..

Италія спитъ глубокимъ сномъ, но не смотря на это, туда стремится юношеская мечта артиста, туда ѣдетъ строгій антикварій и туристъ съ вѣчной пустотой. Такъ велика прелесть остатковъ древности, остатковъ изящнаго! Дѣйствуй — и тебя будутъ знать, перестань дѣйствовать и тебя забудутъ. Италія сошла со сцены міра—и Европа объ ней забыла; древняя Италія извѣстна лучше новой, потому-что теперь въ Италіи все идетъ медленно и тихо, на перекоръ національному характеру. Большая часть италіянскихъ талантовъ, даже знаменитостей, извѣстны только въ Италіи; Европа объ нихъ не думаетъ, часто даже не подозрѣваетъ ихъ существованія... это грустно!.. это несправедливо! Многіе ли, напримѣръ, изъ бывшихъ въ Римѣ, слыхали о народномъ поэтѣ *Белли*, многіе ли знаютъ *Модену*, а Модена, по моему мнѣнію,—одинъ изъ первыхъ трагическихъ актеровъ въ Европѣ.

Театръ, по преимуществу, есть выраженіе народной жизни. Въ большей части Италіи жизнь померкла, искусства стали упадать, упалъ и театръ. Въ цѣлой Италіи, въ настоящую минуту, едва ли найдемъ двухъ или трехъ хоро-

шихъ актеровъ. За исключеніемъ театра Санъ-Карло, единственнаго въ своемъ родѣ, трудно встрѣтить хоть одну посредственную драматическую труппу. Обстановка вообще дурна, выборъ пьесъ—еще хуже. Рѣдко, рѣдко случится увидѣть что-нибудь изъ произведеній Гольдони, Альфіери, я уже не говорю о Гоцци; актеры избѣгаютъ великихъ мастеровъ, таланты такъ измельчали, что имъ не по силамъ великія произведенія, и они прибѣгаютъ къ французскимъ водевилямъ, передѣланнымъ на скорую руку. Опера въ Италіи тоже въ весьма не блистательномъ положеніи: замѣчательныхъ композиторовъ не много, а пѣвцовъ еще менѣе. Изъ комиковъ мнѣ не случилось видѣть ни одного, о которомъ бы стоило упомянуть. *Ристори*, извѣстная драматическая актриса, прекрасно декламируетъ стихи—и только, нѣтъ ни энергіи, ни страсти. Кто бы могъ подумать — и она еще дочь юга! *Модена*, одинъ только *Модена* заслуживаетъ уваженія, и по таланту, и по образованію; онъ не только великій актеръ, но и прекрасный режиссёръ; онъ душа своей труппы, и вотъ почему, при одномъ извѣщеніи объ его пріѣздѣ, театръ становится тѣсенъ для зрителей. Итальянцы чужды равнодушія, итальянцы способны понимать прекрасное, они любятъ искусство и хранятъ эту любовь, какъ святыню.

Изъ всѣхъ трагиковъ, которыхъ я видѣлъ, *Модена*, своею игрою, болѣе другихъ удовлетворилъ меня. Вообще, между трагическими актерами, мнѣ случалось встрѣчать таланты двухъ родовъ: одни изъ нихъ были люди даровитые, полные огня и одушевленія, но не имѣли способности, или не старались обдумывать своихъ ролей; другіе, на оборотъ, прекрасно создавали представляемыя ими лица, но игра ихъ отличалась какою-то холодностію, они не могли ни тронуть, ни потрясти зрителей, — имъ не доставало энергіи, имъ не дано было способности прочувствовать роль и, если нужно, прострадать. Можетъ быть, это происходитъ отъ трудности соединить въ себѣ оба эти качества, а можетъ быть, это зависитъ и отъ самаго взгляда на искусство. Критики часто задавали себѣ такой вопросъ: долженъ ли актеръ въ-самомъ-дѣлѣ сочувствовать роли, т. е. жить жизнію представляемаго лица, раздѣлять его радости, страдать его горемъ, или—только показывать видъ, что онъ страдаетъ, т. е. притворяться. Я помню, что одинъ изъ критиковъ съ завидною смѣлостію доказывалъ, что ак-

теръ долженъ притворяться, обманывать публику и въ доказательство онъ приводилъ то, что театръ есть иллюзія и что не возможно представить себѣ человѣка, который могъ бы плакать и страдать каждый вечеръ: откуда онъ возметъ столько слезъ?—вопрошаетъ онъ съ твердою увѣренностію, что на этотъ вопросъ не можетъ быть отвѣта.

Что такое сценическое искусство?—Искусство олицетворять тѣ или другіе характеры, созданные фантазіею поэта, или взятые изъ жизни, или изъ исторіи. Театръ есть представленіе человѣческой жизни во всѣхъ ея фазахъ и видоизмѣненіяхъ, во всемъ ея прекрасномъ и великомъ, во всемъ ея отвратительномъ, жалкомъ и мелочномъ. Театръ—это картина жизни—стало быть, театръ иллюзія; но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы здѣсь не было мѣста для истиннаго чувства, для искреннихъ слезъ, для глубоко-прочувствованнаго горя; на-оборотъ, здѣсь все должно быть согрѣто теплотою чувства и все приближено къ дѣйствительности его искренностію.—Странно же страдать надъ призракомъ! можетъ быть, мнѣ возразятъ нѣкоторые резонеры: странно же давать свои чувства тому, что не дѣйствительно, а имѣетъ только образъ дѣйствительнаго... Боже мой! да развѣ въ дѣйствительной жизни мы не дѣлаемъ того же самаго? развѣ каждому изъ насъ не случалось гоняться за мечтою и плакать *дѣйствительными* слезами надъ тѣмъ, что было только *призракомъ*?... Нѣтъ, на сценѣ страданія не дѣйствительны въ томъ только смыслѣ, что они оканчиваются съ паденіемъ занавѣса, что они не имѣютъ вліянія на всю жизнь лица, страдавшаго передъ нами въ той или другой роли. Но, въ ту минуту, когда актеръ стоитъ на помостахъ, когда онъ Гамлетъ, или Лиръ—онъ долженъ страдать такъ же, какъ бы страдали самъ Гамлетъ и самъ Лиръ, въ противномъ случаѣ—я не сочувствую его игрѣ, я не хочу и не могу трогаться заучеными словами и движеніями, въ которыхъ не участвуетъ душа. Нѣтъ, «*умѣй заплакать самъ, чтобы заставить насъ плакать*» вотъ въ чемъ дѣло! Для чего мы идемъ въ театръ? Не для того ли, чтобы быть тронутыми и потрясенными, не ищемъ ли мы въ театрѣ впечатлѣній?.. Поэтому, если даютъ комедію, пусть актеръ займетъ и разсмѣшитъ меня, если это трагедія—пусть актеръ взволнуетъ мои чувства. Театръ дѣло чисто-народное, поэтому актеръ долженъ имѣть въ виду всѣхъ зрителей, а не избранный кружокъ, а что

дѣйствуетъ на массу?—свободный порывъ чувства, сердце, говорящее сердцу; часто, одно слово, произнесенное отъ души, потрясаетъ всю залу,—потому-что гдѣ касается до сердца, тамъ всѣ васъ понимаютъ, всѣ вамъ сочувствуютъ, тогда какъ заученная тирада, искусно продекламированная, нравится только не многимъ. Декламаторы въ сценическомъ искусствѣ то же, что риторы въ литературѣ. Хорошимъ декламаторомъ, съ большимъ или меньшимъ усиліемъ, можетъ сдѣлаться всякій, хорошимъ актеромъ никогда; актеромъ, какъ и поэтомъ, надо родиться. Что же касается до забавнаго вопроса, «откуда актеру взять слезъ, чтобы плакать каждый день передъ собравшеюся толпою?» я отвѣтилъ бы тоже вопросомъ: «да что же такое, наконецъ, талантъ?... что служитъ выраженіемъ таланта, сила, или слабость?..... Каждый талантливый человѣкъ долженъ быть въ одно время и сильною натурой, выходящею изъ среды другихъ. Что возможно таланту, то не возможно каждому человѣку; человѣкъ обыкновенный, конечно, не можетъ страдать, безъ вреда своему здоровью, но сильная натура ищетъ этихъ страданій, въ нихъ она почерпаетъ новую силу и новую крѣпость... Это страданіе составляетъ ея жизнь... и наслажденія!... Что касается до меня, то я плохо вѣрю въ талантъ актера, котораго могутъ убить нѣсколько вадоховъ: такому человѣку нужно посовѣтовать не вступать на сцену, его мѣсто не на театрѣ, а въ больницѣ.

Обращаюсь къ *Моденѣ*, отъ котораго отвлекли меня эти вопросы объ искусствѣ. Въ *Моденѣ* мы находимъ счастливое сочетаніе двухъ качествъ: *природнаго таланта* и *сценическаго образованія*. Это явленіе весьма рѣдкое. Игра этого великаго актера всегда согрѣта теплотою чувства, крайне обдумана, воздержна и благородна; онъ умѣетъ и тронуть и потрясти зрителя. Я видѣлъ его нѣсколько разъ, но особенно двѣ роли произвели на меня сильное впечатлѣніе—это роль министра, въ комедіи *Клевета*, и роль Людовика XI-го. Роль министра въ комедіи Скриба принадлежитъ къ числу, такъ называемыхъ, *благодарныхъ* ролей: всякій, хоть немного даровитый, актеръ будетъ въ ней хорошъ, потому-что роль говоритъ сама за себя; но сыграть роль и создать роль—двѣ вещи разныя. *Модена* создалъ роль и съ какимъ знаніемъ дѣла!.. Я послѣ видѣлъ эту комедію въ Парижѣ и совершенно остался недоволенъ

главнымъ дѣйствующимъ лицемъ. *Модена* прекрасно олицетворилъ собою честнаго гражданина-министра, привыкшаго бороться, побѣждать и управлять. Сколько увѣренности, твердости и силы! Я не говорю уже о патетическихъ мѣстахъ, о разсказѣ его жизни—это верхъ совершенства! Сколько спокойной грусти и достоинства въ его взорѣ, въ его словахъ, въ его движеніяхъ! Вотъ одна изъ ролей, мастерски созданныхъ, исполненіе которой добывается не легко. Людовикъ XI и Филиппъ II лучшія роли въ его репертуарѣ. Я не видалъ его въ Филиппѣ II-мъ. Говорятъ, весьма интересно видѣть его въ обоихъ лицахъ, чтобы понять, какъ онъ глубоко постигаетъ созданные имъ характеры. Филиппъ II и Людовикъ XI—оба деспоты, оба повелѣвали и правили королевствомъ самовластно; но одинъ изъ нихъ—деспотъ раздражительный, брюзгливый, другой—мрачный, холодный, сосредоточенный въ самомъ себѣ: въ одномъ еще проглядываетъ что-то похожее на человѣческое чувство; въ душу другаго, по выраженію поэта, не заглядывалъ никогда лучь чувства. Всѣ малѣйшіе оттѣнки этихъ характеровъ, говорятъ, выражаются Моденою съ рѣдкимъ совершенствомъ. Когда Казимиръ Делавинь, въ бытность свою въ Италіи, увидѣлъ *Модену*, то сказалъ, что *Модена* лучше его понялъ Людовика XI. Въ-самомъ-дѣлѣ, роль создана художнически. Видѣвши разъ *Модену* въ Людовикѣ XI, такъ запечатлѣваешь въ памяти этотъ образъ, что увидѣвъ другаго въ этой роли, невольно скажешь: нѣтъ, это не Людовикъ XI. Голосъ, походка, движеніе, подергиваніе щеки, пораженной параличемъ, все поражаетъ какимъ-то ужасомъ; такъ и кажется, что живешь въ средневѣковой Франціи. Послѣдняя сцена особенно ужасно-прекрасна. Я никогда не забуду этотъ хриплый голосъ, эти невѣрные шаги, блуждающіе взоры, холодный потъ и предсмертные судороги. «Молитесь, молитесь!»—восклицаетъ онъ въ ужасѣ, и отъ его голоса невольно вздрагиваетъ зритель,—«молитесь—я повелѣваю!»—повторяетъ онъ—и падаетъ мертвымъ. Это впечатлѣніе онъ произвелъ не на меня одного, а на всю публику: занавѣсъ опустился, а зрители, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, оставались неподвижными; такъ поразила ихъ игра артиста; потомъ раздались громкія и единодушныя рукоплесканія и, можетъ быть, никогда они не были болѣе заслужены...

Модена оставляетъ сцену, которая въ лицѣ его поне-

сетъ большую, невозвратную потерю: разстроенное здоровье не позволяетъ ему болѣе продолжать поприща, на которомъ онъ подвизался съ такою честію. Бурная молодость, бѣгство изъ отчизны, американскій климатъ — все это убило его прежде времени, и онъ хочетъ провести остатокъ дней своихъ въ уединеніи, любуясь чистою лазурью итальянскаго неба... Каждый, видѣвшій его, не обязанъ ли за глубоко-эстетическія наслажденія пожелать ему хоть спокойной старости?...

Труппа *Модены* принадлежитъ къ числу кочующихъ; она сформирована хорошо, пьесы ставятся рачительно, костюмы то же хороши. Изъ актрисъ замѣчательна своимъ дарованіемъ *Мейеръ*, молодая дѣвушка, подающая большія надежды, и молодой актеръ *Бельотти*, который прекрасно играетъ роли повѣсъ, въ небольшихъ итальянскихъ фарсахъ. Итальянскіе фарсы очень забавны и смѣшны, подъчасъ бываютъ даже грубы, но грубость эта выкупается оживленною игрою и непринужденною веселостію. Фарсы, содержаніе которыхъ заимствовано изъ студентской жизни, имѣютъ здѣсь особенный успѣхъ: въ Падуѣ университетъ и между зрителями всегда много студентовъ, которыхъ очень забавляетъ ихъ бытъ, выведенный на сцену. Зданіе театра ветхо и некрасиво, зала велика, но убрана бѣдно; цѣна мѣстамъ болѣе, нежели умѣренная (*); въ зрителяхъ недостатка не бываетъ; но такъ, какъ въ городѣ всегда почти мало иностранцевъ, то партеръ наполняютъ студенты и австрійскій гарнизонъ — двѣ вѣчно-враждующія партіи.

Признаюсь, я оставилъ Падую съ сожалѣніемъ; мнѣ хотѣлось видѣть еще разъ *Модену*, но какъ онъ играетъ довольно рѣдко, то ждать его спектаклей я не имѣлъ никакой возможности. Когда я оставлялъ этотъ небольшой городъ, гдѣ я провелъ нѣсколько пріятныхъ вечеровъ, мнѣ невольно пришла въ голову мысль о томъ, какъ несправедливы авторы, которые предполагали, что Италія уже умерла. — Нѣтъ, Италія только спитъ и, по моему, для нея возможно пробужденіе. Страна, въ которой сохранилась еще искра любви по прекрасному, въ которой есть еще таланты и искусства, умереть совершенно

(*) Кресло стоитъ *цванцигеръ*, 20 коп. сереб. на наши деньги.

не можетъ. Прощай! Когда ты будешь читать эти строки, я буду уже въ Веронѣ — въ поэтической родинѣ Ромео и Джульетты.

М. К.

О ТЕАТРѢ ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ.

(*Письмо къ Редактору*).

Я пріѣхалъ въ Лейпцигъ за нѣсколько дней до начала ярмарки. Апрѣльская ярмарка замѣчательна тѣмъ, что на нее сбираются всѣ нѣмецкіе книгопродавцы и тамъ, въ особой биржѣ, ведутъ счеты, заключаютъ контракты, продаютъ, мѣняютъ, словомъ, поступаютъ съ произведеніями англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ авторовъ, какъ и со всякимъ другимъ товаромъ. Въ первые дни моего пріѣзда въ городъ было еще тихо, только въ гостиницахъ начиналось уже движеніе, обѣденные столы начали наполняться пріѣзжими; здѣсь было прямое смѣшеніе лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній, я не говорю одеждъ, потому-что всѣ, болѣе или менѣе, были одѣты по парижской модѣ, смотря по таланту артиста-портнаго, и большая часть была съ приличными бородами. Въ гостинницахъ все было въ три-дорого, къ крайнему удовольствію содержателей и къ крайней досадѣ пріѣзжихъ; жаловаться на дороговизну не было никакой возможности, все извинялось ярмаркой и слово: *по случаю ярмарки* играло въ каждомъ счетѣ большую роль. Съ каждымъ днемъ пріѣзжающихъ на ярмарку по разнымъ дѣламъ, становилось болѣе и болѣе, городъ оживился,... Лейпцигъ превеселый, прекрасивый и во время ярмарки — преоживленный городокъ.... онъ весь опоясанъ бульварами, которые то съуживаются въ одну полосу, то принимаютъ видъ и ширину сада; площади украшены лужайками, кустарниками и цвѣтами, которыя, разумѣется, еще въ такую раннюю пору не могли цвѣсти; цѣлый день по бульварамъ гуляетъ густая толпа... вездѣ строятъ лавки и лавочки... первые лучи весенняго солнца грѣютъ такъ отрадно... прекрасная погода

невольно располагаетъ къ прогулкѣ, и невольно двигаешся вмѣстѣ съ этою толпою, безъ цѣли и безъ плана. Вообще, здѣсь отъ погоды зависитъ успѣхъ цѣлой ярмарки: дурна погода, — покупателей мало, погода разгулялась — и все спѣшитъ въ Лейпцигъ. Здѣсь сообщенія быстры, сѣлъ да поѣхалъ... и нерѣдко въ два-три хорошіе дня прибываетъ нѣсколько тысячъ посѣтителей. На этотъ разъ, между прочимъ, было много лошадей и лошадиныхъ охотниковъ; ихъ легко узнать по ихъ длиннымъ усамъ, по ихъ картузамъ странной формы, а вообще по ихъ страннымъ пріемамъ, они собираются въ Hôtel de Prusse, и пируютъ, пьютъ шампанское и ловко ловятъ дичь, т. е. молоденькихъ охотничковъ съ туго-набитыми бумажниками. Это тѣ же цыгане, только безъ бороды, или если хотите съ бородой, только другой формы; это тѣ же цыгане, только въ какихъ-нибудь замысловатыхъ пальто, вмѣсто красной рубашки и армяка, а нравы и обычаи тѣ же — это больше ничего, какъ цивилизированные цыгане. Походивши по городу, я бросился осматривать публичные памятники, какъ это обыкновенно дѣлается, но большую часть изъ нихъ не видалъ, или видѣлъ однѣ только рѣшетки. Въ Лейпцигѣ весьма странное обыкновеніе скрывать памятники на зимнее время деревянными будочками... Для чего и воздвигать памятники, когда ихъ можно видѣть только при хорошей погодѣ? Въ городѣ я былъ совершенно одинъ, никого не зналъ, ни съ кѣмъ не хотѣлъ заводить знакомства, чтобы хоть нѣсколько дней провести на совершенной свободѣ, отрѣшивъ себя отъ всѣхъ обязанностей, которыя налагаетъ на насъ общество. Вечеромъ, я пошелъ въ театръ, пріятно провелъ вечеръ и во время моего недолгаго пребыванія въ Лейпцигѣ посѣщалъ театръ каждый день. Я не ожидалъ отъ лейпцигскаго театра ничего порядочнаго, особенно во время ярмарки; я думалъ, что будутъ давать фарсы, на-скоро приготовленные, дурно слаженные, потому-что въ городѣ, въ которомъ нѣсколько тысячь пріѣзжаго народа, недостатка въ зрителяхъ быть не можетъ, но вышло наоборотъ. Лейпцигскій театръ въ весьма хорошемъ положеніи, я бывалъ въ немъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что въ немъ не ожидалъ найдти такъ хорошо сформированную труппу и такихъ талантливыхъ актеровъ. Театральное зданіе не дурно, зала довольно помѣстительна, расположена полукру-

гомъ и ярко освѣщена газомъ; мѣста въ ложахъ расположены въ видѣ амфитеатра, мѣста въ партерѣ очень дешевы, но тѣсны и неудобны. За полчаса до начала спектакля, партеръ уже занятъ шумною толпою, которая не знаетъ, или лучше сказать, не хочетъ знать никакихъ приличій. Ничего нѣтъ скучнѣе и досаднѣе, какъ оставаться здѣсь во время антрактовъ. Громкій разговоръ, споръ, свистъ — не даютъ вамъ покою. Зрители, сидящіе въ партерѣ, переговариваются съ зрителями, помѣщенными въ ложахъ, оркестръ начинаетъ играть.... публика приходитъ въ негодованіе; одна часть хочетъ, чтобы оркестръ продолжалъ играть, другая хочетъ, чтобы начинали пьесу,.. Начинается шумъ, споръ и нерѣдко все это кончается дракой. Когда я въ первый разъ увидѣлъ подобныя сцены въ театральной залѣ, онѣ меня весьма забавляли и смѣшили; но когда такія сцены, въ разныхъ видахъ, начали повторяться каждый день, то это становилось невыносимымъ. Въ одинъ изъ вечеровъ, подобная сцена едва было не приняла трагическое окончаніе. Въ партерѣ, куда собираются всѣ записные забіяки, въ различныхъ концахъ залы, сидѣли два врага — театрала. Во время перваго антракта они сходились, говорили, спорили, шумѣли, одинъ изъ нихъ удивительно острилъ, къ большому удовольствію нѣкоторой части публики, которая громкимъ смѣхомъ изъявляла свой восторгъ. Въ продолженіе пьесы, они вели себя очень тихо, во время втораго антракта они сошлись снова и заговорили такъ, что на ихъ сторону обратилась вся публика... я тоже взглянулъ и что же?...

Они въ ручной вступили бой...
Грудь съ грудію, рука съ рукой...

Нѣкоторые изъ зрителей кинулись разнимать ихъ.... пріятели двухъ бойцовъ спѣшили подать помощь... Многіе изъ любопытныхъ зрителей старались узнать причину размолвки; иные хотѣли помирить враждующія партіи, другіе кричали; hinaus! hinaus! fort! fort! Безпорядокъ въ залѣ былъ страшный; кто-то изъ претерпѣвшихъ пораженіе началъ рѣчь къ публикѣ на латинскомъ языкѣ; наконецъ, нѣсколько сильныхъ рукъ схватили обоихъ зачинщиковъ и вытащили за двери. — Въ залѣ водворилась тишина, начали третій актъ пьесы и все пошло своимъ чередомъ.

Я описываю вамъ эту сцену нарочно для того, чтобы дать понятіе о лейпцигской ярморочной публикѣ, пото-

му-что я не думаю, чтобъ она была такою во всякое время... Это тоже *по случаю ярмарки*. Впрочемъ, не смотря на то, что публика здѣсь такъ шумна и безпокойна, она очень хорошо понимаетъ театръ и очень взыскательна. Отъ публики перейдемъ къ актерамъ. На лейпцигской сценѣ есть два, три замѣчательныхъ таланта, женскія роли исполняются гораздо слабѣе, а въ цѣломъ небольшія комедіи разыгрываются весьма удовлетворительно. Мнѣ случилось видѣть здѣсь нѣсколько комедій, которыя я видѣлъ прежде въ Берлинѣ и, не смотря на то, что берлинская комедія лучшая въ цѣлой Германіи, я смотрѣлъ на исполненіе этихъ же самыхъ пьесъ въ Лейпцигѣ съ удовольствіемъ. Комедіи Лаубе Rococo oder die alten Herren, была разыграна въ Берлинѣ съ рѣдкимъ совершенствомъ; ту же самую комедію я видѣлъ въ Лейпцигѣ, и хотя она здѣсь была исполнена слабѣе, но все таки видѣлъ ее еще разъ не безъ удовольствія. Морръ въ роли маркиза и Мейснеръ въ роли аббата были очень хороши; жаль только, что Морръ впадалъ часто въ декламацію и мѣрилъ свою роль на трагическую мѣрку; положеніе можетъ быть драматическимъ и въ комедіи, не только положеніе, но и цѣлая роль, но все таки ее не должно мѣрить на трагическую мѣрку, и тонъ комедіи долженъ быть соблюденъ повсюду... Въ соблюденіи же этой воздержности и въ умѣньи остаться въ надлежащихъ границахъ—заключается искусство артиста. Мейснеръ прекрасный водевильный актеръ, игра его всегда оживленная, исполнена благороднаго комизма и маленькія роли въ водевиляхъ онъ играетъ съ большимъ искусствомъ. Я, между прочимъ, видѣлъ его въ небольшой пьескѣ, нарочно для него переведенной съ французскаго: Der doppelte Frölich. Вся пьеса основана на сходствѣ двухъ лицъ; онъ мастерски играетъ оба эти лица: голосъ, манеры, выраженіе, походка, все измѣняется съ удивительною ловкостію — и водевиль, при его игрѣ, получаетъ особенный интересъ.

Вообще небольшія комедіи и водевили прекрасно исполняются на лейпцигской сценѣ; вы не увидите этого ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ (*), гдѣ небольшія пьесы въ ка-

(*) Впрочемъ въ Вѣнѣ на Леопольдштадскомъ-Театрѣ даютъ тоже водевили и оперетки, передѣланные съ французскаго Нестроемъ, гдѣ очень забавенъ комикъ Шольцъ; но всѣ эти пьески —болѣе фарсы, чѣмъ водевили.

комъ-то презрѣніи; тамъ любятъ пяти-актныя комедіи съ длинными монологами. Въ Лейпцигѣ есть тоже и опера — и по моему, это напрасно. Опера требуетъ большихъ издержекъ; чтобы имѣть порядочную оперу, надо имѣть большія средства, а средства лейпцигскаго театра весьма не велики. Опера требуетъ хорошаго оркестра, хорошей обстановки, а все это достать не легко; по этому, не лучше ли было бы отказаться отъ оперы и удовольствоваться комедіями и водевилями, которые, какъ мы уже сказали, идутъ здѣсь очень хорошо. Опера плоха, оркестръ дуренъ, а обстановка еще хуже; по счастію, оперы здѣсь играютъ только разъ въ недѣлю.

Вотъ все, что я могу вамъ сказать о лейпцигскомъ театрѣ. Если взять въ соображеніе средства города, то нельзя остаться вполнѣ не удовлетвореннымъ этимъ маленькимъ театромъ и небольшою труппою. Дирекція, съ своей стороны, дѣлаетъ все, что можетъ; за то и публика всѣми силами поддерживаетъ театръ, что и придаетъ актерамъ новыя силы и рвеніе, потому-что ничто такъ не вредитъ, ничто такъ не убиваетъ артиста, какъ холодность и равнодушіе публики.

М. К.

СМѢСЬ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Сигналы музыкальные:

Концертная пора открылась въ Петербургѣ со второй недѣли поста. Два концерта уже дано. Одинъ Вьетана; другой г. Кажинскаго. Концертъ въ настоящемъ своемъ значеніи имѣетъ свой опредѣленный смыслъ и высокую заслугу въ области искусства. Таковъ былъ концертъ Вьетана, котораго замѣчательный талантъ слишкомъ извѣстенъ цѣлому міру, чтобы еще нужно было что-либо сказать о немъ. Но, въ Германіи, гдѣ музыка составляетъ пятую стихію, безъ которой добрые нѣмцы существовать не могутъ, какъ безъ воздуха, воды, огня и земли, гдѣ каждый городокъ имѣетъ свое музыкальное общество, каждый крестьянинъ поетъ, каждый уличный мальчишка играетъ на какомъ-нибудь инструментѣ и каждый бездомный бобыль, ни къ чему не пригодный, сочиняетъ по-крайней-мѣрѣ вальсики, галопцы и польки,—въ Германіи повсюду есть странствующіе и постоянные оркестры, болѣе или менѣе богатые талантами и средствами, болѣе или менѣе обширные. Эти оркестры образуются—бѣдными музыкантами, композиторами полекъ и вальсовъ, которыхъ способности не простираются дальше этой сферы, но которые величаютъ себя громкимъ титломъ *директоровъ музыки* и идутъ съ оркестромъ своимъ въ кабалу къ загороднымъ трактирщикамъ или пивнымъ торговцамъ, въ такъ-называемые-Bierhallen.—Новый хозяинъ директора музыки и его оркестра, обыкновенно употребляетъ ихъ для приманки почтеннѣйшей публики. Съ утра до ночи играютъ они польки, вальсы и галопы, и называютъ это такъ-же концертами. Но концерты, въ этомъ смыслѣ,

такъ обыкновенны въ Германіи, что за нихъ даже ничего не платятъ: при входѣ въ залу, съ васъ берутъ только полтину мѣдью за право, потребовать себѣ бутылку вина, двѣ стопы (Stangen) пива или стаканъ кофе, на что и выдается вамъ контрмарка. Бываетъ, что между этими директорами музыки и выскользнетъ дѣйствительно талантливый и замѣчательный музыкантъ, какъ это случилось съ берлинскимъ Гунгелемъ, вѣнскимъ Штраусомъ, прагскимъ Ланнеромъ, съ извѣстнымъ у насъ Лабицкимъ. Но это рѣдкость! Однакожъ, все-таки это люди съ большимъ или меньшимъ, дарованіемъ, ибо безъ дарованія въ Германіи музыканту нѣтъ спасенія. Тамъ нельзя себя выдать ни за генія, ни за великаго знатока, ни за маэстро—не представя на то очевидныхъ доказательствъ,—иначе, тотчасъ найдутся сотни людей свѣдущихъ, которые узнаютъ Сеньку по шапкѣ, и тутъ же выведутъ молодца на свѣжую воду. Бездарные члены этихъ оркестровъ, обыкновенно пускаются по свѣту, искать, «гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ», а болѣе, гдѣ есть *деньги*. Они странствуютъ, или компаніями или по одиночкѣ; разсыпаются по Польшѣ, Россіи, Молдавіи, даже заходятъ въ Константинополь. Мы встрѣчаемъ ихъ ежедневно на нашихъ дворахъ и улицахъ. Болѣе ловкіе, отважные и пронырливые, успѣваютъ устроиться или около богатаго человѣка, гнѣтомаго бѣсомъ музыкальнаго творчества, безъ призванія и таланта, для котораго они пишутъ, что умѣютъ, а онъ потомъ выдаетъ это за свое; или около какого-нибудь оркестра.

Отъ нихъ-то и къ намъ въ Россію занесено ложное значеніе *концерта*. Гунгль игру свою въ Павловскомъ воксалѣ, и Германъ свои вечера на Крестовскомъ—такъ же называютъ большими инструментальными *концертами*. Но, въ составъ истинно-эстетическаго концерта не должны входить музыкальныя злоупотребленія, эти кривлянья и ломанья звуковъ, называемыя *польками* и *галопами*, для большаго эффекта которыхъ употребляются даже совсѣмъ не музыкальныя орудія — вѣники, побрякушки, хлопушки, кастаньетки, колокольчики, пищалки, и только недостаетъ, вмѣсто афеклеидъ, курскихъ свадебныхъ тазовъ и сковородъ, о которыхъ я имѣлъ случай упомянуть въ послѣднемъ нумерѣ «*Пантеона*». Въ составъ такого концерта не могутъ такъ же входить вздорные водевильные романсики или пѣсенки, спѣтые водевильными артистами. Что очень мило въ водевилѣ, можетъ быть очень плохо—взятое, какъ отдѣльное цѣлое. Пѣвецъ или пѣвица, выступающіе въ концертѣ, являются показать публикѣ обширное развитіе и высокую степень искусства, до которой они довели свои голоса. Для этого они выбираютъ трудныя бравурныя аріи изъ знаменитыхъ

оперъ, аріи, для выраженія которыхъ потребны особенный вкусъ, умѣнье, энергія. Когда на помостахъ концертной залы появятся Рубини, Тамбурини, Віардо, Мара — это понятно и пріятно. Но не можетъ быть того же, когда бы вздумали намъ вывесть, вмѣсто ихъ, гг. Самойлова, Смирнова, Аллана, г-жъ Самойлову, Жюлеву, Майеръ, хотя они всѣ одинаково мило поютъ водевильные куплеты. Спѣть за фортепьяно или съ водевильнымъ квартетомъ, подъ напѣвъ первой скрипки или кларнета, легенькій романсикъ, непретендательную пѣсенку, — не значитъ еще быть *артистомъ* въ области искусства пѣнія; а *не артистъ* не долженъ выступать въ концертѣ, помня стихъ Скриба:

Un amateur qui chante—cela ne conte pas plaisir!

То же самое можно сказать и о членахъ оркестровъ, объ учителяхъ музыки. Можно очень хорошо преподавать фортепьянную школу—и быть весьма плохимъ пьянистомъ; можно очень усердно исполнять свое дѣло въ оркестрѣ, очень вѣрно взять двадцать нотъ, удѣленныхъ въ большой оперѣ—трубѣ, или быстрые и пѣвучіе пассажи, назначенные для скрипокъ, но, въ тоже время, совсѣмъ не быть геніемъ трубы и скрипки, а только одни геніи инструмента могутъ безнаказанно замѣнять имъ передъ публикою цѣлый оркестръ; въ противномъ-же случаѣ, они—мученики своего мелкаго самолюбія,—становятся мучителями ушей и чувства слушателей.

Двѣ новыя аріи изъ новой оперы г. Львова «*Ундина*», снѣтыя въ концертѣ Кажинскаго, судя по впечатлѣнію, ими производимому, не должны быть лучшими въ оперѣ. Игра гг. Герольда—на трубѣ, Боде—на скрипкѣ, и Брикона—на фортепьянахъ—далеко не принадлежатъ къ числу тѣхъ явленій въ искусствѣ, о которыхъ стоитъ потратить слово. Послѣдній даже былъ очень неблагосклонно отблагодаренъ публикою, что, вѣроятно, послужитъ ему полезнымъ назиданіемъ на будущее время. Г. Кажинскій аранжировалъ для оркестра пѣсню Шуберта «*Лѣсной царь*». И поэзія и музыка этой пѣсни проникнуты глубокою идеей мистицизма и фантастическаго. Лѣсной царь—не простой лѣшій, который хохочетъ во все горло трубъ и фаготовъ, это существо мистическое, выражающееся тихими, упоительными, многозначущими, и въ то же время, приводящими въ трепетъ, звуками, а не такъ, какъ.... Что же касается до «*арабской польки*» г. Кажинскаго, то мы не признаемъ никакой польки художественнымъ произведеніемъ; будь она польская, венгерская, татарская или арабская — это все только тарабарская музыка, потому-что позвонки, кастаньетки, пищалки, палки и вѣники — имѣютъ

совсѣмъ другое назначеніе—и не могутъ служить для произведенія гармоніи. Арабы никогда не отличались особенною музыкальностію; мы понимаемъ *арабскую музыку* только въ томъ смыслѣ, въ какомъ понялъ ее Фелисьенъ Давидъ, подслушавшій и передавшій въ своей «*Пустынѣ*» дивную гармонію степей, этой природы дикой и величественной, необъятной и поэтической. Въ его твореніи преобладаетъ живопись, а живопись не можетъ помѣститься въ однообразныхъ и пошлыхъ темпахъ *польки*. Г. Кажинскій, кажется, почерпнулъ кое-что изъ этой музыкальной эпопеи, но клочки живописи не составляютъ картины. Кто-то изъ остряковъ сказалъ объ его *арабской полькѣ*, что это—un desert de pensée. Мы съ нимъ согласны.

Но мы имѣемъ за то другія наслажденія, явился Эрнстъ, одинъ изъ скрипичнаго тріумвирата, составляемаго имъ, Оле-Булемъ и Вьетаномъ. Слышать этого артиста намъ необходимо для составленія себѣ полнаго понятія о высокой степени совершенства, на которую поставлена скрипка въ наше время. Явится г-жа Кристіани, молодая віолончелистка, которая восхищала причудливыхъ парижанъ, и удивила всю Европу своимъ чуднымъ господствомъ надъ віолончелемъ, этимъ полу-инструментомъ, полу-лошадью.

Великій, упоительный Блазъ уже здѣсь. Онъ опять льетъ въ душу сладкій нектаръ своего пѣвучаго кларнета, онъ опять заставляетъ жадное ухо прислушиваться къ его замирающему эху. Любовь и страсти, заключенныя въ его кларнетѣ, опять поютъ свои мелодическія, сладкія пѣсни. Но на этотъ разъ превосходный артистъ явился къ намъ не одинъ: съ нимъ его талантливая супруга, извѣстная уже петербургской публикѣ пѣвица,—г-жа Мерти. И она доставляетъ намъ удовольствіе опять послушать ея пріятнаго и звучнаго голоса.

Прибыли также—изъ Берлина, извѣстный въ Германіи композиторъ *Арнольдъ* съ своимъ сыномъ, молодымъ віолончелистомъ, о которомъ нѣмецкіе журналы не разъ высказывались съ особенною похвалою; изъ—Дармштата знаменитый контрабасистъ—Мюллеръ, который умѣлъ придать своему неуклюжему инструменту грацію и пріятность, а это почти то же, что выучить медвѣдя плясать венгерскую польку.

Все это мы слышали, и дадимъ обо всемъ отчетъ нашимъ читателямъ.

Сигналы художественные.

—Въ художественномъ мірѣ мы за долгъ почитаемъ указать

на два изданія: на *Сто рисунковъ*—къ «мертвымъ душамъ» Гоголя, рисованнымъ Агинымъ и издаваемымъ граверомъ на деревѣ Бернардскимъ, и на *Ералашъ*, издаваемый г. Неваховичемъ. Г. Бернардскій отличный рѣщикъ на деревѣ; онъ въ этомъ дѣлѣ истинный артистъ, потому-что рѣзецъ его смѣлъ и своенравенъ, и гравюра его всегда отличается свободою и небрежностію, чуждою рабской боязни и подчиненности робкаго кописта, который, обыкновенно, мертвитъ мысль художника, перенося ее на металлъ или дерево. Глядя на гравюру г. Бернардскаго, кажется видишь вольный и разгульный карандашъ самого рисовальщика. «Мертвыя души» Гоголя представляютъ очень много чисто русскихъ характеровъ, много чертъ, списанныхъ прямо съ натуры, и художники очень хорошо сдѣлали, что выбрали это сочиненіе для иллюстраціи. Ихъ изданіе, независимо отъ книги Гоголя, составитъ очень интересный каррикатурный альбомъ изъ русскаго быта, которымъ вѣрно каждый пожелаетъ запастись. До-сихъ-поръ вышло *пятьнадцать выпусковъ* этого изданія, въ каждомъ заключаются четыре картинки, и такъ всего вышло 60 рисунковъ, и надо замѣтить, что рисунки эти съ каждымъ выпускомъ улучшаются и становятся интереснѣе. Всѣхъ рисунковъ будетъ сто. (*) Намъ еще неразъ придется сказать слово объ этомъ изданіи до его окончанія.

—*Ералашъ*—есть альбомъ чисто-каррикатурный, который такъже выходитъ тетрадями. Онъ отличается остроуміемъ, не заимствованнымъ, а самобытнымъ. Здѣсь, многія ловко-подмѣченныя черты изъ жизни, многіе характеры, многія тайны — рельефно выходятъ наружу. Каждая тетрадка этого альбома — стоитъ доброй комедіи: олицетворенія его замысловаты и назидательны въ высшей степени. Когда-нибудь мы потѣшимъ нашихъ читателей его оригинальными лицами и выставимъ явленія, описываемыя въ немъ остроумнымъ, но, иногда, слишкомъ поспѣшнымъ карандашемъ.

Сигналы литературные.

—Въ области литературы есть такъ же явленія замѣчательныя и любопытныя. Вышли въ свѣтъ, въ прекрасномъ изданіи, «Полныя сочиненія Ивана Крылова», нашего великаго баснописца. За это изданіе, не только красивое, но даже роскошное, русская пуб-

---

(*) Цѣна за все изданіе 10 руб. сер., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сер. Подписка принимается у издателя, на Васильевскомъ Островѣ, по 9 линіи, за Малымъ Проспектомъ, въ домѣ *Антоновой*.

лика обязана книгопродавцу, г. Юнгмейстеру. Драматическая часть сочиненій Крылова подлежитъ нашему разбору, и мы выскажемъ о ней наше мнѣніе въ слѣдующей книжкѣ «Пантеона». Пьесы Крылова до-сихъ-поръ держатся на сценѣ и еще долго не сойдутъ съ репертуара; между-тѣмъ, въ печати ихъ давно уже нельзя было достать, несмотря на многочисленныя ихъ изданія. Собраніе полныхъ сочиненій этого патріарха въ русской литературѣ есть истинная заслуга передъ Россіею.

—Г. Жандръ издалъ переводъ Байронова «Дона-Жуана»; это явленіе, заслуживающее уваженіе, хотя бы оно и не вполнѣ удовлетворяло поклонниковъ британскаго поэта, коротко знакомыхъ съ подлинникомъ. И то хорошо, что удастся познакомиться съ великимъ писателемъ, хотя, можетъ быть, съ перваго знакомства и не вполнѣ узнаешь его характеръ. Мы поговоримъ поподробнѣе о трудѣ г. Жандра, сличимъ его — и кто знаетъ, можетъ быть, уличимъ въ нѣкоторыхъ грѣшкахъ. Да кто же на свѣтѣ не въ грѣхѣ живетъ?...

—

ОТКРЫТІЕ ТЕАТРА ВЪ АРХАНГЕЛЬСКѢ.

Всякое усиліе къ распространенію въ народѣ вкуса къ сценическимъ зрѣлищамъ надо почитать новымъ шагомъ на поприщѣ народнаго образованія. Потому, мы всегда съ особенною радостію слышимъ объ открытіи театровъ внутри Россіи. Въ провинціяхъ южной и средней Россіи почти вездѣ уже существуютъ постоянныя или временныя сцены, и нѣкоторыя изъ нихъ, по своему составу и средствамъ достойны особеннаго вниманія; таковъ, на-примѣръ, театръ нижегородскій. Но на сѣверѣ нашего отечества благородное наслажденіе сценическими зрѣлищами еще весьма рѣдко. Къ-счастію, само правительство заботится о томъ, чтобы и тамъ сдѣлать его всеобщимъ достояніемъ.

Такъ, 8-го декабря прошлаго года, открытъ въ Архангельскѣ публичный театръ.

Тому болѣе полувѣка, какъ правительство заботилось уже объ учрежденіи подобнаго заведенія. По ходатайству бывшаго генералъ-губернатора Тутолмина ассигнованы были на этотъ предметъ значительныя суммы и построено приличное, каменное зданіе; но разныя случайныя обстоятельства измѣнили ходъ дѣла, и въ 1799 году театръ обращенъ въ хлѣбный, общественный магазинъ, который и досихъ-поръ еще носитъ названіе *опернаго дома*.

Въ 1843 году возобновилось предположеніе объ учрежденіи въ

Архангельскѣ постояннаго театра. Сама публика сдѣлала на этотъ предметъ значительное пожертвованіе. Тогда приступлено было къ выполненію предположенія, и въ 1844 году театръ былъ достроенъ до крыши: но, къ-сожалѣнію, не достало способовъ окончить постройку.

Когда (*) всѣ обстоятельства этого дѣла доведены были (**) до свѣденія Государя Императора, Его Величество, въ 17-й день іюня, 1845 года, повелѣть соизволилъ: «на окончательное устройство театральнаго зданія въ городѣ Архангельскѣ отпустить изъ общихъ остатковъ городскихъ доходовъ 1844 года, единовременно, шесть тысячь рублей серебромъ, а на ежегодное содержаніе театра производить въ годъ по тысячѣ рублей серебромъ.»

Высочайшія щедроты не только дали совершенную возможность довершить начатую постройку; но и упрочили навсегда существованіе театра въ Архангельскѣ.

Составленный для окончательной отдѣлки зданія комитетъ, подъ предсѣдательствомъ г. гражданскаго-губернатора, въ продолженіе полутора года, успѣлъ свершить свое назначеніе, съ отличнымъ успѣхомъ.

Театръ находится на одной изъ лучшихъ улицъ города — на среднемъ проспектѣ и расположенъ по образцу Александринскаго театра. Длина его 20, ширина 9 и высота $5^1/_2$ саж. Всѣхъ ложъ, въ первомъ ярусѣ, 15, во второмъ 12, креселъ шесть рядовъ (102 мѣста); за креслами 90, въ галлереѣ до 200; всего можетъ помѣститься публики до 650 человѣкъ. Полъ подвижной; во время собраній онъ соединяется со сценою и образуетъ огромную танцовальную залу. Главныхъ входовъ три, подъѣзды съ двухъ улицъ просторные, лѣстницы и корридоры широкіе и удобные. Вообще, въ театрѣ этомъ приняты всѣ мѣры для безопасности и спокойствія публики.

По краткости времени, не могла еще образоваться постоянная труппа актеровъ, но, на первый случай, представленія выполняются весьма удовлетворительно. 8-го декабря представлены: водевиль «Супруги-Арестанты» и комическая опера «Ямъ»; 17-го декабря, «Актеры между собою;» 27-го, «Дѣдушка Русскаго Флота» и «Чиновникъ по особымъ порученіямъ;» а 2-го января нынѣшняго года «Заколдованный Принцъ,» и «Ямщики, или какъ гуляетъ староста Семенъ Ивановичъ.»

(*) По ходатайству военнаго-губернатора, маркиза де-Траверсе.

(**) Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Во всѣ эти представленія театръ былъ полонъ, и нѣтъ сомнѣнія, что и на будущее время, публика поддержитъ это полезное въ общественномъ быту учрежденіе, въ особенности, когда артисты разовьютъ свои способности практическимъ изученіемъ сценическаго искусства.

Такимъ образомъ, за 64° широты, въ царствѣ холода и мрака, гдѣ и физическая природа скудѣетъ въ своихъ дарахъ, воздвигнутъ новый храмъ искусствъ и доставлены обществу, состоящему большею частію изъ заѣзжихъ должностныхъ лицъ, новыя средства посвящать досуги свои зрѣлищамъ изящнымъ и назидательнымъ, которыя производятъ благотворное вліяніе на смягченіе нравовъ и содѣйствуютъ распространенію духа общественности.

—

АВТОРЪ «РОБИНЗОНА КРУЗО» У ПОЗОРНАГО СТОЛБА.

(*Изъ книги Филарета Шаля* «Le XVIII siècle en Angleterre.»)

Это было 30-го іюня 1703 года. Выкрашенный красною краскою, эшафотъ возвышался за *Тэмпльбаромъ*. Тэмпльбаромъ или заставою-храма называются одни изъ воротъ Сити въ Лондонѣ. Это родъ меркантильной тріумфальной арки; произведеніе архитектуры безъ имени и безъ формы, состоящее изъ трехъ неровныхъ аркадъ съ странными украшеніями, — выродокъ архитектурный, грубый символъ богатой Сити. Это старинное средоточіе англійскаго богатства въ то время было еще грязнѣе, чѣмъ теперь.

Узкія, мрачныя, дурно-вымощенныя улицы были биткомъ набиты народомъ. Всѣ спѣшили къ мѣсту казни. На площади, кругомъ эшафота, на которомъ находились уже судьи и преступникъ, царствовала глубокая тишина. Солнце освѣщало матовымъ, тяжелымъ свѣтомъ тысячи внимательныхъ и какъ будто торжественныхъ физіогномій.

На однихъ лицахъ видны были важность и почтительность, на другихъ—горячій энтузіазмъ; у нѣкоторыхъ едва удерживаемое неудовольствіе.—Но повсюду царствуетъ порядокъ и спокойствіе.

На красномъ эшафотѣ поставлена большая черная доска, распиленная вдоль на двѣ части, съ полукруглою вырѣзкой въ каждой половинкѣ, такъ что, когда обѣ половины доски соедине-

ны вмѣстѣ, остается отверстіе, въ которое только можетъ пройти шея человѣка. Это былъ *пилори*—позорный столбъ. Черноволосая, костлявая, длинная голова, украшенная, по тогдашней модѣ, огромнымъ парикомъ, торчала въ этомъ позорномъ галстухѣ. Въ лицѣ преступника не было ничего низкаго, оно было только очень некрасиво. Глядя на него, вы бы сказали, что у этаго лица недостаетъ щекъ, лба, потому - что того и другаго у него былъ только одинъ остовъ, да длинный горбатый носъ завладѣлъ большою половиною лица. Ротъ съ толстыми губами, прямая линія которыхъ означала неодолимую твердость, черныя брови дугою, черные глаза, которые, казалось, поддерживали, а не бросали взглядъ: вотъ главныя черты этого страннаго лица. На доскѣ, прибитой надъ головою преступника, было написано:

«ДАНІЭЛЬ ДЕ-ФОЭ».

Да, авторъ «Робинзона Крузо,» другъ нашего дѣтства, отецъ этого чуднаго романа, стоялъ — у позорнаго столба!

На площади, кругомъ эшафота, были разсыпаны свѣжіе цвѣты, а столбы, поддерживавшіе его, увиты лавровыми вѣнками. Въ окнахъ домовъ, окружавшихъ площадь, видно было множество юныхъ головокъ съ глазами полными слезъ, а въ толпахъ народа, почтенные старцы, пресвитерьянскіе священники, читали вполголоса молитвы и благословляли жертву. Артельщики, угольщики и вообще простолюдины, сидѣвшіе въ ближнихъ харчевняхъ, чокались оловянными кружками, наполненными элемъ и кричали: «да здравствуетъ Даніэль!» Когда, наконецъ, палачъ освободилъ преступника, раздались громкіе, радостные крики; страдальцу поднесены были прохладительные напитки, и на пути его отъ Тэмпльбары до Ньюгета, онъ былъ окруженъ, такъ сказать, почетною свитою, которая, хотя и держала себя спокойно, но громко проклинала судей и мстила имъ, превращая позорное наказаніе въ тріумфъ.

Все соединилось для возвышенія интереса этой сцены, подробности которой для людей мало знакомыхъ съ тѣмъ временемъ, должны невольно показаться баснословными. Де-Фоэ улыбался народу, успокоивалъ его гнѣвъ, умѣрялъ его крики. Въ улицахъ, по которымъ Де-Фоэ проходилъ назадъ въ свою тюрьму, разнощики кричали: «Кто хочетъ купить гимнъ къ позорному столбу знаменитаго Даніэля Де-Фоэ! Купите, господа, гимнъ къ позорному столбу, послѣднее его произведеніе!»

—

Позорный столбъ и Даніэль Де-Фоэ! Наказаніе за воровство и авторъ Робинзона!... Кто бы не изумился подобному чудовищному сочетанію?... Я пробѣжалъ слегка нѣсколько газетъ того времени,— тамъ Де-Фоэ выставленъ безчестнымъ банкрутомъ. Кто изъ насъ не ощутитъ тяжелаго, грустнаго чувства, узнавъ, что любимое и уважаемое имъ лицо, оказалось виновнымъ въ безчестномъ поступкѣ? Такое чувство овладѣло и мною. Я воображалъ себѣ автора «Робинзона» добрымъ, простодушнымъ протестантскимъ священникомъ, проведшимъ всю жизнь свою тихо, подъ черепичною кровлею, повитою хмѣлемъ и плющемъ, жизнь, далекую отъ происковъ честолюбія и отъ мірскихъ волненій.

Я принялся за біографіи,—но и тамъ весьма мало нашелъ документовъ. Однакожъ, хорошо-составленная біографія—вещь весьма важная: это современная исторія въ частной исторіи одного человѣка. Біографій Даніэля Де-Фоэ есть двѣ или три, но всѣ онѣ весьма неполны. Вильсонъ наполнилъ свою біографію Де-Фоэ такимъ множествомъ безполезныхъ подробностей, силогическихъ споровъ и поясненій въ защиту и похвалу диссидентовъ, что въ этомъ многословномъ сочиненіи столь же мало нашелъ я моего Де-Фоэ, великаго мужа у позорнаго столба, сколько и въ замѣткахъ доктора Шальмера, и въ Каделлевомъ предисловіи къ Робинзону, и въ запискахъ доктора Тоуера. Тогда я принялся за сочиненія самого Де-Фоэ, въ томъ убѣжденіи, что въ сочиненіяхъ какого бы то ни было писателя, какъ въ зеркалѣ, отражается вся жизнь его, и что самый лучшій комментаторъ не скажетъ объ описываемомъ имъ лицѣ болѣе, чѣмъ скажутъ о немъ нѣсколько страницъ, написанныхъ его собственною рукою.

Задача была, впрочемъ, не легка, потому-что каталогъ произведеній Де-Фоэ — просто океанъ, въ которомъ трудно отыскать настоящій путь. Незнаешь, какія произведенія именно его, гдѣ ихъ найти, нѣтъ ли брошюръ, умышленно выпущенныхъ подъ его именемъ врагами? Онъ писалъ обо всемъ, мѣшался во всѣ споры, занимался попеременно то политикою, то богословіемъ, то моралью, былъ поэтомъ, путешественникомъ, купцомъ, государственнымъ преступникомъ, мануфактуристомъ, романистомъ, лексикографомъ, преобразователемъ, сатирическимъ историкомъ, ораторомъ, журналистомъ, проповѣдникомъ, дипломатомъ, писателемъ политическимъ, авторомъ книгъ, назначаемыхъ для однихъ казуитовъ. Собравъ полный каталогъ всего, имъ написаннаго, я нашелъ, что однихъ только заглавій его сочиненій хватило на 28 страницъ въ листъ,—значитъ гораздо больше, чѣмъ у Вольтера. Однакожъ это не

устрашило меня. Эта плодовитость, за которою послѣдовало полное забвеніе, сдѣлала задачу еще запутаннѣе. Сколько труда стоило мнѣ отыскать и собрать всѣ эти неизвѣстные памфлеты: ими такъ мало дорожили, что даже въ британскомъ музеумѣ, въ Лондонѣ, нѣтъ полнаго собранія; а Review Де-Фоэ, этотъ типъ и оригиналъ всѣхъ періодическихъ изданій, наводнявшихъ и наводняющихъ Европу, не отыщешъ полнымъ ни въ одной библіотекѣ. За исключеніемъ пяти или шести трактатовъ, ускользнувшихъ отъ моихъ изслѣдованій, мнѣ удалось мало-по-малу собрать всѣ эти, теперь забытыя произведенія, и чѣмъ болѣе собиралъ я ихъ, тѣмъ болѣе изумлялся человѣку, который въ критикѣ былъ такъ же остеръ какъ и Байль, такъ же объемлющъ, какъ Вольтеръ; въ полемикѣ также ѣдокъ, какъ Юніусъ, и который все-таки остался не оцѣненнымъ и теперь забытъ совершенно. Но, мало-по-малу разгадки этого характера и этого таланта открылись моему взору.

Излишняя скромность, величіе души, безъ претензій на славу, потребность служить человѣчеству, потребность высказывать истину, жертвуя для этого даже самимъ собою, и до высокой простоты доходящее некорыстолюбіе — вотъ эта разгадка. Около Даніэля Де-Фоэ толпились группами, люди съ талантами, но часто также люди завистливые и злые: часто Свифтъ, Дриденъ, Аддисонъ, Боллинброгъ, а между ними опять тысячи памфлетистовъ, безъ оригинальности, безъ таланта. Эти-то люди ловили славу и богатство. Де-Фоэ стоялъ у позорнаго столба, томился въ тюрьмѣ, скрывался въ провинціи, жилъ въ самой крайней бѣдности въ какомъ нибудь маленькомъ городкѣ — а эти великіе таланты собирались по самымъ моднымъ тавернамъ, пользовались вліяніемъ своимъ на министерство, угрозами и подлыми ласкательствами добывали себѣ ордена, награды и пенсіоны. Печальнѣе всего, что у этой жертвы похищена принадлежащая ей по всей справедливости слава. Внимательному наблюдателю бросится также въ глаза и то, на какой низкой степени стоитъ Даніэль Де-Фоэ между этими людьми, имѣвшими свои недостатки, свои пороки обратитъ въ оружіе, въ средство для достиженія власти и превосходства. Свифтъ величается въ министерскомъ салонѣ: онъ сдѣлался страшенъ своими эпиграмами, своею дерзостью; его боятся, ему кланяются, ему даютъ пенсію, почетное мѣсто и знаменитость: Аддисонъ и Штеле пишутъ за правительство или противъ него, и кричатъ объ услугахъ, которыя они будто-бы оказали и могутъ еще оказать. — Даніэль Де-Фоэ, которому всегда открытъ входъ къ королю, не забываетъ ничего, кромѣ — самого себя!

Онъ живетъ въ нищетѣ, то изгнанникомъ, то въ тюрмѣ, и умираетъ нищимъ, покинутый всѣми, оклеветанный, тогда какъ онъ создалъ прекраснѣйшее произведеніе, которое измѣримо выше Аддисонова «Зрителя», выше даже сатиръ самого Свифта. Даніэль Де-Фоэ умираетъ безъ славы, тогда какъ онъ сдѣлалъ для успѣховъ человѣчества гораздо болѣе, чѣмъ сдѣлалъ Руссо, — что доказать весьма легко. — Кому, при этомъ случаѣ, не придутъ въ голову слѣдующія печальныя слова Ричардсона: «Способности наши — поклажа, которая мѣшаетъ намъ идти скорыми шагами по пути счастія; совѣстливость наша — бремя, тяготящее насъ, пороки наши балластъ, — посредствомъ котораго мы держимся на надлежащей глубинѣ, а себялюбіе наше парусъ, на которомъ корабль нашъ быстро и безпрерывно несется впередъ...»

Какая то меланхолическая прелесть, какой-то нѣжный, почти дѣтскій, интересъ заставилъ меня предаться изученію человѣка, почти совершенно забытаго, автора, котораго обильныя произведенія устрашили бы самаго терпѣливаго ученаго. Я искалъ въ этомъ изученіи не литературную критику, а драму; не эстетику, а романъ, романъ, надъ которымъ задумается мыслитель и надъ которымъ поплачетъ тотъ, кто можетъ еще плакать.

НОВѢЙШІЙ СПОСОБЪ ЖЕНИТЬСЯ ПОСРЕДСТВОМЪ ДАГЕРРОТИПА.

Одинъ почтенный содержатель дагерротипнаго кабинета въ Гамбургѣ, видя, что въ этомъ городѣ болѣе заботятся о наличности, нежели о физіогноміяхъ, очень благоразумно вздумалъ отправиться въ Бразилію,—это эльдорадо артистовъ, и чтобы, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Ріо-Жанейро, имѣть какую-нибудь вывѣску, снялъ, въ Гамбургѣ, портреты съ нѣкоторыхъ изъ своихъ пріятелей и, между прочимъ, съ одной премиленькой дѣвушки. Пріѣхавъ въ Ріо-Жанейро, артистъ повѣсилъ на окна важныя лица своихъ гамбургскихъ знакомыхъ, и въ тотъ же день въ его кабинетъ нахлынули толпы желающихъ полюбоваться на свою личность, снятую такимъ высокимъ художникомъ, какъ солнце. Съ этою же цѣлью приходитъ, однажды, и молодой человѣкъ, владѣтель богатыхъ плантацій въ Ріо-Жанейро. Пока художникъ приготовлялъ приборъ для снятія портрета, бразильскій денди разсматривалъ рисунки, разложенные на столѣ, для образца, и былъ очарованъ портретомъ дѣвушки, снятымъ въ Гамбургѣ. Потомъ спросилъ, не живетъ ли эта дама въ Ріо-

Жанейро, и получивъ отрицательный отвѣтъ, попросилъ художника продать ему портретъ прелестной незнакомки. Артистъ не отговаривался, и бразилецъ ушелъ, въ восхищеніи отъ своего пріобрѣтенія.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Художникъ давно позабылъ и о портретѣ гамбургской красавицы и о бразильцѣ, какъ, въ одно утро, денни опять является къ нему въ мастерскую, и проситъ удѣлить ему пять минутъ для серьознаго объясненія; художникъ изъявилъ свое согласіе учтивымъ поклономъ.

—Милостивый государь, сказалъ бразилецъ, послѣ минутной паузы: вѣроятно, вы забыли обо мнѣ, и еще меньше думаете о портретѣ, который я купилъ у васъ, назадъ тому полгода, и не полагали, что этотъ портретъ будетъ имѣть вліяніе на мою жизнь... Но онъ произвелъ на меня невыразимое впечатлѣніе. Съ той минуты, какъ вы уступили мнѣ портретъ этой дамы, я рѣшительно потерялъ голову, смотрю на него каждый день... Да, я влюбленъ, я люблю эту незнакомку, я украсилъ ея портретъ гирляндами иммортелей, пишу къ ней стихи — вы улыбаетесь? — да, милостивый государь, я написалъ цѣлый томъ элегій, романсовъ... Напрасно я старался заглушить свою безумную любовь, напрасно говорилъ себѣ, что дѣвушка, которую я такъ обожаю, можетъ быть, не стоитъ меня, можетъ быть, уже принадлежитъ другому. Все это я говорилъ себѣ—но напрасно. Чѣмъ больше я боролся съ любовью, тѣмъ болѣе она овладѣвала мною, и я пришелъ къ вамъ просить, чтобъ вы дали мнѣ ближайшее понятіе объ этой дѣвушкѣ, если хотите возвратитъ спокойствіе моему сердцу.

Художникъ, удивленный такою романическою любовью, разсказалъ бразильцу все, что зналъ о дочери гамбургской прачки, и влюбленный денди предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Гамбургъ. Разумѣется, художникъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе— не тратя денегъ, увидѣть свою родину, и черезъ два мѣсяца, бразилецъ и Артистъ прибыли въ Гамбургъ. Скоро они отыскали квартиру прачки, и—представьте восхищеніе американца—дочь ея еще была свободна. Старый пріятель хорошенькой нѣмочки переводилъ ей всѣ нѣжныя слова молодаго бразильца, разсказывалъ его страданія... она улыбалась и, безъ всякихъ отговорокъ, отдала свою руку владѣтелю плантацій. Спустя нѣсколько дней, счастливая чета отправилась въ Ріо-Жанейро.

ПОТЕРЯ КСТАТИ.

Можетъ быть, вамъ случалось, читатель, слышать объ Уврарѣ, который составилъ себѣ огромное состояніе удачными спекуляціями, жилъ съ невѣроятною роскошью, потомъ сидѣлъ въ тюрьмѣ

за долги и умеръ недавно въ Лондонѣ. Помѣщаемъ одинъ изъ сотни анекдотовъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Однажды, вечеромъ, онъ находился въ блестящемъ обществѣ, въ которомъ, между разными музыкальными пьесами, были исполнены отрывки изъ новой оперы молодаго композитора, принятой съ огромнымъ успѣхомъ. Возвращаясь домой, Увраръ, въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ сѣсть въ карету, увидѣлъ на подъѣздѣ бумажку, сложенную въ видѣ письма, поднялъ ее и спряталъ въ карманъ. Любопытство — страстишка всего человѣчества. Увраръ не могъ удержаться, чтобы не прочесть письма, развернулъ его, и увидѣлъ что оно было адресовано къ молодому композитору, которому кредиторъ угрожалъ тюрьмою, если онъ завтра же не заплатитъ ему три тысячи франковъ. Для Уврара, въ то время, три тысячи франковъ значили не больше орѣховой скорлупы, и на слѣдующее утро, композиторъ получилъ безъименное письмо. Вотъ его содержаніе: «Не безпокойтесь, милостивый государь: то, что вы потеряли вчера, попало въ вѣрныя руки. Нашедшій ваше письмо считаетъ себя счастливымъ, что имѣетъ случай быть полезнымъ человѣку, таланту котораго онъ еще вчера удивлялся. Кредиторъ вашъ получилъ удовлетвореніе. Зная, сколько матерьяльныя заботы останавливаютъ полетъ величайшаго таланта, нашедшій потерянное вами письмо проситъ васъ принять приложенные здѣсь десять билетовъ, каждый въ тысячу франковъ, требуя за нихъ только одного—именно: чтобы вы постоянно стремились къ славѣ, предназначенной вашему таланту. Повѣрьте, что радость, которую чувствуетъ авторъ этого письма, несравненно выше того одолженія, какое онъ имѣлъ случай оказать вамъ сегодня.» — Композиторъ этотъ былъ Николо Изуаръ, написавшій «Сандрильону» и много другихъ оперъ, нѣкогда, имѣвшихъ блестящій успѣхъ, и теперь совершенно забытыхъ.

КАНВА ДЛЯ МОДНАГО РОМАНА.

Недавно, въ трибуналѣ Устьевъ-Роны судили шестидесятилѣтнюю женщину, обвиненную въ похищеніи ребенка. По справкѣ оказалось, что подсудимая, по имени Аделаида Беке, родилась въ Парижѣ, развелась съ первымъ мужемъ, вышла замужъ за барона Сентъ-Илера, имѣла состояніе въ двѣсти тысячъ франковъ, потомъ просила милостыню въ Парижѣ, и, въ разное

время, жила въ Америкѣ, Фонтенебло, Алжирѣ, и т. д. Промотавъ привезённое изъ Нью-Йорка имѣніе, она прибѣгала къ самому тонкому плутовству. Такъ, она притворялась слѣпою и позволила, въ Парижѣ, одному шарлатану сдѣлать надъ собою опасную операцію, которая была превознесена до небесъ французскими журналами и доставила врачу огромную извѣстность, а мнимослѣпой пять тысячъ франковъ. Съ этими деньгами, она отправилась въ Алжиръ и завела тамъ шинокъ, но была посажена въ тюрьму, за то, что убила на рынкѣ солдата. Когда, въ нынѣшній разъ, схватили Беке, она объявила, что намѣрена открыть учебное заведеніе. Но оказалось, что она ребенка украла для того, чтобы съ нимъ просить милостыню въ трактирахъ.

И есть, послѣ этого, люди, которые называютъ характеры «Парижскихъ тайнъ» выдумками!

ОПЕРА ПОДЪ ЗОНТИКАМИ.

Въ небольшомъ городкѣ, Гриммѣ, передѣлываютъ театръ, а представленія даются, на время, въ деревянномъ сараѣ, сшитомъ на живую нитку изъ старыхъ досокъ. На-дняхъ играли въ немъ *Роберта*. День былъ облачный и зрители собрались въ театръ съ зонтиками. Предосторожность очень пригодилась, потому-что еще во второмъ актѣ, крупныя капли дождя начали падать въ театръ сквозь дурно-сколоченную крышу. Зрители осадили кассу и требовали, чтобъ имъ возвратили деньги, заплаченныя за входъ; но кассиръ рѣшительно не соглашался разстаться съ выручкой, и сидя за бюро, стоялъ на своемъ, то-есть отвѣчалъ очень сухо, что еще нѣтъ большаго дождя. Нечего дѣлать. Публика, чтобы не потерять даромъ денегъ, рѣшилась выслушать оперу подъ дождемъ, и преспокойно подняла широко-распущенные зонтики. Второй актъ прошелъ благополучно, но въ третьемъ, дѣло приняло дурной оборотъ. Облака разразились водопадомъ, и не пощадили ни пѣвцовъ, ни сцены. Но дирекція театра все-таки не возвращала собранныхъ денегъ и заставила актеровъ обратиться къ тому же средству, какое выбрали зрители. — *Робертъ*, съ волшебною вѣткою въ одной рукѣ, съ огромнымъ зонтикомъ въ другой, вышелъ на сцену настоящимъ сыномъ подземнаго царства. Потомъ, поднялись изъ гробовъ тѣни въ легкихъ одеждахъ, съ красными, зелеными, синими зонтиками, и составили около Роберта ronde

infernale. Публика хохотала до слезъ подъ разливомъ дождя, который не переставалъ до конца оперы.

ЗАЧѢМЪ ИНОГДА УМИРАЮТЪ ВЪ АМЕРИКѢ?

Миссъ Фанни была самый нѣжный, прелестный цвѣтокъ, въ окрестностяхъ города Буффало. Мудрено ли, что отецъ ея, образецъ американской нѣжности, застраховалъ жизнь своей любимой дочери въ лондонскомъ страховомъ обществѣ за десять тысячъ долларовъ. Но можно ли избѣжать смерти, когда эта голодная тигрица кидается на всѣхъ, безъ разбору?.. Въ прошломъ году, несчастный отецъ помѣстилъ въ газетѣ the Comercial некрологъ очаровательной миссъ Фанни и приглашалъ своихъ друзей и знакомыхъ на ея похороны. Цѣлую недѣлю бѣдный американецъ ходилъ, какъ шальной. Наконецъ, когда печаль мало-по-малу начала проходить, послалъ онъ письмо въ лондонское страховое общество, требуя, чтобы оно выдало ему десять тысячъ долларовъ. Впрочемъ, отецъ, разстроенный тяжкою потерей, не представилъ никакихъ доказательствъ, которыя бы предтверждали, что дочь его дѣйствительно умерла, и страховое общество поручило своимъ американскимъ агентамъ изслѣдовать дѣло въ подробности. По розысканію оказалось, что ни одинъ докторъ не пользовалъ покойницы, а гробовщикъ, который продалъ гробъ и принялъ на себя всѣ хлопоты по случаю похоронъ, сказалъ, что онъ не видалъ умершей, но что родственники сами одѣли ее и положили въ гробъ. Агенты — извѣстное дѣло — люди безчувственные, хотѣли разрыть могилу, но отецъ Фанни противился этому, ссылаясь на существующій законъ. Между-тѣмъ, они продолжали производить слѣдствіе, и, *въ одно прекрасное утро*, увѣдомили американца, что любезная дочь его, покойница — жива, здорова и находится въ тринадцати миляхъ отъ Буффало, гдѣ она вышла замужъ за актера. Отецъ рѣшительно растерялся отъ этой находки и не нашелся, что отвѣчать... Правда, въ Америкѣ нѣтъ большой отвѣтственности, однакожъ агенты общества завели съ ловкимъ спекулянтомъ живой процессъ за покойницу.

—

ИРЛАНДЕЦЪ.

(Сцена въ парижскомъ судѣ исправительной полиціи.)

Патрикъ Гоферъ, уличный музыкантъ, не позаботился запастись билетомъ на свое ремесло и обвиненъ въ бродяжничествѣ.

Президентъ. — Откуда вы родомъ?

Гоферъ. — Я родился въ Коркѣ, въ Ирландіи.

Президентъ. — Давно ли вы во Франціи?

Гоферъ. — Десять лѣтъ.

Президентъ. — Зачѣмъ вы оставили свое отечество?

Гоферъ. — Тамъ слишкомъ - хорошо!..

Президентъ. — Въ каждомъ государствѣ есть свои недостатки.

Гоферъ. — Да; но во Франціи больше человѣколюбія. Отецъ мой и два мои брата умерли отъ голода, другіе отъ болѣзни. Во Франціи есть еще добрыя души, и не даютъ человѣку умирать на улицѣ.

Президентъ. — Но, чтобы жить, надобно трудиться.

Гоферъ, — Я и пробовалъ; но мои руки отморожены въ Ирландіи; я не могъ долго работать на парижскихъ укрѣпленіяхъ и началъ пѣть и играть на кларнетѣ.

Президентъ. — Но вы не взяли позволенія.

Гоферъ. — Я не зналъ, что надо имѣть позволеніе на то, чтобы пѣть. Въ Лондонѣ, поютъ на улицахъ и ни одинъ полисменъ не спрашиваетъ билета.

Президентъ. — Лондонъ — городъ нищеты.

Гоферъ.—Но не городъ нищихъ... имъ немного подаютъ тамъ. Англичане жестоки, особенно съ нами, ирландцами.

Президентъ. — Сколько вамъ лѣтъ?

Гоферъ. — Шестдесятъ-девять.

Президентъ. — Вы не знаете ни чего, кромѣ пѣнья?

Гоферъ. — Ничего.... Впрочемъ, я пою недурно: женщины и дѣти хвалятъ.

Президентъ. — Зачѣмъ вы не возвратитесь на родину?

Гоферъ. — О, никогда!... Тамъ земля безплодная, я не хочу издохнуть съ голоду..... Притомъ же, у меня тамъ нѣтъ ни души родной, что я стану тамъ дѣлать?..

Судъ приговорилъ ирландца къ суточному заключенію въ тюрь-

мѣ и приказалъ, по прошествіи этого срока, отвести его въ богадельню нищихъ.

Гоферъ. — Благодарю васъ, сострадательные души!

НАПОЛЕОНЪ И САПОЖНИКЪ.

Въ парижскомъ домѣ умалишенныхъ умеръ старый сапожникъ, Симонъ, который, не будучи такъ счастливъ, какъ римская сибилла, потерялъ разсудокъ отъ слѣдующаго случая.—Наполеонъ хотѣлъ построить для Римскаго Короля дворецъ близь заставы Пасси; но, увидѣвъ, что лачужка сапожника, стоявшая на дорогѣ, мѣшаетъ выполнить планъ въ назначенномъ размѣрѣ, приказалъ купить ее у владѣльца. Сапожникъ потребовалъ за свою собственность двадцать тысячь франковъ, но эта сумма показалась слишкомъ значительною правительству. Посылаютъ за сапожникомъ во второй разъ, въ надеждѣ, что онъ образумится, но неугомонный хозяинъ лачужки запросилъ за нее во второй разъ сорокъ, а въ третій шестдесятъ тысячь франковъ. Однакожъ, императоръ не захотѣлъ отказаться отъ своего слова, и дворецъ былъ построенъ въ другомъ мѣстѣ, на набережной д'Орсé. Сапожникъ вскорѣ разскаялся въ своей глупости—но поздно. Два года спустя, онъ продалъ свою лачужку за полтораста франковъ. Тоска о богатствѣ, которое онъ упустилъ изъ рукъ, была причиною, что онъ помѣшался и попалъ въ больницу умалишенныхъ, гдѣ недавно умеръ, безпрестанно вспоминая о Наполеонѣ, о дворцѣ, и проклиная скупость оцѣнщиковъ.

КУХОННЫЙ РЕГЛАМЕНТЪ КОРОЛЯ ГЕНРИХА VIII.

Регламентъ этотъ, весьма любопытный, какъ очеркъ нравовъ Англіи шестнадцатаго столѣтія, состоитъ изъ слѣдующихъ параграфовъ:

1) Королевскій цирюльникъ долженъ всегда держать себя опрятно и не посѣщать женщинъ дурнаго поведенія, чтобы не повредить здоровью его величества.

2) Казначей не долженъ держать поваренковъ оборванныхъ, которые бѣгаютъ туда и сюда босикомъ и валяются въ кухнѣ по полу, передъ печкой.

3) Никакое мясо, подаваемое къ королевскому столу, не должно быть дороже установленной цѣны.

4) Служащіе должны представлять достаточный залогъ, чтобы обезпечить отъ порчи деревья блюда и кожаные кубки, принадлежащіе его величеству.

5) Оловянная посуда слишкомъ дорога для ежедневнаго употребленія. Должно беречь деревянныя тарелки и оловянныя ложки.

6) При дворѣ не должно содержать мальчиковъ для подмоги слугамъ.

7) Женщины развратнаго поведенія не должны быть пускаемы во дворецъ.

8) Такъ же точно должно изгонять собакъ, какой бы ни были онѣ породы, кромѣ небольшаго числа комнатныхъ, оставленныхъ для забавы фрейлинъ.

9) Служащіе въ комнатахъ короля должны жить между собою въ добромъ согласіи и не разсказывать, какъ проводитъ время его величество.

10) Они не должны также играть съ дѣвицами на лѣстницахъ, потому-что черезъ эту забаву они часто бьютъ посуду.

11) Пажъ, который во дворцѣ короля обольститъ дѣвицу и сдѣлаетъ ее матерью, присуждается къ штрафу въ двѣ марки, въ пользу его величества, и, сверхъ того, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, лишается пива.

12) Конюхамъ запрещается воровать солому его величества, и дѣлать изъ нея себѣ постели, потому-что они для этого получаютъ достаточное количество соломы.

13) Между шестью и семью часами, каммердинеры, служащіе при королѣ, будутъ топить каминъ и приносить солому въ собственную комнату его величества.

14) Уголь выдается только для комнатъ короля, королевы и леди Маріи.

15) Обѣдъ подается въ десять часовъ, а ужинъ въ четыре часа.

16) Фрейлинамъ королевы давать для завтрика бѣлый круглый хлѣбъ и кусокъ говядины отъ грудины.

17) Каждый, служащій при королевской кухнѣ, когда онъ женится, получаетъ подарокъ отъ короля.

Въ то время, въ комнатахъ еще не дѣлали деревяннаго пола. Зимою, посыпали полы соломою и хворостомъ, а лѣтомъ листьями. Тоже соблюдалось въ церквахъ, школахъ и публичныхъ зданіяхъ.

Изъ 16-го параграфа *регламента* видно, что завтракъ фрей-

линъ королевы былъ довольно простъ, но когда къ числу ихъ прибавилась леди Люси, король измѣнилъ для нея правила. Леди Люси имѣла очень гастрономическое расположеніе, такъ что Генрихъ VIII, чтобы четыре раза въ день удовлетворить требованіямъ ея эластическаго желудка, былъ принужденъ въ 1626 году, предписать своему повару слѣдующіе дополнительные пункты:

«Мы Генрихъ, король, и проч. и проч. и проч., желаемъ и повелѣваемъ, чтобы нашей любезной Леди доставляли, прямо въ ея комнату, слѣдующія кушанья:

Во-первыхъ: каждое утро, для завтрака, цѣлый филей говядины, хлѣбъ въ четыре фунта, пирогъ изъ плодовъ и кружку крѣпкаго пива.

Во-вторыхъ: къ обѣду, кусокъ солонины, кусокъ жареного мяса, фрикасе изъ нашей собственной кухни, хлѣбъ въ четыре фунта и кружало крѣпкаго пива.

Въ-третьихъ: къ ужину, блюдо изъ огородныхъ овощей, кусокъ баранины, десертъ изъ нашей собственной кухни, хлѣбъ въ три фунта и кружало крѣпкаго пива.

Въ-четвертыхъ: послѣ ужина, передъ сномъ, хлѣбъ въ два фунта, пирогъ и полъ-кружала вина изъ нашего погреба.

Тогда огородныя овощи были чрезвычайно рѣдки въ Англіи. Въ первые годы царствованія Генриха VIII не знали ни капусты, ни рѣпы, ни моркови. Королева Екатерина получила къ обѣду саладъ не прежде, какъ супругъ выписалъ для нея садовника изъ Нидерландовъ. Артишоки, сливы и абрикосы въ первый разъ явились въ Англіи около этого времени. Индѣйскіе пѣтухи, каперсы и хмѣль сдѣлались извѣстны только въ 1524 году. Десять лѣтъ спустя, привезены съ острова Занте кусты смородины, а въ 1540 году, фламандцы прислали въ Англію вишни. Думаютъ, что теплицы и ледники введены при Карлѣ II, потому-что на ужинѣ, данномъ въ Виндзорѣ, по случаю учрежденія ордена Подвязки, 23 апрѣля 1667 года, подавали клубнику, вишни и сливочное мороженое. Первые кусты розъ ввезены въ Англію въ 1552 году. Англійская кухня, столь бѣдная при Генрихѣ VIII, усовершенствовалась, безъ сомнѣнія, между 1701 и 1714 годами, при королевѣ Аннѣ. Брилье-Саваренъ, упоминая объ этой эпохѣ, говоритъ: «Гастрономическое искусство процвѣтало тогда при дворѣ англійскомъ. Королева Анна любила покушать и часто призывала своего повара для серьозныхъ разсужденій о планѣ

обѣда, и въ исторіи англійской кухни сохранились многія кушанья, приготовленныя *по методѣ королевы Анны*».

ИСТОРИЧЕСКАЯ СКРИПКА.

Паганини дѣлалъ такія чудеса на своей скрипкѣ, волшебство звуковъ ея было такъ неотразимо, что начинаешь вѣрить, будто не одинъ геній артиста, но какая-то демонская сила потрясали струны этого инструмента, овладѣвавшаго чувствами слушателей и самого виртуоза. Исторія этой скрипки, сдѣланной кремонскимъ мастеромъ Амати, такъ богата разными приключеніями, что мы передаемъ ее нашимъ читателямъ.

Въ паркѣ польскаго графа П***, нашли, разъ утромъ, мертвое тѣло молодаго человѣка, который раздробилъ себѣ черепъ пистолетомъ. Въ одной рукѣ онъ крѣпко держалъ бѣлокурый локонъ; подлѣ него лежала скрипка весьма простой отдѣлки. Точно такіе бѣлокурые локоны были у молодой графини П***. Она велѣла схоронить бѣднаго артиста въ темной дубовой рощѣ, обвила скрипку крепомъ и повѣсила ее подлѣ портрета своей покойной матери. Черезъ годъ, графиня также умерла, скрипка снята со стѣны и сдѣлалась игрушкою маленькихъ сестеръ графини. Онѣ отломили у инструмента ручку, оборвали струны, и возили его за шнурокъ по комнатамъ. Однажды, странствующій музыкантъ, жертва холода и голода, зашелъ на дворъ замка, просить милостыни. Сострадательная служанка подарила ему сломанную скрипку, и онъ, починивъ ее въ сосѣднемъ городѣ, бродилъ съ нею до самой Вѣны. Здѣсь онъ долженъ былъ отдать скрипку своему кредитору за неуплаченный долгъ, пятдесятъ крейцеровъ. Подмастерье инструментальнаго мастера перекупилъ ее за ту же цѣну и послѣ продалъ своему хозяину за пять флориновъ. Наконецъ, она досталась въ добрыя руки!... Мастеръ тотчасъ увидѣлъ достоинства этого драгоцѣннаго инструмента, возвратилъ ему прежнюю форму, прежніе звуки, и продалъ его графу Кинскому за двѣсти пятдесятъ червонцевъ.

Графъ отправился, при посольствѣ, въ Мадритъ. Здѣсь онъ познакомился съ извѣстнымъ скрипачемъ Донелли и одолжилъ ему скрипку на одинъ вечеръ, для придворнаго концерта, въ которомъ Донелли долженъ былъ играть соло. Между-тѣмъ, прошло три дня, а графъ еще не получалъ своего инструмента. Донелли уѣхалъ изъ Мадрита и увезъ съ собою скрипку.

Въ Неаполѣ, онъ сдѣлался капельмейстеромъ одного армейскаго полка, и вмѣстѣ съ нимъ, въ двѣнадцатомъ году, пошелъ въ Россію. Полкъ былъ разбитъ, багажъ его потопленъ въ болотахъ, и кремонская скрипка перешла къ донскому казаку. Онъ взялъ ее въ Москву, продалъ тамъ за цѣлковый нѣмецкому столяру, который, чтобы сдѣлать ее покраснѣе, покрылъ инструментъ красною масляною краскою и унесъ его съ собою на родину, въ Бреславль. Но здѣсь, нуждаясь въ деньгахъ, продалъ скрипку инструментальному мастеру,—а это былъ подмастерье вѣнскаго скрипача. Узнавъ скрипку, онъ увѣдомилъ объ этой находкѣ своего бывшаго хозяина, который и купилъ ее за двѣсти талеровъ, и потомъ, во второй разъ, продалъ ее графу Кинскому.

Спустя два года, Кинскій, находясь во Флоренціи, познакомился съ Паганини и показалъ ему скрипку Амати. Паганини тотчасъ предложилъ за нее пятьсотъ червонцевъ; но графъ, восхищенный игрою геніальнаго виртуоза, отдалъ ему скрипку даромъ.

Съ-тѣхъ-поръ, Паганини не разлучался съ нею ни душою, ни тѣломъ; она сдѣлалась его невѣстою, которую онъ обожалъ до безумія. Въ Лондонѣ, богатый лордъ предложилъ было за нее двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ, но Паганини засмѣялся ему въ глаза, удивленный такимъ невѣжествомъ.

ПРЕСТАВЛЕНІЕ СВѢТА ВЪ 1846-мъ ГОДУ.

Въ Пруссіи продаютъ теперь съ аукціона библіотеку, вслѣдствіе обстоятельства, любопытнаго для библіофиловъ.

Назадъ тому полтора года, одному кельнскому фермеру приснилось, будто съ 1845 годомъ кончится существованіе міра, и что только онъ, почтенный фермеръ, подобно правѣдному Ною, спасется съ своимъ семействомъ. Слѣдуя примѣру библейскаго патріарха, заботливый нѣмецъ вздумалъ сохранить по парѣ всѣхъ животныхъ.. Но вдругъ, озаренный свѣтомъ новѣйшей философіи, онъ разсудилъ лучше приготовить для будущихъ вѣковъ богатства разума,—завѣщать имъ сокровища пріобрѣтенныхъ уже знаній. Съ этою цѣлью, фермеръ продалъ всѣ свои земли и занялся составленіемъ библіотеки изъ всѣхъ книгъ, которыя могли бы содѣйствовать нравственному образованію грядущаго поколѣнія. Но, къ-сожалѣнію, нельзя было пріобрѣсть за сто тысячь франковъ всѣ книги, какія имѣлъ въ виду просвѣтитель человѣчества, и онъ, для пополненія своей

суммы, вздумалъ прибѣгнуть къ маленькой хитрости, совершенно-извинительной, если принять въ соображеніе цѣль, съ какою она сдѣлана.—Онъ раздалъ на нѣсколько десятковъ тысячь векселей, по которымъ должно было уплатить въ 1846 году, и былъ вполнѣ убѣжденъ, что ему не придется имѣть дѣла съ кредиторами: ибо свѣтъ кончится 31 декабря, 1845 года,—и концы въ воду. Устроивъ библіотеку, нѣмецъ преспокойно заснулъ, въ ожиданіи кончины міра. Но 1845 годъ прошелъ, за нимъ обрушился въ вѣчность и его наслѣдникъ—1846-й годъ и, благодаря Бога, земля по-прежнему продолжаетъ вертѣться вокругъ солнца. Бѣдный фермеръ ошибся въ расчетѣ, ошибся по-крайней-мѣрѣ цѣлымъ годомъ, и теперь увидѣлъ себя въ непріятномъ положеніи — платить по векселямъ, которые онъ считалъ не важнѣе обязательствъ, записанныхъ въ трубѣ углемъ. Увидѣвъ свою ошибку, библіофилъ представлялъ судьямъ чистоту своихъ побужденій, и, наконецъ, уступилъ безжалостнымъ кредиторамъ библіотеку, собранную для пользы будущаго человѣчества.

ГОДОВЩИНА МОЛЬЕРА.

15-го января, на Французскомъ-Театрѣ происходило блистательное торжество. Въ этотъ день исполнилось ровно двѣсти двадцать пять лѣтъ со дня рожденія Мольера, и дерекція, признательная къ генію драматурга, выразила свою благодарность самымъ достойнымъ образомъ, поставивъ на сцену его драму *Донъ-Жуанъ* (Festin de Pierre), превосходное созданіе, подъ которымъ самъ Шекспиръ съ гордостью поставилъ бы свое имя. Актеры разъучили роли этой драмы по изданію Мольера, напечатанному, безъ всякихъ урѣзокъ и поправокъ, въ 1682 году. Какой удивительный, смѣлый геній этотъ Мольеръ, когда подумаешь, что онъ написалъ эту геніальную пьесу въ нѣсколько дней, къ карнавалу 1665 года, написалъ, не имѣя даже времени порядочно очинить перо! Но *Каменный гость* не имѣлъ большаго успѣха на Французскомъ-Театрѣ, между-тѣмъ, какъ тотъ же Донъ-Жуанъ, переведенный въ тяжелыхъ стихахъ съ испанскаго Томасомъ Корнелемъ торжествовалъ на бульварномъ театрѣ... Времена переходчивы!... Потомки Мольера, отдѣленные отъ него двумя столѣтіями, встрѣтили его Донъ-Жуана съ восторгомъ.—Постановка *Каменнаго гостя* великолѣпна; превосходныя декораціи, богатые костю-

мы и музыка изъ Моцартова *Донъ-Жуана*, искусно примѣненная къ различнымъ положеніямъ драмы, придали еще новый интересъ этой возобновленной пьесѣ, которая, можно надѣяться, произведетъ настоящій переворотъ въ лѣтописяхъ, нѣсколько утомительныхъ, Французскаго-Театра.

ОТКРЫТІЕ ТЕАТРА А. ДЮМА.

«Историческій-Театръ» открытъ въ субботу, 6-го марта, пьесою Александра Дюма «*Королева Марго.*» (*) Шесть дѣйствій и шестнадцать картинъ! Представленіе началось въ семь часовъ вечера и кончилось въ три часа утра. Публика проголодалась. Зрители начали грызть лорнеты, перчатки, цѣпочки, какъ люди, одержимые морскою болѣзнію. Александръ Дюма въ теченіе пятнадцати лѣтъ доставилъ не одинъ милліонъ франковъ чистѣйшей прибыли директорамъ парижскихъ и всѣхъ возможныхъ театровъ: но теперь — довольно, господа директоры! Ждите, чтобы вамъ кто-нибудь другой построилъ новую *Нельскую башню* или произвелъ *Мадмоазель де-Бель-Иль!* Графъ Монте-Кристо — себѣ-на-умѣ: онъ бросилъ *шестьсотъ тысячъ* за клочокъ земли на бульварѣ Temple, да еще истратилъ *восемь сотъ-тысячъ* франковъ на сооруженіе храма искусствъ, за то и дастъ вамъ знать, господа директоры. Извольте-ка запирать свои театры или, лучше, обратите ихъ въ гостинницы для пріѣзжающихъ слушать семиактныя исторіи на Историческомъ-Театрѣ... Акціонеры—учредители его, Ардуанъ и Буржуанъ, оба извѣстны въ финансовомъ свѣтѣ. Г. Ардуанъ—одинъ изъ главныхъ владѣтелей пассажа, который строится на другой сторонѣ Итальянскаго-Бульвара, противъ пассажа Панорамы, и кромѣ того членъ совѣта парижско-ліонской желѣзной дороги. Г. Буржуанъ—сынъ славной актрисы—нажилъ огромныя суммы со времени индюстріальной лихорадки, овладѣвшей ростовщиками. Управляющій акціонерами, полюсъ, къ которому стремятся всѣ вопросы, г. Ведель, доказалъ свою ловкость во многихъ случаяхъ. Директоръ театра, г. Гостейнъ, прошелъ въ пятнадцать лѣтъ всѣ драматическія ступеньки; сначала былъ главнымъ секретаремъ Фран-

(*) Мы дадимъ отчетъ о ней въ слѣдующей книжкѣ, потому-что Парижскіе Журналы получены были въ то время, когда наше Обозрѣніе Иностранныхъ Театровъ было уже отпечатано. *Ред.*

цузской-Комедіи, потомъ директоромъ театровъ *Люксанбургъ* и *Бомарше* и наконецъ Ambigu Comique, значитъ—человѣкъ опытный. Кромѣ того, онъ былъ сотрудникомъ многихъ журналовъ, написалъ книжечку милыхъ разсказовъ и нѣсколько театральныхъ пьесъ, имѣвшихъ большой успѣхъ, на-пр. le Miracle des Roses, les Trois loges, и др. Гостейнъ умѣетъ ужиться съ своею труппою, знаетъ всѣ прихоти публики... Да, графъ Монте-Кристо не обманулся въ своемъ выборѣ. Режиссеровъ двое, Каронъ и, помощникъ его, Ашиль. Труппа состоитъ пока изъ девятнадцати актеровъ и девяти актрисъ. — Аффиша Историческаго-Театра будетъ слѣдовать тотчасъ за аффишами королевскихъ театровъ. Герцогъ Монпансье уже нанялъ себѣ ложу на цѣлый годъ.—Цѣны мѣстамъ назначены очень умѣренныя: мѣсто на авансценѣ, въ rez-de-chaussée, первое въ театрѣ, стоитъ только шесть франковъ; мѣсто въ бенуарѣ—четыре франка; въ амфитеатрѣ платятъ только семьдесять пять сантимовъ. Театръ построенъ архитекторомъ Дре; живописью занимался Гишаръ; изваянія сдѣланы рѣзцомъ Клагемана, а декораціи Сешаномъ. По сторонамъ портика стоятъ двѣ превосходныя группы «Гамлетъ и Офелія» и «Сидъ и Целимена», а на вершинѣ фронтона возвышается «Геній», защитникъ этого храма искусствъ. На плафонѣ, въ свѣтлой лазури неба, надъ священными горами Пиндомъ, Геликономъ и Парнассомъ, представлена группа изъ трехъ женщинъ; средняя изъ нихъ Поэзія, подаетъ руки Трагедіи и Комедіи. По обѣимъ сторонамъ ихъ находятся представители драматическаго искусства; направо, Эсхилъ, Софоклъ, Корнель, Расинъ, Вольтеръ, Шиллеръ, Тальма, Нурри, Глюкъ, Мегюль; налѣво, Аристофанъ, Плавтъ, Теренцій, Менандръ, Мольеръ, Лопе-де-Вега, Реньяръ, Мариво, г-жа Марсъ, Моцартъ и Гретри. Подъ этимъ блестящимъ ареопагомъ развивается фризъ, котораго изображенія напоминаютъ каждое изъ этихъ лицъ. По срединѣ фриза, вакханка, съ распущенными волосами, вѣнчаетъ поэта виноградомъ. Въ портикѣ, между колоннами, стоятъ семь статуй: Федра, Отелло, Цинна, Мизантропъ, Гарпагонъ, Фаустъ и Телль.

КОРСИКАНСКІЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Изъ Бонифачіо, въ Корсикѣ, прислали въ газету Siècle слѣдующее извѣстіе: «Бандитъ Децій Виджіани, отважные набѣги

и грабежи котораго сдѣлались грозою нашего города, нанесъ новый ужасъ угрозою, прибитою, по его приказанію, къ церкви св. Маріи: «Узнавъ, что городъ Бонифачіо даетъ за мою голову 6-тысячь фр., я требую такую-же сумму за мое свободное существованіе, а потому и объявляю жителямъ, чтобы они, подъ опасеніемъ смертной казни, не смѣли выходить изъ города до уплаты мнѣ 6 т. фр.» Съ этой минуты жители ходили за заставу кучками и вооруженные съ ногъ до головы. Бандитъ прибѣгнулъ къ инымъ средствамъ и запретилъ ввозъ хлѣба въ городъ. Одинъ крестьянинъ, по имени Серра, не послушавшій приказанія, былъ на повалъ убитъ, 4-го дек. тремя пулями. Бандитъ тотчасъ же приказалъ прилѣпить къ плечамъ убитаго, заранѣе приготовленный листъ, на которомъ было написано имя разбойника и причина смерти Серры.

—

АФОРИЗМЫ И ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАТЕЙ *EX*—ДРАМАТУРГА.

Современный балетъ.

—Что составляетъ главную стихію новаго балета?

—Три вещи: отсутствіе всякаго смысла; подборъ безконечно длинныхъ и невыразимо скучныхъ танцевъ и скачка по сценѣ на живыхъ лошадяхъ.

—

Нынѣшніе танцовщики не могутъ возбуждать вниманія въ эстетическомъ зрителѣ. Мужскіе танцы въ балетахъ теперь основаны на однихъ акробатическихъ трудностяхъ и туръ-де-форсахъ и обнажены отъ всякой пластической красоты. Это болѣе *работа*, чѣмъ *искусство*. Танцовщикъ нынѣ или *подставка*, на которую опирается танцовщица въ трудныхъ позахъ, или *эквилибристъ*. И то и другое принадлежитъ болѣе къ *гимнастикѣ*, чѣмъ къ области танцовальнаго искусства.

—

Человѣкъ, у котораго нѣтъ воображенія, нѣтъ логики въ головѣ, нѣтъ вкуса — никогда не сдѣлается хорошимъ хоре-

графомъ. Подъ словомъ хореграфъ надо разумѣть соединеніе въ одномъ лицѣ — живописца, скульптора и поэта.

—

Если компиляція, то-есть, безсмысленная сшивка на скорую руку аппрабованныхъ сценъ и эффектныхъ мѣстъ изъ разныхъ пьесъ, невыносима въ драмахъ, народныхъ и *передѣланныхъ съ англійскаго*, то она тѣмъ отвратительнѣе въ балетѣ. Въ драмѣ ее можно еще прикрыть кудрявыми фразами и хоть какой-нибудь связью, выражаемою словами; въ балетѣ — безъ помощи слова — она является передъ зрителями во всей своей нагольной нелѣпости. Въ драмѣ, здравый смыслъ можно иногда замѣнить софизмами,—балетъ весь держится на *смыслѣ*; выкиньте смыслъ — останутся одна закулисная рухлядь, истасканныя декораціи, заброшенные полеты, надоѣвшія тряпки и вѣчно-однообразныя, ничего невыражающія, пляски.

—

Новость, какую можно еще иногда встрѣтить въ нынѣшнихъ балетахъ, это—дебютантъ, дебютантка или какое-нибудь новое па, т. е. старая погудка на новый ладъ. Если васъ спросятъ: «что новаго въ новомъ балетѣ?»—Вы можете смѣло отвѣчать, даже не видавъ его: «па-ново—и только.»

—

Чтобы понять, какъ важно значеніе хорошаго балетмейстера, надо только вспомнить, что дѣйствующія лица балета ничто иное, какъ то, что Горацій очень остроумно называлъ: Nervis alienis mobile lignum! Они дѣйствуютъ нервами хореграфа.

—

Драма и критика.

Человѣкъ, который не можетъ вытерпѣть дѣльнаго замѣчанія критики или остроумнаго разсказа сценическаго явленія, похожъ на лисицу Крылова: онъ чувствуетъ —

Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

—

Критика не должна быть опасна для театра въ меркантильномъ отношеніи. На-противъ, она привлекаетъ въ театръ толпу, желающую провѣрить критику.

—

Драма есть *нравственное орудіе*, стало быть, и наказанія ея должны быть *нравственныя*, а не физическія. Выводя злодѣя, авторъ, не долженъ, въ концѣ пьесы, для изображенія *наказуемаго порока*, колесовать его или инымъ способомъ лишать живота. Такъ поступаетъ законъ съ преступниками, это видимая форма наказанія; но въ драмѣ судья — *совѣсть*, она казнитъ внутренно, а этотъ внутренній міръ — долженъ быть цѣлію драматурга. Конечно, легче велѣть человѣку отрубить голову, чѣмъ выразить чувства раскаянія, которыя казнятъ жесточе палача. Но что-же дѣлать: драматургъ долженъ быть живописцемъ чувства, или—не браться за перо.

Императоръ Іосифъ II, посмотрѣвъ драму Ифланда «*Преступникъ изъ тщеславія*», сказалъ очень справедливо: «я бы не такъ кротко обошелся съ героемъ драмы, какъ авторъ.» Ифландъ нашелъ замѣчаніе монарха вполнѣ справедливымъ и написалъ продолженіе своей драмы, подъ названіемъ «*Совѣсть*» (das Bewustseyn), въ которой герой наказанъ своимъ внутреннимъ судьею. — Вообще я полагаю, что мѣсто *честныхъ* и *благородныхъ* злодѣевъ, или такъ—называемыхъ драматическихъ тирановъ,—въ острогѣ, а не на сценѣ.

—

Неясность понятій о значеніи искусства не только даетъ возможность невѣжеству и глупости имѣть вліяніе на сцену, но даже иногда сбиваетъ съ толку людей очень умныхъ. Принцъ Конти написалъ цѣлую книгу противъ театра. Онъ говоритъ: «Предметъ позорищъ есть возбужденіе страстей, а законы — укрощеніе ихъ.» Онъ забылъ только эпитеты—возбужденіе страстей *возвышенныхъ*, и укрощеніе страстей *преступныхъ*. Еслибъ принцъ могъ предвидѣть нашу нынѣшнюю драму, онъ совсѣмъ не написалъ бы своей книги, потому-что *скука* и *зѣвота* не принадлежатъ вовсе къ страстямъ и законъ ихъ не преслѣдуетъ.

—

Гуго-Гроцій былъ ревностный защитникъ театра. Онъ говорилъ: «Въ представленіяхъ молодые люди читаютъ — одно, а старики—другое.» Спрашивается, тѣ-ли буквы употреблялись въ его время на сценѣ, какъ теперь? Нынѣ актрисы говорятъ съ молодежью глазами или глазками; а старикамъ понятна одна грамота ногъ — въ балетахъ.

Ѳ. К.

—

ЗАКУЛИСНЫЯ ТАЙНЫ.

Нѣкій начальникъ, человѣкъ положительный, какимъ слѣдуетъ быть важной особѣ, призываетъ къ себѣ своего подчиненнаго, молодаго человѣка, который только что издалъ книжку прекрасныхъ стихотвореній.

—Очень жаль, любезный другъ, что вы убиваете время на глупости.

Молодой человѣкъ приблизился на одинъ шагъ къ важной особѣ, готовясь выслушать назидательный совѣтъ.

—Да, очень, очень жаль! продолжалъ начальникъ. На-дняхъ, дошло до моего свѣденія, что вы напечатали свои стишки. Зачѣмъ убивать время на такія шалости: *на это есть сочинители.*

—

Страсть къ *ранжиру* и симметріи занимаетъ всю душу Андрея Петровича. Въ прошломъ году, онъ купилъ домъ, и поручивъ лучшему архитектору отдѣлать его со всевозможною роскошью, недавно пріѣхалъ осмотрѣть свое будущее мѣстопребываніе.

Войдя въ залу, Андрей Петровичь окинулъ ее быстрымъ взглядомъ и приказалъ—(онъ никогда не проситъ)—позвать архитектора.

—Помилуйте, любезнѣйшій; это ни на что не похоже! закричалъ Андрей Петровичъ, показывая пальцемъ на статуи, стоявшія въ залѣ.

—Извините, ваше превосходительство: статуи выписаны изъ Италіи, отвѣчалъ художникъ.

—Вижу, очень хорошо вижу! Но гдѣ же порядокъ: на одной сторонѣ четыре фигуры, на другой пять ..

—Это *музы*, ваше превосходительство: ихъ было девять.

—Прибавьте десятую!.. По-крайней-мѣрѣ будетъ симметрія.

—

Двое рядовыхъ шли въ лунную ночь по дорогѣ и разсуждали о разныхъ высокихъ предметахъ.

—Что это мѣсяцъ-то такой большой, да жолтый? спросилъ солдатъ, бывшій помоложе.

—Извѣстное дѣло,—новый мѣсяцъ, отъ того и большой.—Какъ пройдутъ четыре недѣли, опять народится такой-же: ужъ съ-поконъ вѣку заведенъ такой обычай.

—А старые-то мѣсяцы куда идутъ?

—Голова!.. на звѣзды крошатъ.

—

Дѣвушка вышла замужъ за вдовца и, черезъ нѣсколько дней, убѣжала отъ своего супруга. На вопросъ о причинѣ такого скораго развода, она отвѣчала: «Я слышала, что жена надворнаго совѣтника называется надворною совѣтницей, жена профессора—профессоршей: я вспомнила, что, выходя замужъ за вдовца, я сдѣлалась вдовою,—и оттого бросила мужа.»

—

На одномъ провинціальномъ театрѣ, раекъ вызывалъ Донъ-Жуана, въ то время, какъ онъ еще былъ на сценѣ, окруженный адскими духами. Остроумный Донъ-Жуанъ вырвался изъ когтей дьявола и закричалъ: «Пусти, пусти меня!.. Не тащи въ адъ: меня зоветъ рай!»

—

Одинъ чувствительный англичанинъ, образецъ родительской нѣжности, подарилъ о Рождествѣ своему двѣнадцатилѣтнему сынку елку, увѣшанную сигарами, кисетами съ табакомъ, огнивами

въ золотой оправѣ, хлыстиками, арапниками, и другими забавами, приличными дѣтскому возрасту англичанина.

—

Гретри, отдавая изъ своего кармана послѣдній франкъ нищему, сказалъ своему спутнику: «Когда я вижу нищаго, мнѣ все кажется, будто это фальшивая нота.»

—

Въ Пестѣ недавно родился маленькій Аргусъ съ тремя глазами. Такой человѣкъ будетъ хорошимъ критикомъ въ дѣлѣ изящнаго: онъ всегда можетъ *закрыть одинъ глазъ* и никто не посмѣетъ упрекнуть его въ пристрастіи.

—

Въ Вѣну пріѣхалъ изъ Венеціи первый мимикъ новѣйшаго времени, синьоръ Каротти, и изумляетъ тамошнихъ жителей своимъ искусствомъ. Этотъ удивительный артистъ берется, на примѣръ, изобразить мускулами лица цѣлую бурю: носъ его, двигаясь то вверхъ, то внизъ, изъ стороны въ сторону, представляетъ корабль, обуреваемый океаномъ; движеніемъ бровей представляетъ онъ волны, ртомъ—завываніе бурь и раскаты грома, глазами мечетъ молнія, и т. д. Вотъ еще успѣхъ новѣйшей хореграфіи!

—

7963. 7013

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
ТЕАТР. ДРАМЫ

ПРОГРАММА.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Пьесы, *игранныя на сценѣ*, трагедіи, драмы, комедіи, водевили.
2. Пьесы драматическія, не игранныя, но почему-либо особенно замѣчательныя.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА.

1. Біографіи артистовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, музыкантовъ, великихъ художниковъ и вообще людей, замѣчательныхъ въ области искусства, или имѣющихъ отношеніе къ театру.
2. Записки и мемуары, касающіеся до театра.
3. Драматическая библіографія.

III. ПОВѢСТИ и РОМАНЫ, русскіе и переводные.

IV. ЮМОРИСТИКА, могущая служить матеріаломъ для драматическихъ теорій.

V. СМѢСЬ:

1. Анекдоты и мелочи.
2. Театральные слухи и извѣстія.
3. Водевильные куплеты.

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. С. Петербургскіе театры: *русскій, оперный, французскій, нѣмецкій.*
2. Московскіе театры.
3. Провинціальные театры.
4. Концерты и свѣдѣнія обо всемъ замѣчательномъ въ области искусствъ.

VII. ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Музыка водевильныхъ куплетовъ.
2. Портреты артистовъ.

«Репертуаръ и Пантеонъ театровъ» выходитъ *аккуратно* 15-го числа каждаго мѣсяца.

Цѣна за годовое изданіе «Репертуара и Пантеона», съ приложеніями, состоящее изъ 12 книжекъ,—10 руб. сер.

Съ пересылкою въ города или на домъ, 11 руб. 50 коп. сер.

—

Подписка принимается:

Въ С. Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Аничкова дворца, въ домѣ Завѣтнаго.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на Тверской, въ домѣ Мятлева.

Въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго Почтамта.

—

Просятъ покорно всѣхъ, имѣющихъ дѣло до «Репертуара и Пантеона» обращаться къ Редактору, Ѳедору Алексѣевичу Кони, въ Вознесенскомъ переулкѣ, въ домѣ Штакельберга.